

ПУШКИНСКИЕ ЗАМЫСЛЫ

Н. Е. Мясоедова

ПУШКИНСКИЕ
ЗАМЫСЛЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. Е. Мясоедова

ПУШКИНСКИЕ
ЗАМЫСЛЫ

Опыт реконструкции

Санкт-Петербург
СпецЛит
2002

Эта книга создавалась десятилетие. Сначала в научной печати мною были опубликованы небольшие заметки, на научных конференциях сделаны доклады. Казалось, что этим можно было бы и ограничиться, но материал не отпускал от себя — он продолжал накапливаться, выводы становились все более парадоксальными. Я уже не принадлежала себе, я принадлежала книге, которую писала. Все, с кем сводила меня судьба во время этой работы, знают, что общение со мной требовало от них невероятного терпения, способности верить и понимать, что исследователь работает над темой даже тогда, когда едет в общественном транспорте.

Поэтому прежде всего эта книга посвящена моим родным — моему мужу и сыну, — которым я обязана тем, что научилась спрягать глагол «любить».

В равной степени эта книга посвящена моим друзьям, вселившим в меня уверенность в моих силах и одарившим меня роскошью своего общения. Я благодарна тем, кто предложил мне свою дружбу и сумел вынести на своих плечах ее бремя.

Особо хочу поблагодарить Раису Владимировну — мэтра пушкиноведения — за ее требовательность ко мне, за ее сверхъестественную терпимость и веру в торжество идеалов, которую она сохраняла даже в самых тяжелых обстоятельствах.

Я могу лишь надеяться, что спонсоры этой книги поверят, как глубоко мое уважение и признательность им, казалось бы столь удаленным от проблем науки, но столь к ним неравнодушным. Владимир Владимирович, Андрей Анатольевич и Александр Анатольевич, — низкий вам поклон за ваше стремление сделать мир лучше.

Искренне благодарю моих редакторов — людей, принимавших непосредственное участие в превращении рукописи в книгу, трудно найти лучшую команду для ее издания.

От автора

*Утверждено к печати Институтом русской литературы
Российской Академии наук (Пушкинский Дом)*

Рецензенты: Р. В. Иезуитова, А. А. Карпов, В. П. Старк

Научный редактор: Ю. М. Прозоров

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАПИСОК А. С. ПУШКИНА

(На материале «Первой» и «Второй» программ)

Интерес Пушкина к историческим запискам хорошо известен. В 1833 году в предисловии к автобиографии поэт писал: «Несколько раз принимался я за ежедневные записки и всегда отступался из лени. В 1821 году начал я свою биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь сии записки. Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства¹. Теперь некоторая торжественность их окружает и, вероятно, будет действовать на мой слог и образ мыслей. Зато буду осмотрительнее в своих показаниях, и если записки будут менее живы, то более достоверны» (XII, 310).

В этом фрагменте четко обозначен предмет нашей реконструкции — исторические записки, которые Пушкин намеревался писать в начале 1830-х годов. По своему материалу они восходили к запискам, сожженным им ранее, в Михайловском, но предполагались более точными в связи с тем, что в истории России свершились события, позволяющие иначе оценить (как в политическом, так и в художественном плане) тот исторический и дипломатический материал, к которому Пушкин оказался причастен в бытность свою в Кишиневе и Петербурге. Эти записки по уровню художественного обобщения могли бы стать вехой в развитии русской общественной мысли, но в силу определенных причин они остались только в сознании их автора, отразившись лишь некоторыми гранями в художественном наследии поэта. Поэтому реконструкция предполагаемых записок по двум сохранившимся программам является актуальной задачей для понимания личности поэта.

В. Г. Белинский отмечал, что «Пушкин принадлежит к вечно живущим и вечно движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы верно ни поняла бы она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна никогда не выскажет всего»². Подспудной доминантой

¹ В 20-х числах января 1826 г. Пушкин писал В. А. Жуковскому: «...мудрено мне требовать твоего заступления пред государем; не хочу охмелить тебя в этом пиру. Вероятно, правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел, — но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто же, кроме полиции и правительства, не знал о нем? О заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности» (XIII, 257).

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5. С. 555.

данного исследования является намерение прояснить дипломатические воззрения Пушкина. Хорошо известно, что карьера поэта началась в ведомстве Коллегии иностранных дел. В течение жизни Пушкин поддерживал дружеские отношения с иностранными дипломатами, на его похоронах присутствовал практически весь иностранный дипломатический корпус, аккредитованный в Петербурге. Но тема «Пушкин-дипломат», очевидно, в силу специфики профессии, имеющей дело с государственными тайнами, до сих пор не реализована даже в форме постановки вопроса. Между тем эта тема имеет право на существование: без ее учета личность поэта в значительной степени упрощается.

Методологическим обоснованием реконструкции текста является положение Б. С. Мейлаха, который писал, что «всякое художественное произведение, отражая жизнь, вместе с тем представляет собою реакцию автора на те или иные явления действительности и определяет его отношение к этим явлениям»³. Следовательно, если само произведение (или его план) выражает позицию автора по отношению к окружающей действительности, но смысл авторского повествования остается для исследователя неясным, то, очевидно, исследователь не полностью владеет знаниями о той конкретной исторической ситуации, которая подвела автора к творческому процессу. Определенную корректировку данного положения находим у А. П. Скафтымова, который отмечал, что «ход анализа и все заключения его должны имманентно вырастать из самого произведения»⁴.

Таким образом, реконструкция понимается нами не как восстановление самого текста, ибо невозможно написать за Пушкина его записки, а как реконструкция тех событий, которые могли находиться в поле зрения Пушкина и нашли свое отражение в его сознании, частично зафиксированном на бумаге.

Проиллюстрируем сказанное. В текстах Пушкина имя екатерининского фаворита (1777–1778 годов) Семена Гавриловича Зорича (1745–1799) встречается дважды. В «Пиковой даме» он упомянут в связи с проигрышем ему Чаплицким трехсот тысяч, в «Table-talk» сообщается о жизни «отставного» фаворита в полученном им от императрицы имении Шклове, близ Могилева: «Зорич был очень прост. Собираясь в чужие края, он не знал, как назвать себя, и непременно думал путешествовать под чужим именем, чтоб не беспокоить Европу. Он был влюблен в кн. Долгорукую, которая жила в Могилеве, где ее муж начальствовал дивизией. У Зорича был домашний театр, и княгиня играла в нем в опере *Annette et Lubin*. Зорич, не зная, как ее угостить, вздумал велеть палить из пушек, когда *Annette* взойдет хозяйкой в свою хижину. Когда она бросается на колени перед своим господином, то из-за кулис велено было выдвинуть ей бархатную подушку etc.» (XI, 164). В обеих записях ощущается прекрасная осведомленность Пушкина о жизни его персонажа, однако нигде не упоминаются обстоятельства, при которых Зорич стал фаворитом императ-

³ Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.: Л., 1962. С. 33.

⁴ Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении и теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы// Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1923. С. 58. Перепечатано: Кирай Д., Ковач А. Поэтика. Budapest, 1982. С. 161–173.

рицы. Почему? Вероятнее всего потому, что обстоятельства эти были хорошо известны и являлись предметом рассказа в светском обществе. Своеобразную версию подобного рассказа представил в своих записках А. М. Тургенев:

«В жизни нашей все зависит от стечения обстоятельств, от случая, который люди называли и доньше называют счастьем. В каком наряде оно щеголяет, этого, начиная с праотца Адама и по сей час, никто из смертных не видел и не будет знать, что такое счастье. Семен Гаврилович Зорич... служил в гусарском полку, серб породю, лихой всадник на коне и лихой рубака; сабля с детства была его забавою, потом верным другом. Семен Гаврилович разладил с полковником полка, в котором состоял на службе; приехал в град св. Петра хлопотать в военной коллегии о переводе его в другой полк. Проживая в Петербурге, Семен Гаврилович проигрался в трактире, что называется, дочиста. Не зная, что делать и будет ли он есть тот день, встретился на улице со знакомым, ехавшим в Царское Село. Знакомый пригласил его поехать с ним. Зорич согласился и тем охотнее, что знакомец сказал ему: „Мы там сытно отобедаем и хорошо выпьем у моего друга и приятеля гоф-фурьера двора ее величества“. Сие было в начале июня. Екатерина жила в Царском Селе. Приехали в Царское Село, хорошо у гоф-фурьера пообедали и еще лучше того выпили. Знакомец Зорича и угощавший их гоф-фурьер рассудили за благо соснуть; они много уговаривали и Зорича прилечь, но он не последовал их приглашению и пошел погулять в дворцовый сад. У Зорича и без вина было в голове туманно и тяжело. Он не долго гулял. Поставленная в саду не далеко от дворца в тени ветвистой липы скамья приманила Зорича присесть, отдохнуть и подумать в тиши о своем положении. У него гроша не было в кармане, а без гроша везде нехорошо, а во граде св. Петра просто камень на шею — да кидайся в Неву! Что в это время думал, что хотел предпринять Семен Гаврилович, он об этом во всю жизнь свою никому не сказал; но всем было тогда известно и по преданиям до нас дошло, что Семен Гаврилович, сидя на скамье, прислонясь к липе, заснул, и заснул так крепко, что ни проходящие в аллее, ни лай остановившейся пред ним собаки Семена Гавриловича не разбудили.

В это время проходила по аллее Екатерина одна, а сзади ее, в значительной отдаленности, следовал за ней камердинер Захар Константинович Зотов. Зорич, как пригожий мужчина и статного роста, обратил на себя внимание Екатерины. Государыня дала знак камердинеру приблизиться и приказала Зотову ожидать пробуждения прекрасного гусара, когда же он проснется, пригласить его к ней на ужин.

Представьте себе удивление метр д'отеля, у которого Зорич обедал, увидевшего Семена Гавриловича за ужином с Екатериною! Что скажете — случай или счастье!»⁵

Рассказ А. М. Тургенева чрезвычайно колоритен, он несет в себе специфику языка пушкинской эпохи. Возможно, в таком изложении или похожем слышал этот рассказ и Пушкин. Правда, это не означает, что именно так Пушкин его и записал бы. Однако данный рассказ может быть использован исследователем для реконструкции пушкинского замысла, для понимания пушкинской мысли,

⁵ Русская старина. 1897, январь. С. 175—176.

но, подчеркнем, отнюдь не для реконструкции пушкинского стиля, слога или поэтики мемуарной прозы⁶.

На наш взгляд, главенствующую роль в любой реконструкции играет не столько умение исследователя выстраивать научные или околону научные гипотезы, сколько профессионализм комментатора, который адекватно оценивает каждый элемент плана, акцентируя внимание на заключенную в нем мысль и на связь этой мысли с общим контекстом произведения.

Изложив вкратце теоретическое понимание проблемы, приступим к реконструкции пушкинских исторических записок, начав анализ с «Первой программы», в которой Пушкин основное внимание уделил своему детству и отрочеству.

«Первая программа» записок

Семья моего отца⁷ — его воспитание — французы-учителя. — [Мг.] Вонт <?> секретарь Мг. Martin. — Отец и дядя в гвардии⁸. Их литературные знакомства. — [Свадьба отца] Бабушка и ее <моя>⁹ мать¹⁰. — Их бедность. — Ив<ан> Абр<амович>¹¹. —

⁶ Л. В. Козмина занимает в данном вопросе несколько иную позицию. Исследовательница считает, что литературоведческая реконструкция — не восстановление текста, а «осмысление идеологии и поэтики утраченного произведения в контексте творчества данного писателя». Исследовательница подчеркивает, что «реконструкция всегда гипотетична», а «гипотеза должна объяснять наибольшую совокупность фактов наиболее логичным путем». (Козмина Л. В. Автобиографические записки А. С. Пушкина 1821—1825 гг. Проблемы реконструкции. М., 1999. С. 6, 11.) Такая позиция вызывает обоснованные возражения, например: как можно исследовать поэтику утраченного произведения, что в таком случае понимается под термином «поэтика»? Если заранее утверждать, что любая реконструкция гипотетична, то нужно ли заниматься реконструкцией произведения вообще? Где та грань, которая должна отделять пушкинский замысел от исследовательской интерпретации?

⁷ Дед Пушкина Лев Александрович (1723—1790), его вторая жена Ольга Васильевна (1737—1802), рожд. Чичерина, и их дети: Василий, Сергей, Анна и Елисавета.

⁸ Сергей Львович Пушкин (1767—1848) служил в л.-гв. Измайловском, а затем в л.-гв. Егерском полку; Василий Львович Пушкин (1766—1830) также служил в л.-гв. Измайловском полку.

⁹ У Пушкина ошибочно: «ее». Правильная конъектура предложена М. Гординым.

¹⁰ Мария Алексеевна Ганнибал (1745—1818), рожд. Пушкина, бабушка Пушкина по материнской линии, была замужем за Осипом Абрамовичем Ганнибалом (1744—1806), который, оставив ее, женился на У. Е. Толстой. Брак этот был признан, однако, незаконным, и Осип Абрамович не получил развода. М. А. Ганнибал жила со своей дочерью Надеждой Осиповной Ганнибал (1775—1836) в Липецке у своей матери, Сарры Юрьевны Пушкиной, рожд. Ржевской.

¹¹ Брат Осипа Абрамовича Ганнибала Иван Абрамович (1731—1801) — генерал-лейтенант, строитель Херсона. В разделе земель между братьями своими отвел Осипу Абрамовичу деревни и усадьбы в двух местах с тем, чтобы «одно было отдано ему, а другое невестке с дочерью на содержание, как единственной наследнице и всего имения». Ей отошла деревня Кобринно под Петербургом, Осипу Абрамовичу — земли с селом Михайловским. Этот раздел определил будущность Надежды Осиповны, ее петербургское, светское воспитание, знакомства и выбор жениха среди наиболее образованных гвардейских офицеров. Иван Абрамович устроил свадьбу Н. О. Ганнибал с С. Л. Пушкиным, которая состоялась 28 сентября 1796 г.

Анна Павловна — вдова, Князь Андрей — д. 1812 г. —
 Юлия — вдова, вдова — вдова — вдова — вдова —
 Анна Павловна — вдова, вдова — вдова — вдова —
 Анна Павловна — вдова, вдова — вдова — вдова —
 Анна Павловна — вдова, вдова — вдова — вдова —
 Анна Павловна — вдова, вдова — вдова — вдова —

1811

1812

Анна Павловна — вдова, Князь Андрей — д. 1812 г. —
 Юлия — вдова, вдова — вдова — вдова —
 Анна Павловна — вдова, вдова — вдова — вдова —
 Анна Павловна — вдова, вдова — вдова — вдова —

1814

Анна Павловна — вдова, Князь Андрей — д. 1812 г. —
 Юлия — вдова, вдова — вдова — вдова —
 Анна Павловна — вдова, вдова — вдова — вдова —
 Анна Павловна — вдова, вдова — вдова — вдова —

Анна Павловна — вдова, Князь Андрей — д. 1812 г. —
 Юлия — вдова, вдова — вдова — вдова —
 Анна Павловна — вдова, вдова — вдова — вдова —
 Анна Павловна — вдова, вдова — вдова — вдова —

1811.

Анна Павловна — вдова, Князь Андрей — д. 1812 г. —
 Юлия — вдова, вдова — вдова — вдова —
 Анна Павловна — вдова, вдова — вдова — вдова —
 Анна Павловна — вдова, вдова — вдова — вдова —

Свадьба отца. — Смерть Екатерины¹². — Рожд<ение> Ольги¹³. — От<ец> выходит в отставку¹⁴, едет в Москву. — Рожд<ение> мое¹⁵.

Первые впечатления. Юсупов сад¹⁶. — Землетрясение¹⁷. — Няня¹⁸. Отъезд матери в деревню. — Первые неприятности. — Гувернантки¹⁹. [Ранняя любовь]²⁰. — Рожд<ение> Льва²¹. — Мои неприятные воспоминания. — Смерть Николая²². — Монфор²³. Русло²⁴ — Кат. II и Ан. Ив. — Нестерпимое состояние. — Охота к чтению. Меня везут в П<етер>Б<ург>²⁵. Езуиты. Тургенев. Лицей.

1811

Дядя В<асилий> Л<ьвович>. — Дм<итриев>. Дашк<ов>. Блуд<ов>. — Война с Ш<аховским>. Ан. Ник. — Светская жизнь. — Лицей. Открытие. Малиновский. Го<с>ударь. Куницын, Аракчеев. — Начальники наши. — Мое положение. Философические мысли. — Мартинизм. — Мы прогоняем Пилец<кого>.

1812 г

1813

Государыня в С<арском> С<еле>²⁶. — Гр. Коч<убей>²⁷. — Смерть Малин<овско>го²⁸ — безначалие. — Чачков²⁹, Фролов³⁰ — 15 лет.

¹² Екатерина II умерла 6 ноября 1796 г.

¹³ Старшая сестра Пушкина Ольга Сергеевна родилась 20 декабря 1797 г. в Петербурге.

¹⁴ С. Л. Пушкин вышел в отставку из л.-гв. Егерского полка с чином коллежского асессора 16 сентября 1797 г. и переехал на жительство из Петербурга в Москву.

¹⁵ 26 мая 1799 г., в Москве, в церковной книге (церковь Богоявления на Елохове) была сделана следующая запись: «Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова, у жильца его майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр. Крещен июня 8-го дня. Восприемник граф Артемий Иванович Воронцов, кума — мать означенного Сергея Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина». В последнее время устоявшаяся версия о том, что Пушкин родился в доме Скворцова на Немецкой ул. (теперь д. № 10 по Бауманской ул.), взята под сомнение.

¹⁶ Сад в Москве около дома князя Н. Б. Юсупова в Б. Харитоньевском переулке (теперь д. № 22).

¹⁷ Землетрясение произошло в Москве 14 октября 1802 г.

¹⁸ Арина Родионовна Яковлева (1758—1828), крепостная М. А. Ганнибал, жила до 23 лет в с. Воскресенском в полуверсте от Суйды — главного поместья Абрама Петровича Ганнибала под Петербургом; год ее отъезда совпадает с годом смерти А. П. Ганнибала — 1781-й.

¹⁹ Англичанка мадам Бэли, бывшая гувернантка О. С. Пушкиной и учившая Пушкина английскому языку; была также гувернантка-немка, которая говорила обычно по-русски.

²⁰ В рукописи эти слова зачеркнуты. Может быть, Пушкин имел в виду девочку Софию Николаевну Сушкову (см. «Послание к Юдину»), с которой встречался на детских балах танцмейстера Йогеля.

²¹ Лев Сергеевич Пушкин родился в Москве 17 апреля 1805 г. (ум. в 1852 г.).

²² Брат Пушкина Николай (род. в 1801 г.) умер 30 июля 1807 г. в имении М. А. Ганнибал с. Захарове под Москвой.

²³ Монфор — граф, французский эмигрант, по свидетельству О. С. Павлицевой, «человек образованный, музыкант и живописец».

²⁴ Русло — француз-гувернер Пушкина и его сестры после Монфора.

²⁵ В Петербург в середине июля 1811 г. вез Пушкина его дядя Василий Львович, чтобы определить племянника в Лицей.

1814

[Экзамен. Галич. Державин — стихотворство — смерть]. Извес<тие> о вз<ятии> Парижа³¹. — Смерть Малиновск<ого>. Безначалие. — [Приезд Карамзина. — Первая любовь. — Жизнь Карамзина] Больница³². — Приезд матери³³. Приезд отца³⁴. Стихи etc. — Отношение к товар<ищам>. Мое тщеславие.

1815

[Экзамен³⁵. — Сти<хи>.]

*
* * *

При анализе данного текста обращает на себя внимание тот факт, что в столь личном повествовании упомянуты в непосредственной связи с биографией поэта две общественные организации: *иезуиты* и *мартинисты*.

Считается, что упоминание об иезуитах связано с намерениями родственников определить Пушкина в иезуитский коллегийум в Петербурге. Но думается, что дело в ином, в той общественной атмосфере, которая сформировалась тогда в северной столице. После французской революции наплыв эмигрантов в Россию достиг громадных размеров. Самые громкие фамилии вдруг замелькали в высшем обществе, привыкшем боготворить имена эти чуть не с колыбели. Эмигранты, в основном легитимисты, занимали важные места в государственной службе и пользовались общественным уважением. Вскоре к ним присоединились приехавшие отцы-иезуиты, и Александр I, взойдя на престол, получил их как бы в наследство.

На следующий день после похорон Павла I — это был 12-й день нового

²⁶ Императрица Елисавета Алексеевна, которая одиноко проживала в Царском Селе, покинутая Александром I.

²⁷ Графиня Наталья Викторовна Кочубей (1800—1855), дочь гр. В. П. Кочубея; в 1820 г. вышла замуж за барона Александра Григорьевича Строганова.

²⁸ Директор Лицея Василий Федорович Малиновский умер 23 марта 1814 г., и после него не был некоторое время назначен новый директор; с 1814 по 1816 г. временно исполнял обязанности директора профессор немецкой словесности Ф. М. Гауеншильд, не пользовавшийся популярностью; этот период в управлении Лицеом Пушкин и называет «безначалием».

²⁹ Чачков Василий Васильевич (1779—1842) — переводчик с немецкого языка; с 7 июня 1813 г. по 12 марта 1814 г. был надзирателем в Лицее.

³⁰ Фролов Степан Степанович (1765 — не ранее 1843) — надзиратель по учебной и нравственной части в Лицее.

³¹ Париж был взят союзными войсками 19 марта 1814 г.

³² Очевидно, речь идет о пребывании Пушкина в лицейском лазарете, во время простуды, 12—14 октября 1814 г.; в это время он читал посетившим его товарищам свое стихотворение «Пирующие студенты».

³³ Н. О. Пушкина переехала на жительство в Петербург в 1814 г. и впервые вместе с младшим сыном и дочерью посетила Пушкина 12 апреля 1814 г.

³⁴ С. Л. Пушкин возвратился в Петербург из Варшавы (где он служил) также в 1814 г. и впервые посетил Пушкина в Лицее 11 октября 1814 г.

³⁵ Лицейский экзамен 8 января 1815 г. при переходе с младшего курса на старший. В этот день Пушкин читал свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» в присутствии Г. Р. Державина.

царствования и день празднования Святой Пасхи³⁶, — в приемную императора явился ректор Петербургского иезуитского коллегиума Грубер³⁷. Он передал прошение, в котором сообщал, что ему известно о получении покойным императором папского бреве на восстановление иезуитского ордена в России, и настоятельно потребовал обнародования этого бреве. Кроме того, Грубер просил личной аудиенции и рекомендовал свой коллегиум в покровительство императору³⁸. Однако прошение Грубера осталось без ответа. Ему пришлось

³⁶ То есть 24 марта 1801 г.

³⁷ Грубер Гавриил (1740—1805), с 1802 г. генерал иезуитов. Родился в Вене, готовил себя к миссионерской деятельности в Китае, но по уничтожении ордена Папою Климентом XIV вместе с другими иезуитами прибыл в Белоруссию, где благодаря поддержке Екатерины II орден обосновался в Полоцке. При Павле I Грубер приехал в Петербург и вскоре завоевал доверие императора, добился свободного доступа к нему в любое время без доклада. Однако вскоре, осознав опасность предложенного иезуитами проекта объединения церквей, Павел I отказал Груберу в своем покровительстве.

³⁸ Грубер писал: «Государь! иезуитское общество, сохраненное в России благостию Вашей Августейшей Бабки, покойной Императрицы Екатерины Второй, всенижайше повергает свои поздравления с счастливым восшествием Вашего Величества на престол. Государь, благовесть, с какою Вы принимаете всех Ваших подданных, одобряет это самое общество просить Вашей милости, чтобы Ваше Императорское Величество благоволили сохранить его в Вашем Государстве и покровительствовать ему вашим сильным заступничеством пред Папою Пием VII, у которого блаженной памяти покойный император письменно просил утверждения и публичного и торжественного признания иезуитского общества. Существование иезуитов в Российской империи было признано законным двумя последними папами: Климентом XIV и Пием VI; первый признал его таковым в частном письме к покойной Императрице, а второй устно — епископу Бениславскому, которого Ваша Августейшая Бабка, покровительствовавшая иезуитам с нежностью матери пред лицом Европы, посылала к римскому двору для переговоров по этому делу.

Между тем чувствовалось, что признание только устное, а не публичное и торжественное, не могло доставить иезуитскому обществу тех выгод, которых оно бы в праве ожидать от него, потому что это признание совершенно неизвестно в других государствах, откуда множество ученых и членов этого общества желает прийти сюда и увеличить этим его силы. Вот причина, почему наше общество ходатайствовало пред покойным Императором, удастивавшим нас своей милости, по примеру Вашей Августейшей Бабки просить у ныне царствующего Папы Пия VII публичного и торжественного признания его. Послано было письмо, и со дня на день ожидается удовлетворительный ответ на него.

Позвольте, Государь, нашему обществу находить покровительство у Августейшего трона Вашего Величества. Удостойте его Вашим Императорским благоволением и Защитою. В своей признательности оно не перестанет благословлять и возносить к небу самые горячие молитвы о сохранении Государя, который, задолго прежде восшествия на трон, уже царствовал в сердцах всех своих подданных.

Вторая милость, которую осмеливаюсь просить у Вашего Величества, состоит в том, чтобы позволено было мне устно и лично Вам выразить чувство глубочайшего почтения и сообщить множество важных предметов, касающихся блага Вашей Империи.

Видя, Государь, что Вы все ваши минуты ознаменовываете новыми знаками благодеяний, клонящихся к счастью вашего народа, я надеюсь, что Ваше Величество не отринете услышать голос общества, ревнующего доказать своему Августейшему Государю, что нет у него подданных столь неизменно ему преданных и столь верных, как члены этого самого общества. Пребываю, Государь, с глубочайшим почтением, Вашего Императорского величества нижайший и покорнейший слуга и подданный Гавриил Грубер, ректор иезуитской коллегии» (*Морошкин М.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II-й и до нашего времени. СПб., 1870. Т. 2. С. 32—34).

поднять все свои связи в Петербурге и за границей и прибегнуть к личному ходатайству Папы Пия VII перед Александром I. Со стороны российского монарха последовали вежливые обещания решить по возможности данный вопрос положительно.

На деле же Александр I своими указами ограничивал иезуитов в их привилегиях: им было запрещено распространять свои заведения без Высочайшего разрешения далее Полоцка, было отказано в возвращении им Виленского университета. Подобные меры привели к ответным действиям Папы Пия VII, который отказался признать Павла I великим магистром мальтийского ордена. Это вызвало глубокое возмущение в душе российского императора, и он поставил публичное признание своего отца великим магистром мальтийского ордена непременным условием принятия русским правительством папского посланника. Пий VII вынужден был согласиться. Александр I, удостоверившись, что права его предшественника на мальтийский орден восстановлены, объявил папскому нунцию, что тот рассматривается российским правительством в качестве чрезвычайного посла, и, стало быть, его пребывание в России ограничивается четырьмя месяцами.

Груберу этого срока было вполне достаточно, он добился обнародования папского бреве, выдвигая в качестве главного обоснования исключительную способность ордена иезуитов к воспитанию юношества, обязательность преподавания на русском языке и терпимость ордена к православию. 8 сентября 1802 года Лопухин сообщил о положительном решении данного вопроса императором Александром со следующими оговорками: «...Его Императорское Величество надеется, что вы исполните обещания, данные вами от имени ордена. Сверх того Император приказал объявить, что в случае нарушения обещания, особенно если орден позволит себе обращать в католичество юношество, исповедующее другую веру, то такое нарушение условий строго будет наказано, и это будет поводом отказать во всяком покровительстве ордену, даже в терпимости его в России»³⁹. Никто не придавал какого-либо значения этому монаршему условию, отцы-иезуиты восприняли указ как официальное разрешение иезуитского ордена в России и, следовательно, как окончательную победу ордена.

А. Васильчиков отмечал, как неожиданно в петербургских гостиных появились «разные аббаты, Николи⁴⁰, Розавены, Гривели, Журданы. Пропаганда живо загорелась⁴¹, и вскоре прозелиты стали считаться десятками: Голицыны, Протасовы, Ростопчина, Головины, Куракина, Свечина и много других <...> перешли в латинство. На балах и раутах... прошептывали свои отречения и лепетали первую свою латинскую исповедь новоиспеченные овцы иезуитова стада.

³⁹ *Морошкин М. Иезуиты в России...* С. 98–99.

⁴⁰ Пансион аббата Николая находился на Фонтанке рядом с великолепным особняком князя Юсупова, высокая плата за обучение (1500 рублей) затрудняла вступление в пансион детей небогатых родителей. Среди воспитанников пансиона были дети Юсуповых, Голицыных, Орловых, Нарышкиных, Гагариных, Меншиковых, Плещеевых, Бенкендорфов, Волконских, Полторацких, Дмитриевых и принца Вюртембергского. (*Морошкин М. Иезуиты в России...* С. 114–115.)

⁴¹ В 1803 г. в Петербурге был открыт новый иезуитский пансион, в котором обучались дети Ростопчиных, Толстых, Кутузовых, Вяземских, Строгановых, Новосильцевых, Пушкиных, Одоевских, Рюминых, Каменских и др. (Там же. С. 127.)

Это было ново, заманчиво, романтично и резко отличалось от бесхитростных приемов родной веры. Одним из самых ревностных апостолов этой латинской пропаганды в Петербурге был граф Иосиф де Местр⁴².

Судя по письмам Жозефа де Местра⁴³, в России оказались тогда 400 иезуитских проповедников. Над ними осуществлялось централизованное руководство, у которого были практические цели (как близкие, так и отдаленные). Осознав, что возвращение Виленского университета невозможно, иезуиты стали бороться за присвоение одному из их колледжей статуса университета, что позволило бы вывести колледж и все ему подведомственные учебные заведения из-под надзора общих государственных учреждений. Положительное решение этого вопроса приближало и более отдаленную цель — свободную пропаганду иезуитского учения в России. Для достижения этой цели иезуиты всячески подчеркивали, что их орден способствует стабилизации общества: «Европейская революция, которую также называют Французской, была бы невозможна без предварительного уничтожения и изгнания иезуитов, если бы иезуиты существовали прежде реформации, то никогда протестантизм не мог бы утвердиться, и если бы они не появились, то реформа сделалась бы всемирной»⁴⁴.

Жозеф де Местр, подключившись к борьбе за присвоение иезуитскому колледжу статуса университета, стал частым посетителем приемной министра народного просвещения графа П. В. Завадовского⁴⁵, получившего образование в иезуитском колледже в Европе. После смены министра, которая произошла 10 апреля 1810 года, Жозеф де Местр быстро вошел в доверие к его преемнику — графу А. К. Разумовскому⁴⁶, также испытывавшему глубокую симпатию к иезуитам⁴⁷. Между ними вскоре завязалась оживленная переписка. Первое

⁴² Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1800. Т. 2. С. 67—68.

⁴³ Жозеф де Местр (Maistre) (1754—1821), граф, — французский писатель и политический деятель реакционно-клерикального направления. С 1802 г. по 1817 г. де Местр жил в Петербурге в качестве посланника Сардинского экс-короля и без предъявления верительных грамот, при этом пользовался благосклонностью императора и уважением светского общества. Интригующие недомолвки Местра и его холодная ирония привлекали к нему людей. Но его учение было неоднозначно: Местр не допускал принципиального разрыва между верой и знанием, он говорил о предстоящем синтезе религии, философии и точной науки. В поисках рационального объяснения гибели невинных людей и народов Местр пришел к выводу об органической солидарности всех живых существ, которая позволяет страданию одних служить искупительной жертвой за грехи других, что привело его к оправданию всех бесчеловечных форм уголовной репрессии. Смертная казнь представлялась ему благочестивым подражанием божественному правосудию. В связи с этим Местр оправдывал и превозносил идею войны как непреложного и благостного закона природы, как оздоравливающей стихии трагической красоты, как божественного промысла (Господу воинствовать). Местр допускал введение либеральной конституции, добровольно даруемой монархом и охраняющей неприкосновенно все священные прерогативы единодержавия.

⁴⁴ Попов А. Н. Граф де Местр и иезуиты в России. Эпизод из посмертного сочинения А. Н. Попова об истории двенадцатого года // Русский архив. 1892. Кн. 2. С. 174. Оригиналы писем см.: Correspondance diplomatique de comte de Maistre. Paris, 1860. V. I. P. 68 и след.

⁴⁵ Завадовский Петр Васильевич (1739—1812), граф, фаворит Екатерины II в 1775—1777 гг., с 1802 г. — министр народного просвещения, с 1810 г. — председатель департамента законов во вновь учрежденном Государственном совете.

⁴⁶ Разумовский Алексей Кириллович (1748—1822), граф, подробнее о нем см. в главе «Опыт реконструкции несобранного эпиграмматического цикла».

⁴⁷ И. И. Дмитриев отмечал, что А. К. Разумовский до такой степени связал свою карье-

письмо де Местра было посвящено обоснованию положения о необходимости соединения знания с религией. Второе письмо касалось различных систем воспитания в предшествующие столетия и содержало резкую критику современного воспитания в России. Третье было направлено против системы образования в только что учрежденном Царскосельском Лицее. Четвертое письмо расхваливало достоинства иезуитского ордена. В пятом де Местр предупреждал об опасности для самодержавия некой «великой секты», существовавшей тогда в Европе и России.

Фрагменты этой переписки А. К. Разумовский представил для прочтения Александру I, прибавив, что де Местр работает над более обширной запиской о России. Когда император выразил желание ознакомиться и с запиской, граф Разумовский заметил ему: «Государь, он писал ее только для меня и по моей просьбе и боится дать повод думать, что он вмешивается не в свои дела». «Ему нечего бояться, — отвечал император, — мне известен его хороший образ мыслей и что он нам предан»⁴⁸.

Под запиской подразумевалась брошюра «Четыре главы о России», в которой каждая глава была посвящена рассмотрению определенного социального аспекта (1. Свобода. 2. Наука. 3. Религия. 4. Иллюминизм)⁴⁹. Де Местр закончил работу над запиской 16 декабря 1811 года, и в январе 1812 года она была представлена Александру I. По своему содержанию брошюра была реакционной. В ней доказывалось, что русские люди не способны к науке и, более того, не нуждаются в ней, что управлять просвещенным обществом значительно труднее, так как оно имеет склонность к революционным преобразованиям и т. п. Особое значение придавалось четвертой главе, где рассматривалась «великая секта» *иллюминатов*⁵⁰ и *мартинистов*⁵¹, которая, по мнению автора,

ру с иезуитским делом, что «не постыдился тотчас оставить свой министерский пост и выйти в отставку, как скоро получил весть об изгнании иезуитов из России» (Взгляд на мою жизнь, записки действительного статского советника И. И. Дмитриева. М., 1866. Ч. 3, кн. VII. С. 293 (примеч. 18)).

Изгнание иезуитов последовало после именного указа, данного Сенату 20 декабря 1815 г. «О высылке всех иезуитского ордена монахов из Санкт-Петербурга, о воспрещении им въезда в обе столицы и о приведении католической церкви в Санкт-Петербурге в то положение, в каком она до 1800 года пребывала». В этот же день последовал указ графу Разумовскому о закрытии в Санкт-Петербурге иезуитского училища. (Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. XXXIII. № 26.032. С. 408—409; № 26.034. С. 410.)

⁴⁸ *Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre. 1811—1817. Paris. 1860. V. 1. P. 42—49; Понов А. Н. Граф де Местр и иезуиты в России. С. 173.*

⁴⁹ *Joseph de Maistre. Quatre chapitres inédits sur la Russie. Paris. 1859.* Оценивая отношение России к Западной Европе, автор подспудно проводит в книге мысль, высказанную им еще в 1803 г.: *Nec tecum possum vivere, nec sine te* («с тобою жить не могу и без тебя мне жить нельзя»).

⁵⁰ *Богкарева В. Н. Русское общество Екатерининской эпохи и французская революция// Отечественная война и русское общество 1812—1912. М., 1912. Т. 1. С. 62.*

Под названием *иллюминатов* существовало несколько обществ, в данном случае подразумевается тайное общество, основанное в мае 1776 г. Адамом Вейсгауптом, который сам называл его орденом совершенства (*Perfektibilisten*). Этот союз должен был бороться с суевериями и невежеством, распространяя просвещение и нравственность. Конечная цель его — замена положительного христианства деизмом, равно как и замена монархического

была приближена к верховной власти и подрывала основы этой власти средствами самого самодержавия. Эта глава подразумевала конкретного человека — государственного секретаря М. М. Сперанского, о коем в 1809 году де Местр докладывал Сардинскому королю следующее:

«Этот государственный секретарь, господин Сперанский — одно из случайных явлений, возможное только в этой стране. Он попович, то есть самого низкого происхождения. Он умен, с головою, с познаниями <...> я заметил, что он последователь Канта. В доме обер-гофмаршала и особенно перед его женой⁵² он превозносит воспитание иезуитов; но в кабинете Государя, я уверен, вместе со многими знающими положение дел, он следует предписаниям *великой секты*, стремящейся к уничтожению всякой верховной власти»⁵³.

Год спустя, сообщая о готовящемся преобразовании Сената, де Местр дает уже более развернутую характеристику личности государственного секретаря: «Что такое Сперанский? Это великий вопрос <...> Из всех его служебных действий видно, что он проникнут новыми идеями и особенно сочувствует конституционным установлениям. <...> Один из важных сановников в откровенном разговоре сказал мне: “В последние два года я не узнаю Императора, до такой степени он сделался философом!” Это слово меня поразило. Не может быть никакого сомнения в том, что существует великая и страшная секта, которая издавна стремится ниспровергнуть все престолы, и для этой цели с адской ловкостью она заставляет служить ей самих государей. Вот путь, по которому не-

правления республиканским, — сообщалась только немногим посвященным. Для достижения этой цели считалось неизбежным безусловное подчинение отдельных лиц воле и предписаниям главы. Поэтому Вейсгаупт заимствовал организацию у иезуитского ордена. В 1780 г., когда в орден вступил Книгге, он сблизил иллюминатов с франкмасонами. В лучшие свои годы союз насчитывал около 2000 членов, значительное число которых принадлежало к знатым и влиятельным кругам общества. Орден распадался на три класса со многими подразделениями. К первому классу принадлежали *новисы*, *минервалы* и *малье иллюминаты*; ко второму — франкмасоны и шотландское масонство; третий класс, или класс мистерий, заключал в малых мистериях степени священника и регента и в великих мистериях — мага и короля. В 1784 г. Вейсгаупт разошелся с Книгге, и тогда-то обнаружилась истинная тенденция и организация ордена. Курфюрст Карл Теодор Баварский запретил все тайные общества; в 1785 г. были приняты решительные меры против иллюминатов и франкмасонов. Вейсгаупт был лишен должности и бежал.

⁵¹ Мартинисты — мистическая секта, основанная в XVIII в. Мартинесом Паскалисом, члены ее считали себя визионерами, т. е. способными иметь сверхъестественные видения. Сильный толчок развитию мистического учения дал Сен-Мартен (1743—1803), сочинения которого «Des Erreurs et de la Vérité» стало евангелием для наиболее интеллектуальной части русского масонства (Новикова, Шварца и др.), русский перевод издан в Москве в 1785 г. Однако название «мартинисты» произошло не от фамилии Сен-Мартен, а от имени его учителя Мартинеса Паскалиса, хотя последний в России был едва известен. Писания Сен-Мартена представляют собой попытку перевести кабалу и гнозис на язык материализма XVIII в. Он старался придать мистическому откровению «физическую очевидность» и, не достигая, конечно, этой цели, он делал нечто, казавшееся понятным людям, начитанным в «философской» литературе того времени.

⁵² Графа Николая Александровича Толстого, семья которого находилась в близких отношениях с орденом иезуитов. Начальник иезуитов в Риме писал иезуитскому генералу, что «графиня Толстая принята будет иезуитами, по приезде ее в Рим, со всевозможным уважением» (Морошкин М. Иезуиты в России... С. 297).

⁵³ Попов А. Н. Граф де Местр и иезуиты в России. С. 161—162.

изменно и с успехом она следовала. Христианство в Европе неразрывно соединено с верховной властью; пока не разлучат их между собою, успеха быть не может. Мы не можем прямо восстать против верховной власти, которая нас может повесить; поэтому начнем с религии и заставим ее презирать. Но и это представляется невозможным до тех пор, пока религию защищает богатое и влиятельное духовенство; прежде всего нужно его обеднить и унижить. Духовенство неустанно проповедует божественное происхождение верховной власти, безусловную покорность, неприкосновенность государей и пр., оно естественный союзник деспотизма. Как заподозрить его в глазах светской власти? Надо представить его врагом ее и для этого при всяком случае вспоминать старую борьбу пап с государями... <...> Это учение разрушило уже первую монархию мира. Если бы она одна пала! Но теперь только мы узнаем, что такое Франция: ее не знали, пока она находилась под властью законных государей: их недостатки даже обращались в пользу мира <...> Я уверяю вас, что моим глазам представляется здесь то же самое, что мы уже видели, т. е. тайная сила, которая подрывает верховную власть и пользуется для этой цели ею самой, как орудием. Устроена ли эта секта и составляет в полном смысле общество, которое имеет своих вождей и свои законы, или она заключается в естественном согласии множества людей, стремящихся к одной и той же цели, это для меня еще вопрос; но ее действия не подлежат никакому сомнению, хотя деятели и не вполне известны. Способность этой секты очаровывать правительства представляет собою одно из ужаснейших и чрезвычайных явлений, какие только видел мир»⁵⁴.

Итак, Жозеф де Местр выступил не только против мартинистов, как тайного общества, способного составить конкуренцию иезуитам, но и непосредственно против государственного секретаря М. М. Сперанского и проводимых им реформ. Эта критическая оценка нашла сочувствие у Александра I. Встретившись через несколько дней с де Местром, император сказал ему: «Вы дали мне возможность прочесть сочинение, которое доставило мне большое удовольствие». Свое благоволение Александр I подкрепил и практическими действиями: 9 февраля 1812 года иезуитская Полоцкая коллегия была возведена в ранг академии с правами, присвоенными университетам и с совершенной от них независимостью.

По стечению обстоятельств (случайному ли?) записка де Местра оказалась в руках императора почти одновременно с «Запиской о мартинистах», составленной Ф. В. Ростопчиным⁵⁵ по просьбе великой княгини Екатерины Пав-

⁵⁴ Попов А. Н. Граф де Местр и иезуиты в России. С. 162.

⁵⁵ Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826), граф, — писатель, государственный деятель. При сближении Александра I с Наполеоном он писал небольшие комедии, в которых колко осмеивал слепое преклонение перед иноземной культурой. В конце 1809 г. во время своего пребывания в Москве Александр I познакомился с Ростопчиным и составил о нем благоприятное мнение, вслед за которым последовало приглашение посетить Петербург. В феврале 1810 г. Ростопчин воспользовался этим приглашением и был назначен обер-камергером, но с дозволением оставаться в Москве. В 1812 г. Ростопчин был назначен главнокомандующим Москвы. С его именем связывают пожар во время сдачи ее французам, но сам Ростопчин свою причастность к московскому пожару отрицал. В письме к Александру I от 13 сентября 1812 г., сообщая о том, что Кутузов без ведома губернатора Ланского отпра-

ловны⁵⁶. (Именно ее ставят во главе родовой дворянской оппозиции, способствовавшей падению Сперанского.) Неприязнь Екатерины Павловны к Сперанскому легко объяснима. По свидетельству современников, она была женщиной с необыкновенным умом и решительным характером. Горячо обожаемая своим братом, царствующим монархом, она оказывала на него большое влияние. Приближение Александром I к себе Сперанского в значительной степени ска-

вил 29 августа 1812 г. продовольственные припасы из Калуги во Владимир, Ростопчин пришел к выводу, «что князь Кутузов уже тогда порешил оставить Москву», и ужасается: «Я в отчаянии от его изменнического образа действий в отношении ко мне: потому что, не имея возможности сохранить город, я бы его сжег, чтобы отнять у Наполеона славу завладения им, ограбления и потом предания пламени. Я бы показал французам, с каким народом имеют они дело». В октябре 1812 г. Ростопчин вновь сообщал Александру I, что до 30 августа Кутузов писал ему, что за Москву будут драться. «То же, — пишет Ростопчин, — повторил он мне 1-го сентября, когда я поехал повидаться с ним, да еще прибавил: буду драться в самых улицах. Я оставил его в час, а в восемь часов вечера он прислал мне свое знаменитое письмо о провожатых. Скажи он мне два дня раньше, что он оставит Москву, я бы выпроводил жителей и зажег ее. Оттого-то я и оставил всю движимость в обоих моих домах, получив тем право сказать, что моя жертва больше, чем других. Москва погубит Бонапарта, но занятие ее есть пятно, а тогда было бы чем хвалиться» (Письма графа Ф. В. Ростопчина к императору Александру Павловичу// Русский архив. М., 1892. Кн. 2. С. 538, 551). 28 апреля 1814 г. Ростопчин писал С. Р. Воронцову в Лондон: «От бедствий 1812 г. и от страшных занятий по возвращении в Москву совершенно расстроились у меня нервы... Страшное дело — Бородинское поле. На нем зарыто и сожжено 67 тыс. людских и 36 тыс. конских тел, и это на пространстве 15 верст в ширину и 10 в длину. В подтверждение у меня еще хранится записка лиц, которым я поручал этим распорядиться и которые работали до марта месяца. Мне платят неблагодарностью; потому что Кутузов, покинув город ночью, распустил слух, что я тому причиною, так как будто я обещал ему 300 тыс. человек ратников; между тем он не вводил в дело и тех 119 тыс. ополченцев, которых я ему поставил из окрестностей Москвы и которые могли присоединиться к армии еще до Бородинского сражения. Бонапарт, сваливая вину на чужую голову, провозгласил меня зажигателем, и многие русские этому верят! А я лишился во всей этой истории почти миллионного имущества: ибо Вороново со всеми заведениями сгорело; дача моя <в Сокольниках. — Н. М.>, стоившая мне 150 тыс. рублей, сожжена по именному приказу Бонапарта; моя библиотека, картины, эстампы, физические инструменты, все разграблено и перебито. Говорю вам это как другу, потому, что не разглашаю и даже не думаю о том» (Ростопчинские письма// Русский архив 1887. Кн. 2. С. 185). То же Ростопчин писал в своей брошюре «Правда о Московском пожаре». Несмотря на невиновность Ростопчина в московском пожаре, он 30 августа 1814 г. был уволен со службы и большую часть времени жил в Париже. Только в 1823 г. Ростопчин окончательно переселился в Москву.

⁵⁶ Екатерина Павловна (1788—1819), четвертая дочь императора Павла I от брака с Марией Федоровной, любимая сестра Александра I. На Эрфуртском свидании Талейран сделал предложение Александру I о браке Наполеона с Екатериной Павловной. Предложение было отклонено главным образом по настоянию самой Екатерины Павловны. В 1809 г. она вступила в брак с принцем Георгием Ольденбургским (в то время губернатором Новгородским, Ярославским и Тверским) и поселилась с ним в Твери. В 1812 г. она поддерживала мысль о созыве народного ополчения и из своих удельных крестьян сформировала «егерский великой княгини Екатерины Павловны батальон», участвовавший почти во всех главных сражениях наполеоновской эпохи. 15 декабря 1812 г. Екатерина Павловна овдовела. В 1813—1815 гг. она сопровождала императора Александра в военных походах и на дипломатических конференциях, содействовала браку своей сестры Анны Павловны с принцем Оранским, впоследствии королем Нидерландским. 12 января 1816 г. Екатерина Павловна вышла замуж за наследного принца Вюртембергского Вильгельма, в том же году вступившего на престол.

залось бы на характере ее отношений с братом. Сама Екатерина Павловна не раз говорила: «Мой брат человек слабовольный и слабохарактерный; кому удастся подчинить его своему влиянию, тот им и руководит. Сперанский разоряет государство и ведет его к гибели, словом сказать, он преступник, а брат мой несколько этого не подозревает»⁵⁷. В этом, по-видимому, следует искать исходную причину неприязни, которая беспрестанно поддерживалась и оживлялась мелкими происшествиями⁵⁸, искусно организованными ее приближенными⁵⁹.

Екатерина Павловна по-своему любила русский народ⁶⁰ и заботилась о его процветании. Ближайшими ее сотрудниками в Твери, пользовавшимися ее особым расположением, были Н. М. Карамзин, который изложил свое мнение о Сперанском и его преобразованиях в записке «О древней и новой России»⁶¹, и Ф. В. Ростопчин — автор «Записки о мартинистах».

Ф. В. Ростопчин после кончины императрицы Екатерины II разбирал бумаги в ее кабинете и с некоторых бумаг снял для себя копии. По своему высокому положению при Павле I он также мог знать многое⁶². Отмечая в своей записке, что «трудно в точности определить время появления секты мартинистов в России, как и назвать ее начинателей», так как «большая часть членов Массонских лож посвящались в эти новые таинства», основателями секты он назвал Шварца и Н. Новикова⁶³.

«Разоблачение вредных замыслов иллюминатов, — писал далее Ростопчин, — процесс предводителя их Вейсгаупта, их сношения и связи с некоторыми из вождей Французской революции, ставшей страшилищем для государей, заставили императрицу Екатерину принять меры против общества мартинистов в ее владениях. Московский генерал-губернатор князь Прозоровский⁶⁴ получил приказание учредить надзор за поведением и перепискою членов новой ложи и, в случае надобности, открыто действовать против них. К нему поступали раз-

⁵⁷ Деятели и участники в падении Сперанского. Неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» бар. М. А. Корфа (Из бумаг академика А. Ф. Бычкова)// Русская старина. 1902, март. С. 474.

⁵⁸ Например, отказом Сперанского исходатайствовать чин коллежского ассесора (т. е. фактически ввести в потомственное российское дворянство) некоего Бушмана — секретаря и библиотекаря принца Ольденбургского, вывезенного им из Лейпцига.

⁵⁹ Ростопчин, об отказе Сперанского, с возмущением говорил: «Как смеет этот дрянной попович отказывать сестре своего государя, когда должен бы почитать за милость одно уже то, что она обратилась к его посредству» (Цит. по: Деятели и участники в падении Сперанского. Неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» бар. М. А. Корфа. С. 474).

⁶⁰ В письме к инженер-генералу Ф. П. Девалону она писала из Праги 20 октября/ 1 ноября 1814 г.: «Никто <...> не ревнивее меня к славе нашего народа, чем более я вижу других народов, тем более убеждаюсь я, что он между ними первый» (Русский архив. 1870. М., 1871. Стлб. 1998).

⁶¹ Рассмотрение данного вопроса не входит в задачу этой работы.

⁶² Богкарева В. Н. Русское общество Екатерининской эпохи и французская революция// Отечественная война и русское общество 1812—1912. М., 1912. Т. 1. С. 62.

⁶³ В этом Ростопчин не ошибся, см.: *Логинов М. Н.* Новиков и Московские мартинисты. М., 1867.

⁶⁴ Прозоровский Александр Александрович (1732—1809)— генерал-фельдмаршал, в 1790 г. назначен главнокомандующим в Москве и сенатором, в 1796 г. император Павел вверил ему начальство над Смоленской дивизией и уже на следующий год отстранил от службы и сослал в деревню.

ные доносы, из которых наиболее важный был от князя Гавриила Гагарина, в то время тайного советника и обер-прокурора при Московском Сенате. Этот человек был гроссмейстером главной Массонской ложи в Москве и решил пристать к мартинистам; но, узнав, что им грозит гонение, счел за лучшее избавиться от всякой ответственности и выслужиться посредством разоблачения вверенных ему тайн. Он сделался предателем единственно из страха, ибо был одним из тех, которые выражали наиболее преданности великому князю Павлу Петровичу и позволяли себе осуждать правление Екатерины...»⁶⁵

Арест Новикова 22 апреля, по мнению Ростопчина, был произведен вслед за тем, как Густав III погиб от руки убийцы и получено было известие, будто бы какой-то француз Басевиль едет в Россию с умыслом на жизнь государыни⁶⁶. Так при Екатерине мартинисты были поставлены под надзор полиции. При восшествии на престол Павла I они попытались выставить дело так, будто страдали за судьбу великого князя и пребывали в фаворе до тех пор, пока сам Ростопчин не посвятил Павла I в реальные обстоятельства дела.

По восшествии на престол императора Александра мартинисты возобновили свою деятельность лишь в 1806 году: «...Мартинисты, — писал Ростопчин, — стали распространять дурные вести, рассылать по почте мистическую книгу под заглавием "Тоска об отчизне" и забылись до того, что возбудили мысль о необходимости изменить образ правления и о праве нации избрать себе нового государя. <...> Действуя постоянно одним и тем же путем, мартинисты возвысили и умножили свою секту присоединением значительных лиц, которым доставили важные должности; к числу их принадлежат в Петербурге: *гр. Разумовский*,

⁶⁵ Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерине Павловне // Русский архив. М., 1875. № 9. С. 76.

⁶⁶ «Пока князь Прозоровский старался обнаружить замыслы мартинистов и добыть против них верные улики, было перехвачено письмо от Баварских Иллюминатов к Новикову, написанное мистическим слогом и на ясное толкование которого невозможно было его склонить. Г-н Олсуфьев, советник Московской Уголовной палаты, был послан в деревню Новикова (где он жил) с приказанием арестовать его и взять все его бумаги. Застигнутый посреди ночи, за какой-то перепиской, Новиков безропотно покорился объявленным ему распоряжениям, испрашивая, как милости, дозволения проститься с некоторыми молодыми людьми, его учениками. Они были допущены и явили несомненные знаки глубокого отчаяния. Новиков сказал им прощальное слово, в котором советовал им вести себя благоразумно, слепо повиноваться высочайшей власти и помнить его деяния; потом благословил их и был отвезен в Москву. С ним вместе взяты были все его бумаги и захвачен его домашний врач, родом немец, близкий его друг, посвященный во все таинства секты; сей последний, на другой день по приезде в Москву, при слабости надзора, перерезал себе горло. Между бумагами нашли список членов общества Мартинистов. Новиков был перевезен в Петербург. Сначала его посадили в крепость, где он оставался несколько недель; но князь Прозоровский, по изветам некоторых отступников от общества, донес, что за бывшим у них ужином 30 человек бросали жребий, кому из них зарезать императрицу Екатерину, и что жребий пал на Лопухина. По этому поводу допросили Новикова, который ни в чем не сознался и был отправлен в Шлиссельбург для заключения в тюрьму. <...> Императрица хранила у себя некоторые важные бумаги по делу о Мартинистах, в том числе поименные их списки, письмо Мюнхенских Иллюминатов к Новикову, допросы главных членов общества, показания и повинные некоторых из лиц, метавших между собою жребий, кому постигнуть на ее жизнь. Все эти бумаги заключались в белой картонке, которая находилась в ее рабочем кабинете, в Петербурге, с надписью: дела о Мартинистах» (*Ростопчин*. Записка о мартинистах... С. 76—77).

Мордвинов, Карнеев, Алексеев, Донауров; в Москве: Лопухин, Ключарев, Кутузов, Руниг, князь Козловский и Поздеев⁶⁷. Они все более или менее преданы Сперанскому, который, не придерживаясь в душе никакой секты, а может быть, и никакой религии, пользуется их услугами для направления дел и держит их в зависимости от себя. <...> Кроме выше поименованных, секта имела еще, и доселе имеет, в среде своей множество людей хитрого ума, о которых публика не знает, которые встречаются во всех сословиях и заняты единственно распространением своих начал. <...> Судя по разоблаченной тайне баварских иллюминатов и по всему, происходившему в Москве, они поставили себе целью произвести революцию, чтоб играть в ней видную роль, подобно негодьям, которые погубили Францию и заплатились собственной жизнью за возбужденные ими смуты. <...> Я,— продолжал Ростопчин,— не знаю, какие сношения они могут иметь с другими странами; но я уверен, что Наполеон, который все направляет к достижению своих целей, покровительствует им и когда-нибудь найдет сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколько опасном. Тогда увидят, но слишком поздно, что замыслы их не химера, а действительность; что они намерены быть не что иное, как потаенный враг правительств и государей»⁶⁸.

Великая княгиня Екатерина Павловна не преминула сообщить о содержании записки Александру I, на что тот 18 декабря 1811 года ответил: «De grâces, jamais par la poste, si quoi d'important dans vos lettres, surtout pas un mot sur les martinistes!»⁶⁹ («Ради бога никогда по почте, если что-либо важное в ваших письмах, особенно ни одного слова о *мартинистах*»).

Несмотря на строгую конфиденциальность, слухи о записке Ф. В. Ростопчина распространились в обществе. Вскоре среди низших чиновников появилось письмо от его имени, в котором государственный секретарь М. Сперанский изображался «изменником, продавшим Россию Наполеону». Письмо оканчивалось угрозой, что если требования письма останутся неисполненными и «этот предатель» не будет сменен, то «сыны отечества необходимость себе поставят двинуться в столицу и наступательно требовать как открытия сего злодейства, так и перемены правления»⁷⁰. Ростопчин решительно отвергал приписываемое ему авторство. Однако в последующей переписке с Александром I Ростопчин продолжал с яростью ниспровергать мартинистов⁷¹ и требовать ужесточения участи ссыльного Сперанского⁷².

⁶⁷ Далее в этой работе курсив в цитатах мой.— Н. М.

⁶⁸ Записка о мартинистах... С. 79, 81; Русская старина. 1899. № 2. С. 297—298.

⁶⁹ Великий князь Николай Михайлович. Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 60.

⁷⁰ Корф М. Жизнь графа М. М. Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 10.

⁷¹ Ср. в письмах: 1) 7 июня 1812 г.: «Здесь два проповедника иллюминатов: типографщик по имени Семен и книгопродавец Аллар. Я приставил к ним очень искусного человека, который выследит Мартинистов, игроков и всех главных негодяев»; 2) 30 июня 1812 г.: «Образ действий господина Ключарева во время розысков на почте, его беседа с преступником с глазу на глаз, данное ему обещание покровительствовать и пр., все это должно убедить вас, Государь, что мартинисты суть скрытые враги ваши и что вам препятствовали обратить на них внимание. Дай Бог, чтобы здесь не произошло движение в народе: но я наперед говорю, что лицемеры мартинисты обличатся и заявят себя злодеями. Они играют

Таким образом, удар Ростопчина, направленный против мартинистов, прежде всего метил в М. М. Сперанского. Вскоре появился донос о том, будто Сперанский состоял в сношениях с французским послом Лористоном⁷³ и датским посланником Блумом⁷⁴. Сам Лористон отвергал это утверждение и, отводя от себя обвинение, писал Наполеону, что причиной доноса явился слух, будто Сперанский был главой секты иллюминатов и хотел взбунтовать всю Россию⁷⁵.

Утверждение Лористона имело некоторые основания. Спустя десять лет, в 1822 году, Сперанский, давая подписку о непринадлежности своей к тайным обществам, писал: «В 1810 и 1811 году повелено было рассмотреть масонские дела особому секретному комитету, в коем и я находился. Дабы иметь о делах сих некоторое понятие, я вошел, с ведома правительства, в масонские обряды, для чего составлена была здесь частная и домашняя ложа из малого числа лиц по системе и под председательством доктора Феслера, в коей был два раза. После сего, как в сей, так и ни в какой другой ложе, ни в тайном обществе не бывал»⁷⁶.

Приведенные сведения подтверждаются отчетом полиции, составленным в 1819 году по просьбе Александра I. Относительно Сперанского в нем сообща-

в смирение, чтобы тайком готовить смуту»; 3) 4 августа 1812 г.: «Государь! Открытием бюллетеней, которые рассылались из здешнего почтамта, явилось новое доказательство, какую цель имеет секта Мартинистов. Я велел арестовать надворного советника Дружинина, после того, как он сознался, и посылаю его с офицером к министру полиции. Хотя Наполеон последние три недели имеет мало успехов, но эта адская секта не может удержать своей ненависти к вам и России и своей принадлежности неприятелю. Повергаю все это дело на решение Вашего Величества, умоляя сжалиться над империею, которая вверена вам провидением, и не предоставлять злодеям возможности и средств устраивать ее гибель, поражая умы страхом и уверениями, будто великодушные усилия вашего народа не поведут к спасению родины» (Письма графа Ф. В. Ростопчина... С. 424, 428, 442—443).

⁷² Ср. в письмах: 1) 23 июля 1812 г.: «Не скрою от вас, Государь, что Сперанский очень опасен там, где он теперь. Он тесно сблизился с архиепископом Моисеем, который известен как великий почитатель Бонапарта и великий хулителъ ваших действий. Кроме того, Сперанский, прикидываясь человеком очень благочестивым, народничая и лицемеря, снискал себе дружбу нижегородцев. Он сумел их уверить, будто он — жертва своей любви к народу, которому якобы хотел он доставить свободу, и что вы им пожертвовали министрам и дворянам»; 2) 23 августа 1812 г.: «Я послал к графу Толстому уведомление относительно этого негодного Сперанского; он заставляет действовать Столыпина и Злобина в Пензенской и Саратовской губерниях; имеется в виду ослабить усердие страхом. Но надобно поскорее противодействовать этому и воспрепятствовать козням, которые ведутся против нас» (Письма графа Ф. В. Ростопчина... С. 435, 526).

⁷³ Лористон (Александр-Жак-Бернар Ло, маркиз de Lauriston, 1768—1828) — маршал Франции, товарищ Наполеона по артиллерийской школе, в 1800 г. был избран им в адъютанты. Участвовал в кампаниях 1805 и 1809 гг. В битве при Ваграме дал решительный поворот сражению. Устроил свадьбу Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой, за что получил графский титул. В 1811 г. был назначен послом в Петербург. Во время отступления французской армии из России командовал арьергардом. При Лейпциге был взят в плен русскими войсками. Во время 100 дней не перешел на сторону Наполеона, вследствие чего после второй реставрации получил звание пэра, титул маркиза и маршалский жезл.

⁷⁴ Корф М. Жизнь графа М. М. Сперанского. Т. 2. С. 18.

⁷⁵ Русский архив. 1882. № 4. С. 173.

⁷⁶ Цит. по: Семевский В. И. Падение М. М. Сперанского // Война 1812 года и русское общество. 1812—1912. М., 1912. Т. 2. С. 231.

ется следующее: «В 1810 году бывший государственный секретарь Сперанский, по влиянию, как уверяют, известного профессора Феслера, пристрастился к масонству и представил будто бы Его Императорскому Величеству проект как преобразования сего общества в России, так и новых обрядов, составленных существенно из трех степеней древней английской системы. Сие было поводом, что тогдашние управляющие ложами, Бёбер, Эллизен, Жеребцов и Виельгорский, — призваны были к министру полиции, который от Высочайшего имени Его Императорского Величества их спросил, желают ли они, чтобы правительством масонство было покровительствуемо или же терпимо? И что в первом случае оно будет под непосредственным влиянием министра полиции»; а в последнем — только терпимо. Все выбрали второе, после чего «министр полиции требовал от Бёбера в качестве великого мастера, чтобы он представлял правительству ежемесячные краткие отчеты о всем происходящем в ложах. Что и поныне исполняется всеми великими мастерами»⁷⁷.

Из данного полицейского отчета следует, что масонство в России было по сути легальным, более того, что царствующие особы покровительствовали масонству и содействовали его процветанию на русской почве. Сообщается, что первую масонскую ложу в Петербурге учредил Петр I (Лефорт⁷⁸ был в ней мастером стула, Гордон⁷⁹ — первым, а сам Петр — вторым надзирателем). Петр III также являлся членом ордена и в 1762 году подарил масонам большой дом на Сенной площади для их собраний. В 1772 году Павел I был принят сенатором Елагиным в масоны, но никогда не посещал собрания ложи, хотя масонские знаки отличия во время его похорон несли за его гробом вместе с остальными регалиями.

Поэтому Сперанский недоумевал, отчего его причастность к масонству ставится ему в вину. 11 февраля 1812 года он писал о себе в личном письме Александру I, что в глазах общества в течение одного года «я попеременно был мартинистом, поборником масонства, защитником вольности, гонителем рабства и сделался, наконец, записным иллюминатом». Истинную же причину своей травли Сперанский видел в проводимой им реформаторской деятельности⁸⁰: «Толпа подъячих, — писал он, — преследовала меня за указ 6 августа⁸¹ эпиграм-

⁷⁷ Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива собственной Его Императорского Величества канцелярии. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1902. Вып. XI. С. 306.

⁷⁸ Лефорт Франц Яковлевич (1656—1699), родился в Женеве, в 19 лет отправился в Россию волонтером в Русскую армию. По прибытии в Архангельск два года находился в неопределенном положении, и лишь женитьба на Елизавете Сугэ (Souhay), двоюродной сестре первой жены Гордона, помогла ему получить чин капитана под начальством Гордона. С 1690 г. Лефорт завоевал расположение Петра I. Не без влияния Лефорта была задумана поездка русского посольства по европейским державам.

⁷⁹ Гордон Александр (ум. 1752), родом шотландец, принят на русскую службу по рекомендации, дослужился до генерала. В 1711 г. вернулся в Англию, где принял участие в восстании якобитов. Написал «Историю Петра Великого», напечатанную в Лейпциге в 1765 г. уже после его кончины.

⁸⁰ Сперанский М. М. Отчет о делах 1810 года, представленный императору Александру I 11 февраля 1811 года // Сборник Русского императорского исторического общества. СПб., 1877. Т. 21. С. 447—462 (далее — РИО).

⁸¹ «Со времен Екатерины II звание камер-юнкера и камергера, как бы ни были молоды лица, их получившие, давали прямо чин: первое V, а второе IV класса. Вследствие этого мо-

мами и карикатурами; другая такая же толпа вельмож со всею их свитою, с женами их и детьми, меня, заключенного в моем кабинете, одного, без всяких связей, меня, ни по роду моему, ни по имуществу не принадлежащего к их сословию, целыми родами преследуют, как опасного уновителя. Я знаю, что большая их часть и сами не верят сим нелепостям; но, скрывая собственные их страсти под личиною общественной пользы, они личную свою вражду стараются украсить именем вражды государственной»⁸².

Несмотря на то что определенная часть общества желала отставки Сперанского, таинственные обстоятельства, ей сопутствующие, и последующая ссылка «ненавистного попovichа» явились неожиданностью для одних⁸³ и навели страх на других⁸⁴. Уже тогда для многих было очевидно, что истинные причины отставки не будут обнародованы и истинная «вина» Сперанского заключается в иной сфере. Армфельд⁸⁵, слывший «одним из самых искусных, самых тонких интриганов своего времени»⁸⁶, сказал тогда де Санглену⁸⁷: «Знаете, что Сперан-

лодые люди знатных фамилий нередко занимали по своим придворным чинам прямо высшие места к ущербу людей, действительно заслуженных и знающих. Указом 3 апреля 1809 г. лицам, имевшим уже звание камергеров и камер-юнкеров и не состоявшим в военной или гражданской службе... повелено было избрать в течение 2-х месяцев род действительной службы, впредь же эти звания при пожаловании их считать не приносящими никакого чина. Через 4 месяца велено было всех камергеров и камер-юнкеров, не заявивших желания поступить на действительную службу, считать в отставке. С этого времени началась злоба аристократии на дерзкого попovichа; недовольные говорили, что он нанес последний удар старинному дворянству» (*Семевский В. И.* Падение М. М. Сперанского // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1912. Т. 2. С. 221).

⁸² Цит. по: *Семевский В. И.* Падение М. М. Сперанского. С. 222–223.

⁸³ Известный русский дипломат А. П. Бутенев вспоминал, что ссылка Сперанского «всех поразила и всех занимала даже посреди политических и военных забот: до такой степени кроткое досель и отеческое правление императора Александра отучило... от деспотических приемов его предшественника» (Воспоминания Апполинария Петровича Бутенева // Русский архив. 1881. Т. 3. С. 60).

⁸⁴ Михаил Дмитриевич Бутурлин в 1867 г. в своих записках вспоминал, что Е. И. Нарышкина рассказывала ему, «что когда привезен был при ней в Нижний Сперанский с своею малолетнею дочерью, то он наводил на всех такой же страх, как бы от присутствия чумного. Она не на шутку перепугалась, узнав от мужа, что неизвестный ей господин, стоявший однажды рядом с нею у обедни в женском монастыре, был не кто иной, как изменник Сперанский, и до конца ее жизни (в 1861 году) она не могла отделаться совершенно от этого ложного мнения. Вот как смотрели тогда на Сперанского» (Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина // Русский архив. 1897. Т. 1. С. 242).

⁸⁵ Густав Мориц, граф Армфельд (1757–1814) — любимец короля Густава III, с которым близко познакомился в 1780 г. и которому впоследствии неоднократно спасал жизнь. После падения его преемника Густава IV в 1809 г. он был назначен президентом военной коллегии, но уже в 1810 г. вышел в отставку и вследствие его связи с графиней Пинер навлек на себя опалу. Тогда в 1811 г. Армфельд эмигрировал в Петербург, где был принят с радушием, как человек, пользовавшийся большим влиянием в только что присоединенной к России Финляндии. Он был возведен в графское достоинство, назначен президентом Комитета по финляндским делам и сенатором. В 1812 г. он сопровождал Александра I на театре военных действий.

⁸⁶ Деятели и участники в падении Сперанского... С. 491.

⁸⁷ Яков Иванович де Санглен (Sanglin) (1776 — после 1846) — сын известного генерала князя Сергея Федоровича Голицына, имевшего еще и других незаконных детей, с данными им различными фамилиями. Де Санглен с 12 июня 1810 г. — правитель иностранного отдела

ский, виновен ли он или нет, должен быть принесен в жертву: это необходимо для того, чтобы привязать народ к главе государства, и ради войны, которая должна быть национальной»⁸⁸.

Так, рассматривая историю с иезуитами и мартинистами, мы вышли на обстоятельства, вызвавшие отставку М. М. Сперанского. Очевидно, что пункт программы «Мы изгоняем Пилецкого» также должен был быть рассмотрен в соотношении с обстоятельствами опалы государственного секретаря. Пушкин и в дальнейшем интересовался этим периодом русской истории и беседовал о нем со Сперанским. 1 января 1834 года он записал в своем дневнике: «Встретил Новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о Собрании законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc.» (XII, 318). В заметке «О дворянстве» Пушкин, упомянув преемственность царственной бабки и внука («Екатерина — Alexandre»), перечислит состав «Интимного кабинета» — представителей аристократических родов, возглавивших только что организованные министерства, — «Новосильцов, Чарторижский — Кочубей», противопоставив им всемогущего Сперанского. («Speransky, porovitch turbulent et ignare» (XII, 205; «Сперанский, прыткий и безвестный попович»).

Относительно пункта «1812 год», выделенного в программе жирной чертой, но не конкретизированного подпунктами, можно лишь предположить, что пункт этот был значим для мемуариста, однако в чем именно состояло его значение (в Отечественной войне ли 1812 года или в событиях, предшествовавших ей) на данном этапе сказать трудно. Конкретизация любого из двух предположений ввела бы нас в самую суть последующей пушкинской концепции, которую предвирать на данном этапе нам кажется преждевременным.

Подводя итоги, отметим лишь, что уже в первой программе записок биография Пушкина (детская, отроческая и юношеская) складывается на фоне борьбы общественных политических течений, которые в своем развитии сопрягаются с частной жизнью мемуариста. Пристальное внимание поэта к этим явлениям легко объяснить, если учесть, что «Пушкин учился в Царскосельском лицее, а Лицей учрежден был именно для того, чтобы готовить деятелей государственной службы, следовательно возбуждал и поддерживал в своих воспитанниках участие и внимание к общей, государственной жизни отечества»⁸⁹.

Санкт-Петербургской конторы адресов; 21 июля 1811 г. перемещен в штат Министерства полиции; 3 августа 1811 г. — коллежский советник, 7 сентября 1811 г. — правитель особенной канцелярии, соответствовавшей III отделению Собственной Его Величества Канцелярии. Александр I за деловые качества приблизил де Санглена к себе, организовав таким образом контрполицию Балашову, и де Санглен, несмотря на маленький чин коллежского советника, бывал у императора наедине почти каждый день, оставаясь нередко по несколько часов.

Современники соглашались в том, что де Санглен был человек очень умный и образованный, очень острый и тонкий, но «при всем том таково было омерзение, внушенное известными его обязанностями, что, как ни страшен, как ни опасен он мог быть для каждого, очень немногие хотели ему кланяться и даже говорить с ним». (Деятели и участники в падении Сперанского... С. 504). Я. И. де Санглен упомянут «в числе особ», подписавшихся на «Историю русского народа» Н. Полевого (*Полевой Н. История русского народа. М., 1829. Т. 1. С. 120*).

⁸⁸ Цит. по: *Семевский В. И.* Падение М. М. Сперанского. С. 230.

⁸⁹ *П. И. Бартенев.* Пушкин в Южной России// Русский архив. 1866. Стлб. 1090.

* * *

Все сказанное позволяет нам перейти к рассмотрению «Второй программы» записок, предположительно датированной 1833 годом. Эта программа — часть более обширного замысла, начало которого находилось на утраченном листе (от листа того остался фрагмент слова, напоминающего слово «осень»). Далее идет следующий текст:

«Кишинев — проезд мой из Кавказа и Крыму — Орлов — Ипсиланти <—> Каменка — Фонт. — Греч.<еская> рев.<олюция> — Липр.<анди> 12 год. <—> mort de sa femme — le renégat — Паша Арзрумский» (XII, 310)⁹⁰.

осень — . —
 Кишинев — проезд мой из Кавказа
 и Крыму — Орлов — Ипсиланти
 Каменка — Фонт. — Греч. Рев. — Липр.
 mort de sa femme
 12 год le renégat. — Паша
 Арзрумский — В

«Вторая программа» пушкинских записок

Рассматривая этот текст, Н. Я. Эйдельман отметил его внутреннее противоречие, а именно то, что почти все факты и имена, содержащиеся в нем, «явно относятся к кишиневскому периоду жизни Пушкина», а пункт «Паша Арзрумский» к путешествию 1829 года. В связи с этим исследователь высказал предположение, что пункт «Паша Арзрумский» — «тоже какое-то воспоминание тех же лет, а не из „Путешествия в Арзрум“ (1829), как думают некоторые исследователи. В последнем случае было бы непонятно, отчего в „Программе“ совершенно отсутствуют заметки о событиях шести лет, разделяющих Кишинев и Арзрум»⁹¹.

⁹⁰ Характер заполнения листа см.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 93; Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 39–40.

⁹¹ Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М., 1979. С. 20.

Е. А. Тархов, уделяя особое внимание «Второй программы» отметил, что «максимально полное раскрытие всех пунктов этого плана с выявлением их взаимодействия и специфического смысла в данном контексте позволило бы <...> реконструировать один из узловых моментов идеологии позднего Пушкина»⁹². Сопоставляя характер ведения записей в «Первой» и «Второй» программах записок, Е. А. Тархов выдвинул предположение, согласно которому повествование во «Второй программе», видимо, «не предполагалось вести в строго хронологическом порядке», оно должно было «происходить по какой-то особой логике»⁹³. По какой именно логике, исследователь не указал.

Действительно, если посмотреть на «Вторую программу» пушкинских записок с этой точки зрения, то можно выявить в ней определенную градацию: выделяется первая часть (оканчивающаяся пунктом «Каменка»), повествование в которой ведется в однонаправленном временном потоке и последовательно накладывается на биографию автора. Эта последовательная логика идентична логике «Первой программы» записок и условно может быть названа «хронологической». Она хорошо изучена и, постоянно пополняясь новыми данными, каких-либо принципиальных споров у исследователей не вызывает⁹⁴. Вторая же часть, напротив, является предметом жарких споров⁹⁵. Происходит видимо, потому, что повествовательная логика здесь меняется, становясь «ассоциативной». Но тогда встает закономерный вопрос: на чем строятся ассоциации мемуариста? Возможна ли их реконструкция?..

Временной константой «Второй программы» является 1821 год, от него на равные временные отрезки⁹⁶ (приблизительно 9 лет) удалены события 1812 и 1829 годов. Это было время, когда территория, окаймленная Днестром, Дунаем и Прутом, оказалась ставкой в многолетней борьбе между Россией и Турцией и получила определенное мировое значение, потому что борьба эта близко соприкасалась с борьбой России и Франции по сложным вопросам европейской политики. Этот временной охват позволяет выделить в программе и тему греческой революции, которая является лишь частью более обширного вопроса, а именно *востожного вопроса во внешней политике России*⁹⁷.

Для стран Западной Европы восточный вопрос всегда имел оттенок борьбы с влиянием России на Востоке. Для России восточный вопрос всегда увязывался с ее европейскими интересами. Оттоманская Порта в начале XIX века пере-

⁹² Тархов Е. А. К расшифровке так называемой «Второй программы записок» Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981. Вып. 16. С. 130.

⁹³ Там же С. 130.

⁹⁴ См.: Трубецкой Б. А. Пушкин в Молдавии. Кишинев, 1983. (5-е изд.); Двойгенко-Маркова Е. М. Пушкин в Молдавии и Валахии. М., 1979.

⁹⁵ Изложение основных точек зрения см.: Левковиз Я. Л. Автобиографическая проза... С. 64–65.

⁹⁶ Ю. М. Лотман отметил наличие хронологической симметрии в расположении эпизодов в пушкинском замысле об Иисусе (см.: Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 15–27).

⁹⁷ Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе (ее история в XVIII–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи): Историко-юридическая оценка. М., 1896; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX века. М., 1978; Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX века. Л., 1963.

живала тяжелые времена, ни у кого из соседних государств не было сомнений, что эта огромная империя падет, расколовшись на отдельные государства. Выгодно ли будет такое крушение для России? На этом вопросе в 1801 году подробно остановился канцлер В. П. Кочубей⁹⁸ в записке, поданной им на имя Александра I. Суть записки Кочубея заключалась в резкой критике идеи раздела Турции с последующим созданием на ее территории группы православных государств. Первый его аргумент основывался на предположении, что Россия в пространстве своем не имеет уже нужды в расширении⁹⁹. Второй — на парадоксе Монтескье, согласно которому для любого государства нет ничего выгоднее слабых соседей¹⁰⁰.

В 1803 году Адам Чарторыйский¹⁰¹, вступив в должность министра иностранных дел России, уделил восточному вопросу особое внимание. В докладной записке от 23 января 1806 года он писал: «История наших дней представляет нам Оттоманскую империю слабою и погибающею; и, по всей вероятности, она окончательно разрушилась бы, если бы русский двор, руководясь высшими соображениями, не старался с неусыпной заботливостью отдалить, насколько возможно, этот разгром. В самом деле, трудно иметь более удобного соседа, чем Турция; и это одно уже могло бы заставить петербургский кабинет употребить все усилия, чтобы увековечить, если возможно, состояние ничтож-

⁹⁸ Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), граф, государственный деятель. В 1792 г. назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром России в Константинополе, успел приобрести доверие султана Селима III. При Павле I (с 1798 по 1799 г.) Кочубей был вице-канцлером, в этом звании он принимал участие в договорах и союзах, заключенных с Неаполем и Англией против Франции. Александр I в 1801 г. назначил его сенатором и канцлером с 1801 по 1802 г., при учреждении министерств Кочубею было поручено Министерство внутренних дел, которым он управлял до 1812 г. и с 1819 по 1825 г.

⁹⁹ Сравните с записку Пушкина от 30 ноября 1833 г. в «Дневнике 1833–1835 гг.»: «Вчера бал у Бутурлина (Жомини). Любопытный разговор с Блайем: зачем у вас флот в Балтийском море? Для безопасности Петербурга? Но он защищен Кронштадтом. Игрушка?

— Долго ли вам распространяться? (мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным). Ваше место Азия; там совершите вы достойный подвиг цивилизации... etc.» (XII, 315).

¹⁰⁰ Последующий ход истории показал ошибочность обоих положений, так как, по верному замечанию С. М. Соловьева, «слабое государство всегда служит поводом к столкновению и борьбе между сильными, ибо слабое государство подчиняется влиянию каждого сильного государства, и ни одно государство не может позволить другому усилить свое влияние над слабыми» (*Соловьев С. М. Восточный вопрос // Соловьев С. М. Собрание сочинений.* СПб., [б. г.] С. 910).

¹⁰¹ Чарторыйский (Чарторыжский) Адам-Юлий (1770–1861) — польский политический деятель. В 1795 г. во время пребывания в России сблизился с великим князем Александром Павловичем, но этим возбудил подозрения Павла I и был отправлен послом России к Сардинскому двору. В 1801 г. при восшествии Александра I на престол он был возвращен в Петербург и введен в тот негласный комитет, с которым император совещался о задуманных им преобразованиях. В 1803-м он был назначен попечителем Виленского учебного округа и помощником государственного канцлера А. Р. Воронцова; когда тот заболел и удалился в деревню, Чарторыйский вступил в управление Министерством иностранных дел. Заключение союза России с Австрией и Англией и объявление войны Наполеону было санкционировано именно Чарторыйским, составившим смелый план переустройства Европы, согласно которому восстанавливалось польско-литовское государство, но в самой тесной политической унии с Россией.

ности этой империи, не давая ей, однако, разрушиться. Такова была хорошо доказанная выгода России»¹⁰².

Военные победы Наполеона в Европе, заключение Пресбургского мира¹⁰³ и покорение Италии — иными словами, приближение границ Франции к Оттоманской Порте поставили под сомнение прочность русско-турецкого союзного договора 1798 года. А. Чарторыйский писал, «что французское правительство не замедлит воспользоваться своим новым положением и постарается осуществить свои заветные планы расширения насчет Турции. Какие бы средства Франция ни употребила с этой целью, почти несомненно, что Турецкая империя, в конце концов, не выдержит новых потрясений и падет, несмотря на все усилия России поддержать ее. Довольно бросить беглый взгляд на устройство и теперешнее правительство Турецкой империи, чтобы убедиться, что это предположение, может быть, уже близко к осуществлению»¹⁰⁴. Нестабильность существования Турецкой империи и возрастающая агрессивность Франции подталкивала русский кабинет уже с декабря 1804 года начать переговоры о возобновлении союзного договора с Оттоманской Портой, хотя до окончания срока его действия оставалось еще два года. Этот дипломатический маневр преследовал цель отвлечения Турции от сближения с Францией и склонения ее ко вступлению в русско-английскую коалицию. В результате предпринятых действий 11 сентября 1805 года между Россией и Турцией был подписан новый союзный договор, который, однако, не внес ожидаемой стабильности в регион.

В своих рассуждениях А. Чарторыйский исходил из мысли, что интерес Наполеона к Востоку чрезвычайно опасен для России, независимо от того, ищет ли он только сближения с Портой или мечтает о завоеваниях на Востоке. Чарторыйский предвидел, что «французы, пользуясь всеми своими явными и тайными средствами, будут иметь полный успех всякий раз, как только вздумают захватить какую-нибудь оттоманскую провинцию». Если вследствие этого полный разгром в Оттоманской империи считать событиями очень близкими, то российскому кабинету следует «рассмотреть, какие наибольшие выгоды должна Россия извлечь... если ей не удастся поддержать современный порядок вещей,

¹⁰² Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I. Под ред. А. Трачевского// РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 252.

¹⁰³ Пресбургский мир был заключен между Австрией и Францией 26 декабря 1805 г. после битвы при Аустерлице (2 декабря), когда союз между Австрией и Россией потерял целесообразность. Император Франц II лично прибыл в главную квартиру Наполеона для переговоров. По Пресбургскому миру существование Германской империи было прекращено. У Габсбургской монархии были отняты владения в Западной Германии, Тироле, Венеция и вся Венецианская область. В Неаполе и Голландии были основаны наполеоновские династии. Курфюрсты баварский и вюртембергский возведены в королевский сан; первый из них получил австрийский Тироль, Аншпах, Аугсбург, второй — австрийские владения в Швабии с пятью городами. Баден был возведен в степень великого герцогства, расширен присоединением к Бретгаузу Констанца и др. Клевские провинции образовали вместе с Везелем и Бергским герцогством великое герцогство Бергское. Невшатель был отдан маршалу Бертье. Вюрцбург перешел к брату австрийского императора, герцогу Тосканскому. Австрия обязалась уплатить контрибуцию в 50 миллионов и согласилась на упразднение имперского рыцарства.

¹⁰⁴ РИО. Т. 82. С. 253.

и какие средства ей следует подготовить, чтобы не быть застигнутой врасплох и не лишиться плодов сорокалетних трудов и настойчивости»¹⁰⁵.

Лучшей преградой против французов, по мнению Чарторыйского, могло служить образование на европейских окраинах Турецкой империи христианских государств под протекторатом России. В таком случае граница России должна проходить по Дунаю, что в свою очередь делает необходимым присоединение Молдавии и Валахии, призванных окончательно слиться с русской территорией¹⁰⁶. А. Чарторыйский тешил себя надеждой, что «Порта довольно хорошо поймет свои интересы и будет строго держаться своего союза с Россией и Англией, и что она, в конце концов, убедится в бескорыстии России на ее счет. Российский министр в Константинополе <Италинский¹⁰⁷. — Н. М.> употребит все меры для достижения этой цели, и если удастся приобрести убедительные доказательства, что турецкое правительство намерено остаться верным своим обязательствам относительно Санкт-Петербургского и Лондонского дворов, то эти последние будут заботиться всеми силами об охране Оттоманской империи от всякого нападения со стороны французов и о поддержании ее теперешнего положения. Меры, которые нужно принять с этой целью, рассмотрены подробно в особой записке и составят предмет честного соглашения между Россией и Великобританией. С помощью этих двух держав можно быть уверенным, что французам трудно будет выполнить их планы насчет захватов, если Порта, со своей стороны будет поступать честно»¹⁰⁸.

Однако существовали вполне обоснованные сомнения относительно участия Турции в русско-английской коалиции, в таком случае необходимо было принять заблаговременно определенные меры предосторожности, и тут же давался подробный план военных и дипломатических действий¹⁰⁹. Восточные проекты

¹⁰⁵ РИО. Т. 82. С. 253—254.

¹⁰⁶ «Всякий раздел европейской Турции, — писал А. Чарторыйский, — а главное, всякий раздел, который отдаст во власть французов часть этой страны, невыгоден для нас ни в каком отношении. С другой стороны, обладание таким обширным пространством земли, населенным столькими различными народами, отдаленными от правительственного центра, встретило бы бесчисленное множество затруднений. Поэтому единственно подходящим для России планом при будущих переменах в Оттоманской империи представляется устройство там отдельных государств, пользующихся независимым управлением касательно их внутренних дел, но под верховной властью России и под ее покровительством. Из числа этих государств нужно исключить страны, которые императорский двор сочтет удобным принять в свое полное владение, как, например, Молдавию, Валахию и Бессарабию. Помимо всевозможных доходов, которые могут дать эти провинции России натурой, разнообразием и изобилием своих произведений, Дунай, орошающий их на всем их протяжении, будет несравненно более прочной границей, нежели теперь Днестр» (РИО. Т. 82. С. 254).

¹⁰⁷ Италинский Андрей Яковлевич (1743—1827), по образованию врач, в 1774 г. получил в Лондоне степень доктора медицины, в 1780-м был представлен в Париже Гриммом царевичу Павлу Петровичу и в следующем году получил должность секретаря в русском посольстве в Неаполе, в 1795-м получил там же должность посла, в 1801-м был переведен послом в Константинополь; в 1812-м — подписал в Бухаресте прелиминарные условия мира с Турцией, с 1817-го по 1827-й — русский посол в Риме.

¹⁰⁸ РИО. Т. 82. С. 255.

¹⁰⁹ Суть плана сводилась к следующему: 1) «Немедленно собрать 100-тысячную армию на Днестре. Главнокомандующий должен быть извещен подробно насчет намерений императорского двора; и чтобы избежать необходимой потери времени при таком отдале-

созревали в глубокой тайне: «Никто не ведал...— писал в апреле 1806 года А. Чарторыйский Александру I, — <...> о всех беседах с Вашим Величеством, в которых в продолжение двух лет проводились идеи таких комбинаций, которые могли быть выгодны для России, как например: овладение Молдавией и Валахией, Вислой в смысле границы, воссоединение славян и греков и т. д., одним словом, в которых рассуждали о сохранении отношений при приобретениях для России и об обеспечении ей коммерческого рынка»¹¹⁰.

Несмотря на все усилия, предпринятые Россией, Порты продолжала проводить самостоятельную политику, и в конце февраля 1806 года А. Чарторыйский получил новые данные о событиях в Турции, из которых следовало, «что Порты признала императорский титул Бонапарта; что многие паши Румелии получили приказание отправить войска в Измаил, чтобы расположиться там лагерем; что гарнизон этой крепости, так же как и Хотина, будет доведен до 10 тысяч человек; <...> что господа Молдавии и Валахии получили приказание приготовить жизненные припасы для этих различных войск; что турецкий флот должен быть вооружен и снаряжен к будущей осени; что Реис-эфенди изъявил намерение низложить настоящих князей Молдавии и Валахии; наконец, что все указывает на перемену системы, посредством которой Порты хочет уничтожить свой союз с императорским двором, соединившись с Францией»¹¹¹. Хотя досто-

нии этой армии от столицы, этот генерал должен действовать, не дожидаясь окончательных приказаний во всех нижеследующих случаях: а) Вступление французов в Оттоманские владения; б) Военное движение со стороны австрийцев, которые, пожалуй, захотят овладеть некоторыми провинциями Оттоманской империи в силу тайных статей Пресбургского мира. с) Сосредоточение турецких войск по Дунаю, или же заметное усиление гарнизонов Хотина и бессарабских крепостей. Наконец d) Убедительное доказательство в руках русского министра в Константинополе насчет изменения политики Порты в пользу французов. К числу таких доказательств относятся по преимуществу: решительное требование очистить Корфу от русских войск, а также малейшее затруднение со стороны Порты свободному проходу русских судов чрез Константинопольский пролив, в особенности же возвращению военных кораблей, принадлежащих черноморскому флоту. Командующий днестровской армией будет уведомлен о наступлении каждого из этих случаев путем постоянной и правильной переписки, которую постараются установить между ним и русским министром в Порте <Италинским.— Н. М.>, а также русскими агентами, явными и тайными, находящимися в разных провинциях Турции. 2) Первым делом днестровской армии должно быть занятие Молдавии, Валахии и... Бессарабии. <...> 3) Все русские войска, высаженные в Неаполе, возвратятся в Корфу. Это место будет приведено в наилучшее оборонительное положение; со стороны моря его будет защищать русская эскадра, посланная из Балтики в Средиземное море. <...> <Черноморский флот.— Н. М.> постоянно будет в готовности двинуться к Константинополю, как только командующий адмирал осведомится о вступлении русских войск в Молдавию или получит официальные и прямые известия из Константинополя о наступлении одного из вышеупомянутых случаев. И тогда расположенные в Корфу войска и русские и английские эскадры будут действовать заодно. <...> 4) Для успешной войны с Турцией решительно необходимо стараться привлечь к себе христианские народы, которые или уже борются, чтобы не возвратиться в невыносимое рабство, или готовы подняться, чтобы освободиться от него. Кто сумеет запастись этим средством, тот, бесспорно, будет в барышах в войне за будущность Оттоманской империи. Бонапарт не пренебрежет этим орудием, тем более что не с нынешнего дня начались его тайные происки в Турции» (РЮ. Т. 82. С. 259—262).

¹¹⁰ Беседы и переписка между Императором Александром I и князем Адамом Чарторыйским. Опубликованная Ладиславом Чарторыйским, [М.], 1912. С. 48.

¹¹¹ РЮ. Т. 82. С. 315.

верно был подтвержден только первый пункт, Чарторыйский предпринял политические меры воздействия на ситуацию: были посланы дипломатические ноты Английскому, Венскому, Австрийскому кабинетам, и лично Наполеону.

Среди перечисленных выше аргументов пункт о смещении господарей в Придунайских княжествах имел особое значение. В русско-турецком договоре 1802 года было определено, что господа назначаются сроком на 7 лет и могут быть сменены только в случае действительных злоупотреблений и непременно с согласия России. Французские дипломаты, курировавшие текст договора со стороны Турции, сначала не придали этому какого-либо значения. Между тем это был существенный момент ведения внешней политики Портой, так как после отстранения от господарских должностей румынских князей, господарская власть в Придунайских княжествах передавалась Портой константинопольским грекам — фанариотам, которые были потомственными переводчиками (драгоманами) при европейских посольствах в Константинополе. Близость той или иной фанариотской семьи к тому или иному посольству в Константинополе продолжала сказываться и впоследствии, когда член этой семьи получал право на управление Молдавией или Валахией. Поэтому назначение и смещение фанариотов были весьма важными событиями в политической жизни Порты. Обладание обширными территориями Придунайских княжеств, хотя бы и временное, сказывалось на курсе политической ориентации внешней политики Дивана. К тому же эти княжества граничили с европейскими державами и, следовательно, находились в сфере их влияния. Вследствие этого «европейская дипломатия не могла быть равнодушна к замещению господариата в Яссах и Бухаресте»¹¹². Так, назначенные в 1804 году Портой господа — Константин Ипсиланти и Александр Мурузи — являлись сторонниками России, а их отвергнутые соперники — Александр Суццо и Скарлато Калимахи — сторонниками французского правительства, и оказывали тайные услуги представителю Франции в Константинополе.

В начале 1806 года А. Мурузи, проводя линию Чарторыйского, составил для оттоманского правительства докладную записку, в которой настоятельно советовал искать союза с Россией и Англией, но вместе с тем маскировать эту политику внешними проявлениями дружбы с Францией. Как часто случается в подобных случаях, эта записка, помимо турецкого Дивана, стала известна и французскому посольству в Константинополе. Это было лишь начало громкого дипломатического скандала, в который свою лепту внес и К. Ипсиланти. Для того чтобы склонить Порту на сторону России, он сообщил Дивану о мнимых поражениях французов в Европе и о секретных статьях Пресбургского мира, обеспечивающих долю Австрии в разделе Турции. Так как в отношении первого сообщения К. Ипсиланти был вскоре изобличен во лжи, то не придали значения и второй части его сообщения. Антифранцузская позиция господарей стала очевидной, что вызвало ответные враждебные действия французских дипломатов, по настоятельному требованию которых с апреля 1806 года Турция стала препятствовать проходу русских военных кораблей через проливы в порт Бокко-ди-Катаро, предоставленный России Австрией в качестве морской базы

¹¹² Кассо Л. А. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913. С. 14.

в Средиземном море. В этом споре Порты настойчиво ссылались на свой нейтралитет, а Россия — на заключенный с нею союзный договор.

В свою очередь Наполеон, в пику России, предложил турецкому султану Селиму III (1789—1807) свой союзный договор, армию и офицеров, в качестве военных инструкторов. Новым французским послом в Константинополь был послан уроженец Сардинии генерал Себастиани¹¹³, в задачу которого входило ограничение русского влияния на Порту и Придунайские княжества. В данных ему инструкциях предписывалось опираться в действиях своих на семьи фанариотов: Суццо, Калимахи, Ханджерли. Однако проездом через Бухарест Себастиани встретился и с К. Ипсиланти. Раскрыв ему планы Наполеона на Востоке, он постарался привлечь его на свою сторону, посоветовав «создать армию из валахов, для которой нашлись бы, как и для турецкого войска, инструкторы в предстоящей войне против России»¹¹⁴.

Через неделю, 28 июля, Себастиани прибыл в Константинополь и вскоре сумел создать в Диване профранцузскую партию, а также настоять на подписании 18 августа гатти-шерифа о смещении обоих господарей в Придунайских княжествах. На их должности были назначены А. Суццо и С. Калимахи. Русский посол в Константинополе А. Я. Италинский подал султану ноту. Дипломатическая дуэль между Себастиани и Италинским проходила с ожесточением. Италинский покинул русское посольство, переехал на корабль, угрожая отплытием из Константинополя и настаивая на непременном восстановлении господарей. Порты, не успевшая подготовиться к войне и не имевшая денег для ее ведения, предпочла уступить России. К огромному разочарованию Себастиани, 17 октября новым гатти-шерифом смещенные господа были восстановлены в их статусе.

¹¹³ Себастиани Орас (Sebastiani de la Porta, 1775—1851) — маршал Франции, отличился в итальянской кампании 1796 г.; получив должность посла в Константинополе, руководил обороной Константинополя от англичан; в 1809 г. — командовал корпусом на Пиренейском полуострове, участвовал в походе в Россию. При Людовике-Филиппе стал министром иностранных дел.

О деятельности Себастиани и кадровой политике Наполеона русский кабинет был хорошо информирован, о чем свидетельствуют письма Александра I адмиралу П. Я. Чичагову от 9 марта 1800 г.: «Постараюсь доказать вам, — писал император, — что самые ваши возражения были несправедливы. Про Себастиани вы выразились: “Кто он такой и не иноземец ли для Франции потому, что он сардинец?” — Но разве это резон, чтобы Бонапарте не употреблял его для своей службы?» Методы кадровой политики французского императора были применимы и в России, поэтому дальнейшие свои рассуждения Александр I изложил, исходя из стоящих перед ним проблем: «Могу ли я помочь тому, — писал Александр Чичагову, — что образование у нас еще так отстало — и до тех пор, покуда не сознают нужды, чтобы родители поболее о нем заботились; если бы я не прибежал к содействию известных иностранцев, дарования которых испытаны, число способных людей, и без того малое, еще уменьшилось бы значительно. Что сделал бы Петр Первый, если бы не пользовался службою иностранцев? Чувствую, что в то же время в этом есть зло; но это зло меньшее из двух, ибо можем ли мы отсрочивать события до тех времен, в которые наши земляки будут находиться на высоте всех тех должностей, которые они должны занимать? Все это я сказал вам только для того, чтобы доказать вам, что в данную минуту нельзя взять за правило не употреблять на службу иностранцев» (Русская старина. 1886, май. С. 240).

¹¹⁴ О содержании разговора К. Ипсиланти подробно доложил А. Чарторыйскому в записке от 22 июля 1806 г. (Кассо Л. А. Россия на Дунае... С. 17).

Однако решение это было принято с большим запозданием. Накануне, 16 октября, русские войска перешли Прут и вошли в княжества¹¹⁵. Андрей Яковлевич Брудберг¹¹⁶, преемник и горячий последователь Чарторыйского на посту министра иностранных дел, отдавая приказание И. И. Михельсону¹¹⁷ перейти через Днестр, в письме к Александру I обосновывал принятие этого решения тем, что выражал сомнения в искренности действий Оттоманской Порты: «В настоящую минуту нужно рассмотреть, представляет ли оправдание Порты по делу господарей достаточное ручательство, чтобы побудить Ваше Императорское Величество отклонить теперь меру, принятую вами в вашей мудрости, меру, которая в эту минуту, вероятно, уже приведена в исполнение вступлением ваших войск в Молдавию»¹¹⁸. Брудберг считал, что влияние французской дипломатии в Константинополе весьма значительно, и вследствие этого следует предполагать, что зыбкий нейтралитет Турции склонится окончательно в сторону Франции¹¹⁹. В таком случае, по мнению Брудберга, становится очевидным, что «мы отнюдь не можем доверять туркам, пока посланник Бонапарта будет играть первенствующую роль в Константинополе. Исполнение наших договоров будет вечно ненадежно с их стороны; и мы подвергаемся опасности подвергнуться их нападению, когда менее всего будем ожидать его»¹²⁰. Вследствие этого Брудберг предложил: «Ничего не изменять в приказах Михельсону от 16 и 23 октября до получения обещанных г. Италинским новых доносений, чтобы вернее судить, насколько мы можем рассчитывать на располо-

¹¹⁵ Вероятно, определенную роль в ускорении начала военной кампании сыграл приезд в Петербург осенью 1806 г. кн. К. Ипсиланти, который после восстановления его в должности господаря не вернулся в Валахию, в отличие от А. Мурузи, который вернулся в Молдавию, но, руководимый английскими дипломатами, вошел в опасную дипломатическую игру с Талейраном и Наполеоном и был изобличен Себастиани, но успел бежать // *Кассо Л. А. Россия на Дунае...* С. 26–27.

¹¹⁶ Андрей Эберхард фон Брудберг (1750–1812) — представитель вестфальского рода Бённингаузенов, переселившегося в Лифляндию в XIII в. С 1806 г. Брудберг — министр иностранных дел России. В 1807 г. он сопровождал Александра I в Тильзит, но по настоянию Наполеона был отстранен от участия в дискуссиях. После подписания Тильзитского мира он подал в отставку, которую получил только в 1808 г.

¹¹⁷ Михельсон Иван Иванович (1740–1807) — генерал от кавалерии. Участвовал в Семилетней войне, в турецкой кампании 1770 г., в действиях против польских конфедератов. В конце 1774 г. в чине премьер-майора руководил правительственными войсками во время подавления восстания Пугачева, с этого времени имя его приобрело громкую известность. В 1803 г. он белорусский военный губернатор, в 1805 г. — начальствовал войсками, собранными на западной границе, в 1806 г. возглавил днепровскую армию, предназначенную для действий против турок, заняв с нею Молдавские земли. Михельсон умер в Бухаресте.

¹¹⁸ РИО. Т. 82. С. 488.

¹¹⁹ Брудберг писал: «...когда французские владения стали, по Пресбургскому миру, граничить с владениями Турции, нужно было предвидеть, что Порты не задумается броситься в объятия Франции, как только сочтет возможным сделать это безнаказанно, ее будут побуждать дать к этому и надежда устранить опасности французского соседства, и расчеты на умеренность, быть может, даже равнодушие России. С тех пор нужно было думать, что наше влияние в Константинополе станет падать по мере возрастания французского влияния. <...> Так как у Дивана нет достаточно твердости, чтобы держаться нейтрально между Россией и Францией, если бы даже он хотел этого, то в конце концов ему придется стать за одну из этих держав» (РИО. Т. 82. С. 489–490).

¹²⁰ Там же. С. 491.

жение и искренность оттоманского министерства. Если эти известия будут таковы, что их можно будет принять за достаточное обеспечение строгого исполнения договоров со стороны турок, то приказать генералу Михельсону остановиться там, где он находится. Немедленно уведомить Порту об этом решении. Но дать знать ей, что так как мы не можем отступить ни от одного из требований, на которые имеем право по нашим договорам, то армия его Императорского Величества не покинет Молдавии до тех пор, пока не получит полное удовлетворение всех наших жалоб. В то же время дать ей понять, что, так как Бонапарт не упустит такого случая, как восстановление господарей, низложенных по его вине, чтобы броситься на сопредельные с Далмацией оттоманские владения, то русская армия там будет весьма кстати для отражения подобного нападения. Наконец, представив Порте, что ее существование шатко, пока французы находятся в Далмации, нужно постараться заставить ее действовать заодно с нами, чтобы выгнать их оттуда»¹²¹.

Момент, избранный для начала военной операции, А. Я. Брудберг считал весьма удачным. Русские войска успешно продвигались вперед, и 24 декабря 1806 года И. И. Михельсон взял Бухарест. Оценивая сложившуюся ситуацию, А. Я. Брудберг 4/16 января 1807 года писал Александру I:

«Несмотря на то что мы не имеем еще официальных сведений об объявлении войны с Портою, я предполагаю, что эта новость подтвердится, и дерзаю повергнуть к стопам В<ашего> И<мператорского> В<еличест>ва как мое мнение об этом событии, так и наиболее подходящие при настоящих обстоятельствах меры, которые по-моему, должны быть приняты, чтобы извлечь из этой войны, если только она должна состояться, по возможности больше выгод для России. Более чем двусмысленные отношения, которые выказывали нам турки со времен их мира с Францией, нарушения самых положительных своих обязательств, которые позволила себе Порта по отношению к императорскому двору, злонамеренность, с которой были направлены эти нарушения против нас, наконец неслыханный успех Бонапарта в Пруссии, который Себастиани постарался преувеличить, чтобы овладеть исключительным влиянием на диван, все эти причины до того выяснены, что мне кажется излишним доказывать, что если бы даже войска в<ашего> и<мператорского> в<еличест>ва не заняли Молдавии и Валахии, у нас все-таки была бы война с турками. Но предположим, что у нас могло бы быть сомнение в этом; в таком случае оно должно было совершенно рассеяться, когда Порта, с ведома венского двора, сосредоточила наблюдательный корпус на западной границе оттоманской империи. Это решение, направленное, очевидно, против нас, было уже само по себе объявлением войны, потому что оно обозначало новое нарушение всех трактатов, заключенных обеими империями со времени Кайнарджийского мира, так как в этих трактатах буквально значится, что турецкие войска никогда не должны входить в Молдавию и Валахию, за исключением тех их частей, которые назначены для гарнизона крепостей. Из этого бесспорного замечания следует, что так как мы никоим образом не можем избежать разрыва с Турцией, не компрометируя себя самым страшным образом, то нельзя не считать громадной выгодой для нас, если б мы могли установить в настоящее время нашу линию защиты на Дунае, где войск, несмотря на их малочисленность, хватило бы, чтобы внушить неприятелю почтение, между тем, как если бы мы вынуждены были защищаться, без всякой точки опоры, на Днестре и на бесконечно более слабой линии, мы должны были бы, по меньшей мере, удвоить численность этого войска. Согласно с этими различными соображениями, я должен рассмат-

¹²¹ РИО. Т. 82. С. 493.

ривать предварительное занятие русскими войсками обоих княжеств только как меру, вызванную самой крайнею необходимостью, могущей принести нам громадную пользу при будущих действиях наших против Порты, если эта держава непременно желает войны»¹²².

27 декабря был опубликован гатти-шериф постфактум объявляющий войну России¹²³. Селим III отправил во Францию своего посла Галиб-пашу для заключения франко-турецкого союзного договора, паши Албании и Боснии также просили помощи Наполеона, в январе 1807 года стало известно, что Фатх-Али-шах (шах Ирана) посылает посла во Францию. Наполеон понял, что он может создать и вооружить восточные армии и бросить их против России. Уже 29 января 1807 года в письме из Варшавы генералу Мармону¹²⁴ он выдвинул блестящую, но неосуществимую, идею превратить оттоманские войска в правое крыло великой армии, сражающейся в Европе против России. Никогда не пренебрегавший общественным мнением, Наполеон следил за сведениями в парижских газетах о кампании на Дунае и в письмах к министру полиции Фуше¹²⁵ возмущался известиям, почерпнутым из английской прессы, если действия русских войск оценивались благожелательно. Во избежание появления подобных оценок во французской прессе Наполеон распорядился о доставлении редакторам парижских газет полных донесений с театра военных действий¹²⁶ и предписал публиковать только благоприятные для Франции и Турции статьи, которые были рассчитаны и на читателей в Константинополе.

Верным помощником Наполеона в сфере обработки общественного мнения был Талейран¹²⁷. Он непосредственно руководил информационной войной и 31 января 1807 года писал де Готриву¹²⁸: «Посылаю вам статью, которую вы прикажите напечатать в одном из маленьких журналов; прикажите написать вторую статью в том же духе для другого журнала. Необходимо, чтобы эти статьи были напечатаны на другой день после заседания Сената и в тот же самый день, когда официальные бумаги будут напечатаны в *Moniteur*'e. Вы понимаете, что ни на день нельзя откладывать печатанье этих статей для того, чтобы не позволить журналам взять ложное направление». «Главная цель заклю-

¹²² Трагевский А. Дипломатические сношения России и Франции в эпоху Наполеона I // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1893. Т. 88. С. 1–3.

¹²³ Подробнее см.: Гальберштадт Л. И. Восточный вопрос // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1911. Т. 2. С. 92–102.

¹²⁴ *Correspondance de Napoléon Ier publiée par ordre de l'empereur Napoléon III*. Paris, 1863. V. XIV. S. 324.

¹²⁵ Жозеф Фуше (1754–1820), по отзыву современников, «гнуснейшая личность времен Республики и империи» — жестокий палач во время революции, стал министром полиции при Наполеоне (до 1810 г.), который за заслуги пожаловал ему титул герцога Оранского.

¹²⁶ *Correspondance de Napoléon...* XIV. S. 345, 695.

¹²⁷ Шарль Морис Талейран-Перигор (Talleyrand-Périgord) (1754–1838) — с 1806 г. — обер-камергер, князь Беневентский, герцог Дино — главный советник Наполеона по вопросам иностранной политики с 1804 по 1808 г.

¹²⁸ Де Готрив (d'Hauterive Alexandre-Maurice, Blanc de Lanautte; 1754–1830) — государственный деятель, автор известной брошюры «Состояние Франции к концу VIII года Французской революции», оправдывающий 18 брюмера, в период империи руководил отделом в Министерстве иностранных дел и отвечал за создание общественного мнения во Франции по вопросу восточной политики Наполеона.

чается в том, чтобы дать почувствовать, что император <Наполеон. — Н. М.>, <...> желает существования Оттоманской империи ради того, чтобы упрочить мир; он желает ее существования для того, чтобы другие не обогатились за ее счет и не сделались опасными для своих соседей; он желает сохранить нашей торговле на юге главный и единственный источник ее процветания. В этом отношении сохранение Оттоманской империи занимает первое место среди наших интересов, Его Величество никоим образом не может ее покинуть...»¹²⁹

Не довольствуясь подобным общением с народом Франции, Наполеон хотел лично говорить с народами Востока. Он обязал французских ориенталистов, под руководством великого канцлера Камбасереса¹³⁰, сочинить и издать на турецком и арабском языках обращение и приказал распространить его в десяти тысячах экземпляров. Это воззвание к мусульманам было представлено «от имени *муэдзина*, глашатая, голос которого всякий час раздается с высоты минаретов, напоминая правоверным о Боге и, призывая их молиться. В его уста были вложены патетические упреки; они заставляли напомнить об успехах России в течение целого столетия, указать на нее, как на ожесточенного врага Ислама и призвать правоверных к беспощадной борьбе»¹³¹. Этим Наполеон надеялся возбудить деятельность громадного числа людей, двинуть их на Дунай и Днестр, отвлечь туда часть русских войск и, следовательно, настолько же ослабить армии, которые русский император намеревался противопоставить ему в Европе.

Так военные действия с Турцией стали приобретать затяжной характер, а дальнейшее их развитие зависело от военных и дипломатических сражений в Европе. Вскоре Тильзит predetermined дипломатический формат рассмотрения восточного вопроса. Предтечей Тильзита стало сокрушительное поражение русских войск 14 июня 1807 года в битве при Фридланде, которую современники называли бойней. Потери русской армии были сокрушительными. Александр I понимал, что речь идет о факте самого существования его империи. Вдобавок над ним тяготели союзнические обязательства, данные Пруссии. Учитывая эти обстоятельства, французские дипломаты, применили новую тактику для ведения переговоров: с князем Д. И. Лобановым-Ростовским¹³² — парламентаром русского императора — старались обращаться чрезвычайно любезно, словно общались «не с побежденным врагом, а с заблудившимся другом», которого следовало вернуть на путь истинный. Благодаря такому дипломатическому ходу наполеоновским дипломатам удалось склонить Александра I

¹²⁹ Цит. по: *Вандаль А. Наполеон и Александр I*. Т. 1. С. 28.

¹³⁰ Жан-Жак-Режис де Камбасерес (Cambacères, 1753—1824), герцог; в 1799-м — канцлер, блестящий юрист, президент революционного трибунала в Париже, второй консул при первом консуле Бонапарте и третьем — Лебрене. После воцарения Наполеона — активный его сторонник. Подробнее см.: Thiers Louis-Adolphe. Histoire de la Révolution Française. Liège. 1828. Vol. 1—10. Книга сохранилась в библиотеке Пушкина. (*Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 349, № 1434).

¹³¹ *Вандаль А. Наполеон и Александр I*. Франко-русский союз во время первой империи. СПб., 1910. Т. 1. С. 14—15.

¹³² Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758—1838), князь — генерал от инфантерии, в 1817—1820 гг. — министр юстиции.

к принятию условий перемирия (без консультации со своим союзником — Пруссией), а также приступить к организации мирных переговоров в «кратчайший срок»¹³³.

*
* * *

25 июня в час дня в павильоне, построенном на реке, разделяющей армии, состоялась встреча двух императоров. Наполеон прибыл в павильон чуть раньше и встречал российского императора как хозяин. Александр I понимал ответственность момента, он хорошо усвоил совет А. Чарторыйского, который подчеркивал: «Монархи так неразрывно связаны с государством, что, обсуждая происходящие в нем перемены, нельзя не обратить внимания на их поведение, от которого большею частью, в сущности, и зависит возвышение и падение империи»¹³⁴.

Впечатление, произведенное Александром I на Наполеона было весьма благоприятным. Французский историк считал нужным отметить в облике русского императора следующее:

«Александр был прелестен в скромной, немного тяжелой, форме Преображенского полка <...> Секрет Александра — нравиться с первого взгляда — заключался в том, что он сразу же принимал простой, дружески доверчивый тон; он как будто с самого начала хотел поставить своего собеседника на дружескую ногу. Слегка склонив голову, с приятной улыбкой на устах, в совершенстве владея оборотами нашего языка, он говорил по-французски с русским акцентом, с мягкими звуками, с почти женской нежностью. Наполеон был очарован его манерой держать себя, которую он не привык видеть у государей древнего рода. Пред ним склонялись германские короли, но они держали себя как трусливые вассалы. На другой день после Аустерлица к его биваку пришел австрийский император; на челе потомка Габсбургов лежал отпечаток горечи от понесенного им поражения; вынужденный умолять о мире, он своей манерой держать себя, своей речью давал заметить, как страдала его гордость от такого шага. В Тильзите Наполеон впервые встретил любезного побежденного, который шел навстречу его предупредительности. Он почувствовал себя поощренным, и доброе желание, проявленное с той и с другой стороны, создало взаимную симпатию. Между двумя монархами, официально находящимися в войне, восстановление мира считалось вопросом как бы решенным, и тотчас была рассмотрена возможность тесного сближения»¹³⁵.

Что бы там ни говорили историки — это было началом дипломатического триумфа русского императора. Во время этой встречи Александр добился от Наполеона того, чего не смог достичь на поле боя, — выполнения своих союзнических обязательств. Пруссии не было предъявлено требование «полной капитуляции» («зачем унижать побежденного противника?»), а было, как и России, предложено перемирие.

Вскоре общение императоров вывело их на обсуждение восточного вопроса,

¹³³ Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 1. С. 52.

¹³⁴ Беседы и переписка между Императором Александром I и князем Адамом Чарторыйским. С. 47.

¹³⁵ Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 1. С. 59.

и тут они впервые заговорили о разделе Турции. До этого Наполеон отстаивал тезис о неделимости Османской Порты, но отстаивал его лишь как почву для соглашения с другими государствами против России. Защита Турции была в его глазах только средством, а не целью¹³⁶. Почвой для объединения императоров в Тильзите послужило недовольство позицией Англии и Австрии¹³⁷. Известие о вспыхнувшем 27 мая в Константинополе восстании янычар, в результате которого был свергнут Селим III, явилось непосредственным импульсом для разговора. Наполеон, сообщив эту новость Александру I, заметил, что Турецкая империя не может больше существовать, что он был союзником Селима, а не Турции, и теперь руки его развязаны¹³⁸.

Основной целью Наполеона, по-прежнему, оставалась Англия, и именно в этом направлении Наполеон просил русского императора оказать ему содействие. В случае положительного ответа Наполеон обещал России выгодный территориальный раздел Порты¹³⁹. Императоры выражали свои намерения устно, в весьма осторожной форме, не закрепленной в письменном тексте договора, так как раздел Турции в глазах Наполеона должен был стать одним из тех средств, которым он считал возможным искушать ожидания России, не беря на себя каких-либо конкретных обязательств. Наполеон не обещал Александру I «ничего положительного, но его глаза, тон его речи, его манера выражаться говорили более, чем его слова»¹⁴⁰. Относительно друг друга, не сговариваясь, императоры приняли одну и ту же тактику ведения дипломатических дискуссий, и если бы кто-нибудь вздумал «определить истинный характер отношений, установившихся в Тильзите, освобождая их от окружающей их трогательной и величественной внешней обстановки, можно было бы их обозначить так: *искренняя попытка к кратковременному союзу на почве взаимного обольщения*»¹⁴¹.

Итог Тильзитской встречи подвел М. М. Сперанский в «Записке о вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира», составленной в конце 1810 — начале 1811 года. Он писал, что «вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром». Так как «самый мир заключал в себе почти все элементы войны. Ни России с точностью его сохранить, ни Франции верить его сохранению невозможно. <...> Тильзит-

¹³⁶ 25 января 1807 г. Галейран писал Готриву: «...я думаю, что ничто не может оживить Османскую империю. По моему мнению, она погибла, и вопрос сводится только к тому, чтобы знать, какую долю получит Франция при ее разделе, который непременно состоится в наши дни». Цит. по: Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 1. С. 28.

¹³⁷ Александр I получил донесение о том, что Англия саботировала Бартенштейнский договор, в результате чего России было отказано в крупном денежном займе, необходимом для ведения военных действий. На союзническую помощь Австрии можно было рассчитывать только в случае полного и безусловного военного успеха России. Наполеон также был недоволен половинчатой позицией Австрии, так как получил известие о том, что Австрия никогда серьезно не думала вести с ним переговоры и только ждала удобного момента, чтобы рассчитаться за прошлые унижения.

¹³⁸ Гальберштадт Л. И. Восточный вопрос. С. 104.

¹³⁹ Возможности раздела представлялись в двух вариантах: Россия получала Придунайские княжества и часть Болгарии, Франция — острова, Боснию, Албанию или Албанию, Эпир и Грецию.

¹⁴⁰ Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 1. С. 67.

¹⁴¹ Там же. С. 68.

ский мир не довольно ослабил Россию, чтоб не могла она помышлять о новой войне. Выгоды сего мира не столь важны, чтоб вознаградить потерю коммерческих ее сношений. Следовательно, один характер Государя доставлял всю достоверность, все ручательства мира. (Послы ее, начиная с Савари¹⁴², всегда здесь твердили, что мир сделан с императором, но не с Россией)¹⁴³.

Неудивительно, что при подобном раскладе Тильзитский мир представлялся русскому обществу национальным унижением и изменой союзническому долгу. В. П. Кочубей и Н. Н. Новосильцев¹⁴⁴ подали в отставку, вдовствующая императрица Мария Федоровна¹⁴⁵ встала во главе проанглийски настроенной оппозиции¹⁴⁶. Все считали, что император Александр полностью подчинил себя воле Наполеона. Однако истинное отношение императора к договору выразилось в выборе личности российского посла в Париже. Им был назначен убежденный противник франко-русского союза генерал Петр Александрович Толстой¹⁴⁷, совершенно неспособный к тонкой дипломатической игре. Он «правильно понял и скрытые враждебные чувства Александра, и свою роль защитника Пруссии,

¹⁴² Савари (Анн-Жан-Мари-Рене Savary duc de Rovigo, 1774–1833) — политический деятель Франции. Участвовал в революционных войнах, с 1800 г. — адъютант и доверенное лицо Бонапарта, который давал ему деликатные, хотя не всегда почетные поручения, в виде тайных расследований. В 1802 г. — директор тайной полиции, руководил арестом герцога Энгийенского и судом над ним. В 1808 г. командовал корпусом в Испании. В 1810 г. сменил Фуше на посту министра полиции и сохранил этот пост до конца империи.

¹⁴³ Сперанский М. М. Записка о вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира // Русская старина. 1900, январь. Т. 101. С. 57.

¹⁴⁴ Новосильцев Николай Николаевич (1761–1838), впоследствии граф, в 1802 г. — товарищ министра юстиции, секретарь кабинета министров.

¹⁴⁵ Вдовствующая императрица Мария Федоровна «сохранила за собой все почести, поклонение, словом весь тот культ, который воздается царствующим особам. Власть прошлого удержала при себе всех приверженцев, которых настоящая власть не пожелала к себе привлечь. <...> Хотя она жила в Павловске <...> знать считала своей обязанностью показываться на ее приемах, по крайней мере, в две недели раз, — Александр сам бывал там два раза в неделю. Старый двор — такое название давали императрице-матери и ее приближенным — оставался, таким образом, великой общественной и светской силой в России и, не имея власти, сохранял влияние. В политике роль старого двора можно было бы сравнить с ролью верхней палаты в конституционном правительстве».

Савари писал: «Царствующей императрице ни о чем не докладывается, и когда иностранец выражает удивление по этому поводу, ему отвечают, *это это не принято*... Во время публичных церемоний императрица-мать чаще всего идет под руку с императором; царствующая императрица идет позади нее и одна... <...> Случалось часто, я сам это видел, что во время военных парадов, войска были уже выстроены, император верхом впереди них, а парад не начинался, потому что императрица-мать еще не прибыла» (Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 1. С. 120).

¹⁴⁶ Великий князь Николай Михайлович. Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. СПб., 1909. Т. 2. С. 256; Mémoires du pr. Adame Czartoryski. P. 1887. Vol. I. P. 316.

¹⁴⁷ Толстой Петр Александрович (1761–1844), граф — генерал от инфантерии. В 1799 г. был отправлен к главнокомандующему австрийской армией в Германии эрцгерцогу Карлу для сношения с Суворовым. В начале войны 1806–1807 гг. ему было поручено соглашать мнения враждовавших между собой корпусных командиров Беннигсена и Буксгевдена и докладывать обо всем императору. По назначении Беннигсена главнокомандующим, Толстой занимал при нем должность дежурного генерала. С октября 1807 г. по 1808 г. — чрезвычайный посол России в Париже.

считая ее возрождение одним из условий ослабления влияния Наполеона в Европе, и с этой точки зрения относился к Наполеону и его правительству»¹⁴⁸.

Доверительный характер Тильзитских переговоров определил то, что взаимные обязательства с Наполеоном Александр I основывал не только на письменных условиях договора, но и на устных заверениях, сказанных наедине, которые сулили России гораздо больше, чем подписанный трактат. Так, однажды Наполеон согласился с требованием Александра на то, чтобы Молдавия и Валахия, независимо от дальнейшей судьбы Оттоманской империи, были присоединены к России. С этого момента вопрос о княжествах стал центром в дипломатических переговорах между Россией и Францией¹⁴⁹. Но жесткая позиция российского императора в данном вопросе лишь ограничивала Наполеона, так как, по словам Талейрана, император всегда имел «две стрелы в своем колчане — охранение Турции и раздел ее — и одинаково легко пользовался и той и другой, смотря по обстоятельствам»¹⁵⁰.

Между тем настойчивые действия российского императора ставили Наполеона в ситуацию однозначного выбора: уступи он притязаниям России, он усилил бы ее влияние на Востоке и подорвал бы союзнические отношения с Константинополем; откажи он России в ее притязаниях на княжества, он лишился бы ее дальнейшей поддержки. Поэтому Наполеон использовал «третью стрелу», предложив невыполнимое для русского императора условие. В качестве компенсации за территориальную уступку Придунайских княжеств Наполеон потребовал присоединение к Франции Силезии. Хотя Александр I решительно отверг это требование, заявив, что «никогда не было речи о предназначении Пруссии служить вознаграждением за турецкие дела»¹⁵¹, тем не менее вопрос о Силезии прочно вошел в расписание последующих русско-французских переговоров.

В январе 1808 года министр иностранных дел Франции Шампаньи¹⁵² предложил Толстому два альтернативных проекта союзнической конвенции: первый сводился к тому, что Россия заключает мир с Турцией, возвращает ей Придунайские княжества, оставляя себе Бессарабию, — в качестве ответного шага Наполеон вывел бы войска из прусских владений. Суть второго проекта сводилась к тому, что Россия гарантировала бы Франции обладание Силезией, а Наполеон обеспечил бы России присоединение княжеств¹⁵³. Извещая об этих

¹⁴⁸ *Пригетта В. И.* Международная политика России после Тильзита // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1912. Т. 2. С. 8. Не все русские политические деятели разделяли эту точку зрения. Румянцев, напротив, видел союз с Францией весьма благоприятным для России, так как с его помощью можно было решить восточный вопрос в пользу России, но без участия Австрии.

¹⁴⁹ Там же. С. 10.

¹⁵⁰ Цит. по: *Гальберштад Л. И.* Восточный вопрос. С. 102.

¹⁵¹ Цит. по: *Пригетта В. И.* Международная политика России после Тильзита. С. 10.

¹⁵² Жан Батист Номпер де Шампаньи (Champagny), с 1808 г. — герцог Кадорский. В 1801 г. был посланником Франции в Вене, в 1804 г. — министром внутренних дел Франции. Когда Талейран оставил пост министра иностранных дел, Наполеон передал этот пост Шампаньи, который был менее самостоятелен, чем его предшественник, и, безусловно, одобрял все, что предлагал Наполеон. В начале 1811 г. между ним и Наполеоном наметились разногласия относительно России, и в апреле 1811 г. Шампаньи был замещен Маре, герцогом Бассано.

¹⁵³ *Гальберштад Л. И.* Восточный вопрос. С. 107.

проектах Петербург, Толстой предостерегал Александра I и министра иностранных дел России Н. П. Румянцева¹⁵⁴ о том, что политика Наполеона двулична и не заслуживает доверия¹⁵⁵.

Нерешительность российского императора убеждала Наполеона в том, что, играя на восточных проектах Александра I, можно было влиять на него в любом направлении. Это мнение горячо поддерживал своими донесениями Коленкур¹⁵⁶. Будучи в это время послом Франции в Петербурге¹⁵⁷ он писал Напо-

¹⁵⁴ Румянцев Николай Петрович (1754–1826), старший сын графа П. А. Румянцева-Задунайского. В 1801 г. министр коммерции, в 1807-м — министр иностранных дел, в 1809-м — возведен в канцлеры.

¹⁵⁵ Позже, 2 декабря 1836 г., В. А. Муханов зафиксировал в своем дневнике рассказ Толстого о его пребывании во Франции, из которого становится очевидным, что миссия Толстого была сопряжена с реальными опасностями. В своем дневнике В. А. Муханов отметил, что, когда Толстой «прибыл на место своего служения после Тильзитского мира (1807), ему пришлось играть унизительную роль по поводу и этого постыдного трактата, и предписаний из Петербурга, с которыми нельзя было не сообразоваться. Прием русскому послу сделан был очень благосклонный. Помещение в Фонтенбло отвели ему рядом с Наполеоном; к нему приставлена была почетная охрана под командой Бессьера. В Париже посол наш жил в отеле, приготовленном для королевы Неаполитанской. Наполеон, увидя раз нашего соотечественника в спектакле, сидящим в кресле, предложил ему на другой день ложу рядом со своей. После восьмимесячного пребывания в Париже, граф Толстой обратился в Тюльерийский кабинет с нотой о выводе войск из Пруссских владений. Император, будучи на охоте с нашим послом, подошел к нему с такими словами: “По-видимому, личные соображения заставляют вас отступать от предписаний вашего двора, г. посланник. Быть может, и Англия тут кое при чем”. На эту выходку граф отвечал, что никогда угрождение Англии или Франции не может руководить его действиями и что вообще отчет в своих действиях он дает только своему государю и повелителю. Такой ответ до того рассердил Наполеона, что он с досады сбросил с головы шляпу и отошел в сторону; русскому посланнику ничего не оставалось, как в свою очередь удалиться. Но вскоре он был позван императором, который, поднимая свою шляпу, кричал ему: “Граф, здесь сбор всем охотникам!” <...> Будучи на охоте и стоя рядом с Массеною, граф Толстой увидал в нескольких шагах на дереве певчего дрозда; в самое то время, как он прицелился, раздался выстрел, и пуля, слегка задев его платье на спине, попала прямо в глаз Массене. Вскоре прибыл Бертье и, предлагая графу Толстому продолжать охоту, объявил, что император по поводу этого случая тотчас явится, чтобы извиниться перед маршалом. Этот последний, оставшийся кривым на всю жизнь, никогда не мог простить Наполеону своего несчастья. Однажды, подойдя к нашему посланнику, он спросил его: “Г. посланник, нет ли у вас хлеба для войск и железа для оружия?” В первых же донесениях, посланных в Петербург, было сообщено об этом» (Русский архив. 1897. Т. 1. С. 268–269).

¹⁵⁶ Арман Огюст Луи де Коленкур (Caulaincourt) (1772–1821) — с 1806 г. обер-штальмейстер и герцог Виченцы, французский дипломат. В 1795 г. в качестве адъютанта сопровождал генерала Обера де Байе в Константинополь. По возвращении командовал карабинерами в походе 1800 г. При восшествии на престол императора Александра I был в качестве дипломатического агента отправлен в Петербург, где сумел заслужить доверие российского императора.

¹⁵⁷ Коленкур 1 ноября 1807 г. был назначен чрезвычайным послом Франции в Петербурге, с содержанием в 800 000 франков и с расходами на помещение 250 000 франков, с избранным персоналом секретарей и чиновников. Ему приказано было во всем поступать широко, превзойти всех в роскоши и заняться делом завоевания светской России. Коленкур весьма преуспел в этом поприще, он не пренебрегал никакими средствами, чтобы упрочить свое влияние в русском обществе, он не щадил ни себя, ни своего состояния. «Так как его высокое положение препятствовало ему быть не в меру любезным и зазывать к себе общество, а нужно было ждать, чтобы оно само посещало его, то он рассылал наиболее деятель-

леону: «Присоединяйте, Ваше Величество, Италию, даже Испанию, меняйте династии, создавайте королевства, требуйте содействия Черноморского флота и сухопутной армии для завоевания Египта; просите, каких хотите гарантий, обменивайтесь с Австрией, чем вам будет угодно, — одним словом, хотя бы весь свет перевернулся вверх дном, но, если Россия получит Константинополь и Дарданеллы, ее, по моему мнению, можно будет заставить на все смотреть спокойно»¹⁵⁸. Александр ожидал решительного аргумента и получил его в письме Наполеона от 2 февраля 1808 года, в котором Наполеон, указывая на последние прения в английском парламенте как на непреодолимое препятствие к миру, настоятельно побуждал его приступить к «великим и обширным делам»: 1) расширить владения России в сторону Швеции, отдалив шведов от северной столицы; 2) осуществить совместный поход в Индию.

Идея совместного похода в Индию была не нова, она предлагалась еще Павлу I и была принята им. Цель экспедиции определялась достаточно откровенно: «Изгнать англичан безвозвратно из Индостана; освободить эти прекрасные и богатые страны от британского ига; открыть новые пути промышленности и торговле просвещенных европейских наций, в особенности Франции: такова цель экспедиции, достойной покрыть бессмертною славою первый год девятнадцатого столетия и главы тех правительств, которыми задумано это полезное и славное предприятие»¹⁵⁹. Силы 70-тысячной армии России и Франции собирались осуществить этот замысел в короткие и вполне определенные сроки (французская армия должна была выступить в начале мая 1801 года, чтобы в конце сентября достигнуть Астрабада, русская — уже с января 1801 года стягивала силы к Оренбургу и ожидала приказа императора к выступлению). Тогда, в 1801 году, Наполеон уже видел в России орудие, готовое к его услугам, как «вдруг исчезла власть, с которой он вел переговоры, и его рука попала в пустое пространство»¹⁶⁰. Ныне Наполеон предлагал иной расклад сил: «Пятидесятитысячная армия, состоящая из русских, из французов, может быть, отча-

ных и обаятельных членов своего посольства, поручая им заманивать к нему. Он даже просил свое правительство об увеличении числа таких помощников; он ходатайствовал о подкреплении: “Смею напомнить Вашему Величеству, — писал он императору, — что мне будет крайне полезен молодой офицер, безукоризненно воспитанный и остроумный, музыкант с приятным голосом, для того, чтобы образумить некоторых молодых дам, более чем другие, недовольных. Наша гвардия кишит красивыми молодыми людьми, обладающими светскими талантами; некоторые из них могут нравиться дамам: итак, нужны только такие, а других совсем не надо”. В этом же письме Коленкур назвал имя своего друга, в качестве эталона отбора молодых офицеров для России. Все это делалось им для того, чтобы привлечь на свою сторону «всю партию Чарторыжского и Кочубея, в которую, необходимо сознаться в этом, эмигрировали наиболее блестящие представители и представительницы светского общества». Деятельность Коленкура не ограничивалась Петербургом, и в Москву он отправил одного из своих атташе (Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 1. С. 141, 332—333). Так возникла предпосылка появления в 1833 г. в России Джорджа Дантеса.

Коленкур был отозван из Петербурга в 1811 г., вследствие назначения на его должность Лористона.

¹⁵⁸ Цит. по: *Пригета В. И.* Международная политика России после Тильзита. С. 14.

¹⁵⁹ Русская старина. 1873. № 9. С. 401. О дальнейшей судьбе этого проекта см.: *Мясоедова Н. Е.* О Грибоедове и Пушкине. 1997, [б. м.]. С. 124 и след.

¹⁶⁰ Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 1. С. 36—37.

сти из австрийцев, направилась бы из Константинополя в Азию; она не достигла бы еще Евфрата, как Англия задрожала бы и пала бы на колени пред державами континента. Я твердо стою в Далмации, вы — на Дунае. Через месяц после того, как мы сговорились бы, наша армия могла бы быть на Босфоре. Этот удар отозвался бы в Индии, и Англия покорилась бы. Я готов пойти на всякое предварительное соглашение, необходимое для достижения такой великой цели. Но взаимные интересы России и Франции должны быть обсуждены и уравновешены»¹⁶¹.

За каждым словом в этом письме, внешне таким искренним и воодушевленным, скрывался подтекст. Австрийцы были введены в состав союзнической армии для того, чтобы противопоставить австрийские интересы русским, на случай, если бы действительно пришлось давать какие-либо территории России. Выход к Босфору означал бы войну с Турцией и последующий раздел ее, но характер раздела не был определен. Не было сказано ни единого слова и о том, как в действительности будут уравнены интересы Франции и России. Наполеон не затронул также вопроса о Силезии и Придунайских княжествах. Не было указано никаких конкретных сроков исполнения проекта: ибо в это время началось вторжение французских войск в Испанию. В довершение к сказанному ближайшие министры Наполеона, и Талейран и де Готрив, советовали ему не торопиться. Де Готрив непосредственно перед Эрфуртом писал Талейрану, что предназначенный к выполнению план раздела Турции и экспедиция в Индию — «дела, при известных условиях возможные <...> нет сомнения, что все это совершится. Оттоманская империя будет разделена, и мы сделаем поход в Индию. Каковы бы ни были последствия этих двух великих событий, они неизбежны; но нужно все сделать, чтобы они не наступили слишком скоро; нужно все сделать, чтобы выиграть время для того, чтобы обратить их в пользу континента, и в то же время нужно все сделать, чтобы они сделались главным предметом действительного и обоснованного страха Англии. В этом всецело узел затруднений. Именно в едва уловимой связи этих двух планов гений и мудрость императора должны найти разрешение современных затруднений»¹⁶².

В Эрфурте Наполеон намеревался проделать то же самое, что в Тильзите, т. е. высказаться чуть более определенно относительно прав России на Придунайские княжества, отложив окончательное решение этого вопроса на будущее. Поэтому его письмо к Александру I имело совершенно конкретные намерения: помимо названной цели, Наполеон намеревался всеми средствами отвлечь внимание России от европейских проблем и тем самым приобрести свободу действия на континенте. В разговоре с П. А. Толстым 6 февраля 1808 года он высказался вполне определенно: «Дать вам Молдавию и Валахию — значит слишком усилить ваше влияние, привести вас в прочную связь с сербами... с черногорцами, греками... Я понимаю желание императора Александра иметь Дунайские княжества, потому что тогда Россия будет повелевать на Черном море; но если вы хотите, чтобы я пожертвовал своим союзником <Турцией.— Н. М.>, справедливость требует, чтобы и вы пожертвовали своим <Силезией.— Н. М.>»¹⁶³.

¹⁶¹ Цит. по: *Гальберштад Л. И.* Восточный вопрос. С. 108.

¹⁶² *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Т. 1. С. 411—412.

¹⁶³ Цит. по: *Гальберштад Л. И.* Восточный вопрос. С. 108.

Торг из-за уже завоеванных княжеств, был для Александра I унижительным. Ему, внуку Екатерины, предлагали получить это территориальное приобретение ценой измены союзническому долгу. Недоверие к намерениям Наполеона укрепилось в нем после продолжительных бесед с Коленкурром, который заявил, что не может в силу договора и по личному указанию Наполеона оставлять его более чем на 24 часа (что фактически означало домашний арест), и вдобавок дал понять, что отдавать России Константинополь не входит в намерения французского императора: «Это слишком много», — было сказано однажды. Александр продолжал настаивать на исключительном праве России на Константинополь: «Наше географическое положение требует, чтобы я владел им, потому что, если он будет принадлежать кому-либо другому, я не буду хозяином у себя дома. Император <Наполеон. — Н. М.> согласился, что для других не будет никакого ущерба в том, что я буду владеть ключом от дверей моего дома». Коленкур возражал: «Этот ключ — в то же время ключ от дверей Тулона, Корфу, от всей мировой торговли». На это император Александр предложил составить такой договор, который бы гарантировал свободу торговли для всех. Но это предложение не нашло сочувствия у Наполеона¹⁶⁴.

Тем не менее Наполеон не был бы великим политиком, если бы не предвидел возможность (под давлением обстоятельств) уступки России Константинополь. На этот, крайний, случай он допускал то, чтобы Черное море сделалось «русским озером, но при условии, чтобы Средиземное море сделалось французским... <...> Он вносил еще поправку, в силу которой оба моря окончательно были бы отделены одно от другого; он сохранял за собой право в случае надобности запереть Черное море. Имея именно это в виду, он и предлагал создать в Константинополе промежуточное государство, поставленное на страже проливов и обязанное держать их закрытыми от России. Если бы Россия во что бы то ни стало пожелала бы получить Константинополь, оккупация Дарданелл, оборудованных так, чтобы запереть выход с востока в Средиземное море, в иной форме выполнила бы цель, преследуемую императором. Россия найдет тогда в Константинополе великолепное, но зато и окончательное завершение своего поступательного движения в Европе, и когда она довершит свою историческую и ниспосланную Провидением миссию, когда отомстит за Крест и водрузит его на Босфоре, когда, благодаря ей, своды храма Святой Софии огласятся торжественным греческим богослужением, — тогда на пороге своего завоевания она столкнется с авангардом Запада, поставленным у второго пролива, владеющим сильно укрепленными позициями и поддержанными силами Франции и Австрии. Все это предоставит более серьезное препятствие, чем слабая и непрочная Турция. Россия отступит перед такой преградой»¹⁶⁵.

Наполеону, придерживаясь намеченной линии, удалось настоять на разрыве дипломатических отношений России с Англией и Швецией и на начале военных действий России против Финляндии. Положение Александра I, которому приходилось быть исполнителем решений, продиктованных чужой волей, становилось все более затруднительным. Наполеон же был свободен от каких-либо союзнических обязательств. Он завоевал Португалию, вторгся в Испанию

¹⁶⁴ Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 1. С. 347.

¹⁶⁵ Там же. С. 273—274.

и изгнал испанских Бурбонов¹⁶⁶. Русское общество пребывало в тревоге. А.Чарторыйский¹⁶⁷, покидая Россию, 28 июня 1808 года в личном письме писал Александру I о намерениях Наполеона: «Настоящий момент настолько важен, что всякое мнение может представлять некоторый интерес; свое мнение я выскажу насколько можно кратче. Я думаю, что ваши теперешние отношения к французскому правительству кончатся для Вашего Императорского Величества самым гибельным образом. У Наполеона только одна цель, которую он преследует непрерывно с тех пор, как управляет Франциею; эта цель состоит в том, чтобы унижать, поработать и уничтожать все существующие правительства для того, чтобы его собственная власть и его династия стали непоколебимыми. <...> Покуда Россия будет подчиняться его желаниям, пока она будет помогать исполнению его планов, он, может быть, оставит ее в покое. Но с минуты, когда он заметит некоторое противодействие с ее стороны, он постарается сломить ее открытою силою. Затруднительнее и досаднее всего, в нашем положении то, что, уступая во всем воле Наполеона, Россия служит лишь интересам этого завоевателя; она увеличивает его средства и уменьшает в значительно большей пропорции свои собственные; она лишает себя возможности противостоять Наполеону, когда он со временем заблагорассудит нанести ей последний удар; последнее же он не замедлит сделать, как только будет уверен в успехе»¹⁶⁸.

В качестве иллюстрации своих положений А.Чарторыйский приводил участь Пруссии, Испании и Португалии и предсказывал, что в ближайшие планы Наполеона входит развал Австрийской империи на отдельные небольшие государства. Дальнейшее развитие ситуации в России ставилось в прямую зависимость от решения участи Австрии и Турции: «Относительно Турции надо еще посмотреть, что окажется выгоднее Наполеону: оставить ли покуда турок в Европе, чтобы держать их на своре и спускать на нас при первой же надобности, или разделить Оттоманскую империю и преобразовать ее по обыкновению; в том и в другом случае выгоды будут на его стороне, а невыгоды на нашей. Как только Австрия и Турция будут изведены на степень, наиболее соответствующую планам Наполеона, наш час пробьет. <...> Начнет он, может быть, просьбою о дозволении французским войскам пройти чрез Россию для того, чтобы предпринять экспедицию в Индию, как он провел их через самую середину Испании для овладения Гибралтаром и завоевания Африки. Он захочет, чтобы Русская армия содействовала этой далекой экспедиции. Когда французские войска займут наивыгоднейшее положение, русские же будут достаточно разобщены, казна и частные лица достаточно разорены, недовольство же и брожение внутри государства достигнут требуемого размера, одним словом, как скоро Наполеон будет уверен, что не встретит противодействия, могущего оста-

¹⁶⁶ Подробнее см.: Лугицкий И. В. Наполеон и Испания// Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1911. Т. 2. С. 32–62.

¹⁶⁷ Поражение под Аустерлицем охладило императора Александра к планам Чарторыйского. В начале июня 1806 г. он оставил пост министра иностранных дел, но некоторое время еще находился в Петербурге.

¹⁶⁸ Записка князя А. А. Чарторыйского, поданная императору Александру I 28 июня 1808 года// РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 372–373.

новить его, и что он в состоянии нанести решительный удар и может не сомневаться в успехе, тогда, Государь, готовьтесь к развязке и катастрофам, подобным тем, свидетелем каковых вы были у других»¹⁶⁹.

Чарторыйский завершал свою записку осторожными предостережениями: «Я не способен найти лекарство для излечения стольких язв, и я тщательно остерегусь подавать советы Вашему Императорскому Величеству. Я осмелюсь только заметить вам, что, ежели продолжать уступать во всем Франции, эти несчастия сделаются от этого только более неотвратимыми, ибо все, что делает Наполеон, все его шаги и требования прямо ведут к ним. Ежели, с другой стороны, вы вздумаете когда-либо оказать ему сопротивление, это не должно произойти от быстрого и неосмотрительного решения, ибо это только ускорило бы вашу гибель. Всякое решение этого рода должно быть заранее обдуманно и заготовлено, по крайней мере, за шесть месяцев прежде, чем сделается известным в народе, и прежде, чем дело дойдет до решительных шагов. Нужно сперва секретно снестись с Англией, с Австрией и с Швецией, послать тайных агентов повсюду; где они будут в состоянии во время разрыва мешать намерениям Наполеона и выдвигать ему препятствия. Необходимо приготовить в хорошо выбранных местах оружие, укрепления, магазины, незаметно расположить войска так, чтобы французская армия встретила некоторое сопротивление и чтобы помощь изнутри и из-заграницы имела время подойти прежде, чем разрыв сделается совершенно необходимым. В продолжение всех этих предварительных мер не должно изменять что-либо в отношениях с Франциею и употреблять все средства, чтобы она не замечала наших опасений и наших действительных намерений»¹⁷⁰.

Свои сомнения относительно раздела Оттоманской Порты высказал и К. А. Поццо ди Борго¹⁷¹ в «Записке», где доказал, что предложение Наполеона, «даже предполагая, что оно искренно, было западней» и что Александр I, «приведя в исполнение это опасное дело по сигналу и под руководством Франции, сделается и орудием и игрушкой бессовестного честолюбия»¹⁷².

Для Александра I стало очевидным, что Наполеон не придерживается более своих обещаний, данных в Тильзите. 2 апреля 1808 года Шампаньи сообщил

¹⁶⁹ Записка князя А. А. Чарторыйского... С. 378–379. Записка А. Чарторыйского хранится в личных бумагах Александра I и после его кончины была обнаружена, представлена Николаю I, а затем 29 ноября 1826 г. передана А. Голицыным К. В. Нессельроде.

¹⁷⁰ Там же. С. 380–381.

¹⁷¹ Поццо ди Борго Карл Андреевич (1768–1842), граф, по происхождению корсиканец. Уже на Корсике начался его конфликт с Бонапартом, который впоследствии перерос в открытое преследование его французским императором. В 1794 г. Поццо ди Борго, будучи президентом Государственного совета Корсики и статс-секретарем, вынужден был эмигрировать в Вену, спасаясь от преследования своего противника. В 1799 г. Поццо ди Борго сопровождал А. Суворова во время его похода в Италию. В 1805 г. он вступил в русскую дипломатическую службу. В 1807 г. перешел в военную службу в чине полковника и был послан в Константинополь как человек, вполне осведомленный в намерениях Александра I для ведения переговоров с Портою. После Тильзитского мира и требования Наполеона о его выдаче Александр I предоставил Поццо ди Борго возможность отъезда в Вену, где тот приобрел такое влияние на Венский двор, что Наполеон потребовал категорической выдачи ему Поццо ди Борго, вследствие чего Поццо ди Борго переехал в Лондон.

¹⁷² Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. I. С. 331.

Коленкуру слова Наполеона, произнесенные в ответ на Александровы упреки: «Мне указывают, что я не придерживаюсь более *Тильзитской песни*: я признаю только *песню, положенную на ноты*, то есть букву договора»¹⁷³. Так изменение политической ситуации предопределило необходимость новой встречи двух императоров в Эрфурте.

Но на этот раз российский император не имел иллюзий относительно своего союзника. Эта перемена в намерениях русского императора была неожиданной для Наполеона. Он привез в Эрфурт договор, согласно которому Россия должна была немедленно оказать ему помощь в войне против Австрии, за это ей в будущем туманно обещались Придунайские княжества. К всеобщему удивлению, Александр I отказался подписать этот проект. В отличие от Тильзита дискуссии императоров проходили в резкой форме, и в один момент переговоры чуть было не прервались по инициативе российского императора — он встал, хлопнул дверью и ушел. Но тем не менее 12 октября было подписано приглашение, по которому Наполеон отказывался от своего посредничества в переговорах между Россией и Турцией. Александр I добился также согласия на присоединение к России Дунайских княжеств (статья 8), Финляндии¹⁷⁴, и гарантий восстановления Пруссии. Взамен он пообещал содействовать Наполеону в случае возникновения вооруженного конфликта с Австрией и отозвал из Парижа неугодного ему П. А. Толстого. По своей сути Эрфуртский договор склонил весы в пользу русского императора. Эффект договора был неожиданным для всех. Прусский король, встретившись с Александром в Мемеле, откровенно сказал ему: «Хорошо, что Ваше Величество снова возвращается назад, ибо ни один человек не верил, что Наполеон отпустит вас обратно»¹⁷⁵.

Значение эрфуртского свидания М. М. Сперанский видел в том, что оно на время дало иное направление вероятности войны: «Период сей можно считать самым благоприятным в сношениях наших с Францией. Благоприятство было основано не на словах, а на самом коренном начале всякого мира — на *невозможности воевать*. Россия вела войну с Турцией и оканчивала войну финляндскую. Франция имела на руках войну испанскую и начинала австрийскую»¹⁷⁶.

Обстоятельства, сопутствовавшие обсуждению и подписанию Эрфуртского договора, были в деталях известны в пушкинском кругу. 31 марта 1828 года А. И. Тургенев записал в своем дневнике: «Обедал у Лансдована с Дюмоном¹⁷⁷ <...> и другими. Дюмон говорил много о Каподистрии, о Бонштетине, о Талей-

¹⁷³ Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. 1. С. 105.

¹⁷⁴ Казаков Н. И. Внешняя политика России перед войной 1812 г.// 1812 год. К 150-летию отечественной войны. Сб. ст. М., 1962. С. 13.

¹⁷⁵ Цит. по: Пригетта В. И. Международная политика России после Тильзита. С. 17.

¹⁷⁶ Сперанский М. М. Записка о вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира. С. 58.

¹⁷⁷ Дюмон (Dumont) Пьер Этьен Луи (1759—1829), швейцарец, спасаясь от преследований аристократической партии, уехал в Петербург, а в 1785 г. — в Лондон, где вошел в круг влиятельных литераторов Фокса и Шеридана. В 1789 г. он приехал в Париж, чтобы хлопотать перед Неккером о восстановлении Женевской конституции. Близко сошелся с Мирабо, которому составлял текст его речей, произнесенных в Конституанте. В 1791 г., вернувшись в Лондон, близко сошелся с Бенгетом и занялся популяризацией основных идей его экономического учения. В 1814 г., когда Швейцарии была возвращена самостоятельность, Дюмон вернулся в Женеву и стал одним из деятельных членов кантонального Верховного Совета.

ране и пр. <...> Дюмон читал многое из Записок Талейрана в Женеве, где Талейран провел с неделю. *Примечательнейшее есть конгресс Эрфуртский, коего подробности и тайны никому еще доселе неизвестны. Я пересказал Николаю <Тургеневу.— Н. М.> все, что слышал, а он пересказал мне то, что знал* о предложении государя через барона Штейна, посылавшего с письмами о сем Николая из Нанси в Женеву к Пиктету — французам Бурбонов. Только Штейн и Поцци¹⁷⁸ были за них из русских. Нессельроде и другие толковали о мире с Наполеоном»¹⁷⁹.

Пушкин не был лично знаком с Дюмоном, но был прекрасно осведомлен о его деятельности. 29 июня 1832 года Н. А. Муханов записал в своем дневнике следующее: «К Вяземскому поздравить с именинами. Нашел у него Полуектову и Александра Пушкина. Она осталась чужда разговору, который продолжался между мною и Пушкиным о новейшей литературе и нововышедших в свет книгах. <...> Я спросил мнения его о Дюмоне, которого еще не читал, но он известен мне по критике *Débats* и по мнению некоторых моих знакомых. Пушкин очень хвалит Дюмона, а Вяземский позорит, из чего вышел самый жаркий спор. Я совершенно мнения Пушкина по его доводам и справедливости заключений. Оба они выходили из себя, горячились и кричали. Вяземский говорил, что Дюмон старался похитить всю славу Мирабо. Пушкин утверждал, напротив, что он известен своим самоотвержением, коему дал пример переводом Бентама, что он выказывает Мирабо во внутренней его жизни и потому весьма интересен, что Jules Janin¹⁸⁰ врет, что французы презрительны, что таланта истинного в них нет, что лучшие их таланты не французы, что Мирабо не француз, что *Journal des Débats* нельзя принимать за мнение всей Франции и что ее мнение даже не верно и пр. Спор усиливался. Полуектова неприметно скрылась в пылу оногo...»¹⁸¹ Как видим, в сознании Пушкина литература тесно смыкалась с политикой, он и литераторов оценивал с их политической платформы.

*
* *
*

Изучение дипломатических документов¹⁸² этой эпохи, не оставляет сомнений в том, что «Александр I с поразительным искусством применял тактику имитации союзнической верности Наполеону, рассчитанную на максимальное продление мирной передышки, необходимой России для мобилизации своих

¹⁷⁸ К. А. Поцио ди Борго (см. выше).

¹⁷⁹ ПД, ф. 309, № 9. Л. 54.

¹⁸⁰ Жанен Жюль (1804—1874) — известный французский критик-фельетонист; с 1829 г. — постоянный сотрудник *Journal des Débats*.

¹⁸¹ Из дневника Н. А. Муханова // Русский архив. 1894. № 4. Т. 1. С. 654.

¹⁸² Великий князь Николай Михайлович. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808—1812. СПб., 1905—1914. Т. I—VII; Трагевский А. Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I // Сборник императорского исторического общества (РИО). СПб., 1893. Т. 88; Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. М., 1829. Шильдер Н. К. Посольство графа П. А. Толстого в Париже в 1807—1808 годах. От Тильзита до Эрфурта. // РИО. СПб., 1893. Т. 89.

экономических военных и политических ресурсов, подорванных предыдущими неудачами»¹⁸³.

Отношение французского правительства к Эрфуртскому договору ясно определено в секретном докладе Шампаньи от 4/16 марта 1810 года¹⁸⁴. Из текста доклада следовало, что «на дружбу с Россией во Франции смотрели, как на необходимый противовес, который обеспечивал бы хотя нейтралитет севера»¹⁸⁵. В восточном вопросе этот документ ставил перед французской дипломатией вполне определенные задачи, которые заключались в том, чтобы «протянуть войну турок с русскими до тех пор, пока значительная часть французской армии необходима в Испании и Португалии, сохранить за собой посредничество при заключении договора, который явится следствием событий, и быть в состоянии заставить турок снова взяться за оружие, когда того потребуют обстоятельства, обещав им средства отвоевать провинции, от которых они вынуждены были отказаться»¹⁸⁶. В Европе предстояло восстановить империю Карла Великого под скипетром Наполеона. Россия же, отброшенная к берегам Днестра, должна была бы навсегда остаться отрезанной от цивилизованной Европы.

Вскоре, после брачного союза Наполеона с дочерью австрийского императора Франца Марией-Луизой ценность дипломатического союза с Россией в глазах наполеоновских дипломатов еще более снизилась. Война между Россией и Францией становилась неизбежной. Можно было определенными мерами¹⁸⁷ удалить начало войны, но никакими средствами невозможно было «отвратить ее на долгое время». Следовательно, как советовал Сперанский, «удаляя войну, должно, однако же, непрестанно к ней готовиться»¹⁸⁸.

Выводы Сперанского совпали с выводами дипломатического чиновника российского посольства в Вене — И. А. Каподистрии, которые он изложил в секретной «Записке о политическом положении России вследствие предстоящего брака императора Наполеона с Марией-Луизой Австрийской»¹⁸⁹. Оценивая по-

¹⁸³ Казаков Н. И. Внешняя политика России перед войной 1812 г. С. 14; Клаузевиц К. 1812 г. М., 1937; Живелегов А. Александр I и Наполеон. М., 1915.

¹⁸⁴ Этот доклад был доставлен в Петербург русскими агентами незадолго до отъезда Александра I в Вильно.

¹⁸⁵ Кто истинный виновник войны 1812 г.// Русская старина. 1897. № 3. С. 422; Карцов Ю., Военский К. Причины войны 1812 г. СПб., 1911; Середонин С. Политические причины войны 1812 г.// Записки разряда военной археологии и археографии. СПб., 1912. Т. II.

¹⁸⁶ Кто истинный виновник войны 1812 г. С. 493.

¹⁸⁷ Таковыми, как: 1) пресекать слухи о войне; 2) воздействовать дипломатическими средствами на венский и прусский кабинеты; 3) воспользоваться удобным случаем и послать к Наполеону курьера с заверениями в дружбе.

¹⁸⁸ Сперанский М. М. Записка о вероятностях войны с Францией... С. 65.

¹⁸⁹ «Из всего сего происходят следующие вероятности: 1) Союз Франции с Австрией может приблизить мир. 2) Но с приближением и даже с заключением мира Россия угрожается отложением Польши и ее провинций. 3) Есть ли мира не будет, то нет основания ожидать в сей стороне каких-либо важных перемен. Таким образом, Россия, получив морской мир, должна готовиться к войне. Вместо одного представится ей 4 следующих неприятеля: 1) Польша, 2) Швеция, 3) Порта, 4) Персия. Франция станет тогда в самом выгодном и счастливом положении. Отворив все пути своей торговле, воспользовавшись всеми выгодами мира, она не вмешается в войну, будет производить ее не людьми и не деньгами, но влиянием и подущением, будет уверять Россию в своей дружбе, а между тем пользоваться ослаблением и, возбудив ей домашних неприятелей, будет спокойно следовать всегдашней

зицию России в восточном вопросе, Каподистрия отметил, что «если Франция при морском мире застанет войну нашу с Портою неоконченную, то окончить ее никак не допустит; к сему будет она иметь все способы. Она обнадежит ту-рок своим покровительством, Англия в сем с нею так же соединится, так как и теперь, невзирая на всю вражду, в сем пункте они совершенно сходны. Она заставит Австрию сделать против нас движение, обещав и даже отдав ей на сем условии Сербию»¹⁹⁰.

В той же записке Каподистрия указал на недостаточность и приблизительность сведений, получаемых государственной коллегией иностранных дел из агентурных источников: «В чем состоят источники наши в Париже? В после¹⁹¹, коего всегда и везде обманывали и проводили. Таким образом, сколько мне известно, мы стоим совершенно во мраке; а первое средство ко спасению есть осветить и узнать опасность. Для сего не довольно предполагать ее вообще; должно еще знать с вероятностью, где и какими степенями она постигнуть нас может. По сему первый шаг в настоящих обстоятельствах есть прояснить их точным надзором трех верных и надежных людей, коих для сего иметь нужно в Париже, в Вене и в Лондоне. От сведений, кои они доставить могут, зависеть будут и те поручения, кои им в тайне дать можно. Но людей сих иметь непременно нужно»¹⁹².

своей политике, чтоб вытеснить Россию из череды Европейских Держав. ...не быв во вражде открытой, Франция тем не менее будет вести с нами войну столько же для нее удобную, как и беззаботную. Чего стоит ей возбудить против нас Швецию и Порту?» (РГИА СПб., ф. 1409, оп. 1, д. 517, л. 17–19).

¹⁹⁰ РГИА СПб., ф. 1409, оп. 1, д. 517, л. 23–24.

¹⁹¹ Каподистрия имеет в виду канцлера российских орденов, действительного статского советника I класса, члена Государственного совета князя Александра Борисовича Куракина (1752–1818), который будучи в родстве с графами Паниными воспитывался вместе с царевичем Павлом Петровичем и вследствие этого приобрел влияние на будущего императора. В 1773 г. Куракин вступил в петербургскую масонскую ложу *Capitulum Prtropolitanum* и содействовал установлению ее связей с шведскими масонскими ложами, но звание магистра уступил князю И. С. Гагарину, удалившись от непосредственного участия в делах ордена, хотя совершенно его не оставил. Попытки привлечь к участию в ордене Павла I предпринимались именно через Куракина. Из-за неосторожных высказываний в переписке с Павлом Бибиковым Куракин некоторое время находился в опале, но по восшествии на престол Павла I был назначен вице-канцлером (16 ноября 1796 г.), действительным тайным советником (17 ноября), получил 150 тысяч рублей на уплату долгов, орден Андрея Первозванного и т. п.

Тем не менее с 1798 г. по февраль 1801 г. Куракин предпочел жить в своей деревне, а вернувшись в Петербург, с легкостью сместил Ростопчина со всех занимаемых им должностей и вновь стал вице-канцлером. При Александре I он сохранил эту должность до 5 сентября 1802 г., когда сдал дела своему преемнику графу Александру Романовичу Воронцову. Куракин получил должность канцлера российских орденов. Тильзитский мир был подписан им и князем Д. И. Лобановым-Ростовским. Во время переговоров Наполеон и Талейран высказывали пожелание видеть послом в Париже именно князя Куракина. Но так как князь был еще 18 июня 1806 г. назначен послом в Вену (вместо А. К. Разумовского), то в Париж получил назначение П. А. Толстой, которого Куракин сменил летом 1808 г. и пробыл на этой должности вплоть до июля 1812 г.: 15 апреля он получил аудиенцию у Наполеона, 27 апреля сложил с себя полномочия, но выехать ему не разрешили вплоть до возвращения в Париж французского посла в России Лористона.

¹⁹² РГИА СПб., ф. 1409, оп. 1, д. 517, л. 28–30.

Реально оценивая полученную информацию, Александр I стал практиковать отправку к главам иностранных государств своих доверенных лиц, которые действовали независимо от Государственной коллегии иностранных дел. Так несколько раз в Париж посылался полковник А. И. Чернышев¹⁹³. Миссия А. И. Чернышева официально была связана с обменом посланиями между Наполеоном и Александром I по дипломатическим вопросам, но по существу основной целью его поездок было выяснение планов Наполеона относительно вторжения в Россию. Во время своего визита во Францию А. И. Чернышев помимо государственных лиц встречался и с опальным Талейраном¹⁹⁴. Талейран уже в 1810 году указал не только на неизбежность войны с Наполеоном, но и на 1812 год как дату начала военных действий. Донесения А. И. Чернышева вскоре подтвердили эти сведения. В преддверии предстоящей войны он писал, что «единственное внимание всякого <...> русского должно состоять в том, чтоб как можно скорее прекратить войну с турками и если потребуют обстоятельства, то заключить мир на каких бы то ни было условиях. Это жертвование будет с избытком вознаграждено теми выгодами, которые необходимо последуют, и тем положением, которое может принять Россия, — грозным и внушительным, способным заставить уважать ее волю во время мира, а в случае разрыва с Францией даст ей неизмеримое преимущество — предупредить своего врага. Скажу даже более: оно даст нам возможность нанести сильнейший удар выгодам Наполеона, войдя в соглашение с Австрией и Швецией...»¹⁹⁵

Приехав в Париж в конце марта 1811 года, Чернышев чутко уловил происшедшие во Франции перемены. Первая аудиенция у Наполеона началась с коренного вопроса императора: «Ну, чего же у вас ожидают — войны или мира?» Ознакомившись с посланием Александра I, Наполеон сказал Чернышеву:

«Письмо, которое вы мне привезли, не похоже на прежние письма. Император Александр не хотел понять моего письма, ни отдать справедливости той откровенности, с которою я приглашал скорее водворить согласие между нами для обоюдных наших выгод. Он забыл Тильзит и Эрфурт и слушает только внушения англичан и известия своих посольств. Вы говорите, что он искренне желает мира, но разве не важным побуждением к войне может служить его распоряжение о передвижении нескольких дивизий из турецкой армии к границам Варшавского герцогства? <...> Я буду рассуждать с вами не как император Наполеон, но как настоящий русский ревностный слуга императора Александра.

¹⁹³ Чернышев Александр Иванович (1786—1857), светлейший князь — генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Принимал участие в сражении при Аустерлице в 1808 г., ездил в Париж и Байону с поручениями к Наполеону. Во время кампании 1809 г. состоял при французском императоре.

¹⁹⁴ Прибыв вторично в Париж 22 декабря 1810 г. и получив аудиенцию у Наполеона 23 декабря, на следующий же день А. И. Чернышев посетил Талейрана и передал ему личное послание Александра I. «Его светлость, казалось, — писал Чернышев Александру I 9/21 апреля 1811 г., — был очень счастлив и польщен получить его <письмо. — Н. М.> и объяснялся со мной как настоящий друг России, напирая в особенности на то, чтобы мы, при современных обстоятельствах, как можно скорее заключили мир с турками. Остается узнать, был ли он искренен» (Донесения полковника А. И. Чернышева императору Александру I в 1810—1811 гг. // Сб. Русского Императорского исторического общества (РИО). СПб., 1877. Т. 21. С. 59 (оригинал на франц.)).

¹⁹⁵ Там же. С. 62—63.

Предположим, что вы решились разорвать союз со мною и соединиться с Англией; в таком случае для вас было бы необходимо совершенно отказаться от турецких провинций. Если бы вы только решились на это, то ваш мир с турками был бы заключен без всяких затруднений, потому что этим вы исполнили бы их желания. <...> Заключив мир с турками, вы имели бы в полном распоряжении все те войска, которые против них действуют, и могли бы употребить их для большой войны. Но этим самым вы достигли бы другой важнейшей цели: поправили бы ваши отношения к Австрии; между тем, при настоящем положении дел, если я не могу вполне рассчитывать на эту державу, то вы еще менее можете на нее рассчитывать, с тех пор как ей известны ваши виды на Турцию <...> Я вам сказал перед последним вашим отъездом, и вы сами могли в этом убедиться, что *я не могу, если бы даже и хотел, нагать с вами войну ранее октября месяца* <1811 года.— Н. М.>. В таком случае вы имели бы достаточно времени, чтобы подписать мир с Портой и еще двинуть войска ваши к границам герцогства, если бы я также двинул мои войска. Между тем при теперешнем положении вы не можете достигнуть ни того ни другого. Я сержусь на императора Александра не как французский император, но как человек, искренне ему преданный и никогда еще не встречавший человека, в котором доброта характера была бы соединена с такими любезными и очаровательными приемами в обхождении, как в нем, предписывая движение войскам, он, очевидно, действовал вопреки своим собственным выгодам. С одной стороны, вы враги Англии и Турции, потому что следуете системе Франции; с другой — не решаясь заключить мир с Турцией, вы угрожаете и возбуждаете неудовольствие Австрии в то самое время, как, выводя свои войска из Турции, вы возбуждаете тревогу во Франции, где не могут не внушать недоверие все ваши движения. Последствием всего этого было то, что вы поставили себя в дурные отношения ко всем, а Пруссию — даже в жалкое положение»¹⁹⁶.

Наполеон, как всегда, хитрил: из донесений Шампаньи Наполеону от 16 ноября 1810 года, которые позже удалось добыть А. И. Чернышеву, со всей очевидностью следовало, что Россия не скоро окончит свои дипломатические переговоры с Турцией: «Фанатическое упорство султана и надежды, которые г. Руффин ловко внушает Дивану, обеспечивают нам,— писал Шампаньи,— некоторую отсрочку, которой не предвидела русская политика»¹⁹⁷. Поэтому А. И. Чернышев неоднократно писал Александру I, что «Наполеон желает выиграть только время»¹⁹⁸.

¹⁹⁶ Донесения полковника А. И. Чернышева... С. 77—78.

¹⁹⁷ Там же. С. 209.

¹⁹⁸ Там же. С. 91.

В другом сообщении А. И. Чернышев писал, что, получая печальные известия из Испании, Наполеон понимает, «в какое затруднительное положение он был бы поставлен, если бы мы немедленно на него напали. Ему нужно выиграть время, иначе он был бы принужден или остановить завоевание Испании, или, захваченный врасплох, должен бы выдержать бесполезную войну с нами. По этому соображению он изменил свой образ действий в отношении к нам; но, лаская нас, он в то же время усилил свои военные приготовления. Очевидно потому, что, какое бы ни последовало решение со стороны нашего правительства, все выгоды заключаются в том, чтобы оно последовало как можно скорее. Если оно решится воевать, то чем скорее оно начнет войну, тем менее подготовленным найдет противника. Если

Миссия А. И. Чернышева, как и миссия П. А. Толстого, была сопряжена с реальными опасностями. Сообщая о размещении французских войск в Европе и о возможности соединений под командованием маршала Удино пройти через Лион или Италию, А. И. Чернышев в своем донесении присовокупил: «Я постараюсь добыть подробные сведения об этом важном предмете; но в настоящее время я должен с меньшею деятельностью производить мои изыскания, будучи стеснен и находясь под постоянным надзором агентов и многочисленных шпионов полиции»¹⁹⁹, которые меня окружают. Я решился на это особенно потому, что сведения, которые добывает граф Нессельроде из военного министерства, мне кажется, довольно верны»²⁰⁰.

Граф К. В. Нессельроде²⁰¹, если использовать современную нам терминологию, около двух лет был нашим резидентом во Франции. Во время Тильзит-

оно решится войти в мирные переговоры, то по тем же самым причинам не следует медлить, иначе найдем императора Наполеона менее сговорчивым, и тем менее он сделает уступок нам, чем более подвинутся вперед его военные приготовления. Несмотря на то что в настоящее время не выгодно Наполеону начинать войну с нами, однако же, получив известия о наших вооружениях, он счел нужным усилить свои. Мне кажется, что лишь только он доведет их до известной степени, то, зная его характер, можно предполагать, что он не даст нам свободы выбора» (Донесения полковника А. И. Чернышева... С. 160–161).

¹⁹⁹ Далее Чернышев рассказал о той ловушке, которую подстроила для него французская полиция так: «В одно утро явился ко мне один из таких агентов полиции и вызвался мне доставить сведения о распоряжениях военного министерства в отношении к движениям войск и о положении в армии. Чтобы удобнее поймать меня, он объявил, что отказывается от денежного вознаграждения, и дал мне прилагаемое при сем расписание полков, из которых должна быть составлена германская армия, очевидно, ложное. Так как я понял значение и попытки, посредством которой хотели поймать меня, и не желая быть обманутым, я прогнал его, дав понять ему, что замечаю хитрость; но в то же время я оставил бумагу, которую и сообщая вашему сиятельству» (Там же. С. 163).

²⁰⁰ Там же. С. 163.

²⁰¹ Нессельроде Карл Васильевич (Карл-Роберт) (1780–1862) — начал свою карьеру мичманом, а в 1796 г. получил должность флигель-адъютанта Павла I; периодически находился в немилости у императора, который, однако, искупал его опалу щедрыми дарами; в 1800 г. пожаловал ему звание камергера. После кончины императора Нессельроде ходатайствовал о переходе на дипломатическую службу и 13 августа 1801 г. был назначен сверхштата в русскую дипломатическую миссию в Берлине к барону А. И. Криденеру, по кончине которого перевелся в нидерландскую миссию в Гааге.

После подписания 27 марта 1802 г. Амьенского мира недовольство Англии территориальным разделом и быстрыми успехами Наполеона стало возрастать. Англия отказалась оставить свои претензии на Египет и Мальту и 10 мая 1803 г. предъявила Франции ультиматум, требовавший вознаграждения изгнанного Наполеоном короля Сардинского и вывода французских войск из Батавской и Гельветической республик. Французское правительство отказалось выполнить эти условия, тогда 22 мая 1803 г. Англия объявила войну Франции.

Русский посланник граф Густав Штакельберг в связи с нарушением Амьенского мира оставил Гаагу в 1804 г., и Нессельроде был аккредитован поверенным в делах. В его обязанности входило наблюдение за подготовкой предполагавшейся в то время экспедиции Наполеона в Англию. А после заключения в 1805 г. коалиции между Россией, Англией и Австрией против Франции Батавское посольство было отозвано, но самому Нессельроде было предписано оставаться в Гааге и продолжать негласное наблюдение за военными приготовлениями французов. Он покинул Голландию лишь весной 1806 г., когда Россия не признала легитимность воцарения там Людовика-Бонапарта. Нессельроде перевелся в Берлин, в 1807 г. он — дипломатический курьер при графе Каменском и Беннигсене. Вскоре Нессельроде получает

ских переговоров он состоял в свите князя А. Б. Куракина. Затем был послан в Париж, сначала ненадолго с поручением по предполагавшемуся тогда внешне-му займу. Но Сперанский, желая воспользоваться такой поездкой своего доверенного человека, «предложил присоединить к гласно заявленной цели его командировки и секретную дипломатическую миссию». Это совпало с намерениями императора, который не имел особого доверия к послу России при французском дворе князю А. Б. Куракину и министру иностранных дел графу Н. П. Румянцеву, известному своим восторженным отношением к императору французов²⁰². Так «Нессельроде был оставлен в Париже советником посольства, и между ним и Сперанским установилась, с ведома и по точной воле государя, постоянная переписка, которая была введена в глубокой тайне и от А. Б. Куракина и от Н. П. Румянцева, и сделалась впоследствии одним из главных источников сведений вернейших и полезнейших и много способствовала к раскрытию заранее истинных намерений Франции»²⁰³.

В служебные обязанности К. В. Нессельроде входило редактирование всей переписки П. А. Толстого с Наполеоном. Одновременно он был посредником в тайной переписке Александра I с Талейраном²⁰⁴ и Коленкур²⁰⁵. Эта переписка, продолжавшаяся с марта 1810 года по сентябрь 1811 года, важна для понимания внешнеполитической обстановки, в которой находилась Россия в это время. Механизм этих тайных сношений был таков. В Коллегии иностранных дел делами важнейших заграничных миссий заведовал Жерве, имевший под своим началом экспедицию дешифровки депеш, в которой управляющим был статский советник Христиан Андреевич Бек. Секретные дипломатические донесения графа Нессельроде из Парижа направлялись помимо канцлера и к Сперанскому, который докладывал их государю. Однако Жерве, не ограничиваясь этим и уже не имея на то полномочий, без ведома начальства «тайно сообщал Сперанскому все, что поступало наиболее важного и любопытного по нашим сношениям с Западной Европою». Таким образом, император Александр вел частную переписку с второстепенными в дипломатической иерархии лицами минуя канцлера, а Сперанский был посвящен в высшие дипломатические тайны. «Для того, чтобы канцлер, гр. Н. П. Румянцев, не мог этого узнать, государь вычеркивал из предъявленных ему через Сперанского дешифровок все, что могло бы раскрыть тайные сношения; с этими исключениями они представ-

должность в русском посольстве в Париже, где пребывает до августа 1811 г. По дороге в Россию он заезжает в Вену и устанавливает деловые контакты с Меттернихом. Эта деятельность явилась основой дальнейшей блистательной карьеры Нессельроде. С конца 1811 г. он — статс-секретарь ГКИД; с 9 августа 1816-го по 15 апреля 1856-го — управляющий Министерством иностранных дел России, с 24 марта 1828 г. — вице-канцлер, с 17 марта 1845 г. — государственный канцлер.

²⁰² Н. П. Румянцев был настолько предан идее союза с Наполеоном, что когда услышал о переходе Немана французской армией, то от потрясения с ним сделался апоплексический удар, и он навсегда потерял слух.

²⁰³ Русская старина. 1900, январь. Т. 101. С. 57.

²⁰⁴ Попов А. Н. Сношения России с европейскими державами перед войною 1812 года. СПб., 1876. С. 3.

²⁰⁵ *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode*. Paris. 1905. Vol. 2. P. 69–71.

лялись канцлеру, и тот вновь докладывал государю в неполном виде уже известное ему вполне»²⁰⁶.

Итак, начиная с Эрфуртской конференции, Александр I, основываясь на секретных сообщениях и политических советах Талейрана, полученных при посредстве К. В. Нессельроде и М. Сперанского, был осведомлен о политических и военных планах Наполеона. Однако, как отметил Е. Тарле, Талейран, предавая Наполеона в пользу России, в то же время предавал и Россию в пользу Австрии. По определению Е. Тарле, Талейран вел не двойную, а тройную игру²⁰⁷. После окончательного разрыва с Наполеоном в 1809 году Талейран был вынужден отказаться от всех своих должностей и жить в опале в своем имении. Понимая, что ожидать скорого падения Наполеона нет оснований, он, с одной стороны, пытался восстановить с ним отношения, а с другой — наладить отношения с его противниками. В этой опасной игре союзником опального Талейрана выступал министр полиции Фуше, который знал об отношениях Талейрана с Россией. Именно от Фуше шла информация столь важная для Талейрана и его русских корреспондентов. Внезапная отставка Фуше 3/15 июня 1810 года²⁰⁸ была тяжелым ударом для обеих сторон, так как отразилась на количестве секретных сведений, доставлявшихся Талейраном в русское посольство.

Пушкин, очевидно, был осведомлен об этой дипломатической дуэли двух императоров. В конце января — начале февраля 1825 года, как только стало известно об издании записок Фуше, он писал из Михайловской ссылки брату: *«...милый мой, если только возможно, отыщи, купи, выпроси, укради Записки Фуше²⁰⁹ и давай их мне сюда; за них я отдал бы всего Шекспира; ты не воображаешь, что такое Fouché! Он по мне огарователнее Байрона. Эти записки должны быть сто раз поугительнее, занимательнее, ярже записок Наполеона²¹⁰, т. е. как*

²⁰⁶ *Семевский В. И.* Падение Сперанского // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1911. Т. 2. С. 242.

²⁰⁷ *Тарле Е. В.* Талейран. М., 1992. С. 121.

²⁰⁸ 31 декабря 1811 г. А. И. Чернышев писал Н. В. Румянцеву: «Герцог Оранский (Фуше), который в продолжение нескольких месяцев жил в своем поместье в 8 милях от Парижа, получил повеление приехать в город, где и поселился уже дня три, четыре тому назад. Говорят, что он займет свое место в Сенате, а некоторые предполагают, что в случае войны с нами император возьмет с собою Савари, чтобы охранять свою безопасность, а герцогу Оранскому поручит его прежнее министерство; но это невероятно по недоверию, которое император Наполеон еще сохраняет к нему» // РИО. Т. 21. С. 301.

²⁰⁹ В 1824 г. в двух томах в Париже были изданы Альфонсом де Бошаном «Mémoires de Fouché», но семья Фуше заявила, что они подложны. Пушкин прочел записки Фуше до 25 мая 1825 г.

²¹⁰ Пушкин имеет в виду записки Наполеона, изданные в Париже в 8 томах в 1822–1823 гг., — «Mémoires pour servir à l'histoire de France sous Napoléon». Сравните пушкинское высказывание с мнением П. А. Вяземского в статье о «Mémoires» графини Жанлис, где он определяет XIX век как «век записок, воспоминаний, биографий и исповедей вольных или невольных» и далее пишет: «Мы проникли в сокровенные помышления Наполеона: Лас-Каз, Гурго, Монтолон, Бертран, барон Фэн, Омира, Антомарки обратили нас всех в яснovidящих или погрузили Наполеона в сон магнетический и заставили его обнажить перед нами всего внутреннего человека. Даже министр полиции водит нас по мрачным излучинам своего лабиринта, и посредством сей контрполиции мы так же можем исследовать каждый шаг Фуше, как он в свое время знал о каждом шаге, выпечатанном на почве Европы» (*Вяземский П. А.* Собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 206).

политика, потому что в войне я ни чорта не понимаю. На своей скале (прости Боже мое согрешение!) Наполеон поглупел — во-первых, лжет как ребенок, 2) судит о таком-то, не как Наполеон, а как парижский памфлетер <...> тем более, что самых важных сведений именно и не находится. Читал ты записки Нап.<oléon>? Если нет, так прочти: это, между прочим, прекрасный роман *mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille*. (XIII, 143; «но все, что относится к политике, — писано только для герни»). И в этом же письме Пушкин упоминает, что работает над собственными записками: «Прощай, стихов новых нет — пишу Записки, но и презренная проза мне надоела» (XIII, 143).

Думается, что спустя определенное время Пушкин все-таки получил необходимые ему сведения от непосредственных участников столь удивительных событий, например от графа П. А. Толстого, который часто рассказывал в свете о своем пребывании в Париже. Основываясь на его устных рассказах, В. А. Муханов 2 декабря 1836 года записал в своем дневнике следующее: «Старики — ходячие мемуары, живые записи событий. Ничто не может сравниться с тем любопытством, какое возбуждает человек, бывший свидетелем великих событий и находившийся, по воле судьбы, в соприкосновении с гением или какой-нибудь знаменитостью. Такой собеседник, особенно если он красноречив, драгоценнее самой замечательной книги о той эпохе. Граф П. А. Толстой, бывший около двух лет русским послом в Париже во время Империи, принадлежит к немногочисленному числу таких старцев. Их все бы слушал, когда они рассказывают о том времени, которое, и по величию событий, и по блеску действовавших в них лиц, одинаково достопамятно»²¹¹. Вслед за этим В. А. Муханов записывает несколько эпизодов, основанных на рассказах П. А. Толстого. Мы приведем только два из них, повествующих о Талейране: «Мысль идти на Париж не принадлежит Дибичу или кому другому из наших генералов. Решение это принято было вследствие бумаги, которую прислал Талейран в главную квартиру и в которой он писал, что парижане ожидают союзных войск с нетерпением и что они будут приняты, как спасители. Граф П. А. Толстой видел сию бумагу и утверждает, что без оной, судя по тому страху, под влиянием которого находилась тогда главная квартира, никогда не решились бы на сию важную меру. <...> Талейран однажды сказал: *On ne doit jamais suivre le premier mouvement car il put quelquefois être bon*; а в другой раз он же так выразился: «*Dieu a donné la parole à l'homme pour déguiser sa pensée*»²¹² («Никогда не надо держаться первоначального побуждения, так как иной раз оно может быть благожелательным». «Бог дал человеку слово, чтобы он прикрывал им свою мысль»).

*
*
*

Из предшествующего повествования следует, что М. Сперанский знал многие государственные тайны, но, однако, не все, и вскоре в этом уверился. Г. С. Батенков, с его слов, пересказывал К. Г. Репнинскому любопытный эпизод, связанный с утечкой секретной информации из канцелярии военного министра.

²¹¹ Из записок В. А. Муханова. 1836—1855// Русский архив. 1897. Кн. 1. С. 268.

²¹² Там же. С. 269—270.

Суть происшествия заключалась в том, что военный министр А. И. Горчаков²¹³, возвратясь однажды от государя, все доложенные бумаги сдал, по обыкновению своему адъютанту А. В. Воейкову²¹⁴, который, также по обыкновению, привез их к себе на дом. Случилось, что в тот же самый день заехал к нему начальник личной канцелярии Сперанского М. Л. Магницкий²¹⁵ и, не застав А. В. Воейкова, остался ждать. «Кабинет был отперт, и Магницкий, как старый приятель, не затруднился туда войти. Здесь, увидя на столе портфель, он, от нечего делать или из особого любопытства, заглянул в него и нашел бумаги глубочайшей тогдашней тайны, относившиеся к военным приготовлениям и планам, о которых ни он, Магницкий, ни Сперанский, не имели положительных и полных сведений. Первым порывом Магницкого было, захватив эти бумаги, броситься с ними тотчас к своему патрону. Потом, когда последний пробежал их содержание, они были опять немедленно отвезены на свое место. Воейкова все еще не было дома. Сперанский, с своей стороны, вслед за прочтением бумаг, отправился к государю и с жаром начал порицать и опровергать выведенные в них предположения»²¹⁶.

Достоверность эпизода сомнений не вызывает. Однако если все изложенное — правда, то чего же мог не знать Сперанский, что проходило мимо него по Военному министерству? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Александр I, получив подробные сведения от А. И. Чернышева и К. В. Несельерде, вместе с кабинетом министров был поставлен перед вопросом, какую тактику предпочесть: ждать ли нападения Наполеона или предупредить его, как советовал А. И. Чернышев, вступив в Пруссию или Варшавское герцогство²¹⁷. План польской кампании 1811 года представлялся Александру I простым и надежным. Он состоял в том, чтобы убедить поляков, что русский император не только обеспечит их национальную независимость не хуже Наполеона, но даст больше него, «даровав Польше свободные конституционные учреждения»²¹⁸. В лице А. Чарторыйского Александр I имел такого посред-

²¹³ Горчаков Алексей Иванович (1769–1817) — племянник А. Суворова, под началом которого прошел военную карьеру от флигель-адъютанта до командира Азовского пехотного полка. В 1812 г. — управляющий департаментом Военного министерства. Это назначение было обусловлено не личным доверием императора, а лишь старшинством Горчакова в офицерском корпусе. Это выразилось на ограничении его прав в управлении министерством, организацию коего он завершить не смог, что привело к отставке. В 1814 г. комиссия по расследованию дел провиантского департамента обнаружила причастность Горчакова к хищениям. В 1816 г. он бежал за границу, где вскоре умер. Однако, несмотря на это обстоятельство, судное дело его закончилось только десять лет спустя по приказу Николая I по возмещении причиненных казне убытков наследниками Горчакова.

²¹⁴ Воейков Алексей Васильевич (1778–1825) — участник Отечественной войны 1812 г., впоследствии генерал.

²¹⁵ Магницкий Михаил Леонтьевич (1778–1855) — окончил Московский университет, затем служил в гвардейском Преображенском полку, вскоре перешел в Государственную коллегию иностранных дел и побывал с дипломатическими поручениями в Вене и Париже; вошел в доверие к Сперанскому как ревностный исполнитель его проектов. После падения Сперанского был сослан в Вологду, где находился до 1816 г.

²¹⁶ Деятели и участники в падении Сперанского... С. 499–500.

²¹⁷ Казаков Н. И. Внешняя политика России перед войной 1812 года. С. 20–21.

²¹⁸ Покровский М. Н. Дипломатические войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 38.

ника²¹⁹, лучше которого найти было трудно. Однако С. Понятовский²²⁰, как главнокомандующий польской армией, ознакомившись с планами российского императора, поспешил проинформировать об их содержании Наполеона. После этого «замыслы Александра могли достичь лишь одной цели: они показали французскому императору, что с войной надо спешить, не теряя ни минуты»²²¹. Свою информированность о планах русского генералитета Наполеон напрямую выказал А. И. Чернышеву 13 (25) февраля 1811 года, сказав: «Что касается меня, то я могу вас положительно уверить, что не начну войны в этом году, разве вы вступите в территорию герцогства Варшавского или короля Пруссии, которого я считаю своим союзником»²²².

Так, информированность Франции о намерениях русского командования и отсутствие надежных союзников вынудили Александра I отказаться от мысли предпринять поздней осенью 1811 года превентивную войну против Наполеона²²³. Отклонение Россией самой идеи превентивной войны было вызвано не внутренними соображениями, не надеждами на народный патриотизм, а фактическим провалом русской дипломатии в стремлении привлечь на свою сторону патриотические силы Польши и прусское правительство Фридриха-Вильгельма III, без поддержки которых «переход русских армий в наступление за пределы России был бы авантюристической затеей, обреченной на неизбежный провал»²²⁴.

При таком раскладе сил России оставалось только ждать первого удара Наполеона и готовиться к нему. Талейран в марте 1811 года сообщил дату начала военных действий против России — 1 апреля 1812 года²²⁵. Дипломатические переговоры России с Варшавой и Берлином относительно начала превентивного военного удара оказались безрезультатными: Пруссия колебалась, Варшавское герцогство, получив обещание Наполеона на восстановление самостоятельности Польши²²⁶, потребовало и от России независимости²²⁷ (о чем свидетельствовали переговоры с А. Чарторыйским²²⁸). Россия готовилась к принятию первого удара и стягивала войска к западным границам. У главнокомандующего молдав-

²¹⁹ Беседы и частная переписка между императором Александром I и Адамом Чарторыйским. М., 1912.

²²⁰ Понятовский Станислав (1755—1833) — польский политический деятель, племянник короля Станислава Августа.

²²¹ Покровский М. Н. Дипломатические войны... С. 38.

²²² Донесения полковника А. И. Чернышева... С. 95.

²²³ О подготовке к такому ходу событий свидетельствует разосланный 15 октября 1811 г. секретный приказ императора командирам русских воинских соединений (генералам П. Х. Витгенштейну, И. Н. Эссену 1-му, П. И. Багратиону, Д. С. Дохтурову и др.), дислоцировавшихся на западной границе России» (*Казакон Н. И.* Внешняя политика России перед войной 1812 года. С. 23).

²²⁴ Там же. С. 24.

²²⁵ Тарле Е. В. Талейран. С. 125.

²²⁶ «Замечания по поводу приписываемого императору Наполеону I намерения восстановления царства Польского (1810)»// РГИА СПб., ф. 1409, оп. 1, д. 510.

²²⁷ «Секретное сообщение В. С. Ланского М. М. Сперанскому по делам иностранной политики и настроения в Польше» (1810)// РГИА СПб., ф. 1409, оп. 1, д. 571.

²²⁸ Беседы и частная переписка между императором Александром I и Адамом Чарторыйским. М., 1912.

ской армией графа Н. М. Каменского²²⁹ из девяти дивизий отозвали пять, приказав графу, однако, ограничиться оборонительной войной, защищая лишь левый берег Дуная и удерживая за собой крепости на правом его берегу (15 января 1811 года).

Наполеон также не терял времени. Готовя поход на Россию, он весьма активно работал по созданию второго театра военных действий. За активное содействие своим планам он обещал турецкому султану возвращение Крыма, Дунайских княжеств, побережья Черного моря и всего того, что потеряли турки в течение XVIII столетия²³⁰.

Доверившись обещаниям Наполеона, Турция в 1810 году в качестве предварительного условия мирных переговоров с Россией выдвинула требование об определении границ России по Днестру²³¹. Это требование вызвало глубокое возмущение Александра I, который писал графу Н. М. Каменскому: «Неужели в Царьграде могут думать, что мы согласимся на такое предложение, когда Бессарабия, Молдавия и Валахия давно уже покорны российскому оружию, когда мы имеем в нашей власти все крепости на Дунае, с значительным пространством впереди их?»²³² По мнению Александра I, нет «ни нужды ни приличия довольствоваться иною границею, как Дунай»²³³.

Наполеон, в свою очередь, настойчиво подстрекал Турцию к ведению продолжительных военных действий против России. В этот незатухающий конфликт он намеревался втянуть и Австрию²³⁴. Серьезное политическое значение восточного вопроса выражалось косвенно: как одного из факторов дипломати-

²²⁹ Каменский Николай Михайлович (1778–1811), граф, младший сын фельдмаршала М. Ф. Каменского (1738–1809) – генерал от инфантерии, с 1810 г. – главнокомандующий молдавской армией, одержал блистательную победу при Батине; после покорения Ловчи (1811) неожиданно заболел и умер.

²³⁰ *Казakov Н. И.* Внешняя политика России перед войной 1812 г. С. 25.

²³¹ В «Заметках по русской истории XVIII века», Пушкин, говоря о завоеваниях Потемкина, отметит, что «он разделит с Екатериною часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть бесплодными, победами в Северной Турции». И тут же Пушкин объяснит свою мысль: «Бесплодными, ибо Дунай должен быть настоящею границею между Турциею и Россией. Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале Французской революции, когда Европа не могла обратить деятельного внимания на воинские наши предприятия и изнуренная Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот» (XI, 15). Последнее замечание доказывает, что Пушкин был осведомлен о дальнейшей дипломатической и военной борьбе за Дунайские княжества в эпоху Александра I.

²³² Цит. по: *Полов А. Н.* Сношения России с европейскими державами перед войною 1812 года. С. 254.

²³³ Там же. С. 255.

²³⁴ 25 февраля 1811 г. Наполеон писал Шампаньи о присоединении к России Молдавии и Валахии: «Теперь Франция с неудовольствием относится к такому значительному увеличению Русской империи... <...> Но возможно ли надеяться, чтобы Порты и в следующем году могла защищать эти княжества? Не следует ли опасаться, что вместе с ними она может потерять и Сербию? <...> Но вопрос о Молдавии и Валахии имеет второстепенное значение для Франции, между тем как для Австрии он в высшей степени важен. Потому необходимо знать, на что может решиться в этом случае ее политика? Решится ли Австрия воевать с Россией? Вообще как намерена она действовать? Надеется ли она, что турки не уступят этих княжеств?» (Там же. С. 253).

ческой борьбы России с Францией из-за позиции, которую займет Австрия в случае их столкновения. Не на театре военных действий, не в Петербурге и не в Париже, а в Вене вскрывалось в подлинных размерах влияние восточных дел на европейскую политику в этот период²³⁵. Исходя из планов Наполеона, Талейран, ведя свою тройную игру, предложил России поскорее согласиться на мир с Турцией, чтобы иметь возможность всеми военными силами дать отпор нашествию Наполеона, и в то же время он советовал не настаивать на передаче Молдавии и Валахии России, но согласиться на уступку этих областей в пользу Австрии, которая вовсе и не воевала с Турцией. Что же получит Россия? Дружба Австрии для последующей успешной борьбы против Наполеона²³⁶.

Меттерних²³⁷ придавал восточному вопросу первостепенную важность. Расширение России в сторону Польши и Балкан грозило, по его мнению, существованию Габсбургской монархии, которая была бы в этом случае охвачена славянской империей с востока и с юга и, при преобладании в ее составе славянских же элементов, не могла бы найти опоры внутри себя. Меттерних предчувствовал наступление нового века, века пробуждения народов. Первый из австрийских государственных деятелей, он заметил этот новый фактор внутренней слабости Австрии и повел политику страны так, как того требовало чувство самосохранения: оборонительная против славянства, эта политика неизбежно сводилась к новому обоснованию старого принципа — охрана существования и целостности Турции²³⁸.

Опасность затяжного военного конфликта для России понимали многие русские политические деятели. Решительный противник войны с Турцией управляющий Новороссийского края герцог А. Ришелье²³⁹, отстаивая идею нейтралитета, летом 1811 года настойчиво просил Александра I ускорить заключение мира путем каких-либо уступок, чтобы сохранить положение на Черном море. Продолжение войны, по его мнению, могло вызвать наступательное движение турок, что было бы опасным для Одессы и Новороссийского края²⁴⁰.

После смерти графа Н. М. Каменского командование над молдавской армией принял М. И. Голенищев-Кутузов²⁴¹. Назначение Кутузова казалось всем

²³⁵ *Гальбернитад Л. И.* Восточный вопрос. С. 112—113.

²³⁶ *Тарле Е. В.* Талейран. С. 125.

²³⁷ Князь Клемент-Венцель Меттерних, герцог Порталла (1773—1859) — австрийский дипломат. В 1806 г. назначен послом Австрии в Париже, по личному желанию Наполеона, получившего самые лестные о нем отзывы от Лафоре. С 8 октября 1809 г. — министр иностранных дел Австрии, бессменно находившийся на этом посту 38 лет.

²³⁸ *Гальбернитад Л. И.* Восточный вопрос. С. 114.

²³⁹ Ришелье Арман-Эмануэль Дюплесси, герцог (de Richelieu, 1766—1822) — участник русско-турецкой войны 1790 г., окончил ее в звании генерал-лейтенанта; в 1803 г. — генерал-губернатор Одессы и Новороссийского края. В сентябре 1815 г., когда Талейран вышел в отставку, Людовик XVIII по рекомендации Александра I предложил Ришелье сформировать кабинет министров во Франции; Ришелье долго отказывался, наконец уступил и 24 сентября получил портфель министра иностранных дел, а 26-го — пост первого министра.

²⁴⁰ Герцог А. Ришелье, документы и бумаги о его жизни и деятельности // РИО. СПб., 1874. Т. 54. С. 320, 340—341.

²⁴¹ Голенищев-Кутузов-Смоленский Михаил Илларионович (1745—13 апр. 1813) — светлейший князь и генерал-фельдмаршал.

весьма удачным, и его славное военное прошлое должно было придать ему достаточный авторитет, чтобы положить конец постоянным распрям среди начальников отдельных частей и мародерству, царившему тогда в русских войсках. Кутузову предстояли «как в военном, так и в дипломатическом отношении задачи, гораздо более трудные, нежели всем его предшественникам. С войском, убавленным более, нежели наполовину <...> он не только должен был продолжить военные действия, но и заключить мир»²⁴² на совершенно определенных условиях, с обязательным включением в мирный договор статьи о русско-турецком оборонительно-наступательном союзе, который, по мысли Александра I, мог обеспечить надежную устойчивость в отношениях России с сербами и славянскими племенами Балканского полуострова²⁴³. Разгром и окружение турецкой армии 2 октября 1811 года в районе Слободзеи²⁴⁴, коренным образом менявшие стратегическую обстановку на Балканах, казалось, предвещали в ближайшее время подписание мирного русско-турецкого договора.

Будучи уверен, что Порта не пойдет на выплату контрибуции и что присоединение к России обоих княжеств вызовет протест среди греков-фанариотов, которые в результате этого потеряют не только возможность влиять на внешнюю политику Порты, но и источник своего благосостояния, на переговорах о мире, которые начались 19 октября 1811 года в Журжеве, М. И. Кутузов потребовал установление границы в Молдавии по реке Прут и всю территорию Бессарабии. Деятельным сотрудником Кутузова на переговорах был Жозеф (Иосиф) (род. 1753) — старый левантиец, в 1795 году перешедший с французской на русскую службу. К нему были прикомандированы два младших переводчика — его племянники Антон Антонович и Петр Антонович Фонтоны. Жозеф Фонтон, помимо официальных заседаний конгресса, исполнял и конфиденциальные поручения Кутузова. «Его знание турецкого языка до мельчайших тонкостей и его навык обращаться с турками значительно содействовали полноте его осведомленности»²⁴⁵.

Все, казалось, предвещало скорое подписание мирного договора. Однако это не входило в планы Наполеона. 10 ноября 1811 года А. И. Чернышев писал Н. П. Румянцеву из Парижа: «Счастливые события, свершившиеся на Дунае, совершенно обнаружили действительные чувства императора Наполеона в отношении к нам. Узнав о них, он так мало умел владеть собою, что не мог скрыть неудовольствия, которое ему причинил благоприятный оборот наших дел, и страха, чтобы мы в непродолжительном времени не заключили мира, несогласного с его политикою и выгодами. Говоря об этом с двумя высокопоставленными лицами, он в запальчивости сказал им: „Поймите этих собак, этих негодяев турок, которые имеют способность дать себя разбить таким образом. Кто мог это предупредить и предвидеть“. После первых известий о последствиях наших

²⁴² Попов А. Н. Сношения России с европейскими державами перед войною 1812 года. С. 255.

²⁴³ Богданович М. История Отечественной войны 1812 года. Т. 2. Приложения. С. 498.

²⁴⁴ Хатов А. Турецкий поход русских под предводительством генерала от инфантерии Голицычева-Кутузова в 1811 году. СПб., 1840; Казаков Н. И. Полководческая деятельность Кутузова в компании 1811 года// Полководец Кутузов. Сб. ст. М., 1955. С. 126–135.

²⁴⁵ Кассо Л. А. Россия на Дунае. С. 110.

военных действий он отправил курьеров в Константинополь. Известно, что причина таких посылок состояла в том, чтобы поощрить турок продолжать войну и во что бы то ни стало помешать заключению мира. Опасение лишь заключается в том, чтобы не опоздать со своими предложениями, которые доходят до того, как никто в этом не сомневается, что обещают им немедленно начать военные действия, если они с своей стороны прервут начатые переговоры. Мысль об успехе этих переговоров до такой степени его раздражает, что он не может скрыть своих чувств в обществе»²⁴⁶.

Усилия Наполеона увенчались успехом. Переговоры были прерваны 17 ноября 1811 года: турецкая сторона отказалась принять предлагаемые условия мира. Но новая военная победа Кутузова уменьшила решимость турок, и вскоре местом новых переговоров был избран Бухарест. Но «валашская столица избивалась... разными лицами, игравшими тайную роль рядом с гласными своими обязанностями. Были в этой роли и агенты русского правительства, как грек Бароци, которому было поручено <...> следить за Кутузовым, а также за семьей Фонтонов»²⁴⁷. Переговоры в Бухаресте продолжались, а практического результата не было. Медлительность Кутузова при заключении мира с Турцией раздражала Александра I и сковывала его намерения. К тому же Наполеон продолжал успешно осуществлять свой план дипломатической изоляции России²⁴⁸.

Александр I нервничал, он был готов прибегнуть к радикальным мерам. 16 февраля 1812 года в собственноручном рескрипте герцогу де Ришелье он писал: «Желая кончить решительно войну с Портою, не нахожу лучшего средства к достижению сей цели, как произвести сильный удар под стенами Царьграда, совокупно морскими и сухопутными силами, под непосредственным начальством вашим, уверен будучи, что усердием и рвением вашим на пользу и славу отечества оправдаете вы совершенно мой выбор. Для сего действия назначаю я три дивизии, а именно 13-ю, 12-ю и 9-ю. Двум последним повеления даны следовать к Одессе, равномерно даны повеления вице-адмиралу Языкову приготовить все нужное для предназначенных войск. С вашей стороны добавьте сии меры, вам потребные для сего предмета. Запасным батальонам 9-ой дивизии прикажите следовать в Крым для замещения 13-ой дивизии, все приведите в исполнение с самою большою тщательностью...»²⁴⁹ Очевидно, об этой предполагаемой адриатической экспедиции и узнал Сперанский из бумаг военного министра.

Вскоре, 17 марта 1812 года, произошел решительный разговор Александра I со Сперанским. Жозеф де Местр описал это событие подробно, обращая внима-

²⁴⁶ РИО. Т. 21. С. 266–267.

²⁴⁷ Кассо Л. А. Россия на Дунае. С. 119.

²⁴⁸ 24 февраля (7 марта) 1812 г. Наполеон подписал союзнический договор с Пруссией, 2 (14) марта заключил мир с австрийским правительством, а 14 (26) марта 1812 г. заключил франко-австрийский военный союз. Австрийское правительство в целях политической перестраховки по секрету уведомило Александра I о состоявшемся соглашении, которое было характеризовано как фиктивное, уверяя, что и Россия, и Австрия «могут втайне оставаться друзьями в войне» (Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций. СПб., 1891. Т. 3. С. 87).

²⁴⁹ Мера, предложенная императором Александром I, чтобы окончить скорее войну с Турцией в 1812 г. // Русская старина. 1898, апрель. С. 204.

ние на существенные детали: «...в семь часов вечера великий и всемогущий Сперанский, государственный секретарь империи, а на деле первый министр, и, быть может, единственный, был у Государя и полагал, что находится в том же положении, как и прежде. Кто-то из находившихся там остановил его, когда он хотел войти в кабинет: „Вы не можете войти, надо наперед доложить про вас“. Говорят, Сперанский был весьма удивлен. Доложили; он вошел. Князь А. Н. Голицын²⁵⁰, министр... духовных дел, также приехал с докладом; пробило восемь часов, девять, десять; Сперанский не выходит. Князь не понимал причину столь продолжительного свидания. Около 11 часов Сперанский, наконец, вышел. Князь, который ничего не подозревал и стоял у камина в то время, когда отворялась дверь государева кабинета, сказал ему: „Как вы долго сегодня заставили меня дожидаться!“ Сперанский ничего не отвечал. Князь подошел к нему и заметил, что он был взволнован и до такой степени расстроен, что князь должен был помочь ему уложить бумаги в портфель. Сперанский подошел к зеркалу, поправился, отер слезы и, подавая руку Голицыну, сказал „прощайте, князь“ так, что в звуках его голоса слышалось: „прощайте навсегда“. Он вышел свободно из дворца и поехал к Магницкому, который был правителем его канцелярии, правою рукою и искренним другом. Ему объявили, что Магницкий взят, и бумаги его опечатаны. „Уже взят...“ — сказал Сперанский и поехал домой. Там он нашел генерала Балашова²⁵¹, Петербургского военного губернатора и министра полиции²⁵², который опечатывал его бумаги и часть из

²⁵⁰ Голицын Александр Николаевич (1773—1844) был с детских лет близок к Александру Павловичу. В 1805 г. ему была предложена должность обер-прокурора Св. Синода. После некоторых отговорок Голицын принял это назначение, но выговорил себе право иметь у государя личный доклад по синодальным делам, чего прежде не бывало. В 1810 г., оставаясь в должности обер-прокурора, Голицын был назначен главноуправляющим иностранных вероисповеданий, а в 1816 г. — министром народного просвещения. В 1817 г. все подчиненные ему ведомства были объединены во вновь учрежденное Министерство духовных дел и народного просвещения, ставшее ареной деятельности мистиков и реакционеров (таких как Рунич и Магницкий).

²⁵¹ Балашов Александр Дмитриевич (1770—1837) — в 1804 г. — обер-полицмейстер в Москве, в 1807 г. — генерал-крогс комиссар, с марта 1808 г. — обер-полицмейстер в Петербурге, с февраля 1809 г. — Санкт-Петербургский военный губернатор и генерал-адъютант, вскоре произведен в генерал-лейтенанты, с 1 января 1810 г. — член Государственного совета, с 25 июля 1810 по 1816 г. — министр полиции; в 1820—1825 гг. — генерал-губернатор Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской губерний.

²⁵² В. П. Кочубей по поводу деятельности А. Д. Балашова на посту министра полиции писал Александру I следующее: «Вверенное Балашову министерство полиции вскоре отдалось от своей цели: общего надзора и, главным образом, надзора законного. Балашов счел за нужное обратить его в министерство шпионства. Город закишел шпионами всякого рода: тут были и иностранные и русские шпионы, состоявшие на жалованье, шпионы добровольные; практиковалось постоянное переодевание полицейских офицеров; уверяют даже, что сам министр прибегал к переодеванию. Эти агенты не ограничивались тем, что собирали известия и доставляли правительству возможность предупреждать преступления, они старались возбуждать преступления и подозрения. Они входили в доверенность к лицам разных слоев общества, выражали неудовольствие на Ваше Величество, порицая правительственные мероприятия, прибегали к выдумкам, чтобы вызвать откровенность со стороны этих лиц или услышать от них жалобы. Всему этому давалось потом направление сообразно видам лиц, руководивших этим делом» (Деятели и участники в падении Сперанского... С. 487—488).

них уже отправил к императору в то время, когда Сперанский еще был в его кабинете»²⁵³.

Помимо министра полиции А. Д. Балашова в приемной Сперанского находился правитель правителя его канцелярии де Санглен, наблюдавший за всем происходящим из секретарской. Оставшийся в секретарской де Санглен «через открываемые иногда прислугою двери видел, что в кабинете жгли бумаги»²⁵⁴. Затем кабинет был запечатан, но Сперанский вспомнил, что забыл взять оттуда еще один портфель; А. Д. Балашов велел для этого распечатать двери и затем вновь запечатать их. Кроме того, Сперанский написал письмо императору Александру, вложил в три пакета секретные бумаги и отдал А. Д. Балашову для доставления государю»²⁵⁵.

Относительно последнего разговора императора со Сперанским Жозеф де Местр указывает, что, хотя все проходило без свидетелей, тем не менее ряд деталей стал известен в обществе: «Я, — продолжает де Местр, — довольно верно знаю, что государь показал ему какие-то ужасные бумаги и что он сказал ему: „Говорите прямо, без софизмов; я желаю, чтобы вы оправдались“; что потом он отдал ему на выбор быть преданным суду или удалиться в ссылку, куда он хочет, что Сперанский избрал последнее. <...> На следующий день пошел говор по всему городу; обвиняли в государственном преступлении, измене, открытии каких-то тайн и т. п. Чего-чего не говорили! <...> Мне кажется, что он в некоторых своих бумагах слишком резко выражался об императоре. Вот, если не ошибаюсь, какого рода его преступление, как видите. Но действительно ли он, для достижения своих целей, вел переписку с Парижем, этому я тогда бы поверил, если бы это подтвердил император или суд»²⁵⁶. Де Местр не верил в тайные сношения Сперанского с Парижем, он склонен был объяснить его опалу причастностью к секте мартинистов²⁵⁷.

Сам Сперанский причины своей опалы видел в другом, более опасном намерении. В первом же письме к императору из Нижнего Новгорода он написал,

²⁵³ Попов А. Н. Граф де Местр и иезуиты в России. С. 163. Французский оригинал послания де Местра см.: *Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre*. V. 1. P. 68—69 и след.

²⁵⁴ Сочувствие Балашова к Сперанскому неслучайно, по свидетельству де Местра, сам Балашов состоял в масонской ложе, оратором в которой был француз Мюссард, при его вступлении в ложу брат Мюссард сказал ему: «Брат Балашов, ты имеешь теперь большую силу, окружен милостями; но если ты когда-нибудь впадешь в немилость и принужден будешь удалиться в уединение, может быть, и ты будешь благословлять тот день, когда ты был принят в масоны» (*Попов А. Н. Граф де Местр и иезуиты в России*. С. 161).

²⁵⁵ *Семевский В. И. Падение Сперанского*. С. 239.

²⁵⁶ *Попов А. Н. Граф де Местр и иезуиты в России*. С. 163—165.

²⁵⁷ «Вообще спрашивают: чего хотел еще этот человек? Он был тайным советником, государственным секретарем, Александровским кавалером, на деле первым министром, доверенным лицом императора, у которого мог обедать всегда, когда хотел, и пр. Те, которые предлагают подобные вопросы, решительно не знают характера того нового духа времени, который колеблет всю Европу. Пока существует где-либо Церковь и трон, до тех пор он не успокоится. С ловкостью, по истине сатанинскою, люди проникнутые этим духом пользуются самими государями, как орудием для их же собственного уничтожения, и я мог бы в нескольких строках представить картину Европы, с поражающей истиною. Но к чему бы это привело! Дай Бог, чтобы эта империя избегла жребия, который ей угрожает» (Там же. С. 165).

что «пал жертвою попытки ограничить самодержавие»²⁵⁸. Это подтверждается и разговором Александра I с де Сангленом, состоявшимся 11 марта²⁵⁹ 1812 года, когда Александр I сказал де Санглену, что Сперанский «имел дерзость, описав все воинственные таланты Наполеона, советовать ему собрать государственную думу, предоставить ей вести войну, а себя отстранить. Что же я такое? Нуль! — продолжал государь. — Из этого я вижу, что он подкапывается под самодержавие, которое я обязан вполне передать наследникам моим»²⁶⁰. Воспоминания современников свидетельствуют о том, что Александр I весьма профессионально организовал отставку Сперанского. Позже, возвращаясь к этим событиям, де Санглен писал: «Все актеры, кроме царя, который был один деятельен и который один с Армфельдом направлял таинственно весь ход драмы, остались в дураках. Мы действовали, как телеграфы, нити которых были в руках императора. Из чего хлопотали? О том, что давно решено было и чего они не знали, и не догадывались»²⁶¹.

После отставки Сперанского внимание Александра I сосредоточилось на Жозефе де Местре. Император не только оказывал ему благосклонное расположение, но приблизил его к себе и даже желал, чтобы тот вступил в русскую службу. Первый разговор подобного рода состоялся 5 марта 1812 года в доме обер-гофмаршала графа Толстого (покровителя иезуитов). К всеобщему удивлению де Местр отклонил пожелание императора о зачислении его на русскую службу, однако де Местр согласился выполнять его поручения по составлению некоторых дипломатических бумаг, сделав при этом весьма существенную оговорку: «Прошу вас, Государь, обратить внимание на очень важное обстоятельство: я не буду списывать для себя ни одной бумаги: но что касается до содержания, то я не могу обещать вам, что сохраню его в тайне от своего государя; иначе я сделался бы не его министром, а вашим. Если Вашему Величеству будет угодно сообщить мне что-нибудь такое, о чем никто не должен будет знать, то я могу внушить вам подозрение: об этом надо наперед подумать, потому что я не могу никого обманывать». — «Ничего подобного не может и

²⁵⁸ Семеvский В. И. Падение Сперанского. С. 245.

²⁵⁹ Дата разговора наводит на мысль, что Александр I опасался, что его постигнет участь отца, погибшего от рук заговорщиков.

²⁶⁰ Семеvский В. И. Падение Сперанского. С. 236—237.

²⁶¹ Там же. С. 244.

Изучая причины опалы Сперанского, М. Корф в 1848 г. обратился к де Санглену, тогда уже семидесятилетнему старцу, с просьбой рассказать те обстоятельства, которым он был свидетелем (не для современников, но для будущего потомства). В своем ответном письме де Санглен писал: «Из всех действовавших лиц остался в живых один я. Император, скрывая от всех сих лиц настоящую причину свою неудовольствия на Сперанского, дозволил им тайное за ним наблюдение, выслушивал их донесения и направлял все к известной цели, им неизвестной, а между тем полной своей доверенности удостоил *меня одного*, поставив меня между партиями, в том убеждении, что все, делаемое за кулисами, от него не скроется. Тайна, поверенная таким образом царем и соблюденная им до гроба, может ли нарушена быть подданным? Прилично ли заклеймить имена людей усопших, игравших роль, которую помрачили вероломством? Назвать ли других, которые служили слепыми орудиями людям, стоявшим на первой ступени? <...> ...Тайна, возложенная на меня — почему, для чего и как? — соблюдена быть должна свято. Развязать уста может единственно высшая власть» (Деятели и участники в падении Сперанского... С. 504).

быть», — отвечал государь. Продолжая разговор, Местр выдвинул опасения по поводу отношений, в какие он может быть поставлен с канцлером графом Румянцевым. «О, он будет у ваших ног!» — «Я, — пишет де Местр, — рассмеялся, не умея объяснить себе подобного положения». В ответ Александр I сказал, что Румянцев «обрадуется тому, что над его делом потрудится другое лицо, которое, однако же не может занять его место». — «Преклоняюсь перед соображением, — отвечал граф Местр, — какое, и во сто лет, не пришло бы мне в голову». «Впрочем, — продолжает далее де Местр, — я решился, как школьник, переносить все поправки, которые бы канцлер сделал в моих бумагах; но вдруг мне сообщают, что я непосредственно буду сноситься с императором! Кажется, мой брат²⁶² будет посредником между ним и мною. Конечно, судьба моя необычайна».

Итак, Александр I предлагал де Местру работать по той же системе, по какой он работал со Сперанским, без участия в секретной дипломатической переписке канцлера Румянцева. Однако де Местру, не вполне осведомленному в тайнах российского двора, это предложение казалось по меньшей мере странным. Русскому императору также был странным отказ де Местра перейти под его покровительство. 17 марта 1812 года произошел разговор де Местра с канцлером Н. П. Румянцевым, в ходе которого он подтвердил свое намерение. 8 апреля 1812 года состоялась беседа Александра I с де Местром, которая началась с вопроса императора: «Что вы думаете об иезуитах?» В ответ де Местр произнес: «В этом отношении, не может быть никакого сомнения, я не только считаю их полезными в настоящее время, но даже необходимыми. В России, как и повсюду, необходимо бороться с великою сектою, а с сектою успешно может бороться только общество. Силы каждого частного человека слишком для этого недостаточны, истинный же враг ненавистного иллюмината есть иезуит». Длинная речь посланника была прервана императором: «А знаете ли вы, что недавно...» Очевидно, Александр I намеревался перевести разговор на Сперанского, но тут в свою очередь его прервал де Местр, дав разговору иное направление: «Я знаю, государь, что вы хотите мне сказать. Недавно одно лицо у министра полиции графа Балашова, расхваливая иезуитов, между прочим сказал: их можно употребить с пользою; один из них был у меня и предлагал отравить ядом Бонапарта. Я знаю, что это происшествие дошло до вас и вас смутило; я знаю, как вы распорядились, чтобы удостовериться, действительно ли эти люди и пр. Но как же не поняли сразу, что человек, который это сказал и не мог назвать имени иезуита, сделавшего ему такое предложение, стоит виселицы? Впрочем, этот человек — Магницкий, который через несколько дней после того объявлен государственным преступником; из этого можете видеть, какие негодия ненавидят иезуитов и какими преступными способами они действуют против них»²⁶³.

Очевидно, этот ответ не удовлетворил императора. И он перевел разговор на другую тему: «Как вы полагаете, какие могут быть последствия этой войны?» Вполне естественно, что как посланник Сардинского короля, лишенного

²⁶² Граф Ксаверий де Местр был женат на фрейлине Софье Ивановне Загряжской, родственнице Натальи Кирилловны Загряжской.

²⁶³ Попов А. Н. Граф де Местр и иезуиты в России. С. 192–193.

трона Наполеоном, де Местр должен был желать войны России с врагом своего отечества, и он сказал: «Я не пророк, но совершенно уверен, что успех, несомненно, окажется на стороне вашего величества»²⁶⁴. Ответ де Местра был слишком прямолинеен: исход войны с Наполеоном мог оказаться для России роковым. Значение этой встречи заключается в том, что после отставки Сперанского Александр I стремился найти ему замену, и на определенный период личность Жозефа де Местра привлекала внимание императора. Он поручил де Местру составление проекта восстановления Польши под покровительством российским. Манифест был составлен 27 мая, но было уже слишком поздно — польское дворянство приняло сторону Наполеона, 26 июня Варшавский сейм объявил о восстановлении Польши²⁶⁵. Более никаких поручений де Местр от русского правительства не получал, чем был весьма разочарован.

Александр I убедился в том, что интуитивно понимал и раньше, а именно в том, что такого сподвижника, каким был Сперанский, найти нелегко²⁶⁶ (этим объясняются довольно мягкие условия ссылки Сперанского и его быстрое прощение). В 1819 году обвинения в государственной измене были со Сперанского сняты, и он был назначен сибирским генерал-губернатором. В разговоре с И. В. Васильчиковым²⁶⁷ Александр в 1820 году сказал, что никогда не верил в возведенные на Сперанского обвинения в измене и винит его только в том, что тот не имел к нему полной доверенности²⁶⁸.

В «Дневнике 1833—1835 годов» о разговоре с М. М. Сперанским, произошедшим в начале апреля 1834 года, А. С. Пушкин записал: «В прошлое воскресенье обедал я у Сперанского. Он рассказывал мне о своем изгнании в 1812 году. <...> Сперанский у себя очень любезен. Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Арактеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении Зла и Блага*. Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени» (XII, 324).

Разговор со Сперанским свидетельствует о хорошей осведомленности Пушкина в тонкостях дипломатических проблем, что подтверждает и поданный Сперанским совет писать современную историю. Н. М. Карамзин в «Истории

²⁶⁴ Попов А. Н. Граф де Местр и иезуиты в России. С. 196.

²⁶⁵ Степанов М. Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29, 30. С. 603—604.

²⁶⁶ Со слов министра духовных дел князя Голицына передается то душевное состояние Александра I, в котором он находился на другой день после ссылки Сперанского. По окончании заседания Государственного совета князь Голицын застал Александра ходящим по комнате с весьма мрачным видом. «Ваше Величество нездоровы? — Нет, здоров. — Но ваш вид? — Если бы у тебя отсекали руку, ты, верно, кричал бы и жаловался, что тебе больно: у меня в прошлую ночь *отняли* Сперанского, а он был моей правой рукою!» Всю беседу, довольно продолжительную, государь только и говорил, что о тягостной потере, часто со слезами на глазах. «Ты разберешь с Молчановым бумаги Михаила Михайловича, — заключил Александр, — но в них ничего не найдется: он не изменник» (*Корф М. Жизнь графа М. М. Сперанского...* Т. 2. С. 24).

²⁶⁷ Васильчиков Илларион Васильевич (1777—1847), в 1801 г. — генерал-майор и генерал-адъютант, в 1803-м — командир Ахтырского гусарского полка, в 1807-м — участвовал в сражениях при Сероцке и Плутске. Раненный под Бородином, он был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 4-го кавалерийского корпуса.

²⁶⁸ *Корф М. Жизнь графа М. М. Сперанского...* Т. 2. С. 26.

Государства Российского» воссоздал прошлое России. Пушкин, по мнению Сперанского, мог отразить ее настоящее со сложной дипломатической борьбой, развернувшейся в эпоху Наполеона.

*
* * *

В апреле 1812 года Александр I, будучи осведомлен о политических планах Наполеона и о частной жизни Кутузова в Бухаресте²⁶⁹, вызвал на откровенный разговор члена Государственного совета и кабинета министров, дежурного генерал-адъютанта адмирала П. В. Чичагова²⁷⁰, который два года пребывал за

²⁶⁹ «Если переписка с женой и детьми,— писал Л. А. Кассо,— оставляет у читателя некоторые иллюзии о патриархальности строя его семейной жизни, то, к сожалению, описания, дошедшие к нам от его современников и сослуживцев, рисуют несколько иную картину. Они свидетельствуют о той поспешности, с которой 70-тилетний старец искал удовольствия в Бухаресте, где он открыто сошелся с замужней племянницей боярина Варлама и, не стесняясь никаким этикетом, открыто проводил время в обществе дельцов и шулеров, окружавших его 14-летнюю любовницу. Не удивительно, что такой образ жизни не мог иногда не отразиться и на умственной энергии Кутузова» (Кассо Л. А. Россия на Дунае. С. 89—90).

²⁷⁰ Чичагов Павел Васильевич (1765—1849), при Павле I находился в опале и по навету Кушелева содержался в Петропавловской крепости (в каземате), в июне 1799 г. был неожиданно прощен императором, вскоре ему была поручена защита Кронштадта. При восшествии на престол Александр I приблизил его к себе. В 1802 г. он в звании вице-адмирала вступил в должность товарища министра морских сил, в июле 1807 г. в звании адмирала вступил в управление министерством. Саксонский посланник отмечал в 1804 г., что «вице-адмирал Чичагов, человек, обладающий редкими нравственными достоинствами, и что еще важнее, он не только считает нравственность обязанностью для себя, но преследует в своем министерстве злоупотребления с неутомимой деятельностью, которой нет примера в России». (Архив адмирала П. В. Чичагова. СПб., 1885. Вып. 1. С. 21—22). В 1809 г. из-за болезни Чичагов отправился за границу, сдав министерство маркизу де Траверсе. По возвращении в Россию в 1811 г. он был назначен состоять при особе государя. В 1812 г. был определен главноуправляющим Молдавией, Валахией и Черноморским флотом. В 1813 г. Александр I поручил ему преследование отступавших французских войск, которые вследствие некоторой медлительности преследовавших сумели переправиться через Березину.

Д. В. Давыдов сообщал, что А. П. Ермолов, очевидец березинских событий, представил М. И. Кутузову записку, «в которой им были изложены истинные, по его мнению, причины благополучного отступления Наполеона. Он отнес ее во время приезда в Вильну князя, сказавши ему при этом случае: „Голубчик, подай мне ее, когда у меня никого не будет“. Эта записка, переданная князю вскоре после того и значительно оправдывавшая Чичагова, была, вероятно, умышленно затеряна светлейшим». Там же, в Вильне, по сообщениям Богдановича, Кутузов сказал у себя за обедом в ответ на тост: «За здоровье победителя!» — «Ах не все сделано! Если бы не адмирал, то простой псковский дворянин сказал бы: „Европа, дыши свободно!“» Биограф Чичагова, комментируя эти факты, заключает: «Если Кутузов уничтожил записку Ермолова и продолжал умышленно обвинять Чичагова, когда на одним словом мог оправдать его пред всей Россией, и это лежало на его обязанности, то, разумеется, старания многих других... не могли изменить убеждений, вкоренившихся в обществе». (Чичагов Л. М. Отечественная война в рассказах генерала Чаплица // Русская старина. 1886, июнь. С. 491). Чичагов знал о возведенных на него обвинениях. 17 ноября 1812 г. он писал Александру I: «Теперь, Государь, я должен думать, что меня будет упрекать в том, что я не взял Бонапарта и его армии, что я мог это сделать, если б угадал наперед, где он пройдет и если б поставил корпус для преграды ему на пути. Я же с своей стороны убежден, что корпус, который я мог бы отрядить, например, в Зембине, не произвел бы более действия, чем

границей с большой женой, надеясь на ее излечение. Однако этим надеждам не суждено было сбыться: адмиральша Чичагова скончалась в Париже от хронической болезни. Близкий друг жены адмирала Роксана Эдлинг в своих мемуарах писала следующее: «Адмирал Чичагов возвратился из Парижа со смертными останками жены своей, с разочарованием в Наполеоне и с горячим сожалением о прошедшем. Предаваясь мрачной скорби, он обвинял и ненавидел самого

тот, который защищал место, где он хотел найти пристанище. Реку во многих местах можно перейти в брод и в весьма короткое время можно переправить достаточное число людей, чтобы завладеть противоположным берегом под прикрытием сильной батареи. У меня было только от 16 до 17 тысяч пехоты, которая одна может считаться в подобном случае, ибо кавалерия совершенно бесполезна. Корпус в Зембине, в 30 верстах от Борисова, который я должен был также удерживать, как и всю дистанцию до Березины, не мог быть довольно силен, чтобы устоять против 60—70-тысячной армии Наполеона, которая хочет проникнуть; он сделался бы жертвою прежде, чем я мог подумать прийти ему на помощь, тем более, что неприятель пересекал мне дорогу и даже всей моей армии было бы недостаточно, чтобы удержать его хотя на сутки. Это бы могла совершить только природная преграда; во всяком другом случае он бы все-таки прошел, а у меня было бы одним корпусом меньше. Если теперь употребить деятельность и совокупность в преследовании, так же как и в будущих действиях, то ему можно также нанести много вреда, но схватить человека, окруженного только своею армиею или разом уничтожить его армию,— это, мне кажется, химеры. Впрочем, Государь, я сделал все возможное, чтобы осуществить собственную мою мечту, но весьма хорошо осознал непреодолимые препятствия, порождаемые практикою, когда она чужда мнимых теорий» (РХО. Т. 6. С. 56—57).

16 января 1813 г. в письме неизвестного к Н. М. Лонгинову читаем: «Я вижу, что в Петербурге совсем не отдают справедливость Чичагову... <...> Движение его к Борисову прямо, оставя Сакена занимать Шварценберга, прекрасно и пресмело. Мало из тех, кои его бранят, пошли бы с 30 000 прямо в зубы к Бонапарте, у коего было до 80 000. Березина, можно сказать, доконала французов... Все французы говорят, что погубила их совершенно встреча с молдавскою армиею у Березины» (Цит. по: *Чичагов Л. М.* Отечественная война в рассказах генерала Чаплица. С. 491)

Несмотря на фактическую правоту Чичагова, он лишился благосклонности Александра I. Современники чуть было не обвинили его в измене. «Нет сомнения,— писал биограф Чичагова,— что... близость Чичагова к императору и злоба Кутузова, за смену его в Дунайской армии, причинили то падение, которое решило дело при Березине. Коварные действия Кутузова относительно адмирала уже разоблачены, но нельзя не удивиться, что много десятков лет потребовалось для этого. Масса современников и свидетелей переправы заявляли тогда словесно и письменно о невинности Чичагова и что во всяком случае ответственность за переправу должна быть на Кутузове и Витгенштейне более, нежели на адмирале, но этим лицам зажимали рты, а записки их рвались и прятались под спуд». (*Чичагов Л. М.* Отечественная война в рассказах генерала Чаплица. С. 490).

Итак, решительные действия Чичагова не были оценены по достоинству: Александр I удалил его от армии, предоставив бессрочный отпуск «до излечения болезни», однако с сохранением денежного содержания. Чичагов, сдав армию Барклаю-де-Толли, в 1814 г. уехал за границу и проживал преимущественно во Франции и Италии.

В 1826 г., по восшествии на престол Николая I, Чичагов обратился к нему с личным письмом, в котором, поздравив с коронацией, спросил, изменится ли в чем-нибудь его участь. Новый император отвечал, что воля его брата для него священна и что относительно Чичагова она будет неизменно соблюдаема. Поэтому, когда в 1834 г. был обнародован указ о возвращении в Россию к определенному сроку всех российских подданных, проживающих за границей, с угрозой потери всего имущества в случае неповиновения, Чичагов, основываясь на личном письме Николая I, посчитал, что данный указ его не затрагивает. Но он ошибся. Вскоре он получил уведомление о том, что он лишен пенсии, а имения его конфискованы. Потрясение было столь велико, что Чичагов ослеп. В своем духовном завещании

себя и отвергал всякое утешение. Подобное изъятие горести, конечно, делалось всюду предметом разговоров, и Государь, от природы склонный сочувствовать сердечным волнениям, был очень тронут несчастьем адмирала»²⁷¹.

Современники расходятся в оценке характера и личности Чичагова²⁷², однако факты его биографии и содержание переписки свидетельствуют о том, что он был весьма одаренной личностью, во многом опередившей свое время. Ф. П. Толстой в своих «Записках» охарактеризовал его так: «Чичагов был человек весьма умный и образованный. Будучи прямого характера, он был удивительно свободен и как ни один из других министров прост в обращении и разговорах с Государем и царской фамилией. Зная свое преимущество над знатными придворными льстецами как по наукам, образованию, так и по прямоте и твердости характера, Чичагов обращался с ними с большим невниманием, а с иными даже с пренебрежением, за что, конечно, был ненавидим почти всем придворным миром и всей пустой, высокомерной знатью, но Александр I и Императрица Елизавета Алексеевна его очень любили. С низшими себя и со своими подчиненными и просителями (которых всегда принимал без малейшего различия чинов и звания) Чичагов обращался весьма приветливо и выслушивал просьбы последних с большим терпением»²⁷³.

Александр I начал разговор с сетований на только что заключенные франко-австрийский и франко-прусский союзные договоры и на то, что мирный договор России и Турции до сих пор не подписан. К этим обстоятельствам добавились мародерство русских войск в Молдавии и недовольство ими жителей, беспечность и интрига, а главное, недовольство главнокомандующим, «виновником этих бедствий»²⁷⁴, который, по мнению Александра I, «был неспособен

он написал: «После произвольных мер императора Николая, лишивших русское дворянство его преимуществ, прав собственности и личной свободы, а меня, в частности, законной пенсии, следующей мне за мои заслуги и присвоенным мне орденам, я считаю недействительной данную мною присягу и, чтобы возвратить себе человеческие права, присоединяюсь к нации, умеющей охранять разумную свободу и принимаю английское подданство. Я требую, чтобы никаким русским властям не было позволяемо вмешиваться в какие-либо дела, меня касающиеся, но прошу моих дочерей передать им ордена мои: св. Александра Невского, св. Владимира, св. Анны и св. Георгия». (Глебов И. Павел I и Чичагов // Исторический Вестник, 1883, № 1. С. 240). Чичагов был убежден, что время и история отдадут ему полную справедливость.

²⁷¹ Из записок графини Эдлинг // Русский архив. 1887. Т. 2. С. 209. Эдлинг Роксана Скарлановна (рожд. Стурдза; 1786–1844).

²⁷² Жозеф де Местр в августе 1804 г. писал о Чичагове: «Он друг французов: бюст Бонапарта стоит у него на бюро; он целый день злословит англичан, и нет здесь англичанина, который бы ему не представился. Французы, напротив того, к нему ни ногой» (Архив адмирала Чичагова СПб., 1885. Вып. 1. С. 28). Французский посланник Савари, отличавшийся особой проницательностью, в депеше к Наполеону охарактеризовал П. В. Чичагова как молодого человека, сведущего в своем деле; прибавив, что «он ни англичанин, ни француз, а просто добродушный русский человек» (Вандаль А. Наполеон и Александр I. С. 124).

²⁷³ Цит. по: Архив адмирала П. В. Чичагова. Вып. 1. С. 21.

²⁷⁴ Отдавая Чичагову жалобы местных жителей на Кутузова, Александр I сказал: «Я не могу далее дозволять такие ужасы». Впоследствии, проверяя на месте эти жалобы, Чичагов нашел их совершенно справедливыми, но более всего поразил его ответ главнокомандующего. На вопрос местных жителей, что им остается после таких поборов, Кутузов ответил: «У вас остаются глаза, чтобы плакать» (Русский архив. 1870. М., 1871. Стлб. 1525).

получить результаты, для которых потребны: энергия, сила воли и поспешность в исполнении». Между тем время уходит, и неподписанный мир может иметь пагубные последствия на ход предстоящей войны²⁷⁵.

П. В. Чичагов посоветовал отправить в войска доверенного человека, снабженного наставлениями, уполномочивающими его устранить все препятствия, который узнал бы реальное положение дел и, вернувшись, сообщил о том. Александр I предложил эту миссию Чичагову, но тот тут же отклонил ее, объяснив, что так как он равен по чину Кутузову, то может создаться впечатление о надзоре за главнокомандующим или о смещении его, поэтому лучше послать одного из флигель-адъютантов. В ответ Александр I сказал: «Я об этом подумую; подумайте и вы!»

Совершенно очевидно, что Чичагов колебался в принятии решения. Колебания Чичагова находят себе объяснения в его предшествующей биографии²⁷⁶.

²⁷⁵ Русский архив. 1870. М., 1871. Стлб. 1522—1523.

²⁷⁶ В 1799 г. после заключения коалиции с Англией и Австрией Павел I объявил войну Франции и решил отправить небольшую эскадру для совместного действия с английским флотом. Английский посланник посоветовал поставить во главе эскадры П. В. Чичагова, сосланным в то время к отцу в деревню. Павел I принял это предложение.

Когда П. В. Чичагов «приехал и явился к вице-президенту адмиралтейств-коллегии и любимцу государя адмиралу Кушелеву, последний, объяснив ему, что император намерен не только принять его вновь на службу, но и произвести в контр-адмиралы, прибавил:

— Надеюсь, вы позволите мне засвидетельствовать перед его величеством о чувствах вашей признательности за те милости, которые он вам оказывает?

— Зачем же? — возразил Чичагов. — У меня нет особенных причин быть благодарным. Во-первых, мое здоровье совсем расстроено; во-вторых, со времени оскорбительного для меня удаления со службы, многие бывшие подчиненные мои настолько быстро продвинулись вперед, что, несмотря на производство мое в контр-адмиралы, я все-таки должен буду находиться у них под начальством.

На другой день Чичагов был потребован во дворец. Едва он вошел, как Павел в страшном гневе бросился к нему:

— Итак, сударь, — вскричал он, — вы недовольны! Вы не желаете мне служить! Вы якобинец! Вы намерены поступить в английский флот!

Чичагов хотел что-то возразить, но государь не дал ему говорить.

— Молчать! Не смейте мне возражать! Я вас проучу! Отправить его в крепость! — продолжал он кричать, отворяя дверь в соседнюю комнату, где находились некоторые из приближенных. — Возьмите у него шпагу! Сорвите с него ордена! Нет! Этого мало! Снимите с него мундир, — он не достоин его носить.

Услужливые царедворцы поспешили раздеть Чичагова и в таком виде отвезли его к генерал-губернатору графу Палену, весьма дружному с его отцом.

— Что делать? — говорил Пален, стараясь утешить Чичагова. — Сегодня ваша очередь, завтра, может быть, моя... я уверен, что император не замедлит отменить свое распоряжение, а пока отправляйтесь в крепость; я постараюсь облегчить насколько возможно ваше заключение.

Но отмены распоряжения не получилось. Потрясенный столь трагическим происшествием, Чичагов заболел. Пален приехал навестить его.

— Если б вы предвидели, что случилось, — сказал он, — то, без сомнения, предпочли бы службу тюрьме?

— Я предпочел бы вовсе не служить, — отвечал Чичагов, — но само собою, разумеется, служить лучше, нежели сидеть в каземате.

— Отлично, я попробую уладить дело.

Действительно, через некоторое время Пален приехал опять и сказал:

Однако Александр I действовал решительно. Увидя Чичагова на следующий день он сразу сказал ему: «Слушайте мое решение — оно неизменно: проект, о котором была речь, очень сложный. Дело в том, чтобы порешить эти нескончаемые переговоры с Портою и предложить ей наступательный и оборонительный союз, — в противном случае начать снова военные действия и принудить ее согласиться на это немедленно. Угрожать Черноморским флотом, который и будет действовать, когда потребует надобность. Стараться также возбуждать греков и все населения, которые находятся под гнетом Порты и которые привязаны к нам как единством вероисповедания, так и старинными преданиями. Произвести диверсию в Далмации²⁷⁷, сухим путем или морем, смотря по уступкам, которые получатся мирным договором с Турциею. Тогда нужно будет взойти в сношение с англичанами, которые стоят в Адриатическом море, и условиться с ними, какую помощь они со своей стороны могут нам дать. Наконец, необходимо устроить и поддержать управление в Молдавии и Валахии...»²⁷⁸ После разговора с императором Чичагов отправился к канцлеру, графу Румянцеву, который ознакомил его с дипломатическими аспектами переговоров в Бухаресте. На следующий день Чичагову была дана подробная инструкция, определяющая его полномочия и дальнейшие действия. Итак, 6/18 апреля 1812 года адмирал П. В. Чичагов был назначен главнокомандующим Дунайской армией и Черноморским флотом и генерал-губернатором Молдавии и Валахии.

Французский историк считал выбор Александра I весьма удачным, он писал: «Александр имел при себе человека, убеждения которого почти либеральные, ум блестящий и живой, ему весьма нравились и подавали надежду на великие заслуги; это был адмирал Чичагов. Государь остановил выбор на нем, для весьма важного поручения на востоке, и выбор был весьма удачен, так как адмирал был действительно годен как с практической, так и идеальной стороны для роли, которую должен был играть в этих странах»²⁷⁹.

— Император считает себя удовлетворенным. Я объяснил ему, что вы раскаиваетесь в своем поступке и если бы могли предвидеть постигшее вас несчастье, то поступили бы на службу без всяких возражений. Поедемте со мною к государю. Вы еще не оправились, но делать нечего.

Павел, желая загладить нанесенное Чичагову под влиянием необузданного гнева оскорбление, принял его очень милостиво, взял за руку и, держа ее в своей, сказал, улыбаясь:

— Я знаю, что вы якобинец, но представьте, что у меня на голове красная шапка, и служите мне усердно.

— Я знаю, ваше величество, — отвечал Чичагов, — что на вашей голове императорская корона и с полным убеждением в этом клянусь служить вам честно.

Чичагов в тот же день был определен на службу с прежним старшинством, произведен в контр-адмиралы и сделан начальником эскадры из 6 кораблей, 5 фрегатов и 2 транспортов, которая была назначена для перевозки дивизии генерала Эссена в Голландию» (*Глебов И. Павел I и Чичагов. С. 238–239*).

²⁷⁷ Далмация была вместе с Истрией, Каринтией и другими землями, отнятыми у Австрии по Пресбургскому миру, включена Наполеоном в состав образованного им Иллирийского королевства под управлением маршала Мармона.

²⁷⁸ Русский архив. 1870. М., 1871. Стлб. 1524–1525.

²⁷⁹ *Thiers M. Histoire de Consulat et de l'Empire (Vol. XIII, p. 492)*, цит. по: Архив адмирала П. В. Чичагова. Вып. 1. С. 31.

Кардинальные вопросы политической стратегии России в Юго-Восточной Европе подробно рассматривались русским кабинетом начиная с 1807 года. Для решения проблемы укрепления южных границ Российской империи были составлены записки с проектами политических и военных кампаний²⁸⁰. Один из подобных проектов был составлен в 1811 году сверхштатным чиновником российского посольства в Вене И. А. Каподистрией, который в «Записке о диверсии, которую следует предпринять на юге Европы в случае войны между Россией и Францией»²⁸¹ предложил: в случае нападения Наполеона на Россию начать военные операции одновременно на суше — против иллирийских провинций²⁸² и на море — в Адриатике, с последующим перенесением их на территорию Италии. При этом Турции отводилась роль военного союзника России, для чего предлагалось пойти на территориальные уступки и возвратить ей Молдавию и Валахию, а в политическом аспекте — отложить обсуждение сербского вопроса на неопределенное время. В случае отказа Порты от союзнических обязательств Каподистрия предусматривал в качестве меры давления организацию войска из болгар и других славян и посылку русской эскадры в Средиземное море. Если бы и это не произвело желаемого эффекта, предлагалось организовать всеобщее восстание в Европейской Турции, для чего необходимо было привлечь на сторону России Али-пашу, признав его правителем Греции и Эпира²⁸³.

Хотя инструкция от 19 апреля²⁸⁴, данная П. В. Чичагову Александром I, ставила основной его задачей быстрое заключение мира с Турцией, но в качестве средства для быстрого достижения цели предполагалось осуществить план диверсии из Валахии на Далмацию и Иллирию, причем к Дунайской армии намеревались присоединить ополчение из молдаван, черногорцев и сербов. Предполагаемый план действия во многом совпадал с мерами, предложенными в «Записке» И. Каподистрии²⁸⁵. «Эта записка, — писал в своей биографии

²⁸⁰ Наиболее известные из предложений — это: 1) проект завоевания словено-сербских провинций Адриатического побережья, составленный черногорским архимандритом Симеоном Ивковичем (Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I // РИО. Т. 88. С. 42–44); 2) проект создания во главе с Россией мощной федерации славянских народов, составленный мичманом В. Б. Броневским — участником средиземноморской экспедиции адмирала Сенявина (*Броневский В. Б. Записки морского офицера*. СПб., 1818–1819. Т. I–IV; *Замечательный исторический документ* // Исторический журнал. 1917, № 2. С. 164–165). Подробнее см.: *Казаков Н. И. Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против Наполеоновской агрессии в 1812 году* // 1812 год. К 150-летию Отечественной войны. М., 1962. С. 47–50.

²⁸¹ «Mémoire sur une diversion à operer dans le Midi de l'Europe en cas de guerre entre la Russie et la France». — АВПРИ, ф. Канцелярия, 1811 г., д. 11607, л. 299–311.

²⁸² *Пугачев В. В.* К вопросу о планах Александра I относительно славянского и немецкого национально-освободительного движения в 1812 году // Ученые записки Пермского университета. Т. V, вып. 4. Пермь 1951. С. 117–119.

²⁸³ Подробнее см.: Записка графа И. Каподистрии о его служебной деятельности // РИО. Т. 3. С. 170, 171; *Арш Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822*. М., 1976. С. 23.

²⁸⁴ Инструкция Александра I адмиралу Чичагову // Русский архив. 1870. С. 1527; Из записок адмирала Чичагова // Русский архив. 1890. № 8–9. С. 1522.

²⁸⁵ Каподистрия Иоанн Антонович, граф (*Capo-d'Istria*; 1776–1831), греческий политический деятель; был на русской службе статс-секретарем по иностранным делам (1815–

И. Каподистрия, — удостоилась одобрения Государя, и ей я обязан моим назначением в должности правителя дипломатической канцелярией главнокомандующего Дунайской армией. В этом положительно уверял меня адмирал Чичагов, когда по прибытии моем в Бухарест он ввел меня лично в исправление моих новых обязанностей»²⁸⁶. Адмирал Чичагов, готовясь к тайному отправлению в Бухарест и чувствуя всю важность возложенного на него поручения, искал себе надежных сотрудников. Формируя свою дипломатическую канцелярию, П. В. Чичагов решил назначить заведующим ее И. Каподистрию, которого знал лично²⁸⁷. А дипломатическая канцелярия Дунайской армии занималась всеми политическими вопросами, вставшими перед адмиралом П. В. Чичаговым накануне и в первые месяцы Отечественной войны 1812 года. Канцелярия эта фактически выполняла функции ближневосточного и балканского отделов ГКИД России: через нее проходила вся переписка с вновь назначенным посланником в Константинополе А. Я. Италинским, который непосредственно получал указания от П. В. Чичагова.

Отправляясь в Дунайскую армию, Чичагов имел при себе два рескрипта Александра I на имя Кутузова, датированные апрелем 1812 года. Первый — на случай, если мир не подписан — заключал в себе отозвание Кутузова и приказание передать всю власть адмиралу Чичагову. Второй — на случай, если мир был заключен — гласил: «Нахожу приличным, чтобы вы прибыли в Петербург, где ожидаю вас награждения за все знаменитые заслуги, кои вы оказали мне и отечеству. Армию, вам вверенную, сдайте адмиралу Чичагову»²⁸⁸. В своих мемуарах Роксана Эдлинг писала, что Александр I «несколько раз посылал генералу Кутузову <...> настоятельные повеления заключить необходимый мир; но старый воин, влюбленный во власть и опасавшийся, что он останется не у дел, старался под возможными предлогами отсрочивать дело, столь важное для отечества. Выведенный из терпения его медлительностью и недобросовестностью, государь придумал заменить его Чичаговым, которого прямота была ему известна. Ему были уже даны полномочия и нужные наставления, как госпожа Кутузова, успев о том проведать, предупредила мужа, и тот заключил мир до приезда нового главнокомандующего»²⁸⁹.

Действительно, ко времени прибытия П. В. Чичагова в Бухарест (6 мая 1812 года) переговоры о мире были практически закончены. 5 мая 1812 года М. И. Кутузов и Ж. Фонтон²⁹⁰ подписали предварительные условия мира, и уже был послан курьер с этим известием к императору. При таких обстоятельствах Чичагов вынужден был вручить Кутузову второй рескрипт. В свою очередь Кутузов также был достаточно опытен, чтобы понять настоящее значение этого

1822); возглавлял (с К. В. Нессельроде) Коллегию иностранных дел, к которой был причислен Пушкин; с 1827 г. — президент Греции, сторонник союза с Россией; убит греческими политическими противниками.

²⁸⁶ Записка графа Каподистрия о его служебной деятельности// РИО. Т. 3. С. 170.

²⁸⁷ Стурдза А. С. Воспоминания о жизни и деяниях графа И. А. Каподистрии, правителя Греции// Чтения в обществе истории и древностей российских. Кн. 2, М., 1864. С. 27. Mémoires inédites de l'admiral Tchichagoff. Berlin. 1855, p. 16.

²⁸⁸ Эпизоды из истории двенадцатого года// Русский архив. 1892. Кн. 2. С. 13.

²⁸⁹ Из записок графини Эдлинг// Русский архив. 1887. Кн. 2. С. 209.

²⁹⁰ См.: Материалы к истории Восточного вопроса 1811–1813 годов. М., 1901. С. 1–69.

рескрипта, составленного до реального заключения предварительных условий мирного договора, в тексте которого отсутствовала статья о наступательном и оборонительном союзе России с Турцией.

Этим обстоятельством Александр I был крайне недоволен. 2 мая 1812 года он писал П. В. Чичагову из Вильно: «Положение, которое вы найдете в Бухаресте, значительно изменяет все замечания, которые вы делаете по поводу условий мира. Все уполномоченные уже подписали предварительные условия, на основании которых Прут и Дунай составят границу. Следовательно, самое простое, кажется, будет ничего не изменять в этих условиях, чтобы не помешать благотворному делу мира. <...> Если этот мир будет подписан — мы, без сомнения, получим значительные преимущества в современном положении дел. Генерал Кутузов упустил из виду одно весьма важное обстоятельство: следовало предложить уступки, которые мы сделали в наших требованиях, лишь под условием заключения наступательного и оборонительного союза. Союз этот один лишь мог вознаградить нас за ту натянутость, которую этот мир внесет в наши отношения к сербам и славянским народностям, отношения, столь важные для нас особенно в настоящее время. Если бы представилась еще возможность достичь союза с Портою и содействия сербов и славянских народностей против Франции и ее союзников, то не должно ничего упускать для достижения этого. Впрочем, не забывайте никогда, что не посредством одолжений можно добиться чего-нибудь от турок. Они приписывают их каждый раз слабости и надобности, которую имеют в них: бумаги, которые вам шлет канцлер, и те, которые вы найдете в главной квартире, доставят вам тысячи доказательств этого. Только представляя им ряд опасностей истинных или преувеличенных все равно, лишь бы они пугали их, можно добиться от них желаемого»²⁹¹.

Таким образом, несмотря на возможное подписание союзного договора, в силе оставались правительственные инструкции об организации больших военных операций на юге-востоке Европы, данные П. В. Чичагову²⁹². Важнейшим средством для достижения организации этих акций правительство считало заключение наступательного и оборонительного союза с Портой при одновременном установлении тесных контактов с различными политическими силами внутри Османской и Австрийской империй.

Подписав предварительные условия мира, Кутузов должен был подписать и окончательный договор. Поэтому, исполняя приказание Александра I, он 12 мая сдал Чичагову начальство над войсками, но оставался еще несколько дней в Бухаресте в ожидании присылки договора, заверенного подписью великого визиря. Окончательное подписание Бухарестского мирного договора состоялось 16 мая²⁹³. Предвидя недовольство императора, Кутузов писал ему: «Сего времени обстоятельства не позволили никак твердо настоять на заключении союзного трактата и дожидаться на сие согласия от султана для заключения мира. Таковым поступком весьма могли бы мы принудить Порту избрать

²⁹¹ Письма императора Александра I к адмиралу Чичагову // РИО. Т. 6. С. 67—68.

²⁹² Инструкция Александра I адмиралу Чичагову // Русский архив. 1870. С. 1527.

²⁹³ Попов А. Н. Сношения России с европейскими державами перед войною 1812 года. С. 284—325.

сторону, предлагаемую австрийцами для союза. Ваше Величество могли видеть из письма Каннинга²⁹⁴ к Италинскому адресованного, сколь велика была его боязнь, дабы при затруднениях с нашей стороны им делаемых сие не произвелось бы в действие. А когда уже заключится мир, тогда Порте неминуемо поссорится с Францией, и легче будет склонить оную к союзу, особливо негоциации»²⁹⁵.

Подводя итоги деятельности Кутузова, следует отметить, что заслуга его в истории данной кампании состоит не столько в его полководческом таланте, преимущественно оборонительном, сколько в его правильном понимании политического положения и в осторожной оценке наличных шансов для заключения приемлемого для России мира. С этим вынужден был согласиться и Чичагов. Разобравшись в сложившейся ситуации, он писал Александру I: «Впрочем, мне кажется, что здесь были употреблены все способы, чтобы выговорить эти уступки; но упорство турецких уполномоченных было так сильно, что под конец надо было им уступить. <...> мир был для нас необходим, и он не мог быть заключен на других условиях при настоящих обстоятельствах»²⁹⁶. В отличие от Александра I, Чичагов считал, что союз с турками не будет для России плодотворным, так как турки «до такой степени ослаблены, что от них нельзя требовать никакой помощи в настоящее время, чтобы они только нам не мешали, это самое лучшее, что они для нас могут сделать»²⁹⁷. Несмотря на то что Бухарестский мир принес Турции явные выгоды, султан медлил с ратификацией договора. Английские дипломаты в Константинополе во главе с лордом Каннингом выступили против ряда статей Бухарестского договора, которые, на их взгляд, вступали в противоречие с их союзническими обязательствами к Порте²⁹⁸. Чичагов по этому поводу писал: «С удивлением узнал я, что г. Страдфорд-Каннинг, который должен действовать заодно с нами, употреблял все свое влияние, чтобы помешать султану согласиться на эти статьи мира. Он забывал настоящую и общую опасность и помышлял только о том, какой вред может быть для Английской Индии, если Россия утвердится за Кавказом. Такова политика Англии: малейший призраок опасности для ее колоний заставляет ее изменять свою внешнюю политику и жертвовать выгодами своих союзников»²⁹⁹.

13 июня 1812 года Александр I сообщил Чичагову о начале военных действий с Наполеоном: «Спешу уведомить вас, что неприязненные действия начались; нас атаковали со стороны Ковно. Теперь вам развязаны руки для вашей диверсии, если только вам удастся условиться на счет ее с Портою. Замедление в получении от вас известий и ратификаций великого визиря несколько тревожит меня. По причине, мною вам высказанной, следует пощадить Австрию, чтобы не создать себе из нее врага более опасного сравнительно с тем, каким

²⁹⁴ Джордж Страдфорд-Каннинг (Canning George; 1770–1827) – английский посол в Константинополе.

²⁹⁵ Эпизоды из истории двенадцатого года... С. 18.

²⁹⁶ Там же. С. 19.

²⁹⁷ Там же. С. 20.

²⁹⁸ Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807). М., 1962.

²⁹⁹ Русский архив. 1870. М., 1871. Стлб. 1543–1544.

она представляется в настоящее время, когда она решила, по-видимому, действовать только своим вспомогательным 300 000 корпусом»³⁰⁰. Для ускорения ратификации мирного договора Александр I поставил П. В. Чичагова в известность о том, что Бернадот³⁰¹ сообщал ему и в Константинополь обширный план Наполеона, в котором было предreshено уничтожение Турецкой империи³⁰², что в определенной степени содействовало ускорению ратификации Бухарестского договора турецким правительством.

Политические колебания Александра I не могли не сказаться на военно-стратегических планах адриатической экспедиции, в июне 1812 года П. В. Чичагов писал императору: «Я не могу составлять отрядов их христиан, которым гораздо было бы приятнее видеть нас в войне с турками, нежели в мире; не могу никуда двинуться, не зная, будут ли они с нами или против нас. Я вижу теперь, государь, что политика должна предшествовать военным движениям, в противном случае чрезвычайно трудно отгадать, в какую сторону следует идти»³⁰³. Чичагов склонялся к первоначальному плану проведения адриатической экспедиции и настойчиво предлагал его Александру.

6 июля 1812 года Александр I отвечал Чичагову: «Я только что собирался отправить вам ответ на письмо от 26-го июня, как получил ваше письмо, помеченное 29-м числом. Я хотел всецело одобрить решения, принятые вами до 26-го числа, и уполномочить вас действовать впредь по нашему благоусмотрению. Ваше письмо от 29-го числа поставило меня, признаюсь, в затруднение относительно того, какое решение мне надлежит сообщить вам. Ваш план очень смел и обширен; но кто может поручиться за его удачу, а тем временем мы лишаемся впечатления, какое ваша диверсия должна была произвести на неприятеля, и, вообще, лишаемся на довольно долгое время содействия всех войск, находящихся под вашим началом, если они будут двинуты к Константинополю, не говоря уж об общественном мнении наших соотечественников, так и наших союзников англичан и шведов, коих мы восстановим против

³⁰⁰ Пять собственноручных писем Александра I в 1812 году // Русская старина. 1902, январь. С. 218.

До этого относительно Австрии высказаны были более жесткие намерения: «В случае крайней необходимости поднять восстание славянских и мадьярских подданных Франца и таким образом взорвать Австрийскую империю изнутри» (*Козаков Н. И. Проект привлечения народов Балканского полуострова... С. 53*).

³⁰¹ Бернадот, принц Понте-Корво — маршал, наследный принц Швеции, впоследствии шведский король Карл XIV Иоанн (1764—1844).

³⁰² «Наследный принц сообщает туркам план Наполеона, указывая и источники, которыми он пользовался. Это старые связи с самыми замечательными личностями, даже приближенными к императору Наполеону, которым он обязан этим. Этот план, по словам наследного принца, состоит в том, чтобы быстрым натиском принудить Россию к немедленному миру, требуя в то же время 100 тысяч вспомогательных войск. Прибавив эту массу к своей армии, Наполеон двинется сперва против Турции, чтобы отнять у нее Константинополь и утвердить там престол восточной и западной империи, которые он хочет соединить под своей властью. В это время силы, которыми он располагает в Италии, Иллирии и на Ионических островах двинутся в Египет, где он будет продолжать раз начатое, и наконец направит как собственные, так и вспомогательные громадные силы чрез Малую Азию в Бенгалию, для нанесения окончательного удара Англии» (Письма императора Александра I к адмиралу Чичагову // РИО. Т. 6. С. 69).

³⁰³ *Попов А. Славянская заря в 1812 году* // Русская старина. 1892, декабрь. С. 618.

себя. Приняв подобное решение, не увеличим ли мы этим без всякого повода наше затруднительное положение? Австрийцы, выставившие в настоящее время в поле всего 30 000 человек, видя, что Оттоманской империи угрожает серьезная опасность, будут принуждены, если не по собственному желанию, то, несомненно, по желанию императора Наполеона, выставить все свои силы, чтобы предупредить эту опасность. Вступив в таком случае в Молдавию и Валахию, они поставят наш тыл, и даже войска, с которыми вы пойдете на Константинополь, в самое затруднительное положение. Если диверсия, которую, как можно понять по вашему письму от 26-го числа, вы твердо решили предпринять, будет сопряжена ныне, по вашему мнению, с такими препятствиями, то быть может, возможно, было бы принять гораздо более благоразумное решение, которое могло бы дать не менее полезные результаты. А именно, обменявшись ратификациями, удовольствоваться пока этим миром, не требуя настоятельно заключения союза, и направить все находящиеся под вашим начальством силы на Хотин и Каменец по направлению к Дубно, где вас поддержит армия Тормасова <...> Историю с Константинополем можно будет проделать впоследствии; если наши дела с Наполеоном пойдут хорошо, то мы можем немедленно выполнить наш план относительно турок и провозгласить либо Славянскую, либо Греческую империю. Но заниматься этим в настоящую минуту, когда нам приходится и без того бороться со столькими затруднениями и со столь многочисленными силами, кажется мне рискованным и неблагоразумным. Предположите, что мы овладели Константинополем: это не увеличит наших сил. У нас будут все те же 40 000, кои будут в вашем распоряжении в Константинополе так же, как в Бухаресте: согласитесь с тем, что они будут дальше и, следовательно, менее будут иметь возможность действовать против нашего великого врага»³⁰⁴.

Становилось очевидным, что все предшествующие годы Россия воевала не с Турцией, а с Францией. Теперь же, когда возникла возможность еще раз на поле боя померяться силами, другой альтернативы в поведении русского императора не было. В письме Чичагову от 18 июля 1812 года Александр I высказался еще более жестко: «Я получил ваши ратификации в Смоленске, я настаиваю более, чем когда-либо, на том, о чем писал вам в моем последнем письме. Повременим с проектами относительно Порты и употребим все наши силы против великого врага, с которым нам приходится бороться. Приглааю при сем зашифрованную депешу <...> Судя по ней, можно подумать, что выполнить вашу диверсию становится все более и более затруднительным. Если это так, займитесь выполнением другого плана, намеченного мною, и ведите все наши силы со всевозможной поспешностью к Днестру, а оттуда к Дубно»³⁰⁵.

Александр I еще оставлял робкую надежду на возвращение к этим проектам³⁰⁶, но Чичагов понимал, что другого случая для их осуществления уже

³⁰⁴ Пять собственноручных писем Александра I в 1812 году. С. 220—221.

³⁰⁵ Там же. С. 222.

³⁰⁶ «Покуда по отношению к туркам будет казаться, что мы добросовестно исполняем условия договора. А что касается славян и валахов, то велите передать им секретно, что все это делается временно, что, покончив с Наполеоном, мы тотчас вернемся обратно, но на

не представится. 6 августа 1812 года он писал из Фокшан Александру I: «Какое несчастье, Государь, что еще раз обманулись в подобном ожидании. Я еще в Фокшанах, а в настоящую минуту был бы у Константинополя. Какая разница влияния на общие дела. Наследный принц шведский не совестится через Копенгаген идти в Любек или Стральзунд; отчего же бы нам через Константинополь не пройти в Италию или Далмацию? Всенижайше прошу Ваше Величество простить мне, но сердце обливается кровью, когда я подумаю об этом упущенном случае, который может не возвратиться»³⁰⁷.

Так завершился «восточный период» политики Александра I. В международной дипломатии, где искренность всегда затушевана политическим расчетом, характер Александра чрезвычайно органичен. Недаром Екатерина II говорила о нем: «Этот мальчик соткан из противоречий». От Тильзита до Отечественной войны 1812 года Александр I тонко и расчетливо вел свою линию в противостоянии с Наполеоном.

Современники не сразу отметили, что в русском императоре постепенно проявлялось «притязание играть первенствующую роль в политической системе Европы, оспаривать первенство у Франции, возвеличенной счастливыми революционными войнами»³⁰⁸.

Нет сомнений, что Пушкин был хорошо осведомлен о событиях 1812 года, предшествующих нашествию Наполеона в Россию. В письме к А. П. Ермолову в 1833 году он писал: «До сих пор поход Наполеона затемняет и заглушает все — и только некоторые военные люди знают, что в то же самое время происходило на Востоке» (XV, 58).

*
* * *

1812 год приобщил к истории сравнительно широкие массы русского дворянства: осознание себя сопричастными важнейшим историческим событиям привело к изменению в умах и чувствах «лучших дворян»³⁰⁹. Людей ближайшего пушкинского окружения живо интересовали события, предшествующие и сопутствующие войне 1812 года.

В записной книжке П. А. Вяземского от 23 июня 1830 года встречаем следующую запись: «Обедал у Хитровой: читал письма отца (князя Смоленского) во время войны 1812 года: по большей части писаны по-французски, рука и правописание ужасные. Надобно списать несколько писем. В некоторых письмах он дивится своим успехам. В одном письме он рассказывает о сневидении, в котором приснился ему Наполеон и он сам, и посылает его к дочери, но сон не отыскался»³¹⁰. Вяземский пишет о письмах М. И. Кутузова — отца

этот раз уже для того, чтобы создать Славянскую империю; что касается австрийцев, то надобно будет не трогать их до тех пор, пока они сами не дадут на это право своим поведением». (Пять собственноручных писем Александра I в 1812 году. С. 222).

³⁰⁷ Письма адмирала Чичагова к императору Александру I // РИО. Т. 6. С. 20.

³⁰⁸ Цит. по кн.: Мельгунов С. П. Александр I. С. 138.

³⁰⁹ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980.

³¹⁰ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1896. Т. 9. С. 123—124. Письма М. И. Кутузова к жене и дочери Е. М. Хитрово опубликованы, см.: Русская старина. 1870, 1871, 1872, 1874. Т. 1. С. 249—325; Т. 2. С. 498; Т. 3. С. 49, 201; Т. 5. С. 257—646, 687; Т. 10. С. 337.

Елизаветы Михайловны Хитрово. Вероятно, были среди этих писем и те, что относились к периоду Бухарестской конференции. Да и сама Елизавета Михайловна могла многое рассказать как свидетель происшедших событий, поскольку в мае 1811 года находилась вместе с отцом в Главной квартире³¹¹ в Бухаресте.

О том, что в семье М. И. Кутузова интересовались политическими тайнами³¹², свидетельствует инцидент, происшедший с зятем его второй дочери, Анны Михайловны, которая была замужем за генерал-майором и флигель-адъютантом Павла I, почетным членом императорского Московского университета — Николаем Захаровичем Хитрово (однофамильцем мужа Елизаветы Михайловны Николаем Федоровичем Хитрово)³¹³.

Современники свидетельствуют, что Н. З. Хитрово перед началом Отечественной войны был внезапно удален из Петербурга в ссылку. «Носились слухи, что им передана была французскому послу Коленкуру не даром, — а... скорее из болтливости, к чему он был склонен, — важная тайна, до приготовлявшейся войны касающаяся»³¹⁴. М. Корф, основываясь на показаниях члена Государственного совета Федора Петровича Опочинина, женатого на младшей дочери М. И. Кутузова, Дарье Михайловне, показал, что слухи эти были небеспочвенны.

Николай Захарович Хитрово, по сведениям М. Корфа, был человеком «без особого ума или дарований, но заносчивый, в высшей степени нескромный, болтливый, неосновательный и злобный более из легкомыслия, нежели из прямого желания вредить, — он, однако ж, вредил почти всем, если не самим делом, то, по крайней мере, своим языком, имея свободный доступ к императору Александру, который любил слушать его переносы и болтовню. С врожденною

³¹¹ Русская старина. 1872. Т. 4. С. 263.

³¹² Кажется, в то время все интересовались политическими тайнами. Иногда курьезное дело доходило до рассмотрения в следственном комитете, учрежденном указом от 13 января 1807 г. В одном из журналов данного комитета встречаем следующую запись: «1812-го г. октября 6-го дня. В комитет... <...> призваны были титулярные советники Посников и Яблонский, хотевшие остановить 28-го сентября на станции Мурзинке надворного советника Бутягина, отправленного по иностранному департаменту с важными депешами за границу. Каждый из них опрашиван был порознь, и ответы, ими сделанные, доказывают, что они не имели ни малейшего понятия о важности бумаг, с Бутягиным посланных, а нашедшись случайно на станции, из одного только любопытства пожелали узнать про него; увидевши ж на нем Владимира орден, усумнились, точно ли он кавалер; поелику в подорожной таковым не именован. В сем мнении остановившая его, не только не думали сделать чего-нибудь худого, но напротив считали, что они принесут чрез оное услугу правительству, а себя покажут людьми осторожными и исполнят долг свой. Комитет, находя в поступке их одну только легкомысленность, положили: доложить Его Императорскому Величеству, так как они со времени отъезда Бутягина до сей поры содержатся в крепости, то не благоугодно ли будет, вменя им оное в наказание за их неосторожность, Высочайше повелеть из крепости их освободить, обязав подпискою, чтоб впредь были осторожнее, и не ввязывались бы в дела, совсем до них не принадлежащие». (Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1902. Вып. XI. С. 265—266).

³¹³ Родословная книга Хитрово. СПб., 1866. С. 208.

³¹⁴ Измайлов Н. В. Пушкин и Е. М. Хитрова // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927. С. 152—153.

страстью к занятиям полицейским, Хитрово, после неудачных попыток получить полицмейстерское место в Петербурге, не нашел иного средства к удовлетворению своих вкусов, как броситься в объятия тайной полиции, имевшей тогда своих агентов <...> во всех салонах. Он сделался, по виду, одним из усердных ее сподвижников, но, кажется, более для того, чтоб маскировать этим тесную связь свою с тогдашним наполеоновским послом Коленкуром, успевшим, как подозревали, подкупить его в пользу своих интересов. Как бы то ни было, но, состоя в то же время и в коротком знакомстве со Сперанским, а особенно с Магницким, Хитрово нескромно переносил слова и вести одного к другому, а потом, при свиданиях с Александром, величаясь своими связями, передавал ему все слышанное, особенно все городские сплетни насчет государственного секретаря <Сперанского.— Н. М.>. В совокупности с прочими впечатлениями, эти разговоры не могли не произвести своего действия на подозрительную душу Александра...»³¹⁵ К тому же в конце 1810 года была «перлюстрирована депеша Коленкура ко двору. Она была писана шифрами, но начальник этой части в нашем министерстве иностранных дел, Христиан Андреевич Бек, успел разобрать, что Коленкур изъявлял надежду достать в самом непродолжительном времени расписание состава и дислокации наших военных сил. Нельзя было только прочесть, *через кого* Коленкур надеется получить это сведение. Государь втайне поручил Сперанскому дознать Бека, кого по работе над подробностями и приблизительной известностью лиц — он с своей стороны подозревал бы в таком предательстве. Бек не мог доискаться самого имени; но, по соображениям своим над всем остальным содержанием депеш, равно как и нескольких других, ей предшествовавших, выставил столько обстоятельств, разливших ясный свет на лицо изменника, что Александр, не останавливаясь, написал против пробела: „Хитрово“. Вследствие того Балашову велено было тотчас приставить к Хитрово секретный надзор, и этот надзор обнаружил как близость жены его к чиновнику французского посольства Лажару, так и личные его, переходившие за пределы простого знакомства, сношения с этим посольством»³¹⁶.

Далее в своем рассказе М. Корф опирался на дневниковые записи Лиггина Ивановича Голенищева-Кутузова и устные рассказы Анны Михайловны Хитрово. «Однажды, при сборах его <Хитрово.— Н. М.> на бал к Коленкуру, к нему явился тогдашний обер-полицмейстер П. В. Голенищев-Кутузов³¹⁷, пересмотрел и забрал все его бумаги, а его самого <...> отправил под предлогом какого-то поручения при полицейском в Вятку». «Но главного акта обвинения не было

³¹⁵ Деятели и участники в падении Сперанского... С. 500—501.

³¹⁶ Там же. С. 501—502.

³¹⁷ Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772—1843), граф (с 1832 г.). В 1810 г. Санкт-петербургский обер-полицмейстер и генерал-адъютант, в 1812 г. отчислен в императорскую свиту. После занятия французами Москвы сформировал из 3747 ямщиков казачий Ямской полк и конную артиллерийскую полуроту. А после пленения графа Винценгенроде французами принял в командование его отряд и преследовал французскую армию. В 1815 г. принимал участие в Венском конгрессе. После убийства Милорадовича занял пост Санкт-петербургского генерал-губернатора, на котором пребывал до 1830 г. С 1826 г.— член Государственного совета. Главный директор кадетских корпусов, позже — петербургский генерал-губернатор, член Государственного совета.

найдено: приготовленные уже предателем и написанные собственною его рукою по-французски таблицы о силе нашей армии и о ее расположении лежали в эполетном футляре, и Кутузов, при вскрытии его, увидав эполеты, не стал искать под ними. <...> Оттого Хитрово не подвергся никакому дальнейшему преследованию»³¹⁸.

М. И. Кутузов знал о характере своего зятя и, когда тот служил при нем в 1808 году в Дунайской армии, присматривал за ним³¹⁹. Но следует учесть, что Хитрово был его близким родственником, сопричастным к судьбе его детей и внуков, и потому светлейший многое ему спускал. Весьма интересно в этом плане письмо М. И. Кутузова к дочери — Анне Михайловне Хитрово, — отправленное из Гжатска 19 августа 1812 года, то есть за неделю до Бородинской битвы, в котором косвенно сообщаются намерения русского военного командования. «Нужно сказать откровенно, — пишет Кутузов, — что мне не нравится ваше пребывание около вашей Тарусы, вам могут наделать беды, так как что такое представляет собою одна бедная женщина с детьми; поэтому я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжайте же, дорогой друг, но я требую, чтобы сказанное мною было хранимо вами в глубочайшей тайне. Потому что, если оно полугит огласку, мне это сильно повредит. Если бы Николаю не удалось получить согласие губернатора на выезд, то вы могли бы уехать одни; тогда я улажу дело с губернатором, напирая на то, что ему (Николаю) следовало бы сопровождать свою жену и детей, но вы, мои дети, уезжайте непременно»³²⁰. По содержанию этого письма можно сделать недвусмысленное заключение о готовящемся генеральном сражении и очевидной сдачей французам Москвы — что в то время составляло государственную тайну.

В январе 1829 года граф Ш.-Л. Фикельмон, зять Е. М. Хитрово и любимец Меттерниха, был назначен австрийским послом в Петербург, и Е. М. Хитрово вскоре поселилась в австрийском посольстве на Английской набережной. В салоне Фикельмон, по словам П. А. Вяземского, «и дипломаты, и Пушкин были дома»³²¹.

Все изложенные выше факты предшествуют «Второй программе» пушкинских записок и являются необходимым экскурсом в историю, для того чтобы верно оценить современные Пушкину события, зафиксированные им в оставшемся обрывке «Второй программы», к рассмотрению которой мы сейчас и обратимся.

³¹⁸ Деятели и участники в падении Сперанского... С. 502. В ссылке Н. З. Хитрово прожил 10 лет, затем переехал в Москву, где и умер в 1824 г.

³¹⁹ В письме к жене от 2 мая 1808 г. Кутузов сообщал: «Вчера съехал Хитров, и я сему читал при начале большую проповедь, и он обещал быть благоразумным. Аннушка и Катенька у меня с ума нейдут». 7 марта 1809 г. Кутузов писал жене: «Ты знаешь, что Хитров был послан в Константинополь, и вот что сделалось, отсюда в 30 верстах опрокинулся с телегою и переломал себе руку, левую; но слава богу, рука хорошо срастается и через две недели совсем выйдет. Об Аннушке и слуху нет. Я из Ясс еду с Богом войну начинать» (Архив князя М. И. Кутузова-Смоленского// Русская старина. 1871. Т. III. С. 201—203).

³²⁰ Георгиевский Г. П. Кутузов в переписке с родными// Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1912. Ч. 37. С. 31 особ. пагин.

³²¹ Вяземский П. А. Собр. соч. СПб., 1894. Т. 7. С. 226.

«Вторая программа» записок

«Кишинев — проезд мой из Кавказа и Крыму»

В биографическом плане началу «Второй программы» записок предшествуют события высылки Пушкина на юг. Не останавливаясь на причинах «служебного перевода» Пушкина в канцелярию Главного попечителя и председателя Комитета о колонистах Южного края России генерал-лейтенанта И. Н. Инзова³²², находившуюся в то время в Екатеринославе (впоследствии Днепропетровске), отметим лишь несколько деталей, необходимых для нашего дальнейшего рассуждения. Прежде всего — причастность графа И. Каподистрии³²³ к переводу Пушкина в канцелярию Главного попечителя и председателя Комитета о колонистах Южного края России. А также то, что назначение И. Н. Инзова на должность наместника Бессарабии готовилось как раз в те дни, когда решалась и судьба Пушкина. Управление же Бессарабией находилось в ведении И. Каподистрии как статс-секретаря Государственной коллегии иностранных дел.

Согласно «Всеподданнейшему докладу», полученному Александром I от И. А. Каподистрии 17 марта 1822 года, порядок управления Бессарабией был «сообразен с законами, привилегиями и обычаями Молдавии», в которые еще в 1812 году небольшие изменения внес Главнокомандующий Дунайской армией <П. В. Чичагов.— Н. М.>. Именно Каподистрии поручили написание «предварительных инструкций», или законодательной базы управления Бессарабией, составленной в полном соответствии с Бухарестским мирным договором³²⁴. Первым гражданским губернатором Бессарабии был действительный статский советник Стурдза. В апреле 1813 года Стурдза по болезни отошел от дел и его должность временно взял на себя командовавший крепостями в Бессарабии генерал-майор Гартинг.

С апреля 1813 года по 1816 год, как отмечает Каподистрия, он не курировал дела Бессарабии. Постоянные жалобы на лихоимство чиновников и значительные успехи в развитии промышленности потребовали учреждения в Бессарабии наместничества³²⁵. 21 мая 1816 года Александр I подписал указ Правительствующему Сенату о назначении подольского военного губернатора Бахметева 3-м полномочным наместником Бессарабской области с сохранением за ним прежнего места службы в Подольске³²⁶. И в июне 1816 года генерал Бахметев прибыл в Кишинев³²⁷. Очевидно, что назначение Бахметева состоялось при протекции Каподистрии. Однако выбор оказался неудачным.

³²² Иван Никитич Инзов (1768—1845) — питомец князя Николая Никитича Трубецкого, памятного своей дружеской связью с Новиковым и мартинистами Екатерининского века. Инзов служил в молодости адъютантом при князе Н. В. Репнине, тоже мартинисте. Он усвоил лучшие качества этих людей, вполне определенный образ мыслей, любовь к просвещению, мягкость нрава, чрезвычайное доброжелательство и человеколюбие (*Бартеков П. И. Пушкин в Южной России // Русская старина. 1866. Стлб. 1122*).

³²³ Об участии Каподистрии в судьбе Пушкина см.: *Ковалевский Е.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 134; *Цявловский М.* Летопись жизни и творчества Пушкина. С. 230.

³²⁴ РГИА СПб., ф. 1308, оп. 1, д. 8, л. 1 об.—2.

³²⁵ *Кассо Л.* Россия на Дунае и образование Бессарабской области. С. 25.

³²⁶ РГИА СПб., ф. 1308, оп. 1, д. 3, л. 1.

³²⁷ Там же, л. 62—62 об.

В «Записке о служебной деятельности» Каподистрия писал, что после конституционного польского сейма в 1818 году Александр I посетил южные области, отправился потом в Бессарабию, а оттуда в Одессу. «Мне, — пишет Каподистрия, — было приказано быть прежде Государя в Кишиневе с тем, чтобы приготовить устав об управлении этой областью, который Государь хотел окончить в продолжении кратковременного своего там пребывания»³²⁸.

Причины неудачного правления Бахметева Каподистрия 15 июня 1820 года изложил в секретном письме к его преемнику — генерал-лейтенанту И. Н. Инзову так: «В земле, которая по несчастию находилась под таким правлением, каково турецкое, где лихоимство почитается дозволенным правилом, люди поневоле приучаются соблазнять друг друга приманкою золота и обнадеживанием в покровительстве пред имеющими власть лицами. Бояре бессарабские, особливо же местное и новое дворянство тамошнее, занимающееся правительством, суть действительно люди самые опасные в сем отношении. Искусство соблазна доведено ими до высочайшей степени, и они занимаются сим постоянным ремеслом без усталости и всегда с твердою на успех надеждою. Вероятно, что генерал Бахметев не оградил себя против сих людей должною осторожностью и чрез то дал им повод к дерзкому поползновению думать, что они могут управлять, так сказать, мыслями и поступками верховного начальства, над ними установленного. Сим только образом можно объяснить то запутанное положение, в коем Бессарабия и прежде находилась и ныне еще находится. Впрочем, будучи на месте, вы более найдете удобства проникнуть всю истину, определить настоящую цену показаниям тех людей, кои захотят открыть ее и приступить к точному заключению о высших так и о других чиновниках. Государь Император будет ожидать от вас тех сведений, кои до сего предмета относятся, дабы приступить к надлежащим мерам, для искоренения всех злоупотреблений, там вскрывшихся»³²⁹.

Каподистрия, зная о близкой отставке Бахметева, способствовал переводу Пушкина в канцелярию попечителя о колонистах Южного края И. Н. Инзова с совершенно определенными видами на будущее, которые он изложил в личном письме. Письмо настолько интересно, что мы считаем необходимым привести его без сокращений:

«Пушкин, воспитанник царскосельского лицея, причисленный к департаменту иностранных дел, будет иметь честь передать сие <письмо> Вашему Превосходительству.

Письмо это, генерал, имеет целию просить вас принять этого молодого человека под ваше покровительство и просить вашего благосклонного попечения. Позвольте мне сообщить вам о нем некоторые подробности. Исполненный горестей в продолжение всего своего детства, молодой Пушкин оставил родительский дом, не испытывая сожаления. Лишенный сыновней привязанности, он мог иметь лишь одно чувство — страстное желание независимости. Этот ученик рано проявил гениальность необыкновенную. Успехи его в Лицее были быстры. Его ум вызывал удивление, но характер его, кажется, ускользнул от взоров наставников.

Он вступил в свет, сильный пламенным воображением, но слабый полным отсутствием тех внутренних чувств, которые служат заменою принципов, пока опыт не успеет дать нам истинного воспитания.

³²⁸ РИО. Т. 3. С. 227.

³²⁹ РГИА СПб., ф. 1308, оп. 1, д. 55, л. 21, 22.

Нет той крайности, в которую бы не впадал этот несчастный молодой человек, — как нет и того совершенства, которого не мог бы он достигнуть высоким превосходством своих дарований. Поэтическим произведениям своим он обязан известного рода славою, значительными заблуждениями и друзьями, достойными уважения, которые открывают ему, наконец, путь к спасению, если это еще не поздно и если он решится ему последовать.

Несколько поэтических пьес, в особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина внимание правительства. При величайших красотах концепции и слога, это последнее произведение запечатлено опасными принципами, навеянными направлением времени или, лучше сказать, той анархической доктриной, которую по недобросовестности называют системою человеческих прав, свободы и независимости народов.

Тем не менее, гг. Карамзин и Жуковский, осведомившись об опасностях, которым подвергся молодой поэт, поспешили предложить ему свои советы, привели его к признанию своих заблуждений и к тому, что он дал торжественное обещание отречься от них навсегда.

Г. Пушкин кажется исправившимся, если верить его слезам и обещаниям. Однако эти его покровители полагают, что его раскаяние искренне и что, удалив его на некоторое время из Петербурга, доставив ему занятия и окружив его добрыми примерами, можно сделать из него прекрасного слугу государства или, по крайней мере, писателя первой величины. Отвечая на их мольбы, император уполномочивает меня дать молодому Пушкину отпуск и рекомендовать его вам. Он будет прикомандирован к вашей особе, генерал, и будет заниматься в вашей канцелярии, как сверхштатный. Судьба его будет зависеть от успеха ваших добрых советов.

Соблаговолите же дать ему их. Соблаговолите просветить его неопытность, повторяя ему, что все достоинства ума без достоинств сердца почти всегда составляют преимущество гибельное, и что слишком много примеров убеждают нас в том, что люди, одаренные прекрасными дарованиями, но не искавшие в религии и нравственности предохранения от опасных уклонений, были причиною несчастий как своего собственного, так и своих сограждан.

Г. Пушкин, кажется, желает избрать дипломатическое поприще и нагал его в департаменте. Не желаю ничего лучшего, как дать ему место при себе. Но он полугит эту милость не иначе, как через ваше посредство и когда вы скажете, что он ее достоин.

Вы не ожидали такого поручения. Если оно будет для вас стеснительно, то пеняйте на то доброе и заслуженное мнение, которое о вас имеют. Примите и пр.»³³⁰.

Итак, перевод Пушкина в канцелярию И. Н. Инзова состоялся 5 мая 1820 года, и дальнейшее продвижение по служебной лестнице ставилось в зависимость от расположения к Пушкину его нового начальника. Но покровительство Пушкину со стороны Каподистрии было очевидным. 21 апреля 1820 года В. Л. Пушкин писал П. А. Вяземскому в Варшаву: «Я надеюсь, что пребывание его <Пушкина. — Н. М.> в Екатеринославе будет для него полезно, и радуюсь, что г. Капо-Дистрия к нему хорошо расположен»³³¹.

На следующий день Каподистрия обратился к И. Н. Инзову с предложением принять на себя исполнение должности полномочного наместника Бессарабской области на случай увольнения в отпуск генерал-лейтенанта Бахметева. В секретном письме он писал Инзову: «Если бы Ваше Превосходительство при-

³³⁰ Цит. по: *Поливанов Л. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии. 1817—1825*// Русская старина. 1887. Т. 53. С. 241—242. Проект письма Каподистрии см.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, д. 134.

³³¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 119.

знали за нужное приступить к полному или частичному преобразованию канцелярии Полномочного наместника, то Его Величество предоставляет вам представить или список тех чиновников, коих употребить вы пожелаете, или отнестись ко мне с требованием о присылке таковых сюда, не оставя меня вашим уведомлением о должностях, к коим они будут назначены. В сем случае можно будет выбрать их из числа служащих при Министерстве иностранных дел или же в других департаментах, но первым правилом при сем выборе всегда будет то, чтобы назначенные к вам люди были достойные»³³².

На предложение Каподистрии о принятии на себя временного исполнения обязанностей наместника Бессарабии Инзов ответил двумя письмами (официальным и частным), отправленными из Екатеринослава 21 мая 1820 года. В первом он писал:

«Милостивый государь, Иван Антонович!

На отношении Вашего Сиятельства от 6-го сего месяца коим объявить изволите, что Его Императорскому Величеству благоугодно предназначить меня к управлению Бессарабской области честь имею ответствовать и просить Вашего Сиятельства повергнуть всеподданническую благодарность мою стопам Его Императорского Величества за оказываемую мне высоко-монаршую доверенность, каковой чувствую и признаю себя недостойным, и слыше малозначащей службы моей.

Устраняя честолюбивые мечты, сопровождающие звание Уполномоченной особы и смелость принять оное; Закон Совести требует открыть Благоуважению Монарха положение мое званию сему не соответствующее. Я родственников не имею, а потому — сирота в Мире, воспитанию моему и призрению обязан благотворительной душе князя Николая Никитьевича Трубецкого, в доме которого принят был по особенному Промыслу Всевышнего, в нем имею отца и благодетеля, ибо попечению его всем обязан.

В службе жалование составляло все мое достоиние, соразмерно которому я учреждал и образ моей жизни. Наружные блески и выказывание себя в публике мне сделались чужды; неимущество удаляло меня от сообществ большого круга.

С званием Уполномоченного сопряжен и приличный тому образ светской жизни, дабы одно соответствовало другому. Ограничение, в каковом ныне нахожусь, будет там неуместно; устроить же себя на приличную ногу и поддерживать звание в должном значении я средств не имею: делать долги в надежде на милость Государя — совесть запрещает.

Впрочем, не смея отрекаться от предстоящей трудной обязанности с сим званием сопряженной, но в уповании на помощь Всемогущего, Покровительствующего Бедным Сиротам, предаю себя благоизъявлению Монаршего сердца употребить меня как угодно будет.

Прошу принять уверение искреннего к вам почтения и преданности, с коими навсегда пребывать честь имею Вашего Сиятельства милостивый государь покорнейший слуга Иван Инзов. Мая 21 дня 1820-го года, гор.<од>. Екатеринослав»³³³.

Во втором письме И. Инзов проще изложил свои сомнения в целесообразности принятия на себя предлагаемой ему должности:

«Милостивый государь, граф Иван Антонович!

Быв чувствительно тронут доверенностью Государя, поставил себе в обязанность открыть Вашему Сиятельству неимущественное мое состояние, которое с таковым мес-

³³² РГИА СПб., ф. 1308, оп. 1, д. 55, л. 23.

³³³ Там же, л. 5—6.

том, какое занимал г. Бахметев, никакого приличия не имеет; я буду вынужден переменить образ моей жизни, иметь стол, приглашать чиновников и посторонние лица, не для пышности и тщеславия, но чтобы более ознакомиться с духом нации, так и с образом их мыслей и для сближения себя с людьми достойными по нравственным их качествам и правилам всякого уважения: даже самое место требует уже некоторого наружного вида ему свойственного.

Чтоб поставить себя на такую ногу, требуется не малых издержек, особливо тому, который на подобную степень никогда себя не прочил, а ограничивался только необходимостью. Содержание места сего достаточно для особ, имеющих собственное имущество, а для людей моего состояния крайне недостаточно. Соображая все сии обстоятельства, я не предвижу возможности занимать сие место прилично званию, не подвергая себя не только осуждению многих, но даже личному неуважению, каковому обыкновенно бедняки подвергаются, попав не в свой круг.

Я уверен, что Ваше Сиятельство не почтете объяснения мои излишними: откровенность не есть зло, не умеренное с моей стороны честолюбие восхитится сим назначением, послужило бы более к вреду службы, чем к пользе; а потому покорнейше прошу принять все сие во уважение.

С г. Пушкиным я не успел еще короге познакомиться; но замечаю однако ж, что не испорченность сердца, но по молодости, необузданная нравственностью пылкость ума пригиною его погрешностей; я постараюсь, чтобы советы мои не были бесплодны, и буду держать его более на глазах.— С отличным почтением и таковою же преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства Милостивый государь, покорнейший слуга Иван Инзов.

Мая 21 дня, 1820-го года, гор. <од> Екатеринослав³³⁴.

Оба отношения были получены Каподистрией 30 мая, а уже 15 июня был дан приказ Правительствующему Сенату о назначении генерал-лейтенанта И. Н. Инзова на должность полномочного наместника Бессарабской области с оставлением его при прежней должности, «с получаемым жалованием и с производством ему сверх того из областного казначейства положенных полномочному наместнику окладов»³³⁵. Приказ Сената вместе с секретным предписанием Каподистрии Инзов получил в Екатеринославе 5 июля и в тот же день ответил следующим письмом:

«Милостивый государь, граф Иван Антонович!

Препровожденный при почтеннейшем отношении Вашего Сиятельства ко мне от 17 июня Высочайший рескрипт на имя мое о назначении меня к исправлению должности Полномочного наместника Бессарабской области и таковой же на имя г. генерал-лейтенанта Бахметева, равно и прочие бумаги до сего края относящиеся я имел честь получить.

По учинении надлежащего распоряжения по комитету о колонистах Южного края России, я немедленно отправляюсь к исполнению возложенной на меня порученности, о чем и донесение мое Его Императорскому Величеству честь имею у сего включить³³⁶.

Сколь ни многотрудно представляется мне возложенное на меня поручение, которое потщусь я сколько сил моих станет выполнить сообразно воле Всемилостивейшего Государя, но вместе с сим ободряюсь приятнейшею надеждою, что по делам Бессарабской области находясь в непосредственном сношении с Вашим Сиятельством, я под

³³⁴ РГИА СПб., ф. 1308, оп. 1, д. 55, л. 7—8.

³³⁵ Там же, л. 10.

³³⁶ К письму Каподистрии было два приложения, о чем свидетельствует приписка на первом листе.

лестным для меня руководством и вспомоществованием вашим, в состоянии буду существенно оправдать оказанную мне Высокомонаршую доверенность.

Излишним почитаю изъяснить причины, побуждающие меня при сем случае просить Ваше Сиятельство о перемене правителя канцелярии и назначении ко мне ежели то возможно г. Тимковского³³⁷, которому по бытности его некоторое время в Бессарабии многие обстоятельства как по делам, так и по предметам законодательной части коими край сей руководствуется небызвестны.

Так как настоящее назначение мое, отдаляет от ближайшего влияния по производству дел по части Главного управления поселенцами Южного края России, я прошу г. Управляющего Министерством внутренних дел графа Виктора Павловича <Кочубея.— Н. М.> исходатайствовать перемещение Попечительного комитета в город Кишинев, основывая сие на уважениях изложенных в отношении моем к нему при сем в копии представляемом, о испрошении на сие Монаршего соизволения я надеюсь, что Ваше Сиятельство и с своей стороны почтит содействием вашим, тем более что сим перемещением колониальное управление не потерпит никакого изменения, но останется в том же положении, как оное до ныне находится.

Оставаясь в ожидании благосклонного по вышеизложенным предметам ответа, мне приятно поручить себя снова благорасположению Вашего Сиятельства и подтвердить искреннейшее почтение и совершенную преданность, с коими честь имею быть Вашего Сиятельства милостивого государя покорнейший слуга Иван Инзов»³³⁸.

Во время этих кадровых перемещений Пушкина в Екатеринославе не было. Купаясь в Днестре, он серьезно простудился, и знакомая ему семья генерала Н. Н. Раевского, проезжая через Екатеринослав, по пути на Кавказ, упросила И. Н. Инзова отпустить больного поэта с ними на Кавказские воды. Но, как видно из приведенного выше материала, Александр I представил Пушкину отпуск, и поездка с Раевскими, по всей видимости, была предрешена еще в Петербурге. Так, 23 апреля 1820 года Н. И. Тургенев писал брату С. И. Тургеневу в Константинополь: «Пушкина дело кончилось очень хорошо. У него требовали его оды и стихов. Он написал их в кабинете у графа Милорадовича. Как сей последний, так и сам государь, сказали, что это ему не повредит и по службе. Он теперь собирается ехать с молодым Раевским в Киев и в Крым»³³⁹. 6 мая 1820 года Н. И. Тургенев писал брату: «Пушкин завтра едет к Инзову. Государь велел написать всю его историю, но он будет считаться при Каподистрии»³⁴⁰. Смысл последней фразы был конкретизирован в письме к брату от 8 мая так: «Пушкин ускакал к Инзову курьером; пробудет с ним несколько времени и потом будет при Капод<истрии>, если исправится. О нем сообщено Инзову все, что известно было...»³⁴¹ Осведомленность А. И. Тургенева в обстоятельствах дела подтверждает его непосредственное участие в ходатайстве за Пушкина перед Каподистрией. Он был уверен в благоприятном исходе дела и еще 16 апре-

³³⁷ Надворный советник Тимковский с 23 мая 1816 г. был правителем канцелярии при полномочном наместнике по делам Бессарабии генерале Бахметеве.

³³⁸ РГИА СПб., ф. 1308, оп.1, д. 55, л. 35–36 об.

³³⁹ Декабрист Николай Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М.: Л., 1936; *Шебунин А. Н.* Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т. 1. С. 198.

³⁴⁰ *Шебунин А. Н.* Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых. С. 198.

³⁴¹ Там же. С. 198.

ля писал Вяземскому в Варшаву, что на два года положено хранить молчание «либеральным устам» Пушкина и что «из беды, в которую попал, спасен» А. И. Тургенева «добрым гением и добрыми приятелями»³⁴².

Пушкин же о договоренности в кабинете Каподистрии относительно двух-летнего своего молчания, отпуска, предполагаемого путешествия с Раевскими и перспектив продвижения по ведомству Министерства иностранных дел под эгидой Каподистрии предпочитал молчать. В письме к брату от 24 сентября 1820 года он сообщил следующее: «Инзов благословил меня на счастливый путь — я лег в коляску больной; через неделю вылезился. 2 месяца жил я на Кавказе...» (XIII, 17).

По возвращении с Кавказа и Крыма местом службы Пушкина оказался Кишинев³⁴³, куда он прибыл 21 сентября 1820 года. В Кишиневе он встретился с М. Ф. Орловым, который в июне 1820 года получил под командование 16-ю пехотную дивизию в Молдавии.

«Орлов»

Уже через день после приезда (23 сентября) Пушкина, знакомого с М. Орловым по литературному обществу «Арзамас», пригласили на обед в дом М. Орлова. Согласно уставу «Арзамаса» «братья»³⁴⁴ были правомочны устраивать заседания общества в любом месте, где бы ни встречались. В 20-х числах сентября 1820 года Пушкин пишет в Петербург: «В лето 5 от Липецкого потопа³⁴⁵ — мы, превосходительный Рейн и жалобный Сверчок³⁴⁶, на лужице города Кишинева, именуемой Быком, сидели и плакали, вспоминая тебя, о Арзамасе, ибо благородные гуси величественно барахтались пред нашими глазами в мутных водах упомянутой. Живо представились им вещи, отсутствующие превосходительства, и в полноте сердца своего положили они уведо-

³⁴² Остафьевский архив. Т. 2. С. 62.

³⁴³ И. П. Бартенева писал, что Кишинев во время пребывания там Пушкина «состоял почти из одного так называемого старого города, раскинутого по плоским и грязным берегам небольшой реки Быка, с тесными, кривыми улицами, грязными базарами, низенькими лавками и небольшими домиками, крытыми черепицей, но зато со множеством садов из пирамидальных тополей и белых акаций. В старом городе все время и жил Пушкин. Нынешний верхний <...> новый город, построенный на плоской возвышенности, тогда еще только возникал: там находилась митрополия, два-три хороших дома, в том числе дом Крупянского, где помещались театр и присутственные места и целый особый квартал Булгария...» (Русский архив. 1866. Стлб. 1124).

³⁴⁴ Ср. письмо К. Н. Батюшкова М. Ф. Орлову от 3 ноября 1818 г.: «Вручитель сего письма Иван Сутира, грек из Македонии, известный по своим несчастьям, отправляется отсюда в отечество свое через Киев: осмеливаюсь просить ваше превосходительство не отказать ему в помощи и принять его в наше особенное покровительство. Я мало знаком вам, милостивый государь, но вас знаю; знаю, что вы всегда готовы подать руку помощи бедному, какой бы земли он ни был, знаю, что это доставляет вам случай совершить доброе дело. Арзамас весь рассеялся по лицу земному. Я сам послезавтра еду в Италию, но где бы мы ни были, сохраним в памяти сердца и ума величественный Рейн, лучшее украшение общества нашего» (Русская старина. 1901, март. С. 742).

³⁴⁵ То есть первого представления в Петербурге комедии А. А. Шаховского «Липецкие воды».

³⁴⁶ Рейн и Сверчок — арзамасские прозвища М. Орлова и Пушкина.

мить о себе членов православного братства, украшающего берега Мойки и Фонтанки» (XIII, 20). Строки письма обращены к членам Северного общества, но в целом имитация библейского стиля подводит к известному 136 псалму Давида «На реках Вавилонских»³⁴⁷, повествующему о пленных иудеях: «На реках Вавилонских, тамо себдохом и плахом, вегда помянути нам Сиона»³⁴⁸.

Стать постоянным посетителем дома М. Ф. Орлова было чрезвычайно почетно, так как по воспоминаниям Ф. Вигеля: «Прискорбно казалось не быть принятым в его доме, а чтобы явиться в нем, надобно было более или менее разделять мнения хозяина... Два демагога, два изувера, адъютант Охотников и майор Раевский³⁴⁹... с жаром витийствовали. Тут был и Липранди³⁵⁰...» Вскоре Пушкин сделался завсегдатаем дома М. Ф. Орлова.

Биография М. Ф. Орлова³⁵¹ хорошо изучена, поэтому отметим лишь необхо-

³⁴⁷ Атрибуция Л. В. Козминой в ее книге «Автобиографические записки А. С. Пушкина...» (С. 46).

³⁴⁸ Этот псалом был хорошо известен и по статье Дмитрия Петровича Бутурлина о сдаче Москвы французам в 1812 г. Приведя первые строки псалма, он писал: «Сими словами народ Израилев в плену дальнем, оплакивал отечество свое: тако ныне и мы, бывшие жители Первопрестольного Российского града рассеянные в обширном пространстве всей империи, проливаем горькие слезы, вспоминая любезную Москву. Каким образом пал ты, о граф, наслаждающийся благословением Господним многое множество веков? Ты, коего обширность и изобилие производили радость жителей твоих и гордость Российских монархов? Как все сие исчезло? Какой дух нечестивый покрыл тебя мрачными крылами своими, ниспустил на тебя ядовитое свое дыхание? Вчера ты еще царствовал между всеми градами, а ныне... ты обращен в развалины и пепел. <...> В таком расположении духа, питаюсь единою печалию моею, я, сын Московский, оплакиваю жребий града Первопрестольного. Родился, взрос, воспитывал детей и поседел под тению Кремлевских башен: куда пойду теперь, где бы их вид плачевный не преследовал меня? Какая сила, какая власть мирская отдаст мне душевное спокойствие, коего лишился с градом, где лежат усопшие предки мои? Как с оными разлучуся? Как отдалюсь от них, или утомленный до безумия во глубине горести моей скажу хладным остаткам их: восстаньте! И преследуйте меня в землю иную» (Граф Б.<утурлин Дм. П.> Песнь плачевная о разорении Москвы, писанная в степи за Доном на Битюге в октябре 1812 г. Подражание 136 псалма (Русский вестник. 1813. Т. 23, № 9. С. 62–63; 68–69). Атрибуция: Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина// Русский архив. 1897. Т. 1. С. 244–245).

³⁴⁹ К. А. Охотников — дивизионный адъютант, Ф. В. Раевский — капитан 32-го егерского полка.

³⁵⁰ И. П. Липранди — в это время подполковник 32-го егерского полка, подробнее см. ниже.

³⁵¹ Михаил Федорович Орлов (1788–1842) был младшим из семи сыновей Федора Орлова. Только 27 апреля 1796 г. Екатерина II признала за ними дворянские права и позволила принять фамилию и герб Орловых. В этом же году М. Ф. Орлов был принят в пансион аббата Николая в Петербурге, где воспитывался вместе с С. Г. Волконским, А. П. Барятинским, В. Л. Давыдовым и который окончил в 1801 г. До 1805 г. он числился юнкером в Коллегии иностранных дел. Его военная карьера началась 15 июля 1805 г., когда он был переведен экстандарт-юнкером в Кавалергардский полк и с 10 августа принял участие в заграничном походе. В 1807 г. — он корнет, а с 1 июля 1810 г. он становится адъютантом начальника Генерального штаба князя П. М. Волконского. В этом качестве он был в Вильне с Александром I и позже вместе с Балашовым был послан к Наполеону, с которым впоследствии встречался по поводу взятого в плен при обороне Смоленска П. А. Тучкова. Вскоре М. И. Кутузов назначил М. Ф. Орлова начальником штаба отдельного отряда генерал-лейтенанта Дорохова, в этой же должности он принял участие в Бородинском сражении, в сраже-

димые нам сведения, а именно то, что осенью 1812 года, когда возникла острая необходимость установить связь между Главной квартирой и Дунайской армией адмирала П. В. Чичагова, эта задача была возложена М. И. Кутузовым на М. Орлова, которому поручалось подробно на словах осветить П. В. Чичагову «расстроенное положение главной неприятельской армии»³⁵² и разъяснить распоряжения командующего о предстоящих боях за переправу на Березине. 10 ноября 1812 года во главе казачьего отряда Орлов отбыл из Главной квартиры и, незаметно проскользнув сквозь неприятельские войска, достиг Молдавской армии.

С 25 марта 1813 года он уже полковник и участник сражений под Дрезденом и Лейпцигом. С начала 1814 года он состоит в свите Александра I и вместе с К. В. Нессельроде принимает капитуляцию Парижа, где 25 марта 1814 года вновь встречается с Наполеоном при оформлении акта об отречении французского императора от престола. 2 апреля 1814 года М. Орлов производится в генерал-майоры, а после Ватерлоо, в 1815 году, назначается начальником штаба 7-го оккупационного корпуса во Франции. К этому времени относится его знакомство с Н. И. Тургеневым, тогда комиссаром Центрального департамента союзных правительств, и его братом Сергеем, приехавшим во Францию из Любека. К этому же времени относятся посещения Орловым Англии и Пруссии, вызванные его крайней заинтересованностью тайным обществом «Тугендбунд» («Союз добродетели»), по примеру которого в 1815 году создается орден «Русских рыцарей»³⁵³. После распада ордена М. Орлов и Н. Тургенев вступают в «Союз благоденствия», а 20 апреля 1817 года Н. Тургенев вводит М. Орлова в «Арзамас».

Политические интересы М. Орлова не могли укрыться от внимания правительства, и в начале августа 1817 года он получает назначение в Киев на должность начальника штаба 4-го пехотного корпуса, которым командовал Н. Н. Раевский. Адьютантами Н. Н. Раевского в это время были Дмитрий Ипсиланти (с 1815 года) и Николай Ипсиланти (с 1818 года)³⁵⁴.

Однако назначение это М. Орлов воспринимает как опалу и делает все возможное, чтобы получить в самостоятельное командование большое воинское подразделение. Тем не менее пребывание в Киеве не помешало М. Орлову активно участвовать в литературной и политической жизни России: жаркие споры среди передовой молодежи вызвала его критика «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. В июне 1820 года он от С. А. Тургенева получил сведения о работе П. А. Вяземского по составлению проекта конституции Царства Польского и живо отозвался в письме к последнему: «Я кой-что новое узнал, неожиданного, приятного сердцу гражданина...»³⁵⁵

ниях под Малоярославцем и под Красным (Подробнее см.: Павлова Л. Я. Декабрист М. Ф. Орлов. М., 1964).

³⁵² Кутузов М. И. Сборник документов. М., 1955. Т. IV, ч. 2. С. 344.

³⁵³ Подробнее см.: Лотман Ю. М. М. А. Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // Уч. Зап. Тартуского гос. ун-та. 1959. Вып. 78. Труды по русской и славянской филологии. С. 19—92.

³⁵⁴ Ари Г. Л. Этеристическое движение в России... С. 240.

³⁵⁵ Письма М. Ф. Орлова — Вяземскому (1819—1829). Публ. Л. Я. Вильде (Павловой). Вступит. ст. М. В. Нечкиной // Литературное наследство. 1956. Т. 60, кн. I. С. 29.

Свое новое назначение в Бессарабию (из Киева) на должность командира 16-й пехотной дивизии Орлов воспринимает тоже как ссылку. 23 июня 1820 года он пишет Вяземскому:

«Я еду, любезный друг, в дальний край, за тридесятое царство, и отдаляюсь от центра России с некоторым печальным духом, которого сам себе пояснить не могу. Хотя мое желание исполнилось, хотя я чувствовал бы себя обиженным, ежели б правительство не дало мне сего знака доверия, однако же, я не могу без горести переселиться среди молдаван и греков, коих ни язык, ни образ мыслей, ни намерения, ни желания не могут согласовываться с моими чувствами. Я чувствую себя изгнанником. Я вне круга моего, я брошен без компаса на неизвестное море и отдаляюсь от отечества, не зная, когда в оное возвращусь, ибо мое намерение есть приковать себя к новой моей должности так, как прикован был к старой. Пожалей обо мне, ты, который в пустыне варшавской, где никакое эхо не отвечает сердцу твоему, можешь чувствовать то, что я чувствую, и, следственно понимать мои изречения. Но ты, по крайней мере, в сношении с кипящей Европою, ты живешь на краю рабства и, так сказать, отворив окошко, можешь набираться вольным и свежим воздухом, а я напротив того, буду приперт к Азии, отдален от белого света, и принужден жить посреди низкого народа, коего и предрасудки мне неизвестны и не любопытны. Жребий мой не слишком завиден, хотя многие, может быть, и завидуют. Какая бы разница, ежели б я получил дивизию в Нижнем Новгороде или в Ярославле, я был бы как рыба в воде. Но что делать? Должно решиться, и я возьмусь за гуж от всех сил сердца и рассудка»³⁵⁶.

Совершенно очевидно, что Орлов жаждал деятельности. Неожиданно на новой должности для него открылась новая сфера приложения сил. 27 июня (9 июля) 1820 года Орлов писал А. Н. Раевскому: «Янинский Али-паша на 80-летнем году своей жизни, говорят, принял веру христианскую и грозит туркам освобождением Греции. Ежели б 16-ую дивизию пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий, 6 полков казачьих. С этим можно пошутить. Полки славные, все сибирские кремни. Турецкий булат о них притупился»³⁵⁷. Письмо М. Ф. Орлова весьма показательное, так как именно с восстания Али-паши Янинского, полунезависимого правителя Албании и Греции, поставившего Османскую империю перед острым внутренним кризисом, вопрос о греческой революции приобрел особую значимость.

«Ипсиланти»

Биография А. К. Ипсиланти хорошо известна исследователям³⁵⁸. Поэтому мы лишь отметим необходимые нам факты. Прежде всего принадлежность А. Ипсиланти к военной элите России: 1 января 1816 г. Александр I сделал его

³⁵⁶ Письма М. Ф. Орлова — Вяземскому (1819—1829). С. 30.

³⁵⁷ Орлов М. Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 225.

³⁵⁸ Ипсиланти Александр Константинович (1792—1828), сопровождал отца в 1806 г. в Петербург и остался там для завершения образования. В 1808 г. Константин Ипсиланти подал прошение с просьбой принять его сыновей: Александра, Дмитрия, Георгия, Николая и Григория на русскую службу. Просьба была удовлетворена, и Александр Ипсиланти получает чин корнета в Кавалергардском полку, его карьера продвигается успешно: в 1810 г. — он поручик, в 1812 г. — штаб-ротмистр, 20 февраля 1813 г. — ротмистр. Затем происходит

флигель-адъютантом, 12 декабря 1817 года Ипсиланти (ему всего 25 лет) был произведен в генерал-майоры с назначением командиром 1-й бригады I Гусарской дивизии. Очевидно, столь стремительное продвижение по службе произошло не без участия И. Каподистрии, который познакомился с А. Ипсиланти в 1808 году и стал ему покровительствовать.

Позже в записке о восстании Ипсиланти Пушкин писал: «Господарь Ипсиланти³⁵⁹ изменил делу этерии и был виновником смерти Ригаса³⁶⁰ и т. д. Его сын Александр был этеристом (вероятно, по выбору Каподистрии и с согласия императора)» (XII, 458, 481).

6 июня 1820 года Александр Ипсиланти выехал из Петербурга, якобы направляясь во Францию³⁶¹ и по пути намереваясь посетить Киев, Одессу и Кишинев. В Кишиневе он задержался надолго. Жил Ипсиланти в доме своего деверя, кишиневского губернатора генерала Кантаказиса, и довольно часто общался с М. Орловым, с которым его связывала давняя дружба, восходившая еще к 1808 году, — времени их совместной службы в Кавалергардском полку. Они не теряли друг друга из виду и после возвращения из заграничного похода, часто встречаясь в Киеве, где А. Ипсиланти часто бывал у своих родных.

«В это время, — писал греческий историк и участник этерии И. Филимон, — генерал Михаил Орлов командовал передовым отрядом на Пруте, который входил тогда в состав Южной армии под командованием Витгенштейна. Находясь с ним в дружеских отношениях <...> и, будучи вполне уверенным в либеральных чувствах генерала, Ипсиланти откровенно изложил ему, в чем заключались его цели относительно Греции, и очень долго добивался, чтобы он со всеми войсками, которыми командовал, участвовал в переходе Прута. <...> Когда же Орлов, во всем соглашаясь, высказал опасения, что его могут объявить вне закона, Ипсиланти их рассеял, предложив, что он сам немедленно перейдет через Прут с греками, Орлов же с русскими вступит в княжества, как

резкий скачок в его карьере — 6 июля 1813 г. его переводят подполковником в Гродненский (Клястицкий) гусарский полк. Он принимает участие в военных действиях против французов, всегда выказывая отчаянную храбрость, доходящую до безрассудства. Находясь в корпусе графа Витгенштейна в сражениях при Клястицах и Головичице (18—20 июля), он был представлен к следующему чину. 6 августа 1812 г. за сражение при Полоцке он получил орден Св. Владимира 4-й степени, 6 октября — золотую саблю с надписью «За храбрость», 20 апреля 1813 г. за сражение при Бауцене он был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, а 15 августа 1813 г. в сражении при Дрездене во время отступления при деревне Пролис у него ядром была оторвана правая рука. Раненый был немедленно произведен в полковники и за всю кампанию получил прусский орден «За заслуги». Будучи практически непригоден к службе, Ипсиланти 1813—1815 гг. провел за границей. «Благодаря своей молодости, веселому нраву и почетному увечью, кн. Ипсиланти возбуждал к себе общий интерес и сочувствие» (Подробнее см.: *Ари Г. Л. Этеристическое движение в России: освободительная борьба греческого народа в начале XIX века и русско-греческие связи. М., 1970. С. 156—157).*

³⁵⁹ Князь Константин Ипсиланти (1760—1816), господарь Молдавии с 1799 г. и Валахии с 1802 по 1806 г.

³⁶⁰ Ригас Велестинлис (1754—1798), секретарь господаря, поэт, основатель тайного общества (этерии), ставившего целью освобождение Греции от турецкого ига; казнен турками.

³⁶¹ *Ари Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 годов. М., 1976. С. 209.*

самостоятельный правитель. Но какой-то несчастный случай расстроил этот план. На Орлова был написан донос»³⁶².

Практически все исследователи сходятся в том, что по сопоставлению времени пребывания М. Ф. Орлова и А. Ипсиланти в Кишиневе их беседы могли состояться в ноябре 1820 года, когда они оба находились безотлучно в столице Бессарабии³⁶³. С. С. Ланда сумел показать не только наличие таких контактов между М. Ф. Орловым и Александром Ипсиланти, но и проиллюстрировал прекрасную осведомленность М. Ф. Орлова о структуре и системе организации «Филики-этерии»³⁶⁴, настолько детальную, что он намеревался усовершенствовать структуру «Союза благоденствия» с учетом организационного опыта греческого тайного общества³⁶⁵. Вслед за С. С. Ландой современные исследователи приводят в своих работах убедительный материал³⁶⁶, свидетельствующий о том, что о готовящемся восстании знал не только Орлов, о нем знали и высокопоставленные в крае лица: начальник штаба 2-й Южной армии генерал П. Д. Киселев, генерал-губернатор Бессарабии И. Н. Инзов, губернатор Одессы А. Ф. Ланжерон³⁶⁷.

³⁶² Цит. по: Ланда С. С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России в 1816–1821 годах// Пушкин и его время. Вып. 1. Л., 1962. С. 158.

³⁶³ Александр Ипсиланти прибыл в Кишинев в конце октября 1820 г. и пробыл там до 21 февраля (5 марта) 1821 г. М. Ф. Орлов находился в Кишиневе с июля по конец ноября 1820 г., затем в начале декабря он уехал в имение Раевских Каменку, откуда возвратился в середине декабря, чтобы через несколько дней уехать в Москву на съезд «Союза благоденствия», и находился там весь январь 1821 г. Вернулся в Кишинев он только в середине февраля и вскоре уехал в Киев, откуда вернулся в Кишинев только в конце марта, то есть тогда, когда Ипсиланти уже провозгласил восстание против турок (Павлова Л. Я. Михаил Федорович Орлов. М., 1964. С. 81–83, 88, 108).

³⁶⁴ Слово «этерия» в новогреческом языке означает: «общество», «товарищество», «компания». «Филики этерия» («Дружеское общество») — одно из тайных греческих этерий, действовавших накануне революции 1821 г. Произношение «гетерия» вместо «этерия» является механическим перенесением на новогреческий язык несвойственных ему фонетических норм древнегреческого языка. «Этерия» превратилась в «Гетерию» в русском языке во второй половине XIX в., по-видимому, не без влияния французского языка: этерия по-французски — *Hétairie*. Пушкин придерживался правописания «Этерия», «этеристы» и т. п. (Подробнее см.: Арш Г. Л. Этеристическое движение в России: освободительная борьба греческого народа в начале XIX века и русско-греческие связи. М., 1970. С. 6).

³⁶⁵ Ланда С. С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России в 1816–1821 годах// Пушкин и его время. Вып. 1. Л., 1962. С. 158 и след.; Иовава И. Южные декабристы и греческое национально-освободительное движение. Кишинев, 1963.

³⁶⁶ Сыроезковский Б. Е. Балканская проблема в политических планах декабристов// Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 186–275.

³⁶⁷ Ланжерон Александр Федорович (Louis-Alexandre-Andralt chevalier comte de Langeon) (1763–1831), граф, генерал от инфантерии. Эмигрировал в Россию после революции 1789 г. Отличился в войне со Швецией и Турцией. С 1807 г. находился в Дунайской армии под командованием Михельсона, участвовал во взятии Силистрии и Руцук в 1810 г., до прибытия Кутузова временно возглавлял Дунайскую армию. В 1812 г. командовал корпусом, с 8 мая 1813 г. — командующий Западной и Центральной армиями. 10 ноября 1815 г. назначен на место герцога Ришелье херсонским военным губернатором, одесским градоначальником, главнокомандующим бухскими и черноморскими казаками. 15 мая 1823 г. уволен по болезни от всех должностей с сохранением содержания.

В декабре 1836 года А. И. Тургенев записал в своем дневнике темы разговоров с Пушкиным, среди них была следующая: «О М. Орл<ове>, о Кисел<еве>, Ермол<ове> и к.<нязе> Менш<икове>. Знали и ожидали, “без нас не обойдутся”»³⁶⁸.

П. Д. Киселев упомянут в этом контексте не случайно: его назначение на должность начальника Главного штаба 2-й армии состоялось 22 февраля 1819 года³⁶⁹ и вызвало недовольство главнокомандующего 2-й армией графа П. Х. Витгенштейна³⁷⁰, который высказал в письме Александру I свои возражения³⁷¹. Очевидно, у П. Х. Витгенштейна были основания затребовать к себе

³⁶⁸ Цит. по: М. Максимов <М. Гиллельсон>. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева // Прометей. М., 1975. Т. 10. С. 384.

И. П. Липранди был твердо убежден в обратном, он писал, что слух о том, что М. Ф. Орлов «знал о предприятии Ипсиланти» был распушен несправедливо. Липранди был свидетелем получения сообщения из Ясс о начале греческого восстания и видел «далеко не притворное удивление Михаила Федоровича, который тотчас же... адъютанту Калакуцкому приказал войти в его кабинет и при рапорте представить корпусному командиру генералу от инфантерии Сабанееву, полученное донесение из Скулян и пр. Приказал состоящему при нас поручику Таушеву отправиться с сим донесением немедленно в Тирасполь» // Documente privind istoria României. Răscola din 1821. Vol. 5. 1962. С. 461–462.

³⁶⁹ Формулярный список П. Д. Киселева, составленный 1 марта 1826 г., повествует о следующем прохождении военной службы: 10 января 1805 г. он начал службу регистратором в штабе Канцелярии московского военного губернатора, 21 января 1805 г. по Именному Его Императорского Величества указу произведен в коллежские юнкеры, 28 августа 1805 г. переведен в Канцелярию генерал-интенданта армии на должность секретаря с чином по месту 1-го класса; 5 марта 1806 г. определен экзекутором в Провиантскую экспедицию с чином по месту 9-го класса; 5 октября 1806 г. переведен в Кавалергардский полк корнетом; 10 мая 1809 г. — поручик в том же полку; 4 сентября 1812 г. назначен адъютантом к генералу от инфантерии гр. Милорадовичу; 20 марта 1813 г. — штабс-ротмистр в том же полку; 17 июня 1813 г. получил звание ротмистра «за отличие»; 2 апреля 1814 г. — флигель-адъютант Его Императорского Величества; 30 августа 1815 г. получил звание полковника «за отличие» в том же полку с оставлением в той же должности; 6 октября 1817 г. — генерал-майор с назначением состоять по кавалерии; 22 февраля 1819 г. — по Высочайшему повелению назначен начальником Главного штаба 2-й армии с оставлением в свите Его Императорского Величества. 27 февраля 1819 г. назначен состоять в свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части с оставлением в прежней должности; 6 октября 1823 г. — генерал-адъютант Его Императорского Величества с оставлением при прежней должности (РГИА СПб., ф. 958, оп. 1, д. 2, л. 5 об. — 6).

³⁷⁰ Витгенштейн Петр Христианович (1768–1842), граф, фельдмаршал. В 1801 г. был назначен командиром Елизаветградского гусарского полка. Принимал участие в наполеоновских войнах 1805–1807 гг. и в русско-турецкой войне 1806 г. В 1812 г. командовал 1-м пехотным корпусом и уже 15 июня сразился с французами под Вилькомиром. Во главе двадцатитысячного корпуса он успешно прикрывал пути к Петербургу корпусам Макдональда (в Курляндии) и Удино (на берегах Двины). После смерти Кутузова некоторое время был командующим русскими и прусскими войсками. Но после неудачных сражений при Люцене и Бауцене сдал должность Барклаю-де-Толли. В 1818 г. назначен главнокомандующим 2-й армией. В 1828 г. возглавлял русские войска в Европейской Турции, но в 1829 г. подал в отставку.

³⁷¹ Характер возражений можно восстановить по письму императора от 30 марта 1819 г., который с дипломатическим тактом ответил следующее: «Граф Петр Христианович! Письмо ваше от 16-го марта получил я с крайним удивлением. Никогда и в помышлении моем не было причинить вам малейшее огорчение назначением во 2-ю армию Начальника Главного штаба; равномерно нет в оном ни малейшего недостатка моей к вам доверенности

в штаб более лояльного к правительству начальника. Архивные разыскания показали, что П. Д. Киселев состоял в личной переписке с А. Ипсиланти, одно из последних полученных им писем датировано 2 февраля 1820 года³⁷², то есть за 20 дней до восстания. Возможно, были письма и в дальнейшем.

Приведенные выше факты при сопоставлении двух имен — А. Ипсиланти и М. Орлова — подтверждают выводы исследователей об информированности М. Орлова о намерениях А. Ипсиланти, а также о том, что последний пытался втянуть М. Орлова в дела «Филики этерии». Но как сам Ипсиланти оказался во главе восстания? Отвечая на этот вопрос, следует помнить о трех весьма существенных эпизодах из биографии А. Ипсиланти: о принадлежности его к семье валахского господаря, о посещении с 1810 года масонских лож «Палестина» и «Три добродетели» и, наконец, о вступлении Ипсиланти в этерию в 1818 году под влиянием брата Николая. Помимо сказанного, следует отметить, что незадолго до своей кончины Александр Ипсиланти в письме к Николаю I от 1 (13 января) 1828 года утверждал, что принял руководство восстанием, *предварительно посоветовавшись с Каподистрией*³⁷³. С еще большей уверенностью настаивал на этом факте брат А. Ипсиланти Николай. По его словам, встреча Каподистрии и Александра Ипсиланти произошла в казарме Кавалергардского полка, где тот остановился во время своего пребывания в Петербурге. На вопрос Ипсиланти, окажет ли Россия поддержку восстанию греков, Каподистрия ответил, что, как только в Греции образуется очаг борьбы, где будут

ибо всегда я сам представлял себе назначение Начальников Главного штаба, как в армиях, так и в корпусах. Генерал-майор Киселев назначен мною в сие звание по личной моей уверенности, что он совершенно оправдает и мою и вашу к нему доверенность. По нахождению его долгое время при мне ему совершенно известен порядок службы и устройства войск, которые я требую. Я смело отвечаю, что лучшего вам помощника по сей части быть не может; равномерно отвечаю, что и публика по сему случаю никакого фальшивого суждения на счет моей к вам доверенности выводить не может; разве одни легкомысленные умы, желающие растроивать ход дел, могут с умыслом стараться изображать сие назначение в превратном толке. Генерал-лейтенанту Рудзевичу ни малейшего оскорбления я не причинил; но, вверив ему в первый раз корпус, дал явное доказательство пред целою армиею моего уважения к его службе и заслугам. Касательно генерал-майора Игнатьева, то старшинство его есть предмет чрез чур маловажный; дабы я мог останавливаться оным, в назначении полезных чинов по армии, не первый есть пример, что Начальники Главного штаба моложе чинами прочих чиновников, окружающих Главнокомандующего. При Его Высочестве Цесаревиче Начальник штаба по Польской армии — генерал-майор Толижский, а генерал-квартирмейстер генерал-лейтенант Гауке. Вам представляю оставить при себе генерал-майора Игнатьева в настоящем звании, или представить его к другому назначению. — Остается мне заметить вам на счет предположения вашего, что генерал-майор Киселев назначен мною, дабы иметь во 2-ой армии надсмотрщика, — сие не сходно ни с моими правилами, ни с моими понятиями, кои довольно мною ясно доказаны в долгое продолжение времени, чтобы не быть известны вам. По всему выше писанному я удостоверяюсь, что прошение ваше от увольнении вас от командования 2-ю армиею, вы сами признаете не сходным ни с обстоятельствами, ни с тою ревностью к службе отечеству, которую я привык в вас всегда находить. Будьте покойны на счет моей доверенности к вам, — без оной и пяти минут я сам не оставил бы вас Главнокомандующим одною из моих армий. Пребываю навсегда вам благосклонный Александр» (РГИА СПб., ф. 958, оп. 1, д. 26).

³⁷² Там же, д. 236.

³⁷³ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1828 г., д. 4978. Цит. по: *Ари Г. Л.* Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. С. 206.

действовать «несколько тысяч свободных ружей, Россия поддержит их деньгами, снаряжением и судами»³⁷⁴.

В своей автобиографической записке Каподистрия решительно отвергает подобные утверждения и пишет, что он, напротив, предостерегал Александра Ипсиланти от связи с интриганам, «которые выдавали себя, без всякого на то права, за представителей греческого народа», намереваясь втянуть Ипсиланти в заговор для того, чтобы придать значение своим проискам.³⁷⁵ Однако логика подсказывает, что даже если все было так, как утверждает Каподистрия, и он действительно потратил немало сил, дабы удержать греков от восстания, то тем не менее ни он, ни Ипсиланти не захотели поставить Александра I в известность о готовящемся предприятии. Следовательно, они содействовали началу греческого восстания.³⁷⁶

«Каменка»

Следующий пункт пушкинского плана — название имения Чигиринского уезда Киевской губернии, принадлежащего семье декабриста Василия Львовича Давыдова (1792—1855). Пушкин прожил в Каменке с середины ноября по конец февраля 1821 года. Время его пребывания там совпало с совещанием членов Южного декабристского общества, которое проходило в Каменке в ноябре 1820 года и для участия в котором приехал И. Д. Якушкин как представитель Москвы для созыва в начале 1821 года московского съезда «Союза благоденствия». О своем пребывании в имении Давыдовых Якушкин позже вспоминал: «Приехав в Каменку, я полагал, что никого там не знаю, и был приятно удивлен, когда случившийся здесь А. С. Пушкин выбежал ко мне с распростертыми объятиями. Я познакомился с ним в мою поездку в Петербург у Петра Чаадаева, с которым он был дружен и к которому имел большое доверие»³⁷⁷. Далее следует рассказ о розыгрыше, целью которого было стремление декабристов разуверить Н. Н. Раевского в том, что существует тайное общество³⁷⁸: «В последний вечер Орлов, В. Л. Давыдов, Охотников и я сговорились так действовать, чтобы сбить с толку Раевского насчет того, принадлежим ли мы к тайному обществу или нет. Для большего порядка при наших прениях был выбран президентом Раевский. С полусутопливым и полуживым видом он управлял общим разговором. Когда начинали очень шуметь, он звонил в колокольчик; никто не имел права говорить, не просив у него на то дозволения и т. д. В последний вечер пребывания нашего в Каменке после многих рассуждений о разных предметах Орлов предложил вопрос, насколько было бы полезно учреждение тайного общества в России. Сам он высказал все, что можно было сказать за и против тайного общества. В. Л. Давыдов и Охотников были согласны с мне-

³⁷⁴ Арш Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. С. 206.

³⁷⁵ Записка графа Иоанна Каподистрия...// РИО. Т. 3. С. 256—257.

³⁷⁶ Арш Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. С. 211.

³⁷⁷ Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 40.

³⁷⁸ Павлова Л. Я. Декабрист М. Ф. Орлов... С. 82.

нием Орлова; Пушкин с жаром доказывал всю пользу, которую могло бы принести тайное общество России. Тут, испросив слово у президента, я старался доказать, что в России совершенно невозможно существование тайного общества, которое могло бы быть хоть сколько-нибудь полезно. Раевский стал мне доказывать противное и исчислил все случаи, в которых тайное общество могло бы действовать с успехом и пользой; в ответ на его выходку я ему сказал: „Мне нетрудно доказать вам, что вы шутите; я предложу вам вопрос: если бы теперь уже существовало тайное общество, вы, наверное, к нему не присоединились бы?“ „Напротив, наверное бы присоединился“, — отвечал он. — „В таком случае давайте руку“, — сказал я ему. И он протянул мне руку, после чего я расхохотался, сказав Раевскому: „Разумеется, все это только одна шутка“. Другие также смеялись, кроме А. Л. Давыдова, рогоносца величавого, который дремал, и Пушкина, который был очень взволнован; он перед тем уверился, что тайное общество или существует, или тут же получит свое начало и он будет его членом; но когда увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезами на глазах: „Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка“. В эту минуту он был, точно, прекрасен³⁷⁹.

В определенном смысле утверждение об отсутствии в России политического общества было правдой, так как Южное общество декабристов организовалось лишь в марте 1821 года. М. В. Нечкина привела ряд важных фактов, доказывающих, что С. Г. Волконскому в 1823 году было дано поручение принять Пушкина в общество, и этот факт, по замечанию исследовательницы, «вносит ясность в вопрос о том, каково было действительное отношение к Пушкину руководителей Южного общества. Кишиневские беседы Пестеля с Пушкиным на политические темы еще раз подтверждают, что никакого запрета общаться с Пушкиным не было»³⁸⁰. Подтверждение этому находим и в переписке Пушкина, который 4 декабря 1820 года о своем пребывании в Каменке писал Н. И. Гнедичу: «Вот уже восемь месяцев, как я веду странническую жизнь, почтенный Николай Иванович. Был я на Кавказе, в Крыму, в Молдавии и теперь нахожусь в Киевской губернии, в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время мое протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, была недавно разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя. — Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов» (XIII, 20).

Одно из оброненных в Каменке «острых слов» было зафиксировано Пушкиным в самом начале 1821 года в записной книжке (ПД 830):

«O<rl>ff> disait en 1820; révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains, vous

³⁷⁹ Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. С. 42—43.

³⁸⁰ Нечкина М. В. Новое о Пушкине и декабристах // Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1962. С. 83. Полный вариант статьи см.: О Пушкине, декабристах и их общих друзьях (По неисследованным архивным материалам) // Катгорга и ссылка. 1930. Кн. 4. С. 7—40.

avez fait une sottise en détrônant Napoléon» (XII, 304;— «Орлов говорил в 1820 г.: революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция здесь, конституция там... Господа государи, вы сделали глупость, свергнув Наполеона»).

Современная исследовательница оценивает эту запись как заметку на память «в основном об „острых словах“, промелькнувших в дружеской беседе»³⁸¹. Но это наблюдение лишь скользит по поверхности пушкинской записи, не проникая в ее суть. Остановимся подробнее на обстоятельствах революций в названных странах.

Революция в Испании произошла вследствие недовольства политикой Фердинанда VII приверженцами кортесов, людьми, получившими известность в борьбе за освобождение страны от французского ставленника Иосифа Бонапарта. Вернувшись из французского плена, король Испании уничтожил крайне либеральную конституцию, введенную в Кадиксе в 1812 году, и восстановил инквизицию. Гонения постигли не только приверженцев короля Иосифа Бонапарта, занимавших при нем какие-либо должности, но и людей, боровшихся за национальную независимость, но не желавших восстановления старого порядка. В 1820 году они нашли материальную поддержку и возможность действовать посредством войска, которое было собрано в Кадиксе к началу 1820 года для отправления в Америку в связи с восстанием в колониях. Однако отдаленность экспедиции и перспектива сражения с соотечественниками возбуждали недовольство среди военных. 1 января 1820 года полковник Квируга³⁸² и подполковник Риуго³⁸³ вернули конституцию 1812 года. Высланные на подавление восставших правительственные войска действовали нерешительно. Восстание, не имея четкого плана действий, то затухало, то стихийно вспыхивало в провинциях Испании, наводя ужас на Мадрид. 7 марта 1820 года Фердинанд VII объявил о созыве кортесов, но восставшие вышли на улицы, требуя восстановления конституции 1812 года. Король уступил требованиям народа, поклялся в верности конституции, упразднил инквизицию, провозгласил свободу печати и амнистию за все политические преступления.

Основываясь на нормах международного права, Фердинанд VII известил европейские дворы об изменении формы правления в Испании. Мнение России было чрезвычайно важно для приверженцев нового порядка. Испанский посланник в Петербурге Зеа Бермудес, зная, что петербургский двор не доволен и крайностями конституции 1812 года, и способом, каким она была вытребована у короля, тем не менее надеялся получить одобрение императора, для чего к королевскому письму присоединил ноту, в которой изъявил жела-

³⁸¹ Козмина Л. В. Автобиографические записки А. С. Пушкина 1821—1825 гг. С. 37.

³⁸² Квируга Антонио (Quiroga; 1784—1841)— морской офицер, после участия в восстании в 1823 году сдался в плен французским войскам и эмигрировал во Францию, амнистирован в Испании в 1834 г.

³⁸³ Риуго-и-Нуньец (Рафаэль дель Riego y Nuñez; 1785—1823) — испанский дворянин, в 1808—1814 гг. участвовал в войне с Францией, был в плену; вернувшись в Испанию, подготовил вооруженное выступление 1 января 1820 г. В 1821 г. был назначен Фердинандом VII генерал-капитаном Арагонии, но вскоре получил отставку; избранный в кортесы, возглавил палату депутатов, при наступлении французских войск был взят в плен и выдан испанскому правительству, которое приговорило его к повешенью.

ние узнать оценку российским монархом происшедших в Испании событий, акцентируя внимание на то, что при заключении союза между Россией и восставшей против Наполеона Испанией в 1812 году Александр I открыто одобрил конституцию, ту самую, которая была только что восстановлена в Мадриде.

В ответной ноте Александр I сообщил, что с глубоким прискорбием узнал о происшедших в Мадриде событиях, что будущее Испании представляется ему в мрачном свете, так как даже если видеть в происшедшем только следствия отмены конституции, то и тогда нельзя оправдать действия, которые предадут страну случайностям насильственного переворота. Далее Александр I отметил, что в европейских дворах осуждаются методы введения нового порядка правления, и он, российский император, не раз высказывал пожелание, чтобы власть короля Испании утвердилась как в Старом, так и в Новом Свете с помощью прочных учреждений, поскольку, исходя от воли монарха, учреждения получают характер охранительный; исходя из среды мятежа, они порождают хаос. Но только «испанскому правительству принадлежит судить, могут ли учреждения, данные насильственным, революционным образом, осуществить благодеяния, которых Испания и Америка ожидали от мудрости короля и патриотизма его советников. Пути, которые Испания изберет для достижения этой цели; средства, которыми она постарается уничтожить впечатление, произведенное в Европе мартовскими событиями, определяют характер отношений императора к мадридскому кабинету»³⁸⁴. В целом суть императорского ответа свелась к осуждению «солдатской революции» в Испании. Следует отметить, что высказанная позиция была сформулирована в самой мягкой форме, по сравнению с оценками остальных членов Священного союза³⁸⁵.

Пока шли дипломатические переговоры по делам испанским, разразилась революция в Италии, она вспыхнула не в оккупированных Австрией областях, не в областях с широкой палитрой³⁸⁶ революционных движений, не в областях, отягощенных злоупотреблениями клерикального управления, а в относительно благополучном и процветающем Королевстве Обеих Сицилий.

³⁸⁴ Соловьев С. М. Император Александр I. М., 1995. С. 498.

³⁸⁵ Гарденберг писал министру иностранных дел Англии лорду Касльри: «События, происшедшие в Испании, могут быть крайне опасны для спокойствия Европы. Пример армии, производящей революцию, — гибельный. Петербургский двор, не зная еще окончательных следствий восстания, счел необходимым согласиться сообщать в мерах, какие должны быть приняты относительно Испании, и пригласить к общему совещанию Францию, которая тут вдвойне заинтересована. Петербургский двор предполагает воспользоваться для этого парижскими конференциями, открытыми для посредничества между Испанией и Португалией. Я считаю эту идею чрезвычайно благоразумной. Мы готовы согласиться на всякую полезную меру. Мы все надеемся, что французские дела примут благоприятный оборот, если только не подействует пример Испании» (Цит. по: Соловьев С. М. Император Александр I. С. 496).

³⁸⁶ Наиболее многочисленным революционным обществом в Италии были *карбонарии*, фракции которых работали в одиннадцать городах. Наряду с ними существовали и другие тайные общества, ставившие перед собой различные политические задачи: *гвельфы* боролись за независимость и конституцию Италии, *консистиориалы* считали, что после получения независимости Италии она должна быть разделена между папой, Сардинией и Моденой на три равные части; *адельфы* действовали в Пьемонте в пользу принца Кариньянского и т. д.

Революция началась 2 июля 1820 года, когда два карбонария — кавалерийский офицер Морелли и священник Микинис — во главе отряда национальной гвардии при криках «Бог, король и конституция!» направились к Авелино — главному городу провинции и были восторженно встречены его жителями. Вскоре к восставшим присоединились правительственные войска и за три дня революционное движение охватило все королевство. В ночь с 5 на 6 июля в королевский дворец в Неаполе прибыли пять карбонариев, которые от имени войска, народа и тайных обществ потребовали введения конституции, предоставив королю сроку лишь два часа. Король вынужден был согласиться на требования восставших, но попросил объяснить, какая конституция их устроит. Так как все были наслышаны об испанских событиях, то общим мнением было решено и в Неаполе провозгласить испанскую конституцию 1812 года. Когда же стали осведомляться, что это именно за конституция, то выяснилось, что текста ее в Неаполе на то время ни у кого не оказалось.

Отсутствием казуальности неаполитанская революция встревожила европейские дворы гораздо более, нежели революция испанская. Английский резидент из Неаполя писал о ней в Лондон как об одной из самых странных революций. «Такова сила дурного примера и слова, не понимаемого половиной тех, которые его употребляют. Каждый офицер хочет теперь быть Квиригою, и слово «конституция» производит на всех чародейственное влияние. Мы не должны себя обманывать: дело не в конституции, а в торжестве якобинства. То есть войны бедности против собственности; низшие классы выучились сознавать свою силу. Такого отеческого либерального правления никогда еще не было в этой стране»³⁸⁷.

К тому же Королевство Обеих Сицилий не было отделено от континентальной Европы какой-нибудь естественной границей в виде Пиренеев — революционный пожар мог охватить всю Европу. Австрия немедленно усилила свое военное присутствие в регионе, введя войска в Неаполитанское королевство, и предложила провести дипломатическую конференцию по неаполитанскому вопросу. В ответ Александр I потребовал немедленного созыва конгресса в Троппау, без согласия участников которого действия австрийской армии не могли быть легитимными. Меттерних в свою очередь считал, что конгресс лишь затянет время в решении неотложного вопроса, к тому же российский император вовсе не настаивал на устранении конституционного порядка управления, а призывал к установлению порядка на законных основаниях. Англия и Франция, как парламентское и конституционное государства, отказались от участия в конгрессе.

Тем не менее конгресс открылся в Троппау 23 октября 1820 года под председательством Меттерниха при участии императоров России и Австрии, к которым в начале ноября присоединился наследный принц Пруссии. На первых же заседаниях Меттерних заявил о готовности Австрии начать военные действия против Неаполя. Обоснованием этого решения являлась секретная статья договора, подписанного между Австрией и Неаполем в июне 1815 года, гласящая, что король Фердинанд не допустит в своем государстве никакой перемены, которая была бы противна древним монархическим учреждениям и принципам,

³⁸⁷ Цит. по: Соловьев С. М. Император Александр I. С. 503—504.

принятым Австрией во внутреннем управлении своими итальянскими провинциями³⁸⁸. Так Меттерних перевел вопрос о военном вмешательстве Австрии в дела Неаполя из национального в общеевропейский.

Основным оппонентом Меттерниха на конгрессе выступил граф И. Каподистрия, который считал преждевременным начинать военные действия, не исчерпав мирные средства для достижения желаемой цели. Австрийские дипломаты побаивались Каподистрию, называя его «Византией в русской шубе» («Le Bas-Empire en unifogme russe»). В своих мемуарах Меттерних писал, что в 1820 году, на конгрессе в Троппау, ему вполне удалось подчинить Александра I своим видам, но только лишь благодаря событиям, угрожавшим миру, которые вполне оправдывали его политическую систему. Революции в Германии, Испании и Италии не могли не подействовать на русского императора, который, по словам Меттерниха, прибыл на конгресс разочарованный в своем либерализме и сделавшись противником всяких либеральных реформ. «По вечерам, — писал Меттерних, — с глазу на глаз, между двумя чашками чая, в продолжительной беседе с императором Александром I я всячески старался парализовать влияние Каподистрии на царя, который уже не более как наполовину защищал своего министра»³⁸⁹. Но так же как в свое время Наполеону, так и Меттерниху не удалось полностью подчинить своей воле российского монарха: «В то время, как мне казалось, — писал Меттерних, — что я вполне овладел русским императором, он снова ускользал из моих рук, и приходилось опять приниматься за ту же работу»³⁹⁰.

После долгих дипломатических дискуссий было решено пригласить на заседания конгресса самого неаполитанского короля, для чего перенести место заседаний из Троппау в ближайший к Италии Лайбах.

Приглашение короля Фердинанда на конгресс в Лайбахе было встречено в Неаполе с большими опасениями, город взволновался, и король вынужден был объявить, что его пребывание на конгрессе будет иметь единственную цель, а именно сохранить введенную им испанскую конституцию и отклонить военное вторжение Австрии. Прибыв в Лайбах 8 января 1821 года, неаполитанский король отрекся от всего, сделанного им в Неаполе под давлением восставшего народа, и потребовал восстановления старого порядка, что совпадало с позицией Меттерниха. Неожиданный приезд на конгресс русского посла во Франции К. А. Поцио-ди-Борго и его выступление, в котором он, в довольно резкой форме заявил, что итальянцы по своей неразвитости и врожденным недостаткам не способны к либеральной системе правления, склонило чашу весов в сторону радикальных методов решения проблемы. 16 января было принято официальное постановление о непризнании неаполитанской революции и о прекращении ее мирными средствами или вооруженным вторжением, о чем сообщил король Фердинанд своему наследнику, герцогу Калабрийскому. Не дожидаясь ответа из Неаполя, австрийские войска вступили в папские владения,

³⁸⁸ Цит. по: Соловьев С. М. Император Александр I. С. 509.

³⁸⁹ Ч-ков А. Князь Меттерних об императоре Александре Павловиче// Русский архив. 1892. Кн. 2. С. 199.

³⁹⁰ Там же. С. 200.

а конгресс перешел к рассмотрению вопроса о будущем устройстве Неаполитанского королевства.

Итак, основным вопросом, который привел к ожесточенному спору на Лайбахском конгрессе, оказался вопрос о легитимности конституционного устройства государства. Основными оппонентами при его обсуждении были Каподистрия и Меттерних. Каподистрия отстаивал правомочность конституционного правления, Меттерних был категорически против ее введения вообще и, в частности, заявил, что, даже если бы сам неаполитанский король провозгласил конституцию, Австрия вооруженным путем заставила бы его отказаться от этого решения, так как конституция в любой своей форме опасна не только для Австрии, но и для всех итальянских государей.

Российский император придерживался мнения, близкого к высказанному К. А. Поццио-ди-Борго³⁹¹. На опасения французского посла относительно того, что справедливое негодование на революцию испанскую и итальянскую охладят императора к конституционным формам правления вообще, Александр I ответил: «Я люблю конституционные учреждения и думаю, что всякий порядочный человек должен их любить; но можно ли вводить их без различия у всех народов? Не все народы в равной степени готовы к их принятию; ясное дело, что свобода и права, которыми может пользоваться такая просвещенная нация, как ваша, найдут к отсталым и невежественным народам обоих полуостровов. <...> Что полезно вам, просвещенным французам, то вредно отсталым, невежественным итальянцам»³⁹².

Отказ творцов Священного союза предотвратить новый революционный взрыв частичными конституционными уступками «сверху», по мнению Каподистрии, был чреват серьезными осложнениями. В частных письмах к Поццио-ди-Борго и Нессельроде в Париж Каподистрия с горечью писал, что «симптомы той же болезни <т. е. революции>... ныне подбираются к голове, но ее можно было бы ослабить и даже предотвратить, если бы в Аахене были определены пути излечения от этой болезни»³⁹³.

Таким образом, пушкинская запись сказанной М. Орловым фразы о революции касается актуальных вопросов внешней политики России и свидетельствует о широком круге дипломатических проблем, затронутых во время дружеских бесед двух арзамасцев.

Вопросы, обсуждавшиеся на дипломатических конгрессах, не предавались

³⁹¹ Не всегда мнения Александра I и Поццо ди Борго совпадали. Так, в «Table-talk» Пушкин зафиксировал их разногласия по польскому вопросу: «Когда в 1815 году дело шло о восстановлении Польши, тогда граф Поццо ди Борго прислал государю свое мнение (граф противился всеми силами исполнению сей великой ошибки). Государь, прочитав его, сказал князю Козловскому: «Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire». Козловский не преминул. Поццо отвечал: «Cela peut être; aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur» (Пер. с франц.: «Граф Поццо благоразумнее меня, сознаюсь в этом. Но твердо знаю, что я совестливее, и вы можете это ему передать...» «Возможно; потому-то в данном случае я и говорил не как исповедник»; XII, 158).

³⁹² Цит. по: Соловьев С. М. Император Александр I. С. 520, 525. Не отсюда ли пушкинское: «Что нужно Лондону, то рано для Москвы?»

³⁹³ Сироткин В. Г. Борьба в лагере консервативного русского дворянства... С. 31; Шебунина А. Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925.

гласности в периодических изданиях, и тем не менее высшие слои русского общества были хорошо о них информированы. Доказательством могут служить письма В. П. Кочубея к Александру I.

В письме от 11 февраля 1821 года Кочубей писал: «Граф Нессельроде проводил мне последние акты Лайбахского конгресса для сообщения оных тем же лицам, коим были указаны мне при сообщении актов Троппауского конгресса. Не имея возможности сделать эти сообщения лично, я возложил эту обязанность на сенатора Дивова. Впрочем, я послал конфиденциальное письмо московскому генерал-губернатору, извещая его в общих чертах о положении дел»³⁹⁴.

М. Орлов, П. Д. Киселев могли быть извещены о событиях на дипломатических конгрессах через дипломатическую канцелярию, которая находилась при штабе 2-й армии. Подтверждение тому, что вопросами конституционного устройства общества интересовались высшие чины армии, находим в письме В. П. Кочубея к Александру I, датированном 1 марта 1821 года, в котором В. П. Кочубей о своем разговоре с московским генерал-губернатором писал: «Я расспрашивал князя Голицына о духе, царствующем в Первопрестольной. Он сказал мне, что “в Москве гораздо меньше волнуются в том смысле, как здесь; что там весьма мало интересуются вопросами, касающимися конституции, или тому подобных идей; что это вполне естественно, так как в Москве

³⁹⁴ Дубровин Н. Вести из Петербурга в 1820 и 1821 годах (Собственноручные всеподданнейшие письма графа В. П. Кочубея)// Русская старина. СПб., 1902, февраль. С. 383. Подлинники писем В. П. Кочубея на французском языке опубликованы Н. Дубровиным в «Сборнике исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1901. Вып. XI. С. 362–378.

В прилагаемой копии официального письма излагаются основные события, явившиеся следствием дипломатических дискуссий на Лайбахском конгрессе: «19-го (31-го) января, в Неаполь отправлен курьер, с ультиматумом союзных кабинетов, которые требуют, чтобы события 2-го и 6-го июля были признаны как бы не существовавшими, так как они были вызваны революционным и анархическим движением; чтобы все меры, принятые после этих событий так называемым конституционным правительством, были отменены, дабы король, коего власть будет вполне и всецело восстановлена, мог даровать вполне самостоятельно и добровольно мудрые и полезные учреждения, кои одни могут обеспечить благоденствие и спокойствие Королевства Обеих Сицилий и служить прочим державам гарантией того, что всеобщее спокойствие и порядок будут обеспечены. Вместе с тем в Неаполь послан его величеством королем обеих Сицилий герцог де Галло (de Gallo) с известием о решении, принятом союзными монархами. Австрийские войска получили в то же время приказание идти вперед либо для того, чтобы предложить от имени союзников гарантию прочности того порядка вещей, который будет установлен, либо для того, чтобы сломить силою оппозицию, которую горсть демагогов и фанатиков-сектантов вздумала бы противопоставить благодетельным мерам, которые должны положить конец террору, от коих страдает эта великодушная страна. Трудно допустить, чтобы вступление войск могло иметь эту последнюю цель. Беспорядки в Неаполе, по-видимому, увеличиваются. Между военными и карбонарами произошел разлад. Лучшие генералы подали в отставку; так называемая конституционная партия утратила свое влияние, и партия, состоящая из отъявленных карбонаров, в роде тех якобинцев, каких мы видели в Париже, и которая не может быть многочисленна, наводит ужас на неаполитанский парламент и на жителей столицы. Все эти факты позволяют надеяться, что императору удастся достигнуть намеченной им важной цели поддержать и упрочить мир и спокойствие Европы, избегнув кровопролития и всех ужасов войны» (Русская старина. СПб., 1902, февраль. С. 384–385).

гораздо менее молодежи, нежели в Петербурге, и в особенности там гораздо менее военных и состав их иной»³⁹⁵.

Пушкин в спорах с М. Орловым, очевидно, занимал прямо противоположную ему позицию. В отличие от высказанного Орловым мнения, что конституции губительны для самой структуры государства, Пушкин опирался на идею аббата Сен-Пьера в изложении Ж.-Ж. Руссо о том, что следствием введения конституций является мир и упразднение армий. Основные положения этой концепции Пушкин изложил в небольшой заметке (XII, 189–190, 480 — оригинал на франц.), которую М. П. Алексеев расценил как теоретическую подготовку юного поэта к спору с друзьями³⁹⁶.

Сама история проверяла правоту спорящих на дипломатических конгрессах в Европе и в дружеском кругу в Каменке. Никто из участников демагогических споров в Каменке не мог предвидеть конкретных последствий принимаемых монархами решений: ни революции в Пьемонте (неожиданно вспыхнувшей в феврале и сошедшей на нет в марте), ни столь же неожиданно вспыхнувшего, но приведшего к более губительным результатам греческого восстания, возглавляемого русским генералом Александром Ипсиланти, известие о сем восстании было получено в Лайбахе 24 февраля 1821 года.

«Греч.<еская> рев.<олюция>»

Во время Лайбахского конгресса Александр I получил письмо от А. Ипсиланти — генерал сообщал, что решил возглавить восстание греков, которое уже в течение нескольких лет готовило тайное греческое общество³⁹⁷. Это известие поставило Александра I и Меттерниха в самое затруднительное положение, так как на Лайбахском конгрессе по поводу революционных движений в разных краях Европы было провозглашено, «что восстание подданных против правительства непозволительно; что союз правительств должен вмешиваться в таких случаях и уничтожать революционное движение»³⁹⁸. С этим все согласились³⁹⁹, и вдруг оказалось, что существует восстание, которое может составить исключение из общего правила, ибо греческая революция имела религиозную подоплеку: восстали христиане для свержения ига мусульманских поработителей. Меттерних боялся, что основатель Священного союза изменит своим принципам, поддержит греческое восстание и что в конечном итоге освобождение гре-

³⁹⁵ [Дубровин Н.] Вести из Петербурга... С. 388.

³⁹⁶ Алексеев М. П. Пушкин и проблема вечного мира // Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-историческое исследование. Л., 1972. С. 160–207.

³⁹⁷ Тогда же было написано и письмо к И. Каподистрии. Текст писем см.: Арш Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. С. 306–308.

³⁹⁸ Соловьев С. М. Восточный вопрос. С. 913.

³⁹⁹ Россия, Австрия и Пруссия 7 (19) ноября 1820 г. подписали протокол, в котором провозглашалось право вооруженного вмешательства во внутренние дела других государств (без приглашения со стороны их правительств) для подавления там революционных выступлений. Два других участника конгресса — Великобритания и Франция — отказались признать «принцип вмешательства» в такой неограниченной форме, но дали понять, что не станут мешать готовящейся в Италии интервенции.

ков приведет к усилению авторитета России, а это могло бы вызвать сочувственный отклик у многих славянских подданных Австрии.

Александр I безоговорочно осудил предприятие Ипсиланти и приказал вычеркнуть его имя из списков русской армии. Каподистрия в ответном письме известил А. Ипсиланти, что «государь отнюдь не одобряет его действий, и что, в уважение только прежних его заслуг, он позволяет ему возвратиться в пределы России, с тем однако, что если он откажется от своего предприятия и тотчас воспользуется позволением сим»⁴⁰⁰.

В депеше от 26 марта к Строганову Александр I поручил объявить Порте, что политика русского двора далека от всяких действий, которые нарушают покой турецких провинций. В тот же день был послан официальный ответ Ипсиланти, исключавший какие-либо надежды на поддержку России, потому что было бы недостойно императора разрушать Турецкую империю посредством тайного общества, действующего виноватым и постыдным образом⁴⁰¹.

Александр I предложил Меттерниху «уладить дело вмешательством европейских держав, по общему их соглашению», причем русский император «обязывался не думать о своих частных выгодах»⁴⁰² и территориальных приобретениях. В свою очередь Меттерних решил действовать осторожно: не раздражать русского императора, сдерживать султана, тянуть время, не допуская войны между Россией и Турцией, но тем не менее предоставляя возможность последней подавить греческое восстание без вмешательства России.

В качестве одного из примеров «невежливости» в «Отрывках из писем, мыслей и замечаний» Пушкин отметил следующий: «Сказано: les sociétés secrètes la diplomatie des peuples⁴⁰³. Но какой же народ верит права свои тайным обществам, и какое правительство, уважающее себя, войдет с оным в переговоры?» (XI, 55)

С Лайбахского конгресса 14/26 апреля 1821 года было послано и письмо Каподистрии к И. Н. Инзову, в котором говорилось: «Несколько времени тому назад отправлен был к вашему превосходительству молодой Пушкин. Не имея никаких известий о его службе и поведении, желательно, особливо в нынешних обстоятельствах, узнать искреннее суждение ваше, милостивый государь мой, о сем юноше, повинуется ли он теперь внушению от природы доброго сердца, или порывам необузданного и вредного воображения. В ожидании ответа вашего и пр.»⁴⁰⁴. О том, что письмо было написано с согласия императора Александра I, свидетельствует его собственноручная резолюция: «Быть по сему».

28 апреля 1821 года в секретном донесении И. Н. Инзов ответил Каподистрии следующее:

«Милостивый государь, граф Иван Антонович! На почтеннейший отзыв Вашего Сиятельства от (14-го) 26-го апреля, я приемлю честь уведомить вас, милостивый государь, что присланный ко мне из Санкт-Петербурга коллежский секретарь Пушкин,

⁴⁰⁰ Липранди И. П. Восстание пандур. С. 193.

⁴⁰¹ Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политики в восточном вопросе. С. 162.

⁴⁰² Соловьев С. М. Восточный вопрос. С. 914.

⁴⁰³ Пер. с франц.: «Тайные общества — дипломатия народов».

⁴⁰⁴ Поливанов Л. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы к его биографии. С. 242. Проект письма см.: ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, д. 134.

живя в одном со мною доме, ведет себя хорошо и при настоящих смутных обстоятельствах не оказывает никакого участия в сих делах. Я занял его переводом на российский язык составленных по-французски молдавских законов и тем, равно другими упражнениями по службе, отнимаю способы к праздности. Он, побуждаясь тем же духом, коим исполнены все парнасские жители к ревностному подражанию некоторым писателям, в разговорах своих со мною обнаруживает иногда пиитические мысли. Но я уверен, что лета и время образуют его в сем случае и опытом заставят признать неосновательность умозаключений, посеянных чтением вредных сочинений и принятыми правилами нынешнего столетия. В бытность его в столице, он пользовался от казны 700 рублями на год; но теперь, не получая сего содержания и не имея пособий от родителя, при всем возможном от меня вспомоществовании терпит, однако ж, иногда некоторый недостаток в приличном одеянии. По сему уважению я долгом считаю покорнейше просить распоряжения вашего, милостивый государь, к назначению ему отпуска здесь того жалованья, какое он получал в Петербурге»⁴⁰⁵.

Итак, несмотря на общий благожелательный тон письма Инзова, достаточно было лишь упомянуть о том, что Пушкин иногда делится «*пиитическими мыслями*» со своим начальником, чтобы и Каподистрия и Александр I поняли, что об «исправлении» этого чиновника говорить еще рано. Так, одно письмо Инзова повернуло биографию Пушкина от желанного дипломатического поприща к Михайловской ссылке.

*
* * *

Сохранившиеся письма 1821 года показывают, что хотя Пушкин и не принимал непосредственного участия в греческом восстании, но он пристально следил за ходом его развития. Между ним и Вяземским шел интенсивный обмен информацией⁴⁰⁶. В начале марта 1821 года Пушкин в письме к П. А. Вяземскому⁴⁰⁷ так изложил произошедшие события греческой революции:

«Греция восстала и провозгласила свою свободу. Теодор Владимиреско, служивший некогда в войске покойного князя Ипсиланти, в начале февраля нынешнего года — вышел из Бухареста с малым числом> вооруженных арнаутов и объявил, что греки не в силах более выносить притеснений и грабительств турецких> начальников, что они решились освободить роди<ну> от ига незаконного, что <на>ерены платить только подати, <н>аложенные прав<ительст>вом. Сия прокламация <встр>евожила

⁴⁰⁵ Поливанов Л. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы к его биографии С. 243—244. После обращения Инзова жалованье Пушкину было выплачено.

⁴⁰⁶ Интенсивный обмен письмами идет и с Дельвигом, который в конце 1822 г. писал В. Кюхельбекеру: «Ты страшно виноват перед *Пушкиным*. Он поминутно о тебе заботится. Я ему доставил твою «греческую оду», «послание Грибоедову и Ермолову» <...> Откликнись ему, он усердно будет отвечать. На него охота пришла письма писать, и он так и сыплет ими» (Русская старина. 1875. Т. 13. С. 360).

⁴⁰⁷ Мы поддерживаем предложенную Т. И. Левичевой атрибуцию адресата письма № 16 (XIII, 22—24) (Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 109—111), но считаем, что адресатом письма № 94 (XIII, 104) является Л. С. Пушкин (ср. идентичные зачины в письмах — XIII, 35, 42, 45, 51, 66, 85 — без обращения и на «ты»); к тому же брат был единственным адресатом, удостоившимся от Пушкина моральных сентенций (см.: XIII, 49—50, 104).

всю <Молд>авию. К.<нзья> Суццо и <русский> консул н<апрас>но<?> хотели удержать р<аспростра>нения<?> бунт<а> — пандуры и арнауцы от<овсю>ду бежали к смелому Владимиреско — и в несколько дней он уже начальствовал 7000 войска <...> 21 фев<аля> генерал князь Александр Ипсиланти — с двумя из своих братьев и с кня.<зем>. Георг.<ием> Кан<такузеном> прибыл в Яссы из Кишинева, где оставил он мать, сестер и двух братьев. Он был встречен 3-стами арнаутов, кн.<язем> Су.<ццо> и р.<усским> к<онсулом> и тотчас принял начальство города. Там издал он прокламации⁴⁰⁸, которые быстро разлились повсюду — в них сказано — что Феникс Греции воспрянет из своего пепла, что час гибели для Турции настал и прог., и *это Великая держава одобряет подвиг великодушный!* Греки стали стекаться толпами под его трое знамен, из которых одно трехцветно, на другом развевается крест, обвитый лаврами, с текстом сим знаменем победиши, на третьем изображен возрождающийся Феникс. — Я видел письмо одного инсургента — с жаром описывает он обряд освящения знамен и меча князя Ипсиланти — восторг духовенства и народы — и прекрасные минуты Надежды и Свободы... <...> Восторг умов дошел до высочайшей степени, все мысли устремлены к одному предмету — к независимости древнего Отечества. В Одессах я уже не застал любопытного зрелища: в лавках, на улицах, в трактирах везде собирались толпы греков, все продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья⁴⁰⁹, пистолеты, все говорили об Леониде, об Фемистокле, все шли в войско счастливица Ипсиланти» (XIII, 22).

Текст письма свидетельствует о том, что Пушкин понимал проблемы греческой революции в широком дипломатическом контексте. В письме к П. А. Вяземскому происходящие события оцениваются им как события, «*которые будут иметь следствия не только для нашего края, но и для всей Европы*» (XIII, 22). Заканчивается письмо той проблемой, над которой размышлял в это время Александр I: «*Важный вопрос: что станет делать Россия; займем ли мы Молдавию и Валахию под видом миролюбивых посредников; перейдем ли мы Дунай союзниками греков и врагами их врагов?*» (XIII, 24). Сравним с фразой из секретного доклада Шампаньи Наполеону от 16 ноября 1810 года, копию которого привез в Россию А. И. Чернышев: «С самого начала новой войны с Россиею войска Вашего Величества перейдут Эльбу и направятся к Берлину, будем ли мы друзьями или врагами Пруссии?»⁴¹⁰

Отношение Пушкина к греческому выступлению претерпело свою эволюцию. В начале восстания Пушкин с горячностью относился к вопросу освобождения Греции. А. Ф. Вельтман, проживавший тогда в Кишиневе, вспоминал: «На каждом шагу загорался разговор о делах греческих: участие было необыкновенное»⁴¹¹. Однако этот энтузиазм продолжался недолго: правительство

⁴⁰⁸ 24 февраля (8 марта) 1821 г. Александр Ипсиланти опубликовал в Яссах свое знаменитое воззвание «В бой за веру и отечество» (Воззвание к грекам Александра Ипсиланти в 1821 г. // Русский архив. 1868. С. 293–297).

⁴⁰⁹ Липранди сообщает, что в Яссах Ипсиланти получил эстафету от Ланжерона (из Одессы) и Инзова (из Кишинева), «кои спрашивали, давать ли паспорта грекам, идущим за ним. Он отвечал, чтоб давать и тогда в Бессарабию, без всякого опасения шли с ружьями» (Липранди. Восстание пандур. С. 185).

⁴¹⁰ РИО. Т. 21. С. 210.

⁴¹¹ Майков Л. Бессарабские воспоминания А. Ф. Вельтмана и его знакомство с Пушкиным // Майков Л. Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 118.

предприняло для его прекращения все меры. 1 марта 1821 года В. П. Кочубей писал Александру I: «Я сообщал Вашему Величеству о волнении, овладевшем одесскими греками. Получив известие о том, что таганрогские греки также хотят выселиться, стараются закупать оружие и т. д., я написал тамошнему губернатору письмо. Феодосийскому губернатору даны подробные инструкции. Повергаю также на благоусмотрение Вашего Величества копию с письма князя Ипсиланти к графу Ланжерону и с моего к нему письма, в коем я предостерегал его против наущений первого, и, наконец, сделанный в Москве стихотворный перевод воинственной песни греков»⁴¹².

Энтузиазм Пушкина и уверенность его в победе греческой революции были значительнее общего воодушевления. 2 апреля 1821 года он записал в своем дневнике: «Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками я один говорил как грек: все отчаивались в успехе предприятия этерии. Я твердо уверен, что Греция восторжествует, а 25 000 000 турков оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла» (XII, 302). Но вскоре поэт испытал горькое разочарование, греческое восстание обернулось весьма неприглядной стороной. «Мы видели этих новых Леонидов на улицах Одессы и Кишинева, — писал Пушкин, — со многими из них лично знакомы, мы можем удостоверить их полное ничтожество — они умудрились быть болванами даже в такую минуту... они все сносят, даже палочные удары с хладнокровием, достойным Фемистокла» (XIII, 397, 569 — подлинник по-французски).

Основным корреспондентом Пушкина по восточным проблемам России был П. А. Вяземский⁴¹³. Обмен информацией шел, как правило, в обход почты, «по оказии»⁴¹⁴. Весной 1823 года, убедившись, что ему не удастся выбраться в Москву или Петербург⁴¹⁵, Пушкин приглашал Вяземского в Кишинев, обещая познакомиться с «героями Скулян и Секу, сподвижниками Иордаки» (XIII, 61), т. е. Георгиоса Олимпиадоса⁴¹⁶. События в Скулянском карантине и монастыре

⁴¹² [Дубровин Н.] Вести из Петербурга... С. 387.

⁴¹³ В ноябре 1823 г. Пушкин сообщал Вяземскому: «Здесь Стурдза монархической; я с ним не только приятель, но кой о чем и мыслим одинаково, не лукавя друг перед другом. Читал ли ты его последнюю brochure о Греции?» (XIII, 70). По-видимому, речь шла о книге А. Стурдзы «L'Europe Orientale». В библиотеке Пушкина сохранилась другая книга А. Стурдзы «Histoire de la Révolution Greque» (Paris, 1829) с литографированным портретом А. Ипсиланти (Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина. СПб., 1910. № 1402).

⁴¹⁴ 20 декабря 1823 г. Пушкин пишет Вяземскому: «Я бы хотел знать, нельзя ли в переписке нашей избежать как-нибудь почты — я бы тебе переслал кой-что слишком для нее тяжелое. Сходнее нам в Азии писать по оказии» (XIII, 82), а в начале апреля 1824 г. он уточняет: «Ты не понял меня, когда я говорил тебе об оказии — почтмейстер мне в долг верит, да мне не верится» (XIII, 92). Вскоре такая «оказия» была установлена. 4—25 июня 1824 г. Пушкин пишет Вяземскому: «Я ждал отъезда Трубецкого, чтоб написать тебе спустя рукава...» (XIII, 98); 10 июля 1824 г. П. А. Вяземский пишет жене: «Твое письмо с Трубецким меня очень смутило» и «Пушкину буду писать с Трубецким» (Остафьевский архив. СПб., 1915. Т. V. С. 26, 29).

⁴¹⁵ 13 января 1823 г. Пушкин обратился к Нессельроде с просьбой об отпуске, 21 января 1823 г. Нессельроде докладывал об этом Александру I и получил резолюцию «отказать», о чем в письме от 27 февраля было сообщено И. Н. Инзову (Поливанов Л. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы к его биографии С. 245).

⁴¹⁶ *Iordaki Olimbiotti* (Георгаки Олимпиот) — Георгиос Олимпиадос (1772—1821) грек, с юных лет сражался против турок, сначала в Сербии под предводительством Георгия Черно-

Секу — это трагический финал греческой революции. И. П. Липранди в 1830 году в своих записках писал, что из всех защитников монастыря Секу в живых осталось только двое: «...один еврей, принявший христианский закон и бывший слугою у одного из капитанов <...> и другой, Туфекчи Никола, бывший при отряде оружейным мастером, которого взял к себе начальник 29 янычарской орды, полюбил его и исходатайствовал у паши позволение взять его на поручительство, оставил его в Яссах, откуда он, найдя случай, бежал в Бессарабию»⁴¹⁷. Следовательно, обещая познакомить Вяземского с защитниками монастыря Секу, Пушкин имел в виду именно этих людей. Становится очевидным, что именно Липранди познакомил Пушкина с ними. Помимо названных людей Липранди расспросил и остальных участников событий, в частности он отмечает, что и «брайловские турки арнаут Осман-ага, Исмаил и Еип-ага, как равно и сам Вольф сообщили все до сего происшествия касающееся»⁴¹⁸. Материал, который Пушкин мог получить от них, был зафиксирован Липранди в работах: «Восстание пандур» и «Иордаки Олимпиотти», текстуально во многом совпадающих.

Характеристика, данная Пушкиным А. Ипсиланти в повести «Кирджали» (1834), свидетельствует о реалистической оценке лидера греческого восстания: «Александр Ипсиланти был лично храбр, но не имел свойств, нужных для роли, за которую взялся так горячо и так неосторожно. Он не умел сладить с людьми, которыми принужден был предводительствовать. Они не имели к нему ни уважения, ни доверенности. После несчастного сражения, где погиб цвет греческого юношества, Иордаки Олимбиоти присоветовал ему удалиться и сам заступил его место. Ипсиланти ускакал к границам Австрии и оттуда послал свое проклятие людям, которых называл ослушниками, трусами и негодьями. Эти трусы и негодяи большею частию погибли в стенах монастыря Секу или на берегах Прута, отчаянно защищаясь противу неприятеля вдвесьтеро сильнейшего» (VIII, 255).

В свое время П. В. Анненков и П. И. Бартенев отметили, что описание битвы под Скулянами и характеристика А. Ипсиланти в «Кирджали» имеют «все достоинства подлинной исторической записки»⁴¹⁹. Но это не совсем верно, скорее, можно согласиться с положением о том, что на основе весьма скудной информации Пушкину удалось дать исчерпывающую с художественной и исторической точки зрения картину. Описываемые им события произошли после сокрушительного поражения этеристов под Драгошанами, в монастыре *Козию*, недалеко от Рымника, куда А. Ипсиланти прибыл 8 июня 1821 года.

В записках Липранди находим следующие подробности. Среди этеристов «беспорядок был столь велик и страх так распространен, что не было возмож-

го, затем несколько лет проживал в Бессарабии (1814—1817), пошел на службу к господарю Валахии Караджу, при восстании Владимиреску присоединился к нему, потом — к А. Ипсиланти, по приказу последнего пленил Владимиреску, вероятно причастность его к убийству последнего.

⁴¹⁷ Липранди. Восстание пандур. С. 236—237. Автограф: РГИА СПб., ф. 673, оп. 1, д. 235.

⁴¹⁸ Там же. С. 236, прим.

⁴¹⁹ Бартенев П. И. Пушкин в Южной России. М., 1914. С. 86; Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874. С. 204.

ности и думать собрать хотя малую часть, ибо все почитали (и справедливо) самого князя виновником всего несчастья. В это время приехал в монастырь *Козию* кап.<итан> Иордаки; также отчаявшись восстановить какой-либо порядок, советовал князю спешить вступить в австрийские владения, а что он пойдет в Молдавию, где будет стараться присоединиться к князю *Г. Кантакузине*, а если и там все потеряно, вступит в один из карантин *Бессарабии*. <...> Впродолжение четырехдневного пребывания князя Ипсианты в монастыре Козии, около 600 человек собрались разного сброда в монастырь сей, другие рассеялись в окружности по лесам. Князь опасался (и едва ли не основательно), что люди собравшись к монастырю, не сделали бы чего-либо с ним; ибо все кричали против его и дерзость их доходила до того, что силою отняли из кухни у повара изготовленный у него обед, несмотря <на то>, что *к.<апитан> Иордаки* старался всячески утешить усиливающееся волнение против князя, этот не полагал себя еще вне опасности; и потому, чтобы скрыть свой побег, вдруг распустил слух, что Австрия объявила войну туркам и что войска их вступили уже в Кинень, велел звонить в колокола, стрелять из ружей и из пистолетов, старался казаться веселым, штаб его целовался со всеми, взаимно поздравляли друг друга, и вдруг ночью князь, со всеми окружающими его, тайно вышел из монастыря и направил путь свой к *Рошен Турну*. Македонский, пробираясь к своим пандурам, встретил князя на половине дороги, в ските *Корнете*, с братьями, с *Колокотрони* и другими ему приближенными, в числе около 40 человек. Они почти все были уже пешком, в самом изнуренном положении, ибо люди их и арнауты в ночь, на первом переходе от *Козии*, вдруг скрылись со всеми лошадьми и экипажем. 14-го июня князь вступил в австрийские владения в *Рошен Турне*; там уже написал он последнюю свою прокламацию к войску, в которой, между прочим, предаст вечному посрамлению *Дуку, Савву, Каравию, Мано, Скуфа*. <...> Но не могли ли они отвечать ему: „Мы тебе служили так, как ты нами командовал“⁴²⁰.

Липранди, без сомнения, обладал большей информацией, чем Пушкин, хотя изложение его отдает тенденциозной трактовкой, но как свидетельство современника происходивших событий его записки представляют чрезвычайный интерес. В «Кирждали» описание битвы не является исторически точной картиной. Это, прежде всего, повествование, основанное на устном рассказе *М. И. Лекса*⁴²¹ (1793—1856) — чиновника канцелярии Инзова:

«Сражение под Скулянами, — пишет Пушкин, — кажется, никем не описано во всей его трогательной истине. Вообразите себе 700 человек арнаутов, албанцев, греков, булгар и всякого сброду, не имеющих понятия о военном искусстве и отступающих в виду пятнадцати тысяч турецкой конницы. Этот отряд прижался к берегу Прута и выставил перед собою две маленькие пушечки, найденные в Яссах на дворе господаря и из которых, бывало, палили во время именинных обедов. Турки рады были бы действовать картечью, но не смели без позволения русского начальства: картечь непременно перелетела бы на наш берег. <...> На другой день, однако ж, турки атаковали этеристов. Не смея употреблять ни картечи, ни ядер, они решились, вопреки своему обыкновению,

⁴²⁰ Липранди И. П. Восстание пандур. С. 222—223.

⁴²¹ В 1834 г. служил в Петербурге и занимал пост директора канцелярии Министерства внутренних дел.

действовать холодным оружием. Сражение было жестоко. Резались ятаганами. Со стороны турков замечены были копья, дотоле у них не бывалые; эти копья были русские: некрасовцы сражались в их рядах. Этеристы, с разрешения нашего государя, могли перейти Прут и скрыться в нашем карантине. Они начали переправляться. Кантагони и Сафьянос остались последние на турецком берегу. <...> Все было кончено. Турки остались победителями. Молдавия была очищена. Около шестисот арнаутов рассыпались по Бессарабии; не ведая, чем себя прокормить, они все ж были благодарны России за ее покровительство» (VIII, 256).

В своих записках Липранди сообщает более точные детали происходивших событий. Согласно его данным, события развивались следующим образом: 5 июня Кантакузин, имея при себе около 1200 человек, оставил Яссы и занял Стинку, находящуюся в 5 верстах от Скулян, границы Бессарабии, вскоре он оставил Стинку и с отрядом в 350 человек занял Скуляны, лежащие на правом берегу Прута, против самого карантин и приказал рыть окопы. Узнав о том, что А. Ипсиланти перешел австрийскую границу, Кантакузин посчитал предприятие оконченным и вступил в карантин, вслед за ним вступил туда и Пендедека⁴²². «Атанас, Кандагони, Сафьяно, Сфаело, Севастопуло, Даглиостро, двое братьев Менгрили, Анистиани и Георгий Андрианополит с 450 человеками дали друг другу присягу умереть тут за свободу и не последовать примеру других, бежавших от одного вида турков. <...> С рассветом, 17 июня Атанас, Апостол и некоторые другие капитаны переехали в карантин и прощались со своими знакомыми и родственниками, кои неотступно просили их не подвергать себя видимой смерти и заблаговременно вступить в карантин, но Атанас отвечал им: «Мы знаем, что умрем здесь, в том обязанность наша и заключается; дело идет о чести всего народа».

Около 10 часов утра, турки в числе 5000 конницы, под начальством Караджанем, командовавшим передовыми или вообще всеми, которые были в Скулянах (Салих-паша оставался в Яссах в сие время), и пехоты, с 6-ю орудиями, спустились в долину и с неимоверною быстротою бросились на окопы, но мужественный отпор этеристов и действие картечью из восьми бывших у них орудий, нанесли в толпе неприятеля значительную потерю и заставил их оттянуться опять за выстрел. Между тем, около 200 дели удалились в местечко, с нетерпением занять оное; Апостол поспешил против них с 100 человеками, успел выгнать их, истребив большую часть. В сие время турки обратились опять с новым ожесточением на этеристов, которые, не имея уже более картечи, должны были употреблять мелкие камни и гвозди. Отраженные дели, вновь подкрепленные, опять ворвались в местечко, и этеристы, одоленные силою, противоборствовали уже лично каждый против сильнейшего неприятеля, в частном бою, общего уже ничего не было. Атанас, раненный, бросив ружье и пистолеты свои в реку, с саблею в руках, бросился в толпу неприятелей, и сбитый с ног, на коленях продолжал наносить смертельные удары неприятелю до тех пор, как сам от изнеможения пал под ударами турков. Со смертью Атанаса все решилось и через два часа все головы этеристов отделены были от их туловищ,

⁴²² В планах «Кирджали» Пушкин упомянул Пендедеку, но в тексте рассказа он не назван, видимо потому, что ему посвящена отдельная пушкинская заметка «Note sur Pen-da-Déka».

исключая Сулжанова, служившего прежде в русской службе; имея с собой 16 человек, он защищался долее всех и, раненный на вылет, успел вплавь переправиться чрез Прут»⁴²³.

Обстоятельства защиты Секу конспективно изложены Пушкиным в «Note sur la révolution d'Ipsylanti» (после 1821): «Капитаны — это независимые корсары, разбойники или турецкие чиновники, облеченные некоторой властью. Таковы были Лампро и т. д., и наконец — Формаки, Иордаки Олимбиотти, Калакатрони, Кантагони, Анастас и т. д. Иордаки Олимбиотти был в армии Ипсиланти. Они вместе отступили к венгерским границам. Александр Ипсиланти, боясь быть убитым, счел необходимым бежать и разразился своей прокламацией, Иордаки, во главе 8000 человек, 5 раз сражался с турецкой армией и наконец заперся в монастыре (Секу). Преданный евреями, окруженный турками, он поджег свой пороховой склад и взорвался. Формаки⁴²⁴, капитан, этерист, был послан из Мореи к Ипсиланти, храбро сражался и сдлся в последней битве. Обезглавлен в Константинополе» (XII, 458, 481)⁴²⁵.

Относительно защиты монастыря Секу Липранди пишет, что «К<апитан> Иордаки, расставшись в Козии с к<апитаном> А. Ипсиланти, поспешил в Курте де Аржись, где оставался его отряд с тремя пушками и разными снарядами. Прибыв туда, он не знал, что предпринять; многие из бежавших после Драгашан соединились к нему, и отряд его увеличился до 1000 человек. Наконец, узнав, что к<апитан> А. Ипсиланти ушел уже из монастыря Козии в Австрию и что дело этеристов в Валахии безвозвратно потеряно; с другой стороны известился, что турки бухарестской армии уже в Питештах и часть оных потянулась в Кимпо-Лунгу и терять время ему было нельзя: потому что в Австрию он ни в коем случае удалиться не мог, ибо будучи два раза в оной преступником, справедливо опасался, что если попадетя туда, то поступят с ним по законам. Итак, ему не оставалось более ничего предпринять, как стараться пробраться горами в Молдавию и соединиться с князем Г. Кантакузиным и, в слу-

⁴²³ Липранди И. П. Восстание пандур. С. 228—229.

⁴²⁴ Иоанн Георгий Формакис (1771—1821) был выходцем из богатой семьи, проживавшей в городе Влатси в Западной Македонии, участвовал в битвах против Али-паши, а в 1812 г. на стороне русских войск сражался против французского нашествия. Неоднократно посещал Одессу, где встречался со Скуфасом и Анапоторолусом (Vasdravellis John C. The Greek struggle for independence: the Macedonians in the Revolution of 1821. Thessaloniki. 1968. P. 40).

⁴²⁵ Пушкинская версия явно отличается от официальной, изложенной в книге полковника Вутье — военного инженера, сына французского генерала. Он прибыл в Грецию в начале восстания, поступил добровольно в греческую армию, лично знал многих повстанческих вождей, участвовал во многих сражениях. Получил от греческого правительства чин полковника. Его «Записки» были переведены на русский язык О. Сомовым и использовались декабристами как богатый материал для революционной агитации (Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия (1821—1829). М., 1965. С. 58).

В своих записках Вутье пишет: «Я должен, однако ж, рассказать кончину Иоргаки, того неустранимого воина, который схватил изменника Владимирско посреди его телохранителей и предал его заслуженной смерти. Оставшись с двумястами воинов по разбитии Ипсиланти, он держался еще целое лето, и сам тревожил многочисленных своих неприятелей. Наконец, будучи принужден запереться в одном монастыре, без пуль и теснимый несколькими тысячами оттоманов... взорвал себя и их на воздух» (Записки полковника Вутье о нынешней войне греков. Перевел О. Сомов. СПб., 1824. С. 34, прим.)

чае если он разбит, в чем он не сомневался, вступить в какой-либо карантин на *Пруте в Бессарабии*⁴²⁶. Иордаки вместе с капитаном Формаци, лесами, вдоль самой австрийской границы вступили в Молдавию и пробыли месяц в Пятре, так как Иордаки, раненному в сражениях, требовалось лечение. Во время лечения Иордаки узнал о разгроме этеристов под Скулянами. «Известие сие, — пишет Липранди, — произвело уныние во всех составлявших отряд сей. <...> Положение Иордаки делалось затруднительным; он не знал, как ему пробраться в Бессарабию, притом же по до него дошедшим слухам, что будто бы Россия никого не принимает, он решился написать письмо к бессарабскому губернатору Катакази, который был женат на сестре к<апитана> Ипсиланти, спрашивая, может ли он вступить в какой-либо карантин, и отправил оное через Австрию тайно с неким Стерио. Но Иордаки тщетно ожидал ответа». В примечании Липранди указывает, что «сверх письма к<апитана> Иордаки отправил с сим все совершенно деньги свои и лучшие вещи к жене своей в Хотин. Впоследствии сей Стерио женился на вдове Иордаки⁴²⁷ и поныне живет в Хотине»⁴²⁸.

О личности Иордаки Липранди сообщает следующее: «Иордаки, хотя и не имел никакого просвещения, но находясь при дворе двух Господарей фанариотов и будучи в частных сношениях и связях с российским консулатом, <...> и наконец, служа долго с сербскими воеводами, он имел средство и случай, чтоб занять от них все ухищрения, все козни, все пронырства и прочие пороки, которые характеризуют и отличают сих людей; будучи же природным греком, он по свойственной склонности, скоро постиг и изучил все вышеописанные качества. К сему еще он был хвастун до невероятной степени: и его справедливо можно назвать одним из главнейших виновников всех несчастий, постигших впоследствии Этеристов в княжествах по ложным, часто вымышленным сведениям, которые он всегда доставлял их тут начальнику»⁴²⁹. Далее Липранди дает Иордаки более лаконичную и точную оценку, отмечая, что «*дух интриг, невыразимая зависть и ненасытная алчность к деньгам были его единственным руководителем*», и вновь называет его «*главным виновником всех несчастий, постигших этеристов в княжествах по пригине ложных и своекорыстных донесений, которые он делал...*»⁴³⁰

Однако в более поздней работе, опубликованной в 1877 году, Липранди дает прямо противоположную оценку⁴³¹ личности Иордаки. Повествуя о судьбе

⁴²⁶ Липранди И. П. Восстание пандур. С. 230.

⁴²⁷ Несколько слов о жене Иордаки. В битве под Неготином его друг сербский воевода Велько Петрович был убит, оставив молодую и красивую вдову, на которой Георгаки позже женился. Он имел от нее двух сыновей — Милоша и Александра. Перед битвой под Драгашанами Иордаки навелит семью, чтобы обеспечить ее деньгами и имуществом и переправить в Хотин, дабы избежать гибели от турок (Там же. С. 217).

⁴²⁸ Там же. С. 231.

⁴²⁹ Там же. С. 192.

⁴³⁰ Там же. С. 234.

⁴³¹ При всей точности материала, которым Липранди располагал, подчас он шел на его тенденциозное искажение, см., например, обвинение А. И. Подолинского Липранди в искажении биографической информации: «В 10-й тетради Русского архива 1866 г. в дневнике Липранди сказано, что во время пребывания Пушкина в Одессе я служил там в почтамте, что Пушкин со мною встречался, но не искал сближения и неизвестно, какого был мнения о моем даровании. Тут все неверно. Ни в каком почтамте я не служил, ничего тогда еще не

сербского воеводы «гайдука Велько», который пал в бою с турками в 1813 году в Неготине, пораженный в грудь ядром⁴³², Липранди сообщает, что из его дружины чудом спаслись только несколько человек и жена его, и отмечает: «Эта последняя, героическая женщина, вышла замуж за спасшегося с нею капитана Иордаки Олимпиота, смерть которого, при защите монастыря Секу, во время этерии в 1821 году, воспета греками, и гимны эти переведены на многие языки. В другом, более приличном, месте об этом замечательном, по многим отношениям, человеке, лигно и близко мне известно, будет упомянуто»⁴³³. До этого свидетельства мы не располагали данными о личном знакомстве Липранди с Иордаки.

В своих работах Липранди оценивает занятие этеристами Секу, как тактическую ошибку, связанную с ожиданием Иордаки ответа Г. Кантакузина, и невозможностью для него вступить в австрийские владения. Два эти обстоятельства обрекли монастырь Секу на длительную оборону. Однако многим арнаутам удалось уйти оттуда. После первого же боя с турками, происходившего вне стен монастыря (около Нямца), из 600 этеристов в Секу вернулось только 350, прочие «разбрелись по лесам» и перешли австрийскую границу. На следующий день турки начали штурм монастыря, в котором от пыжей, попавших в камыш, начался пожар, но, так как шел бой, «никто сначала не обратил на оный внимания, все были заняты неприятелем. Огонь скоро усилился до такой степени, что не было уже средства утушить оный. Капитан Иордаки с семью человеками был тогда в одном углу монастыря, в маленькой башне, возвышающейся над стеною. Пожар сделался общим, вдруг охватило преимущественно тот угол, где находился Иордаки. Лестница скоро обрушилась, и крыша загорелась, и пламя со всех сторон объяло башню. В сие самое время турки напирали к воротам. Все арнауты заняты были отражением неприятеля. Никто не обращал большого внимания на успех пожара, некоторые слышали только, что Иордаки кричал что-то по-арнаутски, но не было никаких средств подать ему помощи. По окончании пожара нашли все 8 трупов, более или менее обгоревшими. У Иордаки отгорели верхняя часть головы, левая сторона груди и одна нога. Таков был конец к.<апитана> Иордаки на 49 году от роду»⁴³⁴.

Славу двухнедельной защиты монастыря Секу Липранди без колебаний отводит капитану Формаки, который неоднократно вступал в бой с турками за стенами монастыря, и лишь на двенадцатый день обороны, когда этеристы уже не имели продовольствия, согласился пойти на переговоры, получив заверения турок и гарантии Вольфа (австрийского старосты (вице-консула) из Бакеу) на то, что всем арнаутам, добровольно сложившим оружие, будет предоставлена

печатал и приехал в Одессу только в 1831 г.; Пушкин же выбыл оттуда в 1824 г. и во все время пребывания своего в Одессе уже не являлся». (Воспоминания А. И. Подолинского по поводу статьи Г. В. Б. «Мое знакомство с Воейковым в 1830 г.»// Русский архив. М., 1872. С. 862).

⁴³² Подробности гибели гайдука Велько И. П. Липранди очевидно узнал от его младшего брата князя Милко Петровича, который в 1828—1829 гг. служил у него в отряде волонтеров// Documente privind istoria României... С. 469.

⁴³³ Липранди И. П. Особенности войны с турками. СПб., 1877. С. 115.

⁴³⁴ Липранди И. П. Восстание пандур. С. 233—234. Годами жизни Георгиоса Олимпиоса являются 1772 (4 мая) — 1821 (16 ноября).

свобода, — только после этого Формакис согласился прекратить оборону Секу. Но лишь оружие было сдано и раненый Формакис выехал из ворот монастыря, у него были отняты пистолеты и сабля, а «толпа турок бросилась в ворота и начала резать всех обезоруженных в монастыре арнаут. Сии несчастные, невзирая на положение свое, защищались всем, что попадало им в руки, и более 40 турок умерщвлены были таким образом, в числе коих многим отвернуты были головы, что доказывает отчаянную защиту сих жертв вероломства паши и Вольфа». Капитан Формакис вместе с 18 другими арнаутом был отправлен в Яссы, «откуда тотчас в Константинополь, где все преданы были они, после жесточайших мучений, смерти»⁴³⁵.

Неполные сведения Пушкина о ходе восстания позволили В. И. Селинову сделать вывод о том, что поэт вел записки «по живым следам событий, без проверки добросовестности того или иного факта, который изустно достигал слуха поэта»⁴³⁶, сведения же, «отличающиеся большей точностью, могли быть получены Пушкиным непосредственно от Н. И. Инзова⁴³⁷, который относился к поражению греков сочувственно. Посылая П. Д. Киселеву «подробное донесение о происшествиях на Пруте» около Скулянского карантина, Инзов писал: «Из бумаги сей, Ваше Превосходительство, изволите усмотреть, как храбро сражались греки. Людей сих очень жаль. Они, несмотря что невоенные, могут, однако ж, когда-нибудь для нас пригодиться. Спокойствие на границе также восстановлено и бедные скулянские жители, испуганные действиями турков противу греков ныне также успокоились»⁴³⁸.

Помимо Инзова, Пушкин мог пользоваться сведениями, полученными от других компетентных лиц⁴³⁹. И. П. Липранди сообщает, что Пушкин с особым интересом беседовал с непосредственными участниками и историками греческого восстания: с Ризо Нерулосом⁴⁴⁰ и И. Скинасом, которых считал людьми «с глубокими и серьезными познаниями»⁴⁴¹. В Кишиневе в доме Липранди Пушкин встречался с тремя главными этеристами⁴⁴².

⁴³⁵ Липранди И. П. Восстание пандур. С. 236.

⁴³⁶ Селинов В. И. Комментарий к отрывку «Из журнала греческого восстания», писанного Пушкиным в 1821 г. // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38, 39. С. 63–64.

⁴³⁷ Там же. С. 70.

⁴³⁸ РГИА СПб., ф. 958, оп. 1, д. 234, л. 6.

⁴³⁹ Записи Пушкина и Липранди находятся в поле зрения современных историков, как, например, запись об Аристиде. «Аристид, — пишет Пушкин, — был схвачен Александром Суццо, его документы и его голова были посланы в Константинополь...» (XII, 480). И. П. Липранди сообщает иные обстоятельства: «В декабре 1820 г., один из этеристов, фессалиец Аристид, был послан в Сербию... <...> Но в окрестностях Белграда на острове Ада-Кебир, он по подозрению остановлен был турками и тут же казнен». Профессор Мишель Ласкаре придерживается пушкинской версии, считая, что документы Аристиды были переданы господарю Александру Суццо и это наиболее вероятно (см.: *Michael Lascaris. Greek and Serbia's during their wars of liberation. Athens, 1936. P. 84*). Джон Ворсдовелис также считает, что данные Липранди во многом ошибочны (*Vasdravellis John C. The Greek struggle for independence: P. 176*).

⁴⁴⁰ Яковакис Ризо Нерулос впоследствии издал на французском языке историю греческого восстания. См.: *Rizo Neroulos. Histoire moderne de la Grèce. Genève. 1828*.

⁴⁴¹ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди // Русский архив. 1866. № 8–10. С. 1245.

⁴⁴² Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 330.

Из приведенного материала следует, что внимание Пушкина было сосредоточено на стихийности и огромной разрушительной силе народных движений, в которых жестокость проявлялась в равной мере с обеих сторон⁴⁴³. Оказавшись в 1821 году в Кишиневе, он получил богатейший материал для наблюдения и размышлений. 7 мая 1821 года Пушкин писал А. И. Тургеневу⁴⁴⁴: «В нашей Бессарабии в впечатлениях недостатку нет. Здесь такая каша, что хуже овсяного киселя»⁴⁴⁵ (XIII, 29).

«Фонт. <?>»

В 1817 году Александр I решил пойти на кардинальные меры и произвести замену всего состава русской дипломатической миссии в Константинополе, включая и самого посланника А. Я. Италинского. Новым посланником был назначен Г. А. Строганов⁴⁴⁶. Главной задачей, которая ставилась перед Г. А. Строгановым после назначения его послом в Константинополь, было урегулирование разногласий, возникших в связи с выполнением различных статей Бухарестского мирного договора.

Сразу же по получении известий о восстании в Дунайских княжествах и указаний императора с Лайбахского конгресса Г. А. Строганов 22 марта 1821 года в ответ на ноту реис-эфенди сообщил об осуждении Россией восстания А. Ипсиланти, что удовлетворило турецкого министра. Однако несмотря на это с 17 марта в Константинополе начались репрессии против христиан, а на

⁴⁴³ Оганян Л. Н. К вопросу об отношении А. С. Пушкина к гетерии // Пушкин на юге: Труды пушкинских конференций. Кишинев, 1958. С. 133–145.

⁴⁴⁴ А. И. Тургенев, убежденный и активный сторонник восставшей Греции, летом 1821 г. был очень близок с И. Каподистрией; в своей должности директора департамента Министерства духовных дел и народного просвещения Тургенев стал одним из главных организаторов подписки в пользу греческих беженцев, объявленной в России в августе 1821 г., чему свидетельствуют несколько случайно оброненных фраз в его переписке с братьями Булгаковыми (Письма Александра Тургенева Булгаковым. М., 1939) и князем П. А. Вяземским (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 181, 183, 201). В переписке с братом Николаем, Александр Иванович упомянул, что их младший брат Сергей — дипломат в составе русской миссии в Константинополе — в это время завершал свои «полуофициальные записки» о Греции и намеревался испросить разрешения правительства напечатать экземпляров тридцать «для друзей» (Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг. 1872. С. 30).

⁴⁴⁵ «Овсяный кисель» В. Жуковского. В письме А. И. Тургеневу от 18 марта 1818 г. И. И. Дмитриев, говоря о Жуковском, замечает: «...кажется, поэт мало помалу превращается в придворного... <...> Увидим, в чем найдет более выгоды, и между тем будем пока питаться «Овсяным киселем». Для меня и он по вкусу, но я лаком и люблю разнообразие» (Русский архив. М., 1867. Стлб. 1092).

⁴⁴⁶ Григорий Александрович Строганов (1770–1857), с 1826 г. граф, — двоюродный дядя жены Пушкина, Натальи Николаевны. (См.: Колмаков Н. М. Дом и фамилия графов Строгановых 1752–1887 // Русская старина. 1887. № 4. С. 82; Русский биографический словарь. СПб., Т. 21. 1901). См. запись Пушкина в «Дневнике 1833–1835 гг.» от 11 апреля 1834 г.: «Сейчас получил от гр.<афа> Строганова листок...» (XII, 325). Его, как и его двоюродного брата Павла Александровича, воспитывал Жильбер Ромм (см.: «Разговоры Загряжской»; XII, 174–178).

следующий день вышел фирман султана, оправдывающий фанатизм местного населения⁴⁴⁷.

Напрасно Г. А. Строганов посылал ноты турецкому правительству — в ответ слышались требования выдачи греков, нашедших себе убежище в России; безрезультатно настаивал на том, чтобы турецкие войска действовали только против вооруженных инсургентов, а не против безоружных жителей. С горечью он сообщал в Россию: «...мои услуги, оказанные в начале восстания, казалось тронули турок. Некоторое время турки думали, что я буду содействовать их кровавой и мстительной системе действия относительно греков. Но скоро Порты, убеждаясь, что Россия не смеет объявить ей войну, подумала, что мы тайком поджигаем возмущение. Она в этом смысле истолковала помощь, которую я оказал несчастным и убежище, которое они нашли в русских владениях»⁴⁴⁸.

Дипломатические переговоры с Портой Г. А. Строганов предпочитал вести с «позиций силы». И хотя подобная практика не встречала одобрения в Петербурге, и КГИД, по указанию императора, ставила это русскому послу в упрек⁴⁴⁹, но лично Каподистрии подобная тактика импонировала. «Официально передавая Строганову настоятельные увещевания Александра I придерживаться дружеского и примирительного образа действий в переговорах с Портой, Каподистрия в весьма откровенной личной переписке с посланником не скрывал своего единомыслия с ним»⁴⁵⁰.

14 мая 1821 г. Г. А. Строганову было разрешено покинуть Константинополь в случае возникновения угрозы его личной безопасности или «если будет поставлено на карту достоинство императора». Сообщая об этом в частном письме, Каподистрия высказал мнение, что момент этот наступил уже в апреле 1821 года после казни константинопольского патриарха Григория V⁴⁵¹. 28 июня 1821 года Александр I через Г. А. Строганова передал Махмуду II ноту, в которой подчеркивалось, что невыполнение Портой договорных обязательств ставит ее в открыто враждебные отношения с Россией. 6 (18) июля Г. А. Строганов предъявил Турции ультиматум. После решительного отказа Порты принять условия ультиматума русский посол покинул Константинополь — дипломатические отношения были прерваны, Россия оказалась на грани войны с Турцией⁴⁵², но военные действия не начинались.

Основную информацию о событиях, происходящих в Константинополе в 1821—1824 годах европейское и русское общество получало из книг Пукевиля

⁴⁴⁷ 20 марта произошло обезоруживание всех греков. 25 марта были схвачены архиепископы Терапийский и Никомедийский. 29 марта янычары, которым был назначен поход в Валахию, начали избиение христиан. 10 апреля в первый день Пасхи царьградский патриарх Григорий вместе с тремя митрополитами были убиты, и над телами их надругались. 19 апреля были новые казни, 22 апреля чернь вновь громила христианские церкви.

⁴⁴⁸ Цит. по: Соловьев С. М. Император Александр I. С. 561.

⁴⁴⁹ Достян И. С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. М., 1972. С. 144—155.

⁴⁵⁰ Арш Г. Л. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809—1822. М., 1976. С. 91. Автографы писем Каподистрии Г. А. Строганову 1819—1820; ЦГАДА, ф. 1278, оп. 1, д. 118.

⁴⁵¹ Арш Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально освободительное движение. С. 223.

⁴⁵² Фадеев Н. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958.

(Fr.-Ch.-H.-L. Pouqueville, 1770—1838), который с 1806 по 1820 год был генеральным консулом Франции при Али-Тебелини, паше Янины (1741—1822). В России Пукевиль был хорошо известен. Его первая книга «Voyage dans la Grèce» (Paris, 1820. V. 1—4) уже в 1822 году была переведена В. Озеровым на русский язык и вышла в Москве под заглавием: «Жизнь Али-Паши Янинского со времени его детства до 1821 года». Следующая книга Пукевиля «Histoire de la Régénération de la Grèce, comprenant Le précis des événements depuis 1740 jusqu'en 1824» хотя была запрещена в конце июня 1824 года, но имелась в библиотеке Дашкова, Столыпина, А. И. Тургенева, ее читал П. А. Вяземский⁴⁵³, ею интересовался А. С. Грибоедов⁴⁵⁴. В свое время В. И. Селинов высказал осторожное предположение о возможности прочтения Пушкиным этой книги⁴⁵⁵. Думается, что о знакомстве с этой книгой можно говорить с уверенностью. Приехав в Одессу летом 1824 г., В. Ф. Вяземская узнала о книге и намеревалась тут же ее купить⁴⁵⁶. Трудно предположить, что Пушкин, находившийся в это время там же и часто беседовавший с В. Ф. Вяземской, не знал о столь сенсационном издании.

Во втором томе своей книги Пукевиль, повествуя о разгроме русской миссии и надругательстве над российским штандартом, описывает резню в пригородах Константинополя в апреле 1821 года: «...турки вламывались во все частные дома. Господин Жозеф Фонтон, советник Российского посольства, внушающий окружающим уважение не только своими преклонными годами, но и редкостными качествами, спасся лишь благодаря тому, что спрятался на крыше своей гостиницы, так же подвергшейся разграблению. Другая разъяренная толпа напала на испанский дворец; было просто непонятно, как <...> забыли про дворец барона Строганова»⁴⁵⁷.

Жозеф (Иосиф) Фонтон на переговорах в Бухаресте в 1812 году, как упоминалось выше, был третьим российским представителем. После удачного их завершения он получил должность советника в Константинопольской миссии. Вместе с ним на Бухарестских переговорах были два его сына: Петр и Антон Антоновичи. Судьбы этих людей также тесно связаны с Константинопольской миссией, где П. А. Фонтон долгое время работал при русском после А. Я. Италинском⁴⁵⁸, а А. А. Фонтон — с тайным советником В. С. Томарой⁴⁵⁹, который

⁴⁵³ «Это эпопея, — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу в сентябре 1824 г., — то есть по содержанию своему, а не по силе эпопейщика <...> Что говорит об этой книге Дашков? Можно ли во всем верить Пукевилю?» (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 3. С. 75).

⁴⁵⁴ В письме к С. Н. Бегичеву А. С. Грибоедов сетовал: «Пукевиля не мог еще достать, запрещен, есть он у Столыпина и Дашкова, но, разумеется, они не продадут» (Грибоедов А. С. Соч. М., 1988. С. 498).

⁴⁵⁵ Селинов В. А. Пушкин и греческое восстание; Опыт исторического комментария к филэллинистическим пьесам Пушкина // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. 2. С. 5—31.

⁴⁵⁶ Остафьевский архив. СПб., 1909. Т. 5. Ч. 1. С. 109.

⁴⁵⁷ Pouqueville. Histoire de la Régénération de la Grèce. Paris, 1824. Vol. 2. P. 423 (перевод В. А. Стрелкова).

⁴⁵⁸ Андрей Яковлевич Италинский — см. выше.

⁴⁵⁹ Василий Степанович Томара (Тамара) (1743—1819) — его дипломатическая карьера началась при князе Потемкине, в 1783 г. он в чине подполковника доставил грузинскому царю Ираклию проект трактата о признании верховной власти и покровительства России

состоял в близких дружеских отношениях с семьей Константина Ипсиланти⁴⁶⁰. В январе 1830 года Жозеф Фонтон, действительный статский советник, был личным переводчиком Николая I на переговорах с турецкой делегацией в Петербурге⁴⁶¹, прибывшей для урегулирования разногласий по Адрианопольскому миру.

Его племянник Феликс Фонтон тоже был дипломат, карьера его протекала под покровительством другого дяди — Антона Антоновича Фонтонна. Литературные занятия Феликса, достаточно плодотворные⁴⁶², сблизили его с А. С. Грибоедовым, Е. А. Баратынским, А. А. Дельвигом и А. С. Пушкиным. Описывая в своих «Воспоминаниях» встречу с Пушкиным и Баратынским на квартире Дельвига, к которому зашел проститься перед отъездом в действующую армию, Ф. Фонтон отметил: «Как я Пушкину сказал, что еду в армию, то у него та же мысль родилась, но ему с этим нужна дикость Кавказа, и он, кажется, отправится к Паскевичу»⁴⁶³.

Ф. Фонтон мог быть интересен для Пушкина⁴⁶⁴ как собеседник не только потому, что был блестяще образован, остроумен, но и потому, что имел доступ к дипломатической информации: «Мы не опометью пустились в войну, — писал Ф. Фонтон о войне 1828 года. — Она была предметом долгих дипломатических переговоров с Европейскими державами. Утверждать, что восточный вопрос есть исключительно Русский, это пустая поговорка. Другие державы всегда вмешивались и вмешиваться будут в наши восточные дела. <...> Европа, когда дело идет о восточном вопросе, забывает правила христианства и человеколюбия <...> по моему мнению, чтобы удержать восточный вопрос в определенных границах, надобно решить его в пользу моральных и материальных интересов России, то есть упрочением судьбы христианских православных племен и открытием проливов, если же нет, то восточный вопрос со временем сделается славянским и православным»⁴⁶⁵. Длительные дипломатические переговоры России с западными союзниками окончились лишь летом 1825 года.

над Грузией. В 1784 г. он ездил в Испаган к Али-Мурет-хану с письмами от князя Потемкина, в 1797 г. был произведен в тайные советники, в 1799 г. назначен чрезвычайным и полномочным министром в Константинополь, в этой должности он находился до 1809 г. Капитан оплакал его смерть в стихах в книге Жозефа де Местра «Les Soirées de St.-Petersbourg». Томара — один из собеседников автора. Неоднократно упоминается в книге: Фонтон Ф. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 гг. Лейпциг. 1861. Т. 1. С. 20; 1862. Т. 2. С. 201—202, 217—218 и др.

⁴⁶⁰ В 1799 г. после изгнания французов с Ионических островов у В. С. Томары был план «доставить другу моему Ипсилантию <Константину. — Н. М.> княжество островов Венеции» (Арш Г. Л. Этеристическое движение в России: освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 158, примеч.)

⁴⁶¹ Шильдер Н. К. Император Николай I. СПб., 1903. Т. 2. С. 271.

⁴⁶² См. Catalogue général des livres imprimés. De la Bibliothèque Nationale. Auteurs. Paris, 1830. Vol. 98. P. 934. Известен под именем Liskenne, François-Charles.

⁴⁶³ Фонтон Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 26. Причины поездки Пушкина на Кавказ заслуживают специального исследования и выходят за рамки данной работы.

⁴⁶⁴ Описанию войны в Азиатской Турции посвящена книга Ф. Фонтонна «La Russie dans l'Asie mineure, ou campagnes du Maréchal Paskévitch en 1828 et 1829. Précédées d'un tableau du Caucase». Paris, 1840. (О знакомстве Ф. Фонтонна с Пушкиным см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1976. С. 446).

⁴⁶⁵ Фонтон Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 5; Т. 2. С. 203—204.

В начале августа 1825 года Александр I разослал послам в Вене, Париже и Берлине инструкции с требованием прекратить обсуждения с правительствами этих стран восточного вопроса. Он объявил, что отныне не станет больше обращаться к совету Европы и будет действовать только в соответствии с интересами России. На деле это означало, что Александр I разрывает русско-австрийский союз и отказывается от общеевропейской политики, во главе которой стоял около десяти лет. Нота, врученная турецкому правительству в октябре 1825 года, свидетельствовала о намерении Александра I начать военные действия⁴⁶⁶. Меттерних, напротив, старался разрешить возникшие противоречия путем дипломатических переговоров, на которых он намеревался разделить восточный вопрос на два независимых друг от друга вопроса (вопрос об урегулировании разногласий между Россией и Портой и вопрос о мерах удовлетворения восставшей Греции), но разнеслась весть о кончине Александра I. Это известие в своих мемуарах Меттерних сравнил с громовым ударом, расстроившим все его хитросплетения. Кончину Александра I Меттерних объяснил угнетенным душевным состоянием, так как «только одна главная мысль занимала и тревожила его в последнее время — спасти себя и свою страну от гибели, которая ему казалась неминуемой»⁴⁶⁷. Так закончился александровский период в восточной политике России.

16 сентября 1827 года в своем дневнике А. Н. Вульф записал слова Пушкина: «Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — пером Курбского. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать и царствование Николая и об 14-м декабря»⁴⁶⁸.

*
* * *

Итак, ход исторических событий выдвинул восточный вопрос в число вопросов, подлежащих разрешению императора Николая тотчас по вступлении его на престол. После вопроса о декабристах первым на очереди оказался вопрос: быть или не быть войне с Турцией? В решении этого вопроса Николай I проявил хладнокровие и твердость. Он сразу заявил: «Брат мне завещал крайне важные дела, и самое важное из всех: восточное дело <...> Впрочем, не следует думать, что я примусь за его решение очертя голову. <...> Я хорошо знаю <...> что ввиду того, что мне всего 29 лет и что я только что вступил на престол <...> за границей предполагают во мне воинственные наклонности и желание ознаменовать начало моего царствования каким-либо военным подвигом. Я знаю также, что вследствие движения 14-го декабря многие думают, что я хочу занять свою армию и тем отвлечь ее от текущих событий. Но обо мне

⁴⁶⁶ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая Первого. СПб., 1887. С. 242–244; Восточный вопрос во внешней политике России. С. 82–83; Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия... С. 151.

⁴⁶⁷ А. Ч-ков. Князь Меттерних об императоре Александре Павловиче С. 201.

⁴⁶⁸ Вульф А. Н. Из дневника // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1. С. 423.

судят неправильно <...> Я буду идти добросовестно и твердо по следам покойного императора»⁴⁶⁹.

В начале 1826 года в Петербург прибыл Артур Уэлси, герцог Веллингтон⁴⁷⁰, в задачу которого входило отклонить русского императора от войны с Турцией и убедить его принять посредничество Англии как в русско-турецком, так и в греческом вопросе. Николай I решительно заявил Веллингтону: «Я решил идти по стопам моего брата. Император Александр перед смертью принял формальное решение войною получить удовлетворение, которого он не мог достигнуть путем дипломатическим. Россия еще не ведет войны с Портою, но дружественные сношения прерваны между обеими странами, и я не сделаю ни шага назад, когда дело будет идти о чести моей короны»⁴⁷¹.

Турции был послан ультиматум: по прошествии шести недель вернуться к полному восстановлению того положения, в котором находились Дунайские княжества до 1821 года, и выдвигалось требование: немедленно освободить сербских уполномоченных, препроводив их на границу, дабы окончить прерванные переговоры.

В Вене оценили твердость русского императора, а также его стремление разграничить, по настоянию Меттерниха, два вопроса: русско-турецкий и греческий. В беседе с эрцгерцогом Фердинандом фон Эсте, назвав греков бунтовщиками, не заслуживающими никакой поддержки, Николай I сказал: «Но между Портою и мною существуют затруднения другого рода, и эти развяжу я один, так как знаю, что император австрийский ни в коем случае не употребит против турок насилия. Ежели дойдет до разрыва, то я не впутая греческих дел в свои»⁴⁷².

Дипломатические консультации в сентябре 1826 года привели к Аккерманской конференции. Ее целью было приступить к обсуждению вопросов, вытекавших из неясности некоторых постановлений Бухарестского трактата. Сопровождение открылось 1 (13) июля 1826 года. На нем присутствовали: с русской стороны — граф М. С. Воронцов и посланник России в Константинополе А. Рибопьер⁴⁷³; с турецкой — Хади-эфенди и Ибрагим-эфенди. Подписание Аккерманской конвенции состоялось 25 сентября (7 октября). Порта уступила всем требованиям России. На короткий промежуток времени между двумя империями установились вполне дружеские отношения, тайный советник А. Рибопьер был отправлен послом в Константинополь. Однако задача, стоявшая перед ним в Константинополе, была чрезвычайно сложна: он должен был вместе с другими членами европейских миссий настоять на том, чтобы Порта предоставила Греции независимость (согласно русско-английскому соглашению от 23 марта 1826 года, подписанному герцогом Веллингтоном и русским правительством).

⁴⁶⁹ Татищев С. С. Внешняя политика... С. 136–137.

⁴⁷⁰ Arthur Welleèsley, duc de Wellington (1769–1852) — английский политический деятель, победитель Наполеона при Ватерлоо.

⁴⁷¹ Соловьев М. С. Восточный вопрос. С. 916.

⁴⁷² Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политики в восточном вопросе. Т. 1. С. 188.

⁴⁷³ Рибопьер Александр Иванович (1781–1865), граф. В 1817–1823 гг. — управляющий Государственным коммерческим банком, в 1825–1830 гг. — чрезвычайный и полномочный министр России в Константинополе, в 1831–1839 гг. — в Берлине. С 1838 г. — член Государственного совета.

Меттерних с досадой говорил о просчете Веллингтона, но договор уже вступил в силу. Поэтому 6 июля 1827 года в Лондоне между уполномоченными России, Англии и Франции был заключен новый трактат, о посредничестве представленных держав в процессе примирения между Портой и Грецией.

По поводу этого договора Меттерних сказал: «Договор может привести к чему угодно, только не к тому, для чего заключен. Наверное, поведет он к войне между Россией и Портой. Англия будет этому содействовать, но сама воевать не будет; Франция будет игрушкой своих союзников и своих собственных ложных расчетов»⁴⁷⁴. 16 августа 1827 года представители России, Франции и Англии (А. Рибопьер, Гильемино⁴⁷⁵, Страдфорд-Каннинг⁴⁷⁶) передали реис-эффенди ноту, а получив отказ, в начале декабря покинули Константинополь. Теперь дипломатические вопросы предстояло решать силою оружия.

2 (14) апреля в России был издан высочайший манифест об объявлении войны Турции⁴⁷⁷. Но так как, согласно Лондонскому трактату, Россия была обязана выступать в греческом вопросе совместно с другими державами, а ее сепаратные действия способствовали бы образованию антирусской коалиции, то в царском манифесте ни слова не говорилось о восставших греках. Однако всем было ясно, что именно греческая проблема стала главной причиной войны⁴⁷⁸. Таким образом, события 1828–1829 годов тесно связывались с греческой революцией 1821 года и статьями Бухарестского мира 1812 года. Эти хронологические рамки (1812–1828 годы) присутствуют практически во всех современных Пушкину печатных изданиях и рукописях, посвященных данной проблеме⁴⁷⁹. И как уже отмечалось, они присутствуют и во «Второй программе» пушкинских записок.

⁴⁷⁴ Соловьев М. С. Восточный вопрос. С. 927.

⁴⁷⁵ Гильемино Арман-Карл (Guilleminot, 1774–1840), граф. Начал свою карьеру при Дюмурье и генерале Моро. Ввиду обширных познаний в географической части Наполеон в 1808 г. назначил его начальником одного из корпусных штабов. В этом качестве Гильемино совершил поход в Россию. Участвовал в сражениях при Люцене, Бауцене и Ватерлоо. После реставрации Бурбонов получил должность директора военного депо. Им был составлен план похода в Испанию в 1823 г., во время которого он состоял начальником штаба при герцоге Ангулемском. После этого он получил назначение в Константинополь, где имел большое влияние на политические и военные преобразования султана Махмуда II.

⁴⁷⁶ Страдфорд-Каннинг с 6 июля 1827 г. — представитель Англии во Франции и России по делам Греции.

⁴⁷⁷ В этот же день войска Второй армии под начальством графа Витгенштейна перешли Прут (См.: Слава русских воинов в Европе и Азии, или Исторический взгляд на победы оных во время кампании против турок в 1828 г. М., 1828. С. 21–23).

⁴⁷⁸ Штаро О. Б. Освобождение Греции и Россия (1821–1829). М., 1965. С. 254.

⁴⁷⁹ Назовем лишь некоторые: Шубер В. Ф. История турок от начала турецкого народа до наших времен. М., 1828; Глинка С. Н. Картина историческая и политическая греческой революции с присовокуплением о войнах со времен вторжения их в Европу до 1830 г. М., 1830; а также рукописная работа: И. П. Липранди «Краткое обозрение происшествий в Молдавии и Валахии. От заключения мира в Бухаресте (1812) до такого же в Адрианопле (1829)» (РГИА СПб., ф. 673, оп. 1, д. 231, 230); Молдавия и Валахия с 1812 по 1829 г. в письмах Игнатия Яковенко. СПб., 1834; Спасаемая Греция, или Картина военных действий россиян против турок в 1827 и 1828 гг. СПб., 1829. Ч. 1–2; Иовский П. А. Война последняя с Турцией, заключающая в себе кампанию 1828 и 1829 гг. СПб., 1830.

Таким образом, пункт «Фонт.», скорее всего, является ассоциативной пометой, например об эпизоде из книги Пукевиля, происшедшем во время греческой революции 1821 года с Ж. Фонтоном. Хотя не исключено, что рассказ мог вестись с учетом всей истории семьи Фонтонов, которая представляет достаточный интерес: П. А. Фонтон был приговорен Конвентом к смертной казни, но нашел спасение в России. В 1811 году он воевал под началом Кутузова и был послан в Шумлу для переговоров с великим визирем сначала Кер-Юсуф-пашой, а затем Ахмет-пашой; А. А. Фонтон в 1808 году чуть было не растерзала толпа религиозных фанатиков (во время посещения собора Святой Софии в Константинополе всем русским посольством во главе с В. С. Томарой)⁴⁵⁰. Однако эпизод с Жозефом Фонтоном удивительно напоминал разгром русской миссии в Тегеране в 1829 году (гибель Грибоедова и случайное спасение И. Мальцева).

При этом намечается связь с последующим пунктом плана, а именно с И. П. Липранди. Так как, будучи поручиком, Ф. П. Фонтон в 1825 году по поручению штаба 2-й армии составил карту Дуная от Журжи до Галаца, а в 1826 году — от Рени до Черного моря⁴⁵¹. В это же время по поручению штаба 2-й армии полковник Липранди на основании собранных материалов, преимущественно проверенных на месте, составил записку о запорожцах, живущих на Дунае (так называемых некрасовцах⁴⁵²) и краткое обозрение в военном отношении Молдавии и Валахии. В 1828 году И. П. Липранди служил под началом П. Д. Киселева адъютантом по особым поручениям в Тульчинской Главной квартире, одновременно с ним там по дипломатической части служили А. А. Фонтон и Ф. П. Фонтон⁴⁵³.

«Липр.<анди> 12 год.— mort de sa femme — le renégat»

Об Иване Петровиче Липранди (1790—1880), по справедливому замечанию Н. Я. Эйдельмана, литературоведа «писали и не писали. Писали потому, что этого человека никак нельзя было исключить из биографии Пушкина, декабристов, петрашевцев, Герцена. Не писали же в основном по причинам эмоциональным»⁴⁵⁴, из-за причастности Липранди к провалу кружка Петрашевского, ибо это превратило его в глазах исследователей в зловещую, можно сказать, демоническую фигуру политического двурушника, совмещающего в себе одновре-

⁴⁵⁰ См. в «Воспоминаниях» Ф. Фонтонна описание этого происшествия: «...народ в свирепости не был уже в состоянии внимать голосу разума. Начали кидать камнями в наших. Антону Антоновичу <Фонтону.— Н. М.> один полетел прямо в лицо и лишил его нескольких зубов» (Т. 2. С. 218).

⁴⁵¹ *Глиноецкий Н. П.* История генерального штаба. СПб., 1894. Т. 2. С. 22. Поручиком Вельтманом в это время была сделана карта течения Прута с описанием.

⁴⁵² Некрасовцы — русские казаки-старообрядцы, переселившиеся в Турцию из-за религиозных преследований, предводителем их был Игнат Некраса. Они упомянуты Пушкиным в «Кирджали».

⁴⁵³ Фонтон Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 46.

⁴⁵⁴ *Эйдельман Н. Я.* «Где и что Липранди?..» // Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII—XIX вв. М., 1993. С. 429. Данный вариант статьи, по сравнению с первым изданием, существенно переработан автором: практически это совершенно новая работа, хотя в ней полностью сохранена первоначальная концепция исследователя.

менно и роль члена тайного политического общества и «холодного сыщика-провокатора»⁴⁸⁵. Никому не хотелось видеть такого человека рядом с Пушкиным, особенно потому, что Пушкин так искренне восхищался Липранди. Всех вполне устраивала версия, по которой биография И. П. Липранди делилась на два периода: до русско-турецкой войны (1828–1829) и после. «Этот перелом, — пишет Н. Я. Эйдельман, — происходит в обычном для таких переломов возрасте — 35–40 лет. В этом возрасте гибнут многие поэты и в последний раз меняются убеждения»⁴⁸⁶, в этом возрасте Липранди «окончательно примирился с властями»⁴⁸⁷.

Однако, несмотря на всю привлекательность данной концепции, следует отметить, что она была построена на недостаточном биографическом и историческом материале. Современники отмечали двойственность личности Липранди. В. П. Горчаков писал, что Липранди «своей особенностью не мог не привлекать Пушкина. <...> В приемах, действиях, рассказах и образе жизни подполковника много было чего-то поэтического, — не говоря уже о его способностях, остроте ума и сведениях. Липранди поражал... то изысканною роскошью, то вдруг каким-то презрением к самым необходимым потребностям жизни, словом, он как-то умел соединять прихотливую роскошь с недостатками. Последнее было слишком знакомо Пушкину. Не имея навыка расчетливой и умеренной жизни и стесняемый ограниченностью средств, Пушкин также по временам должен был во многом себе отказывать»⁴⁸⁸.

Эта двойственность характера проявлялась и в обширном круге знакомств Липранди, включавшим даже близкие отношения с шефом Парижской тайной полиции Эженом-Франсуа Видоком (1775–1857) (во время пребывания Липранди во Франции в 1814–1818 годах). Причины интереса Липранди к столь сомнительным личностям Ф. Ф. Вигель уяснил не сразу: «После, — писал он, — я лучше понял причины знакомства с теми людьми; так же как они, Липранди одною ногою стоял на ультрамонархическом, а другою ногою — на ультрасвободном грунте, всегда готовый к услугам победителей той или другой стороны»⁴⁸⁹. В связи с этим попытаемся разобраться в биографии кишиневского приятеля Пушкина, конспективно изложенной в приведенном выше пункте «Второй программы» записок.

«12 год». Данный пункт записок можно рассмотреть в нескольких аспектах:

1) в плане сопоставления с событиями 1828 года, как это делает в своих записках И. П. Липранди: «Вид Монарха впереди войск тотчас за казачьей цепью, в сопровождении Великого Князя Михаила Павловича <...> невольно напомнил нам великую эпоху, когда освободитель Европы, в сопровождении брата своего Цесаревича Константина Павловича, водил войска свои к бесчисленным победам. Воспоминания эти тем сильнее потрясли душу участвовавших в бес-

⁴⁸⁵ Садилов П. А. И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов (по новым материалам)// Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 1941. № 6. С. 266; Штрайх С. И. «Знакомец Пушкина — И. П. Липранди»// Красная новь. 1935. Кн. 2. С. 213–218.

⁴⁸⁶ Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России... С. 448.

⁴⁸⁷ Эйдельман Н. Я. Обреченный отряд. М., 1987. С. 378.

⁴⁸⁸ Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине// Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1. С. 262.

⁴⁸⁹ Садилов П. А. И. П. Липранди в Бессарабии... С. 167.

смертных событиях, что в многочисленном штабе Императора Николая видны были те же самые лица, и в тех же званиях, которые сопровождали и Александра Благословенного или действовали в глазах его... <...> Все это еще более разительно переносило за 13 лет назад и напоминало освободителя Европы <...> и сближало с настоящею целию Императора Николая, искавшего облегчить участь единоверных и единноплеменных славян от гнета Оттоманов...»⁴⁹⁰;

2) как постоянный интерес Липранди к истории войны 1812 года: архив его до сих пор содержит систематизированный материал о различных периодах этой эпохи⁴⁹¹;

3) как некоторое событие, повлиявшее на последующую судьбу И. П. Липранди. В своей неопубликованной автобиографии относительно 1812 года он писал: «Осмелюсь прибавить, что в этот год я был уже не новобранцем, а вынесшим из Шведской войны (оконченной в 1809 году) три военные ордена, два чина за отличие и Высочайшее благоволение, и в апреле 1812 года из Торнео прибыл в Будно, где занял исполнение должности обер-квартирмейстера 6-го корпуса генерала Дохтурова, которому выпал жребий выдержать четыре главные момента войны. Сверх того, я настолько почитался способным, что на меня было возложено под Бородиным построение центральной, главной и большой батареи и двух меньших при д.<еревне> Горки, как равно и шанцев»⁴⁹². Во время самого Бородинского боя И. П. Липранди был прикомандирован к М. И. Кутузову⁴⁹³.

Во время заграничного похода русской армии Липранди находился во Франции и о его деятельности там можно судить лишь по отрывочным призна-

⁴⁹⁰ Липранди И. П. Битва и занятие позиций... С. 14.

⁴⁹¹ См. например РГИА СПб., ф. 673, оп. 1: «Действия русских и французских армий со дня вторжения французов в пределы России до оставления русскими Москвы с 12 июня по 2 сентября 1812 г.» (дела № 9—19); «Москва от начала войны до оставления ее русскими войсками» (дела № 21—23); «Москва во время пребывания в ней армии Наполеона: пожары, грабежи и другие события со 2 сентября по 2 октября 1812 г.» (дела № 25—34); «Действия русских и французских армий во время занятия французами Москвы и другие события с 2 сентября 1812 г. до изгнания французов из Москвы 11 октября 1812 г.» (дела № 36—40) и т. д. Этот богатейший материал был частично использован Л. Н. Толстым при написании романа-эпопеи «Война и мир».

⁴⁹² ГПБ, ф. 608 (Помяловского), оп. 1, ед. хр. 2896. Л. 18 об.—19.

⁴⁹³ Липранди о Кутузове 1812 г. в период Бородинской битвы: «Лично я никогда не стоял при нем, но в 1812 году, по должности, мною тогда занимаемой, бывал иногда и по несколько раз в день в Главной квартире, и не раз получал на присылаемые к нему словесные донесения немедленные и ясные разрешения» ([Липранди И. П.] Война 1812 года. Замечания на книгу «История отечественной войны 1812 года... по достоверным источникам, соч. Г. М. Богдановича. СПб., 1859—1860 в 3 т., составлены И. П. Липранди, исправлявшим в 1812 г. должность обер-квартирмейстера 6-го корпуса генерала от инфантерии Дохтурова. М., 1869. С. 2 особ. пагин).

И. П. Липранди также интересовался событиями 1812 года, сетуя на отсутствие исторических свидетельств, он с досадой писал: «Записок бывшего адъютантом у Платова <М. М.> Кузнецова, недавно умершего генерал-лейтенантом и Походным атаманом в Варшаве, чело- века просвещенного, также не слышно. Не раз случалось мне говорить с ним об этом поиске, особенно в 1828 году, когда он со своим полком находился в продолжение трех месяцев со мною на аванпостах при Шумле, живя рядом в палатках... разумеется, что Бородино стояло на первом плане...» ([Липранди И. П.] Война 1812 года. С. 114 (особ. пагин)).

ниям, таким как: «Находясь с 1815 по 1819 год во Франции⁴⁹⁴, где по родственным и другим связям я имел случай видеть некоторые отчеты по части Военной Тайной Полиции, отправляемые еще при Наполеоне...»⁴⁹⁵. Это достаточно редкое упоминание Липранди о семье своей первой жены, поэтому вполне закономерно предположить, что Томас-Розина Гузо⁴⁹⁶ была связана с военной или дипломатической разведкой.

На закате своих дней, в 1871 году, размышляя над причинами поражения французов под Арденнами, Липранди, вспоминая начало своей карьеры, писал, «что если бы французы, выходя из тущоб Арденнского леса (столь же близко мне знакомого, как и вся та местность с 1814 по 1819 год), не поставили бы себя в такое положение, в котором и турки справились бы с ними не хуже пруссаков; тогда при народной войне, хотя бы в той только степени, как было в 1815 году в Эльзасе, Вогезах, Аргопах и Арденнах, то движение на Париж и пребывание около него, в продолжение нескольких месяцев, представили бы совершенно иной исход, стусевав все предшествующее...»⁴⁹⁷ Чуть ниже Липранди привел весьма примечательный эпизод: «Так, например, в 1815 году во время следования императора Александра I-го из Фальнрурга к Люневиллю ехавший перед ним с несколькими казаками офицер Генерального штаба, <Л. А.>Перовский (впоследствии граф и министр внутренних дел) попал на засаду партии Присса и был ранен вместе с несколькими казаками. Действия этих *corps-francs* продолжались долго после возвращения в Париж Людовика XVIII. Я мог бы привести здесь множество примеров предприимчивости таких партий и шаек»⁴⁹⁸.

В своей автобиографии Липранди сообщает: «...по возвращении из Франции с корпусом графа (впоследствии князя) Воронцова, служба занесла меня в Бессарабию, где вначале командир 6-го корпуса генерал Сабанеев поручил мне описание границ с Турциею, а в 1821 году вместе с тем и надзор за выбежавшими из Турции этеристами, а с 1823 года, по назначению князя Воронцова полномочным наместником Бессарабской области, я поступил опять к нему по особым поручениям. Не смею обременять... исчислением всех многосложных, возлагавшихся на меня, поручений, которые содействовали мне к изучению Турции, как от проживавших в Бессарабии с 1812 года сербских воевод (от коих сохранил я записки), так и от выходцев из Турции, разных сословий лиц — и с 1821 по 1826 год находившихся в моем ведении...»⁴⁹⁹ Отметим, что в приведенном фрагменте Липранди не проводит резкой границы между военной разведкой (описание границ Турции) и разведкой политической (наблюдение за эте-

⁴⁹⁴ Липранди неоднократно подтверждает эти данные в других работах, например, указывая, что с П. В. Денисовым он расстался «во Франции в 1815 году, оставшись в корпусе графа Воронцова», или «я прожил три года во Франции вместе с М. А. Маркусом (впоследствии лейб-медиком)» и т. п.// [Липранди И. П.] Война 1812 г. Замечания на книгу «История отечественной войны 1812 года...» С. 100 (особ. пагин.), 29 (особ. пагин.).

⁴⁹⁵ РГИА СПб., ф. 673, оп. 2, д. 7, л. 9 об.

⁴⁹⁶ Тихомирова С. Н. К расшифровке «Второй программы» записок Пушкина// Временник Пушкинской комиссии. Л., 1986. Вып. 20. С. 170–171.

⁴⁹⁷ РГИА СПб., ф. 95, оп. 4, д. 141, л. 13.

⁴⁹⁸ Там же, л. 13 об.

⁴⁹⁹ РНБ, ф. 608 (Помяловского), оп. 1, ед. хр. 2896, л. 19 об.

ристами); совмещение этих сфер разведывательной деятельности Липранди закреплено в самом названии его должности «адъютант по особым поручениям», которая надолго закрепилась за ним.

Изучение материалов показало, что Липранди никогда не предоставлял всей информации сразу, он выдавал ее небольшими порциями, по конкретным вопросам. Поэтому только сопоставление сведений, упомянутых им в разные годы по аналогичным обстоятельствам, поможет нам воссоздать полную картину реальных событий.

Так, 11 декабря 1839 года в письме к П. Д. Киселеву Липранди сообщает, что постоянное (к тому времени уже 20-летнее) изучение им Турции давало бы ему «право помышлять о занятиях при миссии» (т. е. в Константинополе), но обстоятельства этому препятствовали. О втором виде своей деятельности (статистике) Липранди пишет следующее: «С 1810 года по 1812 год я начал заниматься этой наукой в Новой Финляндии; в последнюю половину 1814-го года и в начале 1815-го годов на меня было возложено краткое изображение статистики Белостокской и Гродненской губернии. С 1815-го по 1819-й год во Франции я занимался составлением статистики пространства, занимаемого нашим войском и был так счастлив, что по окончании оной получил лестные засвидетельствования, как от графа Воронцова, так и от французских префектов. В 1819-м и начале 1820-го года на меня возложено было статистическое обозрение Виленской губернии. В 1823-м году начал я составлять по большому размеру образцовую статистику Бессарабской области, но должен был прекратить эти занятия по случаю вызова меня в действующую армию»⁵⁰⁰.

В предыдущем фрагменте Липранди увеличил период своей работы с графом Воронцовым указав, что находился с ним неразлучно с начала 1813 года по исход 1818-го⁵⁰¹, когда на самом деле его служба у Воронцова началась с 1815 года; кроме того, Липранди не упоминал о своей деятельности в Гродненской, Белостокской и Виленской губерниях. Важным для нашего исследования является также то, что Липранди оказывается в Кишиневе за месяц до возвращения Пушкина с Кавказа и из Крыма. Знакомство их происходит вполне непринужденно, в своих записках Липранди сообщает об этом следующее: «Пушкин приехал в Кишинев 21-го сентября, а 22-го этого месяца я возвратился из Бендер, где пробыл три дня, и в тот же вечер в клубе, увидев новое вошедшее лицо с адъютантом Инзова, майором Малевинским, спросил его о нем и получил ответ, что «это Пушкин, вчера прибывший в штат генерала». 23-го ч. <исла> я обедал с ним у М. Ф. Орлова и здесь только узнал, какой это Пушкин. С этого дня началось наше знакомство, о котором в своем месте скажется»⁵⁰².

В другом месте Липранди сообщает, как быстро произошло их знакомство с Пушкиным, как бы по желанию князя Георгия Матвеевича Кантакузина, у которого три дня спустя после приезда Пушкина Липранди обедал. Во время обеда речь зашла о приехавшем поэте. «Князь, — пишет Липранди, — просил меня

⁵⁰⁰ РГИА СПб., ф. 958, оп. 1, д. 315, л. 25—25 об.

⁵⁰¹ [Липранди И. П.] Война 1812 года. Замечания на книгу «История отечественной войны 1812 года». С. 29 (особ. пагин.).

⁵⁰² Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди // Русский архив. 1866. Стлб. 1263.

вести его в дом, а княгиня присовокупила, что брат ее тоже лицеист и недавно приезжал к ним на несколько дней. Я обещал это сделать впоследствии, присовокупив, что сам только вчера у Мих.<аила> Фед.<оровича> Орлова поменялся с ним несколькими словами. Но с Пушкиным знакомство склеивалось скоро, и на другой день, встретив его у Ф. Ф. Орлова, я имел случай сообщить ему желание княгини Кантакузин. Федор Федорович Орлов вызвался ехать с нами, и Пушкин сел на его дрожки, через полчаса возвратился во фраке, и мы отправились. Нас оставили обедать, и князь Георгий, любя покутить, задержал далеко за полночь»⁵⁰³.

Столь же непринужденно произошло знакомство Липранди с А. Ипсиланти⁵⁰⁴ в начале ноября 1820 года, когда «после кратковременного пребывания своего в Одессе, конечно, по поводу предначертанного им действия» Ипсиланти через Аккерман, приехал в Измаил, где в то время «по некоторым служебным делам» пребывал Липранди. А. Ипсиланти встретился с ним на обеде у командира Дунайской флотилии, капитана 1-го ранга Попандопуло. «Узнав, что я кишиневский житель, — писал Липранди, — он <Ипсиланти. — Н. М.> расспрашивал меня о многих лицах и после обеда просил передать записку брату его Николаю, должствующему уже быть в Кишиневе и пр. Исполнив поручение, я скоро познакомился с князьями Николаем и Георгием, как в домах Катакази и М. Ф. Орлова, но преимущественно у князя Георгия Матвеевича Кантакузина, с которым я с давних пор был в самых близких сношениях»⁵⁰⁵. Служебные дела Липранди, очевидно, были связаны с существовавшим в Аккермане тайным обществом приверженцев этерии⁵⁰⁶. Соседство этого общества с квартировавшим там 32-м егерским полком 16-й пехотной дивизии беспокоило армейское начальство. Командиром полка был в то время полковник Андрей Григорьевич Непенин⁵⁰⁷, а 9-й ротой этого полка командовал В. Ф. Раевский, арестованный и посаженный в Тираспольскую крепость 6 февраля 1822 года за революционную пропаганду среди солдат и офицеров Южной армии.

*
* *
*

После поражения греческой революции ситуация в Бессарабской области резко изменилась. Усилились антиправительственные настроения. И тут следует отметить факт, по всей видимости, в записках Пушкиным не упомянутый, но без учета которого последующие события становятся менее мотивированными. Это факт существования в Кишиневе с 7 июля 1821 года масонской ложи

⁵⁰³ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди// Русский архив. 1866. Стлб. 1237.

⁵⁰⁴ Следует учитывать то обстоятельство, что этот период был чрезвычайно важен для Ипсиланти и греческого восстания. Он колебался в выборе стратегии и тактики, назначив 18 июля Георгаки главнокомандующим Дунайской армией и поручив 14 августа Перревосу начальство над Эпирской армией, он не мог ответить на вопрос, какая из этих армий должна начать военные действия. 19 сентября 1820 г. в Измаиле капитаны этеристов собрались на совещание, чтобы решить этот вопрос.

⁵⁰⁵ Documente privind istoria României... С. 460; *Иовва И.* Южные декабристы... С. 82—83.

⁵⁰⁶ *Шпаро О. Б.* Освобождение Греции и Россия. С. 98—99.

⁵⁰⁷ По некоторым сведениям, Непенин закупал для этерии оружие. (Там же. С. 98).

«Овидий». Позже в двадцатых числах января 1826 года Пушкин напишет В. А. Жуковскому: «В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пушиным и Орловым. Я был масон в Киш.<иневской> ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи» (XIII, 257). В связи с тем, что это единственное свидетельство Пушкина, подтверждающие его причастность к масонским ложам, обратим внимание на следующие обстоятельства.

Прежде всего, на запрос начальника главного штаба П. М. Волконского генералу И. Н. Инзову от 19 ноября 1821 года, в котором последнему предлагалось сообщить, действительно ли в Кишиневе действует масонская ложа и состоит ли при ней поднадзорный Пушкин. В ответном письме от 1 декабря 1821 года И. Н. Инзов отрицал как сам факт существования в Кишиневе масонской ложи, так и причастность к масонству Пушкина, «хотя бы и желание его к тому было»⁵⁰⁸. Ответ И. Н. Инзова противоречил тем данным, которые П. М. Волконский⁵⁰⁹ получил от начальника штаба 2-й армии П. Д. Киселева, сообщавшего о раскаянии генерала П. С. Пуцина и о беспокойстве его за участь приглашенных им в ложу товарищей. После обнаруженной слежки, с 9 декабря 1821 года ложа прекратила свою деятельность.

Деятельность Кишиневской масонской ложи закончилась, но с ее роспуском следствие по ней не прекратилось. Непосредственным поводом для этого послужила неискренняя позиция И. Н. Инзова по отношению к правительству: отрицание им существования ложи в Кишиневе, а также заявление о том, что открытие ложи намечалось «с ведома Министерства внутренних дел». 24 декабря 1821 года П. М. Волконский потребовал от И. Н. Инзова доказательств сказанному. И. Н. Инзов повел себя вызывающе (среди масонов было известно, что император посетил ложу «Три добродетели», но Инзов не знал, как сильно был шокирован император, когда А. Н. Муравьев⁵¹⁰, согласно масонскому обряду, обратился к нему на «ты», как к брату⁵¹¹). Отвечая Волконскому, И. Н. Инзов, будучи членом ложи «Золотой шар» в Гамбурге⁵¹², сослался на этические нормы масонского устава, запрещающего выдачу документов частному лицу,

⁵⁰⁸ Подробнее см.: Русская старина. 1883. Т. 40. С. 654–655; *Кульман Н. К.* К истории масонства в России. Кишиневская ложа. СПб., 1907. С. 3–4.

⁵⁰⁹ Волконский Петр Михайлович (1776–1852), светлейший князь, генерал-фельдмаршал, министр императорского двора и уделов. В 1797 г. был адъютантом великого князя Александра Павловича, по воцелении которого на престол получил должность товарища начальника военной придворной канцелярии Его Императорского Величества, в которой в то время сосредоточивалось все управление военными силами государства. После Тильзитского мира Волконский был отправлен во Францию для изучения французской армии и ее Генерального штаба. По возвращении в 1810 г. он был назначен генерал-квартирмейстером. В 1812 г. он состоял при императоре. С 1813 по 1826 г. был начальником Генерального штаба. С 1826 по 1852 г. — министр императорского двора.

⁵¹⁰ Муравьев Александр Николаевич (1792–1864), брат М. Н. Муравьева-Виленского и Ан. М. Муравьева, основатель Союза спасения и один из организаторов Союза благоденствия, служил в Генеральном штабе, вышел в отставку полковником. В 1826 г. за причастность к декабристам сослан по 4-му разряду в Верхнеудинск.

⁵¹¹ *Мельгунов С. П.* Император Александр I // Отечественная война и русское общество 1812–1912. М., 1912. Т. 2. С. 134.

⁵¹² *Кульман Н. К.* К истории масонства в России. С. 12, прим. См. также: Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С. П. Мельгунова. М., 1915.

и на устав главной ложи «Астрея», по которому она имеет право с ведома правительства организовывать ложи по всей России.

Намеренно или нет, но И. Н. Инзов искажил факты. Ограничение прав великой ложи «Астрея» началось в конце января 1819 года с обращения ее великого магистра В. В. Мусина-Пушкина-Брюса⁵¹³ к графу С. К. Вязмитинову⁵¹⁴, в котором он изложил свои взгляды на положение масонов в обществе. По его мнению, «до 1815 года масонство пользовалось совершенною терпимостью со стороны правительства, которое позволяло оному свободно заниматься своими делами, в коих ответственвал перед ними великий мастер великой ложи в Санкт-Петербурге, представляющий ему регулярные донесения обо всем, происходящем в ложах и подписавший обязательства свои при самом вступлении в должность. Правительство, со своей стороны, терпело, или лучше сказать покровительствовало ложе, зависящей от великой ложи в Санкт-Петербурге, и министр полиции в сем отношении давал надлежащие повеления местным начальствам». «Ныне — писал В. В. Мусин-Пушкин-Брюс, — масонство не имеет уже счастья пользоваться сим покровительством правительства, хотя последнее не объявило, что не намерено впредь терпеть и защищать оно, и хотя Великая Ложа «Астрея», поступавшая во всех случаях не иначе, как с ведения вашего сиятельства⁵¹⁵ не почитает себя почему-либо недостойной благосклонности правительства»⁵¹⁶. В отдельной записке, изложив суть учения масонов, Мусин-Пушкин-Брюс потребовал: «...покорнейше и убедительно довести до сведения Его Императорского Величества сие изложение о сущности истинного масонства, так как и намерение большей части братий работать исключительно в сем духе <...> в случае Высочайшего на то соизволения отправление сего истинного масонства было бы в нашем отечестве не только терпимо, но и осчастливлено Всемилюстивейшим покровительством»⁵¹⁷.

Полученный от правительства ответ был равносильен удару грома. В § 2 запрещались те общества и братства: «1) в коих главные или посторонние занятия состоят в том, чтобы в каком бы то ни было намерении рассуждать о предполагаемых в государственном правлении переменах, или о средствах, каким образом сии перемены могут приведены быть в действо, или же о мерах, на сей конец предпринимаемых, 2) в коих безызвестным начальникам обещают послушание клятвою или поднятием руки, словесно или письменно, или каким бы то образом ни было, 3) в коих каким-либо известным начальникам обещают каким ни есть образом столь неограниченное послушание, что не изъесться и все относящееся до государства, его правления, религии и нравственности

⁵¹³ Мусин-Пушкин-Брюс Василий Валентинович (1775–1836) — обер-шенк (т. е. кравчий, придворный чин II класса по «Табели о рангах»).

⁵¹⁴ Вязмитинов Сергей Кузмич (1749–1819), граф (с 1816 г.). В 1802 г. вице-президент военной коллегии, а с октября 1802 г. — министр военно-сухопутных сил. В 1812 г. председатель Комитета министров, управлял Петербургом и заведовал Министерством полиции. С 1816 г. — санкт-петербургский генерал-губернатор.

⁵¹⁵ Т. е. графа С. К. Вязмитинова.

⁵¹⁶ К истории масонства// Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива собственной Его Императорского Величества канцелярии. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1902. Вып. XI. С. 282–283.

⁵¹⁷ Кульман Н. К. К истории масонства. С. 289.

вообще, 4) которые требуют обета молчаливости в рассуждении тайн, сочленам открываемых, 5) которые имеют, или уверяют, будто имеют скрытую цель, или кои для достижения известной цели употребляют скрытые средства или сокровенные таинственные гиегроглифические формы. Буде одно из показанных в 1, 2, и 3 пунктах сего параграфа непозволительных обществ существует, то подлежит уничтожению и запрещению. Участники же и учредители оного или знавшие о нем, а не объявившие министру полиции, подвергаются взысканию и наказанию по законам; то же должно быть сообщаемо относительно обществ, означенных в 4 и 5 пунктах».

В § 3 сообщалось, что из всех масонских лож будут терпимы только две главноуправляющие: «1) Великая директориальная ложа Астрея в Санкт-Петербурге. 2) Великая провинциальная ложа в Санкт-Петербурге со всеми зависящими от них дочерьями ложами, на коих постановления в 4 и 5 пунктах § 2 упомянутые; они же строго обязаны наблюдать все предписываемое в нижеследующих параграфах».

В § 4 сообщалось, что все остальные ложи (русские и иностранные), за исключением двух наименованных двух главноуправляющих и зависящих от них лож, «признавать запрещенными и ни под каким предлогом не терпеть (за чем и полиция имеет наблюдать непременно), ныне же существующим ложам присоединиться немедленно по их выбору к одной из оных и исполнять в точности законы и постановления ложи, которой они будут подчиняться».

В § 5 ограничивался социальный состав масонских лож: «Если кто-нибудь из воинских или гражданских чиновников отважится на заведение возбраненных обществ или союзов, или в существующих подобных обществах будет участвовать, то об имени и поступке таковых должно доведено быть до Высочайшего Его Императорского Величества сведения, и сверх того поступлено с ними будет как с ослушниками законов»⁵¹⁸.

Итак, в своем ответе, намеренно или нет, И. Н. Инзов искажил содержание § 2 и § 5 приведенного выше постановления. П. М. Волконский поставил об этом в известность императора. О реакции Александра I П. М. Волконский сообщил И. Н. Инзову следующее: «Государь император с удивлением видел отзыв ваш и повелеть мне изволил объявить вашему превосходительству, чтоб вы непременно без всяких отговорок доставили требуемую мною оригинальную бумагу от Ложи Астреи к генерал-майору Пушину присланную, с объявлением при том Вам, милостивый государь мой, что никто и никакая ложа в России не может противиться высочайшему повелению, которое должно всеми и, во всяком случае, исполняться без прекословия и малейшего рассуждения. В случае какого-либо сопротивления Вашему Превосходительству разрешается употребить даже силу»⁵¹⁹.

Правительственные санкции не заставили себя долго ждать. 6 февраля 1822 года был арестован и заключен в Тираспольскую крепость майор В. Ф. Раевский. Генерал-майор П. С. Пущин вместо испрашиваемого им отпуска по болезни был уволен в отставку, в выдаче заграничного паспорта ему отказали. М. Ф. Орлова сняли с должности и удалили из Кишинева. 22 февраля 1822 года

⁵¹⁸ Кульман Н. К. К истории масонства. С. 315–316.

⁵¹⁹ Там же. С. 30.

И. Н. Инзов выслал все требуемые бумаги, объясняя свой первоначальный отказ недоразумением.

Над покровителем И. Н. Инзова И. А. Каподистрией, уже находящимся в опале после восстания А. Ипсиланти, еще плотнее сомкнулись тучи: была создана Следственная комиссия для рассмотрения дел по управлению Бессарабией, на которую 17 марта 1822 года И. А. Каподистрия подал «Всепопданнейший доклад по управлению Бессарабской областью за 1816—1822 годы»⁵²⁰. Пока рассматривались документы и справки по финансовому положению области, предоставленные Каподистрией на имя императора, поступил анонимный донос с жалобами на самоуправство чиновников в Бессарабии:

Августейший монарх
Всемиловейший государь!

И я нижеподписавшаяся тоже из числа тех драгоценностей, которую победоносная Руце Твоя, приобрев недавно, включила между алмазов, украшающих корону Российской Империи. Я была камнем, стоящим цены, хотя впрочем диким, таким точно, каковым меня произвела природа; но перейдя под скипетр и державную Твою Десницу гордилась, что буду очищена от наружной шереховатости и превращена в бриллиант для сияния в венце сильных полночных царей, подобно другим драгоценностям.

Таково то было от Тебя Великодушного моего Завоевателя предопределение! Коего с горячностью новая твоя подданная желала. Но увы! Жребий пал на бриллианщиков, коих слабое зрение не могло постичь того света, какой бы можно извлечь из внутренних моих и коих ненавыкшая рука не могла навесь даже наружного блеска, посредством коего сравнилась бы я с алмазами, хотя наружного достоинства.

1) Сего то ради отеческая твоя, о Государь! попечительность благоизволила одобрить в 1818 году Устав для преобразования меня и начертать Правила для улучшения моего состояния; однако неопытные бриллианщики подобрали себе подмастерьев, кои полируя без пощады мои бока тщились токмо, как бы удобнее им воспользоваться дорогими моими опилками. Устав твой служит им единственно для корыстолюбивых их изворотов. Они иногда гласят, что Устав не закон, ибо навсегда не утвержден, а Закон не может служить законом, потому что в Уставе не начертан!

2) И вот! Таким-то образом попалась я в руки превратных, неуклюжих и самолюбивых, но смелых подмастерьев, и в недавнее время наконец соделалась позорием мальчишек и неизвестной сволочи, которую один из числа подмастерьев, впрочем предприимчивый заведующий опилками, Тебе принадлежащими, собственно для своей и союзников его услуги, вопреки Законов, насильно приспособил, и соединясь еще с одним подрядчиком, оба ведут путем неправды и обмана малодушного и слабого мастера. Признаться, что у станка есть несколько честных, отлично искусных верою и правдою Тебе служащих, душевножелающих исправить неаккуратную полировку моих боков, придать им приличную стойкость и кои не допускают истреблять состав мой до основания; но какая ж в том польза? Когда голос сих человеколюбивых слуг Твоих заглушается всегда громким, хотя нерезонным сопротивлением во множестве соединенных подмастерьев, искавших только выгод своих, а потому я во всех случаях и обстоятельствах несчастна, без малейшей пощады со всех сторон пилима с великою при том смелостию, ибо мучители мои имеют своих сообщников и в Твоей столице, страшась, чтобы глас верных слуг, любящих правду и хвалу твою, не достиг Высокомонаршего твоего слуха.

Государь! Ты меня предопределил для блеска венца твоего, для собственного моего благоденствия, но чрез неспособность мастеров, а вьяще чрез корыстолюбие бесчеловечье и закоснелое невежество подмастерьев, потеряла я даже и тот природный лоск,

⁵²⁰ РГИА СПб., ф. 1308, оп. 1, д. 8.

в первобытном моем состоянии, приходя постепенно в ничтожность со времени полирования меня.

3) Устав твой разделил меня на девять граней с тем, чтобы каждая из них сияла приличным блеском, ибо ты еси справедлив и премудр! Да притом все те грани суть части одного камня, предназначенного для твоей короны, почему желательно Тебе было иметь в каждом угле известную сообразность, дабы все вместе совокуплены в натуральной стройности удивительнейшую издавали яркость и соединялись между собою взаимною приятностью, но к несчастью! Работники, присвоив себе злоупотребление расстраивают предписанный тобою порядок до того, что вместо драгоценного бриллианта, которым я быть имела, осталась отломком треснувшего камня без фигуры и блеска.

4) В 1819-м году по твоему великодушию дозволено было, чтоб из обработаннейших моих граней блеснул луч в твоей столице. Там бы то удостоверить можно было о неопытности и неспособности бриллианщиков, равномерно и о моем истощении; но хитрое подозрение и зазорная совесть мастера и его работников вменили ни во что сие столь благодетельное монаршее твое соизволение.

5) В последующем затем 1820 году присланы были от трона Твоего два знатока для усмотрения работы, способности и верности тех, коим поручена была моя полировка. О сколько бы нашли они изъянов, щербин и нечистоты, произведенными подмастерьями, не только во всем моем теле, но и в каждой порознь части целого. Однако и тут робкие души моих правителей и пронырство подмастерьев успели до того, что помянутых Знатоков изящного сего художества отозвали восвояси.— Забвена будучи и никем не надзираема, переходила я с одной крайности в другую, и ныне во всех пунитах <?> моих отнята предписанная пропорция, стройность и не достигла сего совершенства, до которого предназначила меня Твоя, Августейший Монарх, Благодарность. И так исполнена будучи изъянов, щербин и нечистоты есмь совершенно теперь фальшивым камнем во всех моих частях.

6) Умилостивись государь! Избавитель мой! Умилосердись! Во славу твою доля собственного благоденствия моего, пошли сюда в непродолжительном времени опытных и верных знатоков со всеми потребными инструментами, кои, рассмотрев все изуродованные мои части, выполировали бы оные и удалили негодных работников от станка, ими ныне занимаемого, яко сидеть у одного по истине недостойных. Остави потом при мне самого искусного и опытного и верного мастера, ибо на подмастерьев полагаться никак невозможно: они редко господам фабрики верными бывают и требуют всегда строго надзора. Притом давно и самые старшие венца Твоего алмазы, коих время и опыт уже совершенно исправили, бывают однако обозреваемы посылаемыми знатоками; то почему я, новое Твое Украшение, не могу удостоиться сего счастья сердечно мною желаемого? Когда же те Знатоки сюда прибудут, в то самое время со всеми подробностями настоящую аллегория пояснит⁵²¹ и развяжет пред ними

Вашего Императорского Величества

Всемилостивейшего Государя

Верная подданная Бессарабия⁵²².

⁵²¹ Уже в Петербурге попытались расшифровать аллегория, и согласно приведенным пунктам был составлен краткий перечень, затронутых проблем: 1) Устав образования опубликован. 2) Дворянские выборы сего 1822 года в январе месяце. 3) Жители Бессарабской области разделяются на девять состояний. 4) 1819-го года было от некоторых состояний выслать в столицу депутатов. 5) В 1820-м году в месяце марте прибыли в Бессарабию сенаторы для обревизования <ревизии — Н. М.> (РГИА СПб., ф. 1409, оп. 1, д. 3754, л. 3 об).

⁵²² На подлиннике было отмечено, что о содержании ее «доложено Государю Императору 3-го июля 1822 года и высочайше повелено препроводить к тайному Советнику Графу Каподистрию», что и было исполнено на следующий день. (Там же. Л. 1.)

По рассмотрении всех материалов, 24 августа 1822 года дела по управлению Бессарабской областью были переданы в ведение министерства внутренних дел, куда Каподистрия периодически являлся объясняться по финансовым вопросам⁵²³.

Отставка же И. Н. Инзова была предопределена задолго до официального решения судьбы его патрона — И. А. Каподистрии⁵²⁴: 7 мая 1823 года, (когда только приступили к рассмотрению доклада Каподистрии по Бессарабии) Александр I обратился к И. Н. Инзову с письмом следующего содержания:

«Иван Никитич. Особенные обстоятельства, в коих с некоторого времени находятся Новороссийские губернии и сопредельная с оными область Бессарабская, неоднократно обращали на себя Мое внимание. Постепенно и с тщанием вникая в рассмотренные положения и умножающихся потребности сего края, Я признал нужным, как для местных оного выгод, так и для общей Государственной пользы, ввести в управление сих губерний и области больше единства, не нарушая впрочем данных Бессарабии преимуществ⁵²⁵. Сии два управления, находившиеся досель под главным начальством генерал-от-инфантерии Ланжерона и генерал-лейтенанта Бахметева, на время отсутствия их, вам вверенные, я признал за благо поручить ныне генерал-адъютанту моему графу Воронцову.

Извещая вас о таковом распоряжении Мне приятно отдать полную справедливость благоразумию, ревности и усердию, с коими вы отправляли дела, таким образом, на вас возложенным и изъявить вам совершенную Мою признательность. Я не сомневаюсь, чтоб не продолжили вы руководствоваться теми же правилами, и по части управления, к которому доверенностью Моею вы были призваны. Вам известно, какое внимание обращаю Я на колонии Южного края, требующие особенного попечения и покровительства. Употребляя новые усилия к основанию благосостояния оных, вы оправдаете Мои ожидания, как оправдывали их до ныне во всех случаях. В доказательство Моего неперменного к вам благоволения и внимания к вашим заслугам, Я пожаловал вас кавалером ордена Святого Александра Невского, знаки коего вы получите при особой грамоте. Пребываю вам благосклонный Александр»⁵²⁶.

Письмо графа В. П. Кочубея, тогда министра внутренних дел, И. Н. Инзову от 12 мая 1823 года несколько смягчало строгий тон письма Александра I и многое в нем объясняло.

«Милостивый государь мой, Иван Никитич, Препровождаемым у сего на имя Вашего превосходительства Высочайшим рескриптом, Государь Император объявляет вам о сделанных Его Величеством новых распоряжениях, касательно управления губерний Новороссийских и области Бессарабской. Из слов сего рескрипта, вы, милости-

⁵²³ РГИА СПб., ф. 1308, оп. 1, д. 9; Отношение статс-секретаря графа Каподистрии статс-секретарю Муравьеву о передаче дел по Бессарабской области в Министерство внутренних дел// РГИА СПб., ф. 1409, оп. 1, д. 3755.

⁵²⁴ Неофициально Каподистрия уже был отстранен. Австрийский посол в Петербурге Лебцельтерн уведомлял Меттерниха 31 мая 1822 г.: «Царь принял все наши предложения <...> Каподистрия окончательно побит и молчит, а Австрия возросла в силе и влиянии...» (Бутковский Я. Н. Сто лет австрийской политики в восточном вопросе. СПб., 1888. Т. 1. С. 16).

⁵²⁵ Например, одним из преимуществ было освобождение Бессарабии от рекрутской повинности.

⁵²⁶ РГИА СПб., ф. 1308, оп. 1, д. 64, л. 1–2.

вый государь мой, также узнаете о причинах, побудивших к тому Его Императорское Величество как местное положение сего пограничного и приморского края, так и чрезвычайные обстоятельства нашего времени, происшествия досель волнующие Турецкую империю, влияние оных не только на торговлю Бессарабии, Одессы, Крыма, но даже на умы и расположение жителей, все сие требует беспрестанного надзора и необыкновенной деятельности начальства. Для того было необходимо сосредоточить управление сих провинций и притом для прекращения всяких ожиданий перемены, столь часто вредных для нравственной силы правительства, вручить верховную власть начальнику уже не временному, а действительно облеченному в звание генерал-губернатора и полномочного наместника. Государь Император, как то означено в Высочайшем Его Величества рескрипте, избрал на сие место своего генерал-адъютанта графа Воронцова и в то же время, желая новым знаком внимания к вашим заслугам и достоинствам удостоверить Ваше Превосходительство в своей неперменной к вам благосклонности, всемилоштивейше пожаловал Вас кавалером ордена Святого Александра Невского. Извещая о том Ваше Превосходительство, я считаю за долг присовокупить, что при сем случае мне, как человеку привыкшему искренне уважать вас, было приятно слышать, в каких лестных для вашего превосходительства выражениях Его Императорское Величество изъяснял свое о Вас мнение, отдавая полную справедливость благородному распоряжению Ваших во время управления Бессарабией, неуспынным и полезным Вашим трудам, оказанной в неожиданных и затруднительных обстоятельствах твердости и особливо чистоте всех ваших намерений и побуждений. Мне также приятно, милостивый государь мой, думать, что сношения мои с Вашим Превосходительством не прекратятся. Управление колониями Южной России, столь важное для успехов промышленности и гражданственности в сем крае, остается предметом Ваших попечений, и я почту себя счастливым, если могу содействовать Вашему Превосходительству в утверждении благосостояния сих поселенцев, привлеченных славою и мудростью нашего Монарха под сень Его Державы.

Впрочем, и переписка наша по делам бессарабским будет непременно продолжаться, до приезда графа Воронцова в Кишинев и вступления его в должность. Желательно, чтоб между тем могли быть приведены или, по крайней мере, приближены к окончанию некоторые дела, более или менее важные, и те в особенности, кои требуют местных сведений. В числе оных, вероятно первое по важности и трудности, есть определение взаимных сношений между царями и владельцами земель. Вы, милостивый государь мой, уведомляли меня партикулярным письмом от 30 января сего года, что Вашим Превосходительством уже сочинен проект нового о сем положения; надеюсь, что вы не замедлите мне оный доставить.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга Граф Кочубей»⁵²⁷.

В этот же день, 7 мая 1823 года, был дан указ Правительствующего Сената графу М. С. Воронцову⁵²⁸ «быть Новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области»⁵²⁹. Получив письма с извещением об отставке, Инзов 22 мая 1823 года писал Александру I:

⁵²⁷ РГИА СПб., ф. 1308, оп. 1, д. 64, л. 3–4.

⁵²⁸ Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) граф. В 1812 г. в армии П. В. Чичагова ему был вверен летучий отряд, в 1813 г. он переведен в Северную армию. С 1815 г. по 1818 г. — командир оккупационного корпуса во Франции. С 1818 г. — командир 3-го пехотного корпуса.

⁵²⁹ РГИА СПб., ф. 1308, оп. 1, д. 65, л. 1.

«Его Императорскому Величеству Исправляющего должность Полномочного Наместника Бессарабской области генерал-лейтенанта Инзова

Рапорт

Вашему Императорскому величеству благоугодно было Всемилостивейше наградить меня превыше трудов и заслуг моих. Великая милость Вашего императорского Величества поставляет меня в священнейшем долге принести вашему Величеству верно-подданническую за сие благодарность.

Осчастливленный новым знаком Высочайшей благосклонности Вашего Императорского Величества, я еще более почту себя счастливым, если Ваше Величество, удостоив уже вниманием посильные труды и старания мои оправдать Высокомонаршую доверенность, излиете Высочайшие Вашего Императорского Величества милости и на достойных подчиненных моих, много способствовавших мне в управлении Бессарабской областью, о коих представления мои я отправил к Управляющему Министерством внутренних дел графу Кочубею 3-го числа минувшего апреля месяца.

Все рекомендованные мною чиновники есть из числа отличнейших и по истине заслуживающих Всемилостивейшего воззрения Вашего императорского величества. Удостоившись того, они будут поощрены к вящему усердию и ревности для пользы Высочайшей службы. Генерал-лейтенант Инзов»⁵³⁰.

В тот же день И. Н. Инзов написал письмо и графу В. П. Кочубею:

«Милостивый государь, граф Виктор Павлович! С чувством истинного удовольствия я имел честь получить лестный для меня отзыв Вашего сиятельства № 48 и поставлю приятнейшею обязанностью принести Вам, милостивый государь, совершенную благодарность за благосклонное Ваше ко мне внимание и за ту полную доверенность и благорасположение, коими Ваше Сиятельство изволили удостоивать меня во всех сношениях по делам Бессарабской области и Новороссийских губерний, находившихся во временном моем управлении. Мне равно приятно, что сношения наши не прекращаются вовсе. Я поставлю священным для себя долгом, стараться по возможности быть полезным по вверенной мне колониальной части, и под непосредственным начальством Вашего Сиятельства руководствуясь наставлениями вашими, способствовать успешному исполнению всех благодетельных намерений Ваших, к утверждению благосостояния новых наших поселенцев.

Теперь остается мне обратиться к вашему Сиятельству с убедительнейшею просьбою о удостоении представленных мною 3-го числа апреля чиновников благосклонным вашим ходатайством у Всемилостивейшего государя Императора, к доставлению им по справедливости заслуженных наградений.

Известно, сколь необходимы для всякого начальника усердные, верные и честные подчиненные, известно и то, что люди такими правилами руководствуемые, посвятив себя пользам службы и благу общему, не ищут ничего, как токмо благородного в обществе отличия. Я испытал во все время управления моего областью истинное рвение, неуспяную деятельность и честный образ поведения всех тех чиновников, кои рекомендованы мною Вашему Сиятельству в отзывах от 3-го апреля № 1675 и 1676. Если чиновники удостоятся Высокомонаршего воздаяния, сходно моему ходатайству, я почту себя совершенно счастливым, ибо признательность к ним лежит на собственной моей обязанности и всякая неудача в моем предстательстве обеспокоила бы меня мыслию, что я в трехгодичное управление Бессарабией не сделал ничего полезного для подчиненных мне чиновников, по истине заслуживающих уважения.

Повторяя еще раз усерднейшую просьбу к Вашему Сиятельству о неоставлении без внимания предстательства моего, в собственное для меня одолжение, и присовокупляя

⁵³⁰ РГИА СПб., ф. 1308, оп. 1, д. 64, л. 8–9.

уведомление, что составленный мною проект положения о здешних поселянах отправлен к вашему Сиятельству при отзыве моем 18-го сего мая и что другие еще неисполненные дела также получают с моей стороны в самом непродолжительном времени удовлетворительное окончание, — имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностью — Милостивый государь Вашего Сиятельства покорнейший слуга Иван Инзов»⁵³¹.

Оба письма были получены в Петербурге 30 мая 1823 года, а уже 31 июля М. С. Воронцов сообщил, что принял «от генерал-лейтенанта И. Н. Инзова «все полученные им разновременно предписания и наставления а также нужные сведения о состоянии здешнего края»⁵³². Прибыв в Кишинев, Воронцов уволил весь штат прежней администрации, сделав, правда, одно исключение. 3 июля 1823 года как человека ему известного он включил в свой штат на должность чиновника по особым поручениям И. П. Липранди, с 11 ноября 1822 года «за болезнью» пребывавшего в отставке «полковником с мундиром»⁵³³. Приблизительно в это же время М. С. Воронцов сообщил Пушкину, что тот остается при нем и перевод его в Одессу — дело решенное. Так в первых числах июля 1823 года Пушкин покинул Кишинев и переселился в Одессу.

*
*
*

Факты свидетельствуют о том, что Пушкин знал о деятельности И. П. Липранди как офицера по особым поручениям при М. С. Воронцове и потому проявлял к нему повышенный интерес. Своего кишиневского приятеля и родственника Липранди — Ф. Ф. Вигеля он в письме из Одессы от 22 октября — 4 ноября 1823 года спрашивал: «Где и что Липранди? Мне брюхом хочется увидеть его» (XIII, 73).

Однако думается, что Пушкин знал о деятельности Липранди далеко не все. Впрочем, так же как и Липранди не все знал о Пушкине. В его воспоминаниях есть любопытный фрагмент о пушкинской огазии: «При выезде моем из Кишинева 4-го февраля 1822 года в Петербург, — пишет Липранди, — Александр Сергеевич дал мне довольно большой пакет, включавший в себя несколько писем, чтобы передать оный не иначе, как лично брату его, Льву Сергеевичу, а если по какому-либо случаю его на это время не будет в Петербурге, то его сестре...» Не застав Льва Сергеевича дома, Липранди оставил ему свой адрес, и передача

⁵³¹ РГИА СПб., ф. 1308, оп. 1, д. 64, л. 5–7, об.

⁵³² Там же, л. 3.

⁵³³ Н. Я. Эйдельман считает, что причиной отставки является конфликт Липранди с начальником штаба 6-го корпуса О. И. Вахтенюм, о чем Липранди сообщил П. Д. Киселеву в письме от 2 сентября 1822 г. следующее: «Будучи в продолжение более трех лет гоним сильным начальником, я нынешний год ездил в Петербург, дабы узнать сам лично тому причины, но во всем получил отказ. Не предвидя ничего в будущем и не будучи в состоянии переносить более унижения, при том расстроенном положении дел моих, болезни и претерпенные мною потери я подал в отставку <...> Я решительно служить не могу и посему исполнением сией моей просьбы Вы душевно обяжете». Однако обстоятельства этой отставки не вполне ясны. (Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы... С. 21: Автограф — РГИА СПб., ф. 958 (П. Д. Киселева), д. 315, л. 1; Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России... С. 490). Послужной список И. П. Липранди — ЦГИА, ф. 1284, оп. 29, д. 158.

пакета произошла в гостинице Демута: «Распечатав пакет, он <Лев Сергеевич. — Н. М.> нашел несколько писем и какую-то исписанную с перемарками тетрадь, листа в три почтовых. Взглянув на нее, он улыбнулся и, не читая своего письма, собрал все, завязал в платок и хотел тотчас уйти, но я — пригласил его отобедать вместе, а так как мне нужно будет ехать в Коломну, то вызвался завести его»⁵³⁴. В этой сцене улыбка Л. С. Пушкина выдает его осведомленность относительно содержания тетрадки, а желание Липранди узнать хоть что-нибудь — напротив, неосведомленность. Однако усилия Липранди не пропали даром, чуть ниже читаем: «Письмо к себе Лев Сергеевич успел прочитать еще у меня»⁵³⁵. Следовательно, если Липранди в это время и пользуется доверием А. С. Пушкина, то доверие это отнюдь не слепое и не безграничное.

В апреле 1826 года, будучи в Петербурге, Липранди не преминул зайти к Пушкиным и узнал о возможном смягчении участи опального поэта в случае поступления его брата юнкером в формирующийся жандармский дивизион (даже гвардейский эскадрон). Предложение, как сообщает Липранди, поступило от самого Бенкендорфа, через весьма влиятельное лицо, ходатайствовавшее об Александре Сергеевиче. Отец и сын питали нерасположение к этого рода службе, но Липранди настоятельно советовал им принять предложение, мотивируя это тем, что «в жандармском дивизионе служба чисто военная» и что он «понимал бы их нежелание состоять при штабе III отделения, но в дивизионе дело совсем иное»⁵³⁶. Легкость, с которой Липранди переходил от ампула «военного разведчика» к ампула «жандарма» объясняется тем, что Липранди свято верил в то, что разведкой (как военной, так и политической) должны заниматься особые люди, стоящие выше предрассудков общества.

А. С. Пушкин о карьере брата имел иное мнение. 4 сентября 1822 года он писал брату: «Если б ты пошел в военную <службу — Н. М.>, вот мой план, который предлагаю тебе на рассмотрение. В гвардию тебе незачем; служить 4 года юнкером вовсе не забавно. К тому ж тебе нужно, чтоб о тебе немножко позабыли. Ты бы определился в какой-нибудь полк корпуса Раевского — скоро был бы ты офицером, а потом тебя бы перевели в гвардию — Раевский и Киселев — оба не откажут». (XIII, 44–45).

⁵³⁴ Пушкин в воспоминаниях современников. Л., 1936. С. 271.

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ Там же. С. 275. Ср. с «Проектом графа А. Х. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции», представленным на рассмотрение графа П. А. Толстого 12 апреля 1826 г., в котором, в частности, говорится: «Для того, чтобы полиция была хороша и обнимала все пункты империи, необходимо, чтобы она подчинялась системе строгой централизации, чтобы ее боялись и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами ее главного начальника. Он должен бы носить звание министра полиции и инспектора корпуса жандармов в столице и в провинции. Одно это звание дало бы ему возможность пользоваться мнениями честных людей, которые пожелали бы предупредить правительство о каком-нибудь заговоре или сообщить какие-нибудь интересные новости. Злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках или стараясь искупить свою вину доносом, будут по крайней мере знать, куда им обратиться. К этому начальнику стекались бы сведения от всех жандармских офицеров, рассеянных во всех городах России и во всех частях войска: это дало бы возможность заместить на эти места людей честных и способных, которые часто брезгают ролью тайных шпионов, но, нося мундир, как чиновники правительства, считают долгом ревностно исполнять эту обязанность» (Русская старина. СПб., 1900. Т. 104. С. 615).

Неоднократно в литературе о Липранди указывалось его заступничество за солдат как доказательство его причастности к декабристам. Действительно, положение в армии было тогда сложным. В. Ф. Раевский писал, что после Отечественной войны 1812 года и заграничного похода, когда «сотни тысяч русских своею смертью искупили свободу целой Европы, армия, избалованная победами и славою, вместо обещанных наград и льгот, подчинилась неслыханному угнетению. Военные поселения, начальники такие, как Ротт, Шварц, Желтухин⁵³⁷ и десятки других, забивали солдат под палками, крепостной гнет крестьян продолжался, боевых офицеров вытесняли из службы»⁵³⁸. Все это не могло не сказаться на моральном духе пограничных гарнизонов. Участились случаи дезертирства. 15 мая 1822 года И. Н. Инзов доносил П. Д. Киселеву о показаниях некоего монаха из пограничного карантина, который рассказывал, что «когда пойманные дезертиры приведены были к паше, то он спрашивал их, зачем они оставляют службу своего государя, на что солдаты отвечали, что они уходят по причине несносных будто бы наказаний, терпимых ими от офицеров, что уже пять лет не получают жалованья и пару платья носят по пяти лет. Монах прибавил, что они говорили также: когда будет война с Турцией, то вся русская армия готова бежать к туркам. Паша и, бывшие с ним, аги обрадовались таким рассказам и немедленно написали о том в Силистрию к сераскиру, паше и в Константинополь»⁵³⁹. По всей видимости, подобные случаи были не редкостью и в результате они привели к принятию правительством контрмер, в частности к введению в войсках тайной полиции.

В архиве П. Д. Киселева сохранились «Заметки о предметах наблюдений для тайной полиции в армии». Данный документ не датирован, но так как в нем упоминаются ланкастерские школы, которые были введены в Бессарабии в 1821 году⁵⁴⁰, то составление его можно отнести к 1820-м годам. В этом документе агентам военной разведки вменялось в обязанность держать под пристальным наблюдением следующие вопросы.

«1) Каково к офицерам вообще по предмету дисциплины отношение Полкового командира? В чью более пользу — его или эскадронных или ротных командиров расчеты по хозяйству; дружеская ли связь у сих последних и если же нет, то почему; какое обращение у них с офицерами своих частей? Не пользуется ли кто-либо из штаб и обер-офицеров предпочтительным пред другими уважением или доверием; на чем оно основано и в каком мнении сей или сие обходятся с нижними чинами и в пристойном ли они повиновении? Не заметно

⁵³⁷ В. Ф. Раевский вспоминал, что С. Ф. Желтухин приказал однажды батальонному командиру: «Сдери с солдат кожу от затылка до пяток, а офицеров переверни кверху ногами, не бойся ничего, я тебя поддержу» (Литературное наследство. Т. 60, кн. 1. С. 12, 86, 117). Позже, после перевода Желтухина в другую дивизию, корпусной командир генерал И. В. Сабанев писал С. М. Воронцову: «Не все ли равно, где дрянь ни будет?» (Цит. по: Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы... С. 25).

⁵³⁸ Письмо декабриста майора Владимира Федосеевича Раевского к его сестре Вере Федосеевне Поповой с примечаниями В. В. Раевского // Русская старина. 1902, март. С. 599–606.

⁵³⁹ РГИА СПб., ф. 958, оп. 1, д. 234, л. 17.

⁵⁴⁰ «О введении в Бессарабии школ взаимного обучения по методу Ланкастера» (1824) // РГИА СПб., ф. 1409, оп. 1, д. 4315.

ли в какой-либо части полка, то есть роте или эскадроне больших пред другими побегов нижних чинов и себяубийц и нет ли при том ропота? Какое имеют от солдата и далее понятие о начальниках вообще, как в пространстве полка, так и высших; в чем их укоряют или почему они заслуживают похвалу? В случае ссор между штаб и обер-офицерами, какие сбылись от того в последствии происшествия?

2) Не существует ли между некоторыми из офицеров особой сродности под названием клуба, ложи и проч.? Вообще, какой дух в полку и нет ли суждений о делах политических или правительства?

3) Регулярно ли отбывается гарнизонная и вообще всякая служба; охотно ли оной занимаются штаб и обер-офицеры и охотно ли обучаются нижние чины? Какие учебные заведения в полковых и ротных или эскадронных штабах; учреждены ли ланкастерские школы; какие в оных таблицы; печатные или писанные и если писанные, то не имеют ли правил непозволительных?

4) Какие сделки с интендантскими комиссионерами? В кавалерии и артиллерии хорошо ли довольствуются лошади, и по каким ценам действительно покупается фураж? Занимаются ли хорошим содержанием и состоянием солдат и в настоящем ли надзоре людской лазарет? Которые из командиров на счет хороших и попечительных начальников»⁵⁴¹.

Таким образом, забота о положении солдат была свойственна не только декабристски настроенным офицерам, но и их антагонистам — офицерам военной разведки.

Привлечение Липранди к следствию по делу декабристов и содержание его под стражей вместе с Грибоедовым также создают вокруг его личности некий ореол. Пушкин расценивал это обстоятельство по аналогии с собственной судьбой. 1 декабря 1826 г. он писал: «Липранди обнимаю дружески, жалею, что в разные времена съездили мы на счет казенный и не соткнулись где-нибудь» (XIII, 309).

Между тем обстоятельства ареста Липранди и содержания его под стражей зафиксированы им в записках, при внимательном чтении которых становится очевидным желание их автора заглушать *хронологические рамки его пребывания под арестом*. «Первый спрос, — писал Липранди, — делал мне генерал-адъютант граф Левашов, предваряя, чтобы сознаться чистосердечно, что в таких случаях государь милостив. На поданном мне для сего листе бумаги я написал в двух строках, что “не участвую в гнусном замысле и требую очных ставок”. Г.<раф> Левашов тотчас передал государю, который немедля вышел, повторил мне то же, и я повторил желание очных ставок. Фельдъегерю, привезшему меня, была дана записка, и мы молча поехали в Главный штаб к дежурному генералу Потапову, который меня знал с Отечественной войны и сказанное им слово: “Очень рад!” озадачило меня. Он отдал вполголоса приказание адъютанту своему, Яковлеву, а тот пригласил меня следовать за ним и передал меня другому адъютанту, Жуковскому, который, проходя со мной несколько нескончаемых коридоров и двориков, спускаясь и подымаясь с лестницы на лестницу, между прочим, прервал гробовое молчание: “Слава Богу, что вы присланы к нам!” и объявил, что “тяжких отправляют прямо в крепость”. Тут только я разгадал

⁵⁴¹ РГИА СПб., ф. 958, оп. 1, д. 619, л. 1–2.

слова: «Очень рад!» благороднейшего из людей. <...> Яковлев и Жуковский, не говоря уже о Потапове, знавшему меня, были в полном значении слова люди».

Далее Липранди сообщает о своем первом знакомстве с «сокамерниками», которых он увидел еще из прихожей в стеклянную дверь. Во втором часу пополудни около стола за самоваром сидели: «бригадный генерал 18-й дивизии Кальм; известный Грибоедов, адъютант Ермолова Воейков (оба привезенные с Кавказа); отставной подпоручик Генерального штаба А. А. Тучков <...> и предводитель дворянства Екатеринославской губернии Алексеев. <...> Из всех их, — пишет Липранди, — я знал только Кальма. Поздний чай произошел оттого, что Воейков и Грибоедов были на допросе в комиссии, находящейся в крепости. Через час мы все были как старые знакомые. Предмет разговора понимается: вопросам, расспросам и взаимно сообщающимся сведениям не было конца. <...> Содержались мы на свой счет, обед брали в ресторации; позволено было выходить вечером с унтер-офицером для прогулки. Немногие, однако же, желали пользоваться сим, книг, набранных Грибоедовым от Булгарина, было много. На третий день был вытребован и я в комиссию, в крепость, где даны были мне 38 вопросных пунктов, подписанных членами комиссии. На другой день опять и опять одно и то же, настояние мое на очные ставки. Через десять дней я был освобожден, получил свидетельство за № 409, от 25 февраля, за подписью всех членов, что «к тайному обществу не принадлежал и о существовании его не знал»⁵⁴².

Обращение к следственному делу Липранди уточняет некоторые детали: действительно, первый допрос производил генерал-адъютант Левашов 11 февраля⁵⁴³, далее 12 февраля датированы вопросные пункты опрошенным по делу двенадцати декабристам, а вопросные пункты подполковнику Липранди датированы 19 февраля⁵⁴⁴. Следовательно, согласно данным следственного дела, первая дата сдвигается от 15 февраля к 11 февраля, что совпадает с началом содержания под стражей А. С. Грибоедова⁵⁴⁵. Случайно ли такое совпадение? В опубликованном Н. Я. Эдельманом письме командира 17-й дивизии С. Ф. Желтухина (пользовавшегося дурной славой среди солдат) к генерал-майору начальнику штаба 6-го корпуса О. Вахтену сообщается об обстоятельствах ареста Липранди: «Верно, ни одного из бунтовщиков не отправляли так снисходительно, как кишиневского, ибо по получении повеления дали ему жить три дня, каждый у него бывал с утра до вечера, хотя и находился полицейский чиновник, но в другой комнате сидел; все его люди находились при нем свободно и в добавление всех сих послаблений писали у него в комнате при нем и бумаги по секрету, которые он, однако, не видел. Так ли отправляют и берутся за изменников отечества и государя?»⁵⁴⁶

Действительно, странный арест, если учесть, что А. С. Грибоедов получил

⁵⁴² Липранди И. П. Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля // Чтения в обществе истории и древности российских. М., 1873. Кн. 2. С. 233–234.

⁵⁴³ ЦГАОР, ф. 48, д. 191, л. 1–2.

⁵⁴⁴ См.: Негкина М. В. Следственное дело А. С. Грибоедова. М., 1982.

⁵⁴⁵ Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. С. 25.

⁵⁴⁶ ЦГАОР, ф. 48, д. 191, л. 1.

от А. П. Ермолова отсрочку ареста всего на несколько часов⁵⁴⁷. Смысл этой отсрочки был понятен современникам. А. И. Тургенев, например, записывая в своем дневнике разговор с Пушкиным, который состоялся между ними 9 января 1837 года, по поводу ареста замечает: «Ермол<ов>, желая спасти себя, спас Грибоедова. Узнав, предупредил его за два часа»⁵⁴⁸.

Отвечая на вопрос следственной комиссии о принадлежности к тайному обществу, И. П. Липранди категорически причастность свою к обществу отри-

⁵⁴⁷ По воспоминаниям Николая Викторовича Шимановского, арест Грибоедова проходил несколько иначе. 25 декабря 1825 г. в станицу Екатериноградскую, где в то время находился штаб Алексея Петровича Ермолова, прискакал фельдъегерь Дамиш с манифестом о восшествии на престол императора Николая Павловича. «Когда Алексей Петрович окончил распоряжения, фельдъегерь Дамиш стал рассказывать о событии 14 декабря. В это время Грибоедов, то сжимая кулаки, то разводя руками, сказал с улыбкою: «Вот теперь в Петербурге идет кутерьма! Чем-то кончится!» После отъезда фельдъегеря Дамиша Грибоедов настоял, чтобы ему было позволено вместо отправления в Тифлис выступить вместе с первым батальоном Ширванского полка. Следующий фельдъегерь был встречен Талызиным и Шимановским по дороге к крепости Грозной и отменно был ими «угощен»: «Алексей Петрович сидел за большим столом и, как теперь помню, раскладывал пасьянс. Сбоку возле него сидел с трубкою Грибоедов. Когда мы доложили, что прибыли и привезли фельдъегеря, генерал немедленно приказал позвать его к себе. Уклонский вынул из сумки один тонкий конверт от начальника Главного штаба Дибича. Генерал разорвал конверт; бумага заключала в себе несколько строк, но когда он читал, Талызин прошел сзади кресел и поймал на глаз фамилию Грибоедов. Алексей Петрович, пробежавши быстро бумагу, положил в боковой карман сюртука и застегнулся. Потом он начал расспрашивать Уклонского о событиях в Петербурге. Очень толково и последовательно рассказывал Уклонский. Я не обратил внимания на Грибоедова; но Талызин мне после сказывал, что он сделался бледен как полотно». Грибоедов ненадолго выходил из комнаты, но возвратившись «был покоен и слушал рассказы Уклонского, который назвал много арестованных. Приказано было подавать ужин. <...> Походный ужин незатейлив: два блюда: стало быть, он недолго продолжался, но рассказы Уклонского заставили просидеть за столом лишнее время, а может быть, и нужно было продлить ужин для других целей». Вечером Жихарев и Шимановский уже лежали в постели, Сергей Ермолов готовился ко сну и спорил с Грибоедовым, который не ложился, когда в комнату вдруг вошли дежурный по отряду полковник Мищенко, дежурный штаб-офицер Талызин, а за ним фельдъегерь Уклонский для ареста Грибоедова. Когда встал вопрос о бумагах арестованного, которые содержались в двух чемоданах, следующих в обозе, то урядник Рассветов быстро отыскал «арбу, вывел ее из колонны и заставил быков скакать, так что очень скоро прибыли наши люди к назначенному нам флигелю. Тут встретило наших людей приказание елико возможно скорее сжечь все бумаги Грибоедова, оставив лишь толстую тетрадь «Горе от ума». Камердинер его Алексаша хорошо знал бумаги своего господина; он этим руководствовался, и не более как в полчаса времени все сожгли на кухне Козловского, а чемоданы поставили на прежнее место в арбу» (Русский архив. М., 1875. Кн. II. С. 339—343).

Попутно отметим, что в мемуарах современников сообщается, что при известии о восстании декабристов в Петербурге Грибоедов якобы сказал сакраментальную фразу: «Сейчас в Петербурге идет страшная резня» или «Что-то сейчас происходит в Петербурге.», что объясняется комментаторами, как осведомленность Грибоедова в планах декабристов. Думается, что смысл сказанного восходит к иному источнику. По словам Жозефа де Местра, после поражения под Аустерлицем кто-то из придворных сказал в присутствии Александра I: «Кто знает, что в это время делается в Петербурге!» И этого было достаточно, чтобы Александр немедленно отправился в свою столицу.

⁵⁴⁸ Цит. по: Максимов М. (Гиллельсон М.) По страницам дневников и писем А. И. Тургенева. С. 389.

цал: «Я к тайному обществу никогда ни к какому не принадлежал <...> ничего об оном не слыхал... <...> Буде кто меня обвинит, то прошу с оным очной ставки для доказательства моей невинности»⁵⁴⁹.

Опрошенные декабристы также отрицали его причастность, но по-разному. С. Г. Волконский на вопросы следственной комиссии отвечал так: «С подполковником Липранди я лично знаком еще со времени кампаний 1813 и 14 годов, возобновил же я сие знакомство неоднократными встречами в Одессах во время моих пребываний в сем городе, но был ли членом общества — не знаю и разговора не имел»⁵⁵⁰. Позже в своих записках С. Г. Волконский указал, что Липранди был принят в ячейку декабристов, названную «Зеленой книгой»⁵⁵¹.

М. Ф. Орлов, непосредственный начальник Липранди, на вопрос следственной комиссии ответил менее определенно: «Подполковник Липранди служил при моем командовании 16-ю пехотною дивизиею в Камчатском полку и был мною употреблен по служебным делам <...>, а более я с ним никаких сношений не имел. Был ли членом общества? не знаю. Кем принят? также мне неизвестно. С 1821 или 22 года я его не видал и об образе его действий в обществе (будь он оному принадлежал) ничего не знаю»⁵⁵². Фактически Орлов отрицал не сам факт причастности Липранди к обществу, а собственное знание этого факта. Позже В. Ф. Раевский писал: «Орлов поручил мне принять двух братьев Липранди <...> Но я отозвался тем, что и без принятия в Общество на них рассчитывать можно»⁵⁵³.

Поджио на поставленный вопрос дал довольно уклончивый ответ: «Года четыре тому назад господа Давыдовы, Василий и Александр, ездили в Кишинев повидаться с их родственником Михаилом Федоровичем Орловым и оттуда возвратившись, разговаривая о Кишиневе, упомянули несколько слов и о г.<осподине> подполковнике Липранди, но как о человеке мало им известно. Тут я первый раз услышал о господине Липранди и с тех пор об нем никогда совершенно ничего не слыхал — и для того мне совсем неизвестно принадлежал господин Липранди к обществу Тайному или нет — и не знаю, с кем из членов состоял он в сношениях»⁵⁵⁴.

Следственный комитет мог бы привлечь Давыдовых к показаниям, чтобы уточнить, почему Поджио четыре года помнит фамилию человека, с которым не знаком и имя которого было лишь упомянуто в его присутствии. Однако поступили иначе — дальнейшее расследование по делу Липранди прекратили. Следственная комиссия постановила, что опрошенные по делу Липранди «все главные члены Северного и Южного общества, 12 человек, его не только членом, но даже и вовсе не знают»⁵⁵⁵. Вывод следственной комиссии кажется

⁵⁴⁹ ЦГАОР, ф. 48, д. 191, л. 13.

⁵⁵⁰ Там же, л. 2.

⁵⁵¹ Волконский С. Г. Записки. СПб., 1902. С. 317–319.

⁵⁵² ЦГАОР, ф. 48, д. 191, л. 2.

⁵⁵³ Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 84

⁵⁵⁴ ЦГАОР, ф. 18, д. 191, л. 8.

⁵⁵⁵ Там же, л. 18. Основной акцент был сделан на показания М. Бестужева-Рюмина, К. Рылеева, С. Трубецкого, из которых следовало, что Липранди им неизвестен (Там же, л. 9–10, 12).

более чем формальным. По-видимому, декабристы выгораживали Липранди и для того, чтобы не увеличить число жертв, и для того, чтобы не усугубить собственное положение теми сведениями, которыми он о них располагал. Иначе невозможно объяснить настойчивое требование Липранди очных ставок.

Второй неясный эпизод в записках Липранди связан с его освобождением. Получив очистительный аттестат, он явился к И. И. Дибичу и дал о себе знать графу М. С. Воронцову. «Граф,— пишет Липранди,— не замедлил приехать по совершении погребения императора Александра, я был отправлен графом в Аккерман для некоторых подготовлений к имеющемуся там быть Конгрессу. Из бывших со мною я освобожден был первый <...> Видевши, что некоторые получали дозволение посещать прежних сокамерников моих, я испросил, чрез Яковлева, позволение делать то же и, получив оное, почти ежедневно бывал у них. Общество таких людей, и особенно в тогдашние минуты, было для меня большим наслаждением от службы. Вообще *гастности этого замечательного периода не безынтересны, но здесь вовсе неуместны*»⁵⁵⁶.

Международная обстановка во время проведения Аккерманской конференции была далеко не однозначной. Персия, добившаяся срыва предыдущих переговоров, еще в октябре 1825 года направила в Константинополь своего посла, чтобы напомнить султану о его обязательствах объединиться против России. «В результате преднамеренной деятельности английских и турецких дипломатов»⁵⁵⁷ начало второй русско-персидской войны (1826—1828) и русско-турецких переговоров в Аккермане совпало во времени. В этих сложных условиях советы А. С. Грибоедова, хорошо знакомого с методами восточной дипломатии, были просто нецензурны для И. П. Липранди. В автобиографии Липранди указывает, что в год Аккерманской конференции он «был посылаем в некоторые из турецких крепостей», составленные им описания турецких укреплений вызвали у разных высокопоставленных лиц самые лестные, сохраняемые у него отзывы»⁵⁵⁸.

В следственном деле Грибоедова, по данным Б. П. Балаяна, был перелом, когда Николай I 17 марта 1826 года приказал «коллежского ассесора Грибоедова оставить у дежурного генерала Петропавловской крепости», где он находился

⁵⁵⁶ Липранди И. П. Замечания на «Воспоминания». С. 235.

⁵⁵⁷ Балаян Б. П. Дипломатическая история русско-турецких войн и присоединения восточной Армении к России. Ереван, 1988. С. 130, 146—147.

⁵⁵⁸ Далее Липранди сообщает: «В половине 1827 года, назначенный уже начальником размежевания Крымского полуострова», он был отозван из отпуска графом Ф. П. Паленом и графом П. Д. Киселевым, которые объявили ему, «что так как разрыв с Турциею по всей вероятности должен будет последовать, между тем получаемые сведения из-за границы часто сбивчивы и вообще неверны, а это влечет за собой напрасные передвижения наших войск по границе, отягочая и край, при армии же нет никого, который мог бы вполне удовлетворить сему требованию, то начальник Главного штаба Его Императорского Величества граф Дибич испросил Высочайшее повеление на это время возложить на меня собрание точных сведений о происходящем в Турции и проч. Польщенный таким сознанием главных лиц армии, я, вместо того, чтобы отправиться к Козловским грязям, возвратился на Прут и Дунай, и успел вполне удовлетворять как свое прямое начальство, так и начальство армии, что свидетельствуется многими письменными отзывами» (ГПБ, ф. 608 (Помяловского) ед. хр. 2896, л. 1 об.).

под арестом до 3 июня 1826 года⁵⁵⁹. Факт, не привлекавший ранее внимания. В инструкциях, предназначенных членам посольства А. С. Меншикова, отправляющегося на Кавказ для переговоров с персами и для проверки сосланных на Кавказ декабристов, Б. П. Балаян обнаружил на полях списка поднадзорных декабристов резолюцию Николая I: «Было бы хорошо к этим именам присоединить и Грибоедова»⁵⁶⁰. В то время полковник Ф. Ф. Бартоломей⁵⁶¹ собирал на Кавказе сведения о Ермолове и его корпусе (в инструкции также был выделен Грибоедов)⁵⁶². Липранди же, по всей видимости, осуществлял наблюдение за Грибоедовым непосредственно в камере на гауптвахте Генерального штаба.

В своей автобиографии Липранди сообщает: «После Наваринской битвы, когда посланники: наш, французский и английский оставили Константинополь и война сделалась уже неизбежной, на меня возложено было приготовление всех без исключения материалов к оной, в особенности о крепостях, характерах пашей, сил и свойств собирающихся войск, способов края и т. п. Для более успешного выполнения поручения я под предлогом продолжать лечение свое у доктора Эвтати, проживавшего в Кишиневе во время смут в княжествах с 1821 года до Аккерманского, в 1826 году договора, приехал в начале в Молдавию, где княжил неприязненный нам господарь Иоанн Стурдза, и Яссы были наполнены ожесточенными после Наварина турками»⁵⁶³.

Деятельность эта была связана с большим риском⁵⁶⁴. Однако уже в феврале 1828 года Липранди закончил подготовку необходимых материалов. Возвращаясь через Австрию и Тульчин в Россию, он получил от графа П. Д. Киселева новое задание: «...граф Дибич сообщил ему изготовить к предстоящей войне инструкцию для Директора внешней заграничной тайной полиции и изыскать способы учредить как постоянных, так и других агентов, не только в разных местах и, если можно, в частях неприятельских и что так как я уже достаточно ознакомлен с свойствами обитателей края, то возложить это на меня. Записка была составлена и вместе с тем, — пишет Липранди, — что я вызван был особым Высочайшим повелением от князя Воронцова, как это значит в выданном мне князем аттестате № 1226 (4 мая 1828) с исчислением всех моих занятий при нем, с собственноручными его приписками, и вскоре затем я получил секретное предписание графа Киселева от 12-го апреля 1828 года № 141, следующего содержания: “Записка Вашего Высокоблагородия о средствах учреждения тайной заграничной полиции, чрез г.<осподина> начальника Главного штаба

⁵⁵⁹ П. А. Вяземский писал жене 3 июня 1826 г.: «Сейчас видел выпущенного из тюрьмы Грибоедова» (Остафьевский архив. СПб., 1909. Т. 5, ч. 2. С. 15).

⁵⁶⁰ Балаян Б. П. Дипломатическая история... С. 148; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4288, л. 5.

⁵⁶¹ Бартоломей Федор Федорович (1800–1862), 17 января 1826 г. был причислен к миссии князя Меншикова, направляющуюся Персию.

⁵⁶² Русская старина. 1910. № 5.

⁵⁶³ ГПБ, ф. 608 (Помяловского) ед. хр. 2896, л. 2.

⁵⁶⁴ Липранди указывает, что появление полковника Генерального штаба в стране, с которой Россия прервала дипломатические отношения, не могло остаться незамеченным, турецкое начальство и австрийский консул Липа употребили все средства для удаления Липранди из края вплоть до того, что на него трижды было совершено покушение, последний раз в доме французского консула Лаго, о чем писали современные австрийские и в особенности французские журналы (ГПБ, ф. 608 (Помяловского) ед. хр. 2896, л. 2 об.)

Его Императорского Величества была доведена до Высочайшего благоуважения с предположениями, как от меня к фельдмаршалу представленными, так и собственно Его Сиятельству принадлежащими. В последствие оных Государь Император Высочайше повелел соизволить учредить ныне же *Тайную Заграничную полицию* и начальство над оною поручить Вам, но без звания директора Высшей Военной полиции⁵⁶⁵. По испытанному усердию вашему к службе Его Императорского Величества я несомненно надеюсь, что вверенная вам полиция будет образована в точной соответствии с целию ее и принесет ожидаемую от нее столь важную пользу. О зачислении Вас в штат Главного штаба армии сделано распоряжение и пр.»⁵⁶⁶. Таким образом, Липранди окончательно был отчислен из ведомства князя Воронцова.

Очевидно, по сходным обстоятельствам было составлено Липранди в 1831 году «*Краткое рассуждение о Высшей Тайной полиции*», в котором он писал следующее: «Бесспорно, что *Высшая Тайная полиция* в полном смысле значения своего получила рождение и достигла до совершенства во время Наполеона; но с падением коего упала и она во Франции. <...> Степень совершенства сего кажется преимущественно перешла в Австрию», которая своим благополучием, по мнению Липранди, обязана именно «Высшей Тайной полиции», так как та, «следуя по стопам господствующего в разных областях образа мыслей, заблаговременно предупреждает во всем Правительство; которое в свою очередь всегда имеет время различными благоразумными мерами разбивать или отклонять приготавливающуюся бурю. Всякий заговор имеет рождение свое в весьма ограниченном круге беспокойных людей; но что они могут предпринять, когда Правительство отнимает всегда у них средство к произведению в действие злонамеренных своих видов!»⁵⁶⁷ Предлагая установить наблюдение за всеми социальными слоями общества, Липранди выделяет как особую задачу полиции «наблюдение за воспаленными воображениями», подчеркивая, что такие люди могут принадлежать ко всем классам. Однако «хорошо устроенной *Высшей Тайной полиции* весьма легко наблюдать за ними и в случае каких-либо пояснений не только заставлять их говорить, но и тонким образом сделать их своими Агентами, кои неумышленно и не подозревая сами будут с успехом действовать во всех направлениях, которое хитрый Член *Высшей Тайной полиции* найдет за необходимое им дать. Так действовали во Франции, чтобы проникать во многие тайны». Под выделенной Липранди категорией людей с «воспаленным во-

⁵⁶⁵ И. П. Липранди никогда не афишировал свою новую должность, даже в 1860 г. в работе «Битва и занятие позиций при Шумле, 8-го июля 1828 года, в присутствии Государя Императора Николая I» он относительно себя лишь отметил: «Постоянное мое пребывание в продолжении кампании 1828 г. было при аванпостах, для более успешного выполнения возложенных на меня, по особому Высочайшему повелению, поручений» (с. 2).

Даже сослуживцы Липранди не догадывались о его действительной должности; например, Л. А. Симанский в своих записках указал, что Липранди «перед войной 1828 года занимался сбором сведений о приготовлениях противника и статистическим описанием будущего театра войны; во время самой войны попеременно то исполнял обязанности офицера генерального штаба, то командовал небольшими отрядами; между прочим приостановил в начале войны бегство Молдавского господаря в Австрию» («Походные записки Л. А. Симанского за 1829 год». СПб., 1912. С. 51, прил.).

⁵⁶⁶ ГПБ, ф. 608 (Помяловского) ед. хр. 2896. Л. 3 об.—4.

⁵⁶⁷ ЦГИА СПб., ф. 673, оп. 2, д. 7, л. 1—1 об., 9—9 об.

ображением», использующих в качестве агитации открытое изложение своих взглядов, легко можно угадать декабристов. Очевидно, что общение с префектом парижской сыскной полиции Видоком⁵⁶⁸ не прошло для Липранди бесследно, арест же самого Липранди в 1826 году очень напоминает арест провокатора Антонелли в деле Петрашевского⁵⁶⁹.

Относительно пункта «смерть его жены» мы можем отметить только хронологический момент. По свидетельству В. Ф. Раевского⁵⁷⁰, жена Липранди Томас-Розина Гузо умерла в Кишиневе. После смерти ее мать Мария-Франциска Гузо осталась в семье Липранди и находилась там даже после второй женитьбы Липранди на греческой дворянке Зинаиде Самуркаш. При этом семейство Гузо во Франции не имело о судьбе Марии-Франциски никаких известий, так что в 1848 году оно вынуждено было через посредство французского посольства в России сделать официальный запрос⁵⁷¹.

Возникают два предположения: 1) Липранди прибыл в Кишинев 21 августа 1820 года, то есть ровно за месяц до прибытия туда Пушкина. Следовательно, если Томас-Розина Гузо не успела умереть в течение того месяца, когда Пушкина еще не было в Кишиневе, то они, по всей видимости, были знакомы; 2) обстоятельства смерти жены Липранди пока не выяснены, но отношение его к теще напоминает отношение преступника к нежелательному свидетелю.

После 1824 года И. П. Липранди и Пушкин не видались. Позже Липранди вспоминал: «Два-три письма в нескольких строчках, из коих последнее было из Орла, когда он ехал на Кавказ к Паскевичу» завершили их отношения⁵⁷². В Орле в 1829 году Пушкин посетил А. П. Ермолова⁵⁷³ — отставного проконсула Кавказа. После возвращения из-под Арзрума переписка не возобновилась, а в плане «Второй программы» появилось столь нелестное определение — «*ренегат*», кое в свете приведенных выше материалов можно рассматривать в политическом смысле, как «*отступник*», а может быть, даже «*вероотступник*»⁵⁷⁴, чело которого венчает «*галма ренегата*» (XI, 51).

Действительно, отряд волонтеров, которым Липранди командовал в 1828—1829 годах, был многонационален: состоял из арнаут, болгар, сербов, босняков (т. е. боснийцев), македонцев, черногорцев и пр., сформированных им по национальному признаку⁵⁷⁵. Располагались они раздельно в различных частях Туртукая, так как, по мнению Липранди, «нельзя было их соединять вместе; ибо если поставить сербов с босняками, то необходимо произойдет драка, до

⁵⁶⁸ Видок руководствовался принципом: «...только преступник сможет побороть преступление» (Торвальд Ю. Сто лет криминалистики. М., 1974. С. 17).

⁵⁶⁹ Возный А. Ф. Полицейский сыск и кружок петрашевцев. Киев, 1976. С. 54.

⁵⁷⁰ Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 75.

⁵⁷¹ Тихомирова С. Н. К расшифровке «второй программы» автобиографических записок Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 20. Л., 1986. С. 170—171.

⁵⁷² Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Русский архив. М., 1866. № 8—9. Стлб. 1486—1487.

⁵⁷³ Эйдельман Н. Я. Обреченный отряд. С. 374—375.

⁵⁷⁴ Цявловская Т. Г. Неясные места биографии Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. IV. С. 36.

⁵⁷⁵ Documente privind istoria României... С. 473.

пистолетов и кинжалов...»⁵⁷⁶ Личная охрана И. П. Липранди состояла из людей, побывавших в переделках. О людях, составляющих ее, Липранди писал: «Все они были в продолжении нескольких лет или известными разбойниками разных шаек, а некоторые и атаманами, участвовавшими в междоусобиях пашей в эпоху умерщвления Селима III; в знаменитой шайке Кирджалей, опустошавшей в продолжение нескольких лет горы Олимпа, Беглярами и Момаками у Георгия Черного и у каждого из Сербских воевод. Затем в 1812 году перешли в стражу господарей Валашского, Молдавского и Каймакама Кайовского, составляя у каждого от 1500 до 2000 человек, а в 1821 году образовали ополжение этеристов, под нагальством князя Александра Ипсиланти. Все это были люди зажиточные, богато одеты и вооружены <...> ...Эти 84 человека всегда располагались около моей ставки, и из них я назначал временных начальников...»⁵⁷⁷ Люди его охраны предпочитали военной форме свою национальную одежду, то есть чалму — военной фуражке, что иногда приводило к недоразумениям⁵⁷⁸.

Липранди в своих записках отразил деятельность отряда волонтеров. Численность отряда в конце войны достигала 700 человек. Однако многих Липранди «должен был уволить по болезни, не имея никаких средств... пользоваться, по наступлении же зимы многих удалил по причине неимения совершенно приличной для времени года одежды»⁵⁷⁹. Оставшиеся 322 волонтера, по словам Липранди, «невзирая на трехмесячный мир, на зимнее время и в продолжении месяца необычайной стужи и метелей, стоя на биваках, не имея средств сделать землянок от недостатка инструментов; без приличной одежды, без котлов для варения пищи, наконец, невзирая, что последние 15 дней по случаю пресечения сообщения по Дунаю не имели никакого продовольствия — отчего (соединясь со стужей) каждую почти ночь замерзало по несколько человек — 322 волонтера, будучи поощряемы примером своих капитанов, перенесли все и остались постоянными ожидать предписания начальства о распусчении отряда и не оставили произвольно занимаемого ими пункта по примеру бывшей партии князя Милки Петровича, из коей только двое ожидали предписанного отпуска»⁵⁸⁰.

2 декабря 1829 года Липранди писал военному начальнику крепости Силистрия В. Я. Рупперту: «Действуя под начальством Вашего Превосходительства в лесах Дели-ормана в продолжении полутора месяцев для очищения теснин от неприятельских партизанов и вооруженных жителей,— я совершенно обя-

⁵⁷⁶ Documente privind istoria României... С. 468.

⁵⁷⁷ Липранди И. П. Особенности войны с турками. СПб., 1877. С. 98—99.

⁵⁷⁸ В работе «Битва и занятие позиций при Шумле» Липранди описал такой случай: «Когда я был уже саженях в двадцати от Государя, вдруг отделился из свиты Его Величества граф Бенкендорф с двумя за ним следовавшими офицерами, и во весь карьер подсказали ко мне с словами: “Отчего вы оставили пистолет у турка?” Вначале я был поражен этими словами, но дело объяснилось. За мною, вместе с казаками, ехал мой арнаут (находившийся у меня с 1821 года) в своей национальной одежде, которому, впрочем, я велел снять чалму и надеть фуражку, ибо иначе действительно могли бы случиться недоразумения, конечно, не в пользу моего арнаута» (С. 7—8).

⁵⁷⁹ РГИА СПб., ф. 673, оп. 1, д. 368, л. 2.

⁵⁸⁰ Там же, л. 1—1 об.

зан был успеху в укрощении разбоев со времени вступления моего в леса некоторым капитанам, коих опыты в подобной войне могли одни доставить сии выгоды».

Липранди представил список волонтеров и ходатайствовал о награждении «*Иванги Димитрия Вугига* и уволенного из Северного конно-егерьского полка прапорщика *Кристига* (родом из сербов, зятя Карагеоргия) по бедному их состоянию денежным вознаграждением, кои, командуя частями, всегда отлично и с успехом действовали; капитана *Сулиота Георгия Джавелу* (имеющего на Анненской ленте серебряную медалью с надписью «за храбрость», полученную им прошлого года в лагере под Шумлою); капитана Георгия Арпера, капитана *Светко Мильковига* и капитана *Димитрия Ходжи Ивановига*, раненного двумя пулями в левую руку с повреждением кости, и волонтера *Радо Червановига* знаками военного ордена».

О некоторых из волонтеров Липранди оставил скупые примечания в своих записках, но благодаря им стали известны их дальнейшие судьбы. Первым упомянут *Соломон*, служивший при Тудоре Владимиреску. В 1828—1829 году Соломон командовал пандурами и был награжден золотой шпагой с надписью «за храбрость». В 1830 году он в чине майора проживал в Валахии⁵⁸¹. Вторым — *Белюк баши Стойко Павловиг*, «македонец, один из лучших наездников с пикою. Служил всю войну 1806—1812 годов в Сербии. Впоследствии был капитаном в отряде волонтеров правого берега Дуная. Ныне <т. е. в 1830 г.— Н. М.> живет в Кишиневе»⁵⁸². Следующими упомянуты *Дмитрий Пантеа* и капитан *Иванга*, чудом уцелевшие во время убийства бим баши Саввы⁵⁸³. Иванча был ранен и, найдя его, турки отрубили ему обе ноги, но он выздоровел. Липранди писал, что «будучи без ног несколько ниже колен, он вкладывал согнутые колени в род башмака из мягко выделанной воловьей кожи и так свободно ходил, участвовал в жоке и пр. Он был лучшим наездником с пикою. По распущении, в декабре 1829 [года], отряда волонтир, граф Киселев, слышав о сем, приказал представить Иванчу к нему, дал ему несколько червонцев и сделал базарным (капитан де базар) какого-то местечка»⁵⁸⁴.

После получения сообщения о подписании Адрианопольского мира — 11 августа 1829 года — Липранди, стоя лагерем недалеко от Рушука, неожиданно узнал, что в городе правит трехбунчужный паша Кучук-Ахмет⁵⁸⁵, знакомый ему еще по 1821 году. Липранди нашел способ возобновить дружественные отношения, войдя с ним в переписку и обмен подарками⁵⁸⁶. Это, впрочем, не

⁵⁸¹ Documente privind istoria Românie... С. 175.

⁵⁸² Там же. С. 220.

⁵⁸³ Там же. С. 242.

⁵⁸⁴ Там же. С. 243.

⁵⁸⁵ Подробно о своих отношениях с Кучук-Ахметом Липранди описал в своих записках (Documente privind istoria României... С. 463—476. Письма Кучук-Ахмета см.: РГИА СПб., ф. 673, оп. 1, д. 368, л. 1 об.).

⁵⁸⁶ Documente privind istoria României... С. 468. Липранди И. П. Битва и занятие позиций при Шумле, 8-го июля 1828 года, в присутствии Государя императора Николая I: Сокращено из записок Генерального штаба Полковника Липранди. СПб., 1860. С. 4—7. Вместе с Липранди воевали его брат Павел Петрович, Дм. С. Норов (брат декабриста В. С. Норова) и А. Ф. Вельтман, с которым в 30-х годах Пушкин часто встречался.

исключило стычек между их отрядами во время заготовки фуража. Двусмысленность подобных отношений понимали оба и тем не менее приглашали друг друга в гости и «пересылались предметами, которыми каждый мог снабжать друг друга, тем чего один мог иметь легко, а у другого было недостающим или вовсе не было»⁵⁸⁷.

Помимо Кучук-Ахмета, И. П. Липранди был близко знаком с Кара-Джанем-Ибрагимом (Топчи-башой)⁵⁸⁸; «одним из главных деятелей при истреблении в 1826 году янычар в Константинополе, получивший за жестокость свою и прозвище “Сын Черного ада”, которое за ним и сохранилось»⁵⁸⁹. По мнению Липранди, Кара-Джанем «был совершенным невеждою по той части, которою начальствовал» <т. е. по артиллерии.— Н. М.>, но «он превосходил всех других в отчаянных предприятиях... <...> Под Шумлой в 1828 году, он защищал левый фланг неприятельской позиции, с которой, с двумя тысячами всадников, из коих за каждым находился двухпудовый мешок пороху, и внезапно выступил и скрытно оставил позицию, на третий день прорвавшись чрез цепь силистрийской осады, доставил порох, и на другой день, несмотря на принятые меры, блистательно <...> возвратился в Шумлу»⁵⁹⁰.

Об Осман-аге — начальнике авангарда паши Видина, который был в 1821 году в Яссах для получения сведений о приготовлениях русских, Липранди сообщает, что в 1828 году он был одним «из ревностнейших защитников Браилова, где начальствовал всем собранным войском (Неферем аскер). Был ранен и во время взрыва сброшен и обожжен. В 1829 году был в Рушуке. Турок сей албанец родом из секты бекташей. Говорит по-гречески, молдавански, арнаутски и славянски, пишет на оных языках и вообще имеет хорошие познания и сведения, отличающие его от прочих турков. В Браилове имел большие поместья»⁵⁹¹.

После подписания Адрианопольского мира отношения христиан и мусульман были довольно тесными, о чем свидетельствует следующий записанный Липранди, случай: «Видинский паша полюбил *Самуркаша* и советовал ему переменить закон <т. е. веру.— Н. М.>, ибо, присовокупил, что я ожидаю повеления лишить тебя жизни. Едва *Самуркаш* исполнил сие, как через три дня пришел о сем фирман. Паша отвечал, что *Самуркаша* в крепости нет, а есть *Мустафа Ефенди*, который прежде носил сие имя, но сделался ныне правоверным. Впоследствии *Мустафа Ефенди* получил хорошее место в Адрианополе»⁵⁹².

Из приведенного материала следует итоговый вывод, что в течение всей своей жизни, начиная с 1812 года, в биографии Липранди не было перелома. Стремительно менялся окружающий его мир, а сам он, создавая себя вторично, «то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром», по сути своей

⁵⁸⁷ Documente privind istoria României... С. 473.

⁵⁸⁸ Ср. в «Путешествии в Арзрум»: «...несколько непослушных арнаутов под предводительством Топчи-паши овладели городскими батареями...» (VIII, 475).

⁵⁸⁹ Documente privind istoria României... С. 472.

⁵⁹⁰ Там же. С. 472.

⁵⁹¹ Там же. С. 198.

⁵⁹² Там же. С. 248.

всегда оставался военным разведчиком⁵⁹³. Он не менялся, он совершенствовался в области разведки и политического сыска, что, вероятно, и послужило основным поводом для прекращения отношений с ним Пушкина.

«Паша Арзрумский»

27 июня 1829 года в Арзруме были взяты в плен: сераскир Гаджи-Магомет-Салех-Паша, трехбунчужный паша — Осман-Паша-Хаджи-Надир-Оглы, двое двухбунчужных пашей — Абуш-Абдула-Паша Хаджи-Исмаил Оглы и Ахмет-Паша Абдула-Оглы⁵⁹⁴. В рапорте Николаю I от 3 июля 1829 года Паскевич сообщил следующие подробности: «28 Июня Сераскир изъявил намерение просить меня об освобождении его и Пашей, обещаясь, удалившись во внутренние области Турецкие, жить там приватно, не входя в дела. Ему ответствовано, что в первом письме моем к Начальнику города ясно упомянуто было, что Сераскир, Паши и другие чиновники Правительства должны быть военнопленными: в просьбе, жителями мне представленной, при самом занятии города находилась статья об освобождении Сераскира и Пашей, я решительно отвечал им, что не принимаю сей статьи и на верху просьбы сей велел надписать, что все в оной заключающееся утверждаю, выключая относящееся до Сераскира и Пашей». Через Мамиш-Агу Паскевич выяснил, что жители Арзрума довольны дисциплиной войск «насчет же Сераскира полагают, что он жаает освобождения своего, дабы явившись к Султану оправдать себя и возложить на них вину о сдаче крепости, почему и просят <...> перевести в лагерь Сераскира и Пашей, ибо дальнейшее пребывание их в городе будет опасно для спокойствия жителей». 30 июня к Паскевичу явился министр финансов Азиатской Турции Дефтер-Дар-Ефенди, «прося объявить о решении участи его, Сераскира и Пашей». «Я, — пишет Паскевич, — объявил ему прямо, что он, Сераскир и Паши — мои военнопленные и что сего же числа они будут переведены в лагерь: после сего, задержав Дефтер-Дара, я велел привести Сераскира и Пашей. Они всячески старались склонить меня освободить их, но по вышеизъявленным причинам я задержал всех их и отправил в Тифлис»⁵⁹⁵.

До Тифлиса пленных пашей сопровождал М. И. Пущин. «В первых числах июля, — пишет он в своих воспоминаниях, — я выехал из Арзрума с поручением

⁵⁹³ Считается, что прототипом пушкинского Сильвио был не кто иной, как Липранди (см.: Гроссман Л. Исторический фон «Выстрела»: К истории политических обществ и тайной полиции 20-х годов // Новый мир. 1929. Кн. 5. С. 208—223). Это отрицал сам Липранди. Но даже если предположить, что Липранди был прототипом, то отнюдь не единственным. В судьбе А. С. Грибоедова тоже была отложенная дуэль (с А. И. Якубовичем), а в письме к Ф. В. Булгарину 16 апреля 1827 г. он писал: «Повеса Лев Пушкин здесь <в Тифлисе. — Н. М.>, но не имел ко мне достаточного внимания и не привез мне братнина манускрипта <т. е. «Бориса Годунова». — Н. М.>. За то я принял его по-неприятельски, велел принести пистолеты и во все время, что он у меня сидел, стрелял в дверь своей комнаты, пробил ее насквозь сверху вниз и Льва с пальбой отпустил на юнкерство» (Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1988. С. 541).

⁵⁹⁴ РГИА СПб., ф. 1018, оп. 3, д. 192, л. 100; сераскир — фельдмаршал, паша трехбунчужный — генерал корпусной, паша двухбунчужный — генерал дивизионный (РГИА СПб., ф. 673, оп. 1, д. 327, л. 4 об.).

⁵⁹⁵ Там же, л. 100 об. — 101.

главнокомандующего проводить пленных пашей до Тифлиса; поручение неприятное, которое задержало меня в дороге и в карантине долее, чем я желал. В Тифлис я прибыл с пашами в конце июля»⁵⁹⁶. В Тифлисе к Пушкину присоединился Дорохов, а во Владикавказе их догнал Пушкин. Трудно предположить, что в течение долгой дороги М. Пущин не затронул в своих рассказах тему, дождавшуюся ему целый месяц.

Однако как заключительный пункт программы «Паша Арзрумский» должен был подводить итоги предшествующим размышлениям и, стало быть, как-то связываться с предыдущими пунктами плана. Но кто из арзрумских пашей мог удовлетворить этим требованиям Пушкина? Таким лицом оказался Галиб-паша, который в свое время был турецким послом при Наполеоне в 1812 году, реис-эффенди при подписании Бухарестского мира, за что чуть было не лишился головы и попал в опалу. В 1821-м он был временно назначен великим визирем, способствовал истреблению янычар, но сумел остаться в тени и, как указывает Липранди, оценил сложность ситуации в Дунайских княжествах. «Он писал обоим государям, спрашивая их мнения, что они думают насчет уменьшения наполовину <числа.— Н. М.> турков, составляющих стражу княжеств. Бумага сия написана была таким слогом, который давал почти буквально понимать, какой нужно было дать ответ, чтобы удовлетворить желанию Галиб-паши»⁵⁹⁷. И благодаря этому в 1826 году число турецких войск в княжествах подверглось значительному сокращению.

После назначения Галиб-паши сераскиром Арзрума он направил весной 1828 года донесение Порте, в котором, изложив тяжелое положение турецкой армии, предлагал обратить внимание на чрезвычайную важность скорейшего заключения мира с Россией⁵⁹⁸, за что был смещен с занимаемого им поста и сослан, а его должность получил Гакки-паша Сивазский. Эта ситуация частично отражена в пушкинском «Путешествии в Арзрум». В книге Виктора Фонтанье «Путешествие на Восток в 1821—1829 гг.» о Галиб-паше сообщаются приведенные нами сведения, при этом именуется он: «Galib-Pacha, seraskir d'Erzeroum», то есть «Галиб-паша, сераскир Арзрума»⁵⁹⁹. Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина⁶⁰⁰, и его помета о переправе через Кизил-Ермаг свидетельствует о том, что прочитана она была внимательно.

Личность сераскира возвращает нас к началу пушкинских записок, которые должен был открывать политический деятель аналогичного ранга, так называемый *opposite number*, каким по отношению к Галиб-паше являлся Каподистрия. Итак, мы вернулись к самому началу «Второй программы» пушкинских записок, к отсутствующему фрагменту текста. Совершенно очевидно, что перед пунктом «Приезд мой из Кавказа и Крыма», должен быть пункт о встрече с Каподистрией, благодаря усилиям которого Пушкин оказался в канцелярии мартиниста И. Н. Инзова. Обоснованность присутствия имени Каподистрии в программе записок объясняется не только участием его в личной судьбе поэта, не

⁵⁹⁶ Пущин М. И. Записки. Письма. М., 1989. С. 424—425.

⁵⁹⁷ Documente privind istoria României... С. 258.

⁵⁹⁸ Шеремет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975. С. 200.

⁵⁹⁹ Fontanie V. Voyages en Orient... de l'année 1821 à l'année 1829. Paris, 1829. P. 61.

⁶⁰⁰ Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина... № 919. С. 233.

только соотношением его личности с личностью арзрумского сераскира Галиб-паши, но и непосредственной связью его практически со всеми упомянутыми в пушкинской программе лицами.

Г. Л. Арш в своей работе привел бесспорные свидетельства о знакомстве Каподистрии с Ригасом Валенстилисом: упоминание о нем в автобиографической записке Каподистрии, а также наличие в архиве последнего некоторых произведений Валенстилиса и биографической записки о нем⁶⁰¹. В 1814 году на Венском конгрессе⁶⁰² Каподистрия встретился с Г. Олимпиосом (Георгаки), с которым имел продолжительную беседу. Георгаки прибыл для того, чтобы потребовать от российского императора вознаграждения за свои услуги и услуги многих капитанов Фессалии и Македонии в русско-турецкой войне 1806—1812 годов, а также выяснить намерения русского правительства относительно дальнейшей судьбы Греции. В докладной записке Александру I Каподистрия так характеризовал его: «Он предан своим соотечественникам... <...> Три тысячи отборных людей под командованием знаменитых капитанов тех мест занимают побережье и прилегающие острова. Они поручили Георгаки сообщить русскому правительству их настроения. Из-за отсутствия указаний в таком смысле этот человек просит, чтобы его приняли на службу. Было бы справедливо не отталкивать его, имея в виду его прежние заслуги и исключительное рвение, которое заставило его преодолеть опасности и трудности столь долгого пути. Можно было бы произвести его в следующий чин и отправить в Бессарабию, дав указание военному начальнику этой провинции использовать его в легких войсках, которым поручена охрана границы по Дунаю и Пруту»⁶⁰³. Предложения И. Каподистрии были приняты Александром I, и Г. Олимпиос, получив на путевые издержки 200 дукатов, в начале января 1815 года выехал из Вены, но обосновался не в Кишиневе, а в Дунайских княжествах, где стал одним из активнейших деятелей национально-освободительной организации «Филики-этерия»⁶⁰⁴.

Отказ Александра I от решительных действий в восточном вопросе обернулся политическим поражением Каподистрии. После августа 1821 года его служебный статус непрерывно ухудшается, чему способствовали как интриги Меттерниха, так и слухи, распространяемые этеристами, о тайной поддержке Каподистрией их движения. Цель этих слухов была вполне объяснима: использовать авторитет Каподистрии в интересах тайного общества, придав тайному обществу политический вес и легитимность. В мае 1822 года Каподистрия подал прошение об отставке⁶⁰⁵ и уехал в Женеву.

⁶⁰¹ Арш Г. Л. Ригас Валестинлис — греческий революционер-демократ, борец против османского ига (Его практическая революционная деятельность) (Балканский исторический сборник. Вып. 1. Кишинев. 1968).

⁶⁰² Подробнее о деятельности Каподистрии в 1813—1814 гг. см.: Внешняя политика России XIX — начала XX века. М., 1972. Т. 7.

⁶⁰³ АВПРИ, ф. Главный архив. III—11, 1814 г., д. 5, л. 6. Цит. по: Арш Г. Л. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809—1822. С. 76.

⁶⁰⁴ См.: *Catariano N.* L'activité de Georges Olympios dans les Principautés Roumaines avant la révolution de 1821// *Revue des études sud-est européennes.* 1964. Т. 2, № 3—4.

⁶⁰⁵ Арш Г. Л. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. С. 240—243. Автограф: ЦГАДА, ф. 15, д. 326, ч. 5, л. 314.

Произошедшие события не могли не сказаться на восприятии Пушкиным проблем греческого освободительного восстания. От романтической героизации восставших он перешел к реалистической оценке противоборствующих сторон. Этот переход даже ближайшим его собеседникам по восточному вопросу был непонятен. В письме к Вяземскому Пушкин вынужден был дать объяснения: «С удивлением слышу я, что ты считаешь меня врагом освобождающейся Греции и поборником турецкого рабства. Видно, слова мои были тебе странно перетолкованны. Но чтобы тебе ни говорили, ты не должен верить, чтобы когда-нибудь сердце мое недоброжелательствовало благородным усилиям возрождающегося народа» (XIII, 395–396).

Греческая революция в сознании поэта представлялась не результатом деятельности обреченных инсургентов, она готовилась под патронажем Каподистрии для дипломатической игры Александра I (ср. в «Note sur Penda-Déca»: «Пенда-Дека воспитывался в Москве — в 1817 году он служил толмачом у одного бежавшего греческого епископа, был замечен императором и Каподистрией» (XII, 458, 481). Сам Каподистрия понимал свое предназначение столь же масштабно. 22 октября 1817 года он писал Роксане Стурдза-Эдлинг: «Государь желает иметь меня при своей особе. Зачем? Затем, чтобы пользоваться мною как орудием в деле великих реформ в своей империи»⁶⁰⁶.

В той дискуссии, которая охватила русское дворянство с выходом в свет двух программных трудов — первых томов известной «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина и посмертной нашумевшей работы мадам де Сталь «Взгляд на Французскую революцию»⁶⁰⁷, Каподистрии отводилось немаловажное место⁶⁰⁸. Даже спустя десятилетия личность Каподистрии не потеряла для современников своей притягательности. Неожиданно для всех в 1827 году он был вызван Николаем I в Россию, чтобы затем отправиться в Грецию и занять там пост президента Греческой республики. Героическая смерть Каподистрии от руки убийцы окружила его образ ореолом великого человека. Современники старались запечатлеть для истории даже мелкие анекдоты, связанные с его именем. А. И. Тургенев 31 марта 1828 года записал в дневнике: «Дюмон говорил много о Каподистрии, о Бронштетине, о Талейране и пр. Сказывал черту Капод<истрии>, отказавшегося от пенсии, которую предлагал ему имп<ератор> Ник<олай>, сказав, что когда будет иметь в оной нужду, то к нему первому обратится»⁶⁰⁹.

В русской дореволюционной историографии роль Каподистрии во внешней политике России явно замалчивалась. В советской и постсоветской историографии она в основном сводилась к освещению усилий Каподистрии решить иони-

⁶⁰⁶ Вестник всемирной истории, 1900. № 3. С. 215–216.

⁶⁰⁷ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 194–195; Ланда С. С. О Некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России С. 72–79; Вольперт Л. И. Пушкин и г-жа де Сталь. К вопросу о политических взглядах Пушкина до 1825 г. // Французский ежегодник. 1972. М., 1974. С. 286–303.

⁶⁰⁸ Сироткин В. Г. Борьба в лагере консервативного русского дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 года и отставка И. Каподистрии в 1822 г. // Проблемы международных отношений и освободительных движений. М., 1975. С. 39–40.

⁶⁰⁹ Максимов М. (Гиллельсон М.) По страницам дневников и писем А. И. Тургенева. С. 388.

ческий и греческий вопросы с помощью России⁶¹⁰. Однако низводить роль Каподистрии до роли А. Чарторыйского на русской дипломатической службе значило бы заметно преуменьшать деятельность этого крупного представителя европейского просвещенного дворянства, которого современники ставили в искусстве дипломатии в один ряд с Талейраном⁶¹¹ (как в дневниках А. И. Тургенева). Значение Каподистрии для внешней и внутренней политики России отмечалась и зарубежными исследователями⁶¹².

С введением имени Каподистрии в рассматриваемую нами пушкинскую программу подключается тема «дворянской фронды» и становится объяснимым намерение Пушкина написать историю Александрову пером Курбского. Традиционное освещение вопросов внешней и внутренней политики России с точки зрения передового, декабристского лагеря⁶¹³ без учета внутренней борьбы в лагере реакции, ранее представляемом в виде единого «аракчеевского» монолита, — ныне невозможно. Эта борьба внутри лагеря реакции сосредоточивалась на вопросе о методах борьбы при единстве целей и естественным образом охватывала и сферу внешней политики⁶¹⁴.

*
* * *

Подводя итоги, отметим, что связь между «Первой» и «Второй» программами записок заключается в естественном переходе от развития политических идей иезуитов и мартинистов к восстаниям этеристов и декабристов. При этом каждый раз вновь возникшее тайное общество делало ставку на монарха. Непременным атрибутом его участия становилась тайна. В своих записках спустя 40 лет после описываемых событий А. Чарторыйский с явной иронией описывал начало своих отношений с великим князем Александром Павловичем:

«Цесаревич признался мне, что он презирает деспотизм, чем бы он ни выражался; что он любит свободу, которой должны пользоваться все без исключения; что, горячо сочувствуя французской революции, но порицая ее ужасные заблуждения, он радовался республике и желал ей успеха. <...> Пока мы мерили сад вдоль и поперек, нам пришлось несколько раз встретиться с великой княгиней, которая гуляла в стороне. Великий князь мне сообщил, что его супруга была поверенной его мыслей и разделяла их, но что кроме нее я был первым и единственным человеком, с которым он по отъезде воспитателя <де

⁶¹⁰ Достян И. С. Россия и Балканский вопрос М., 1972. С. 203–208; Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958, С. 59–60; Гуткина И. Г. Греческий вопрос и дипломатические отношения держав// Уч. Зап. ЛГУ, серия исторических наук. Л., 1951. Т. 130. С. 123–134.

⁶¹¹ Сироткин А. Г. Борьба в лагере консервативного русского дворянства... С. 5.

⁶¹² Patricia Kennedy Grimsted. Capodistrias and a «New order» for Restoration Europe// The Journal of Modern History. Vol. 40, № 2. June. 1968. P. 171; Charles Webster. The Foreign policy of Capodistrias 1815–1822. 2ed. London. 1934. P. 31.

⁶¹³ Сыроезковский Б. Е. Балканская проблема в политических планах декабристов// Из истории движения декабристов. М., 1969. С. 216–303; Орлик О. В. Передовая Россия и революционная Франция. М., 1973; Алексеев М. П. Пушкин и проблема «вечного мира»// Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972. С. 160–207.

⁶¹⁴ Сироткин А. Г. Борьба в лагере консервативного русского дворянства... С. 3.

ля Гарца. — Н. М.>, отважился об этом заговорить, что никому без исключения он не смог бы довериться; так как никто в России не только не способен сочувствовать его взглядам, но даже понимать их; что я должен чувствовать, насколько ему отрадно сознание, что теперь у него нашелся человек, которому можно с полным доверием открыть свое сердце... <...> Я был молод, полон восторженных идей и чувств; необыкновенные вещи меня не удивляли, я охотно верил во все, казавшееся великим и добродетельным. Легко понять, что я был совсем очарован; столько было искренности, чистоты, решительности, по-видимому непоколебимого самозабвения и благородства души в словах и осанке молодого цесаревича, что он мне показался существом привилегированным, ниспосланным Провидением для блага человечества и моей родины. <...> Наши сношения с великим князем не могли не возбудить род франкмасонства, которому не была чужда и цесаревна; задушевная дружба, развившаяся в подобных условиях, дорогая для нас по известной причине, служила поводом к разговорам, которые мы прерывали с сожалением, обещая их постоянно возобновлять. Что теперь кажется избитым и полным общих мест в смысле политических вопросов, в то время привлекало новизной; тайна, которую надо было хранить, мысль, что все это происходит на глазах оштрафованного двора, убежденного в неограниченности верховной власти, перед министрами, исполненными непогрешимости, прибавляли еще интереса и пикантности этим сношениям, которые участились и становились все интимнее»⁶¹⁵.

Б. С. Мейлах был прав, когда писал, что «по мере углубления пушкинского реализма его планы все больше развертываются не только в наметку образов и сюжетных узлов, но в широчайшее по смыслу аналитическое обобщение конфликтов»⁶¹⁶. Так, оценивая весь пушкинский замысел исторических записок в узкобиографическом ключе: родословная семьи и рождение героя, на судьбу которого уже оказывают влияние тайные мистические учения (иезуиты и мартинисты), его внезапный переход к юности, когда над героем нависают уже вполне реальные политические гонения, с угрозой ссылки в Сибирь или Соловецкий монастырь, коим неожиданно возникает альтернатива в виде «перевода по службе» в недавно присоединенную южную провинцию, где, кажется, навсегда поселились покой и скука, — окидывая все это взглядом, мы понимаем, что имеем дело с сюжетом Эдипа, в котором герой стремится избежать нависших над ним опасностей, но вдруг попадает в центр бурных событий. Оказывается, что он, стремящийся уйти от своей судьбы, на самом деле спешил ей навстречу⁶¹⁷.

Подобная сюжетная схема напоминала неизданные записки Талейрана, которых Пушкин не читал, но о которых много говорили в свете и из которых пересказывали целые фрагменты. Так, 25 апреля 1828 года А. И. Тургенев в своем дневнике записал: «Дюмон сидел у меня и говорил о записках Талейра-

⁶¹⁵ Беседы и переписка между императором Александром I и князем Адамом Чарторыйским. С. 13–16.

⁶¹⁶ Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962. С. 196.

⁶¹⁷ В 1830-е г. эта сюжетная схема была реализована Пушкиным в «Капитанской дочке».

на, кои он ему читал. Желая убедить его в достоверности своих записок, Талейран прочел ему те части повествования, в коих происшествия известны Дюмону, как свидетелю, очевидцу оных. Он нашел одну истину и рассказ верный и оригинальный. Талейран, по мнению Дюмона, более, нежели кто-нибудь знает историю своего времени; *натягивает оную с детства, с вступления в духовное звание — и тот час переходит к революции*»⁶¹⁸.

А. И. Тургенев знал Талейрана лично по Парижу и Лондону, бывал в салоне супруги его племянника герцогини Талейран-Перигор и мог многое рассказать о французском дипломате. В его салоне Талейран был постоянной темой светской беседы. 6 января 1837 года А. И. Тургенев вновь записал в дневнике: «...в 10 час.<ов> вечера отправился к Фикельмону: там любопытный разговор наш с Пушкиным, Барантом, кн. Вяземским. Хитрово одна слушала, англичанин после вмешался. Барант рассказывал о записках Талейрана, кои он читал, с глазу на глаз с Талейраном, о первой его молодости и детстве. Много нежного, прекрасного, напоминающего *les Confessions de J. J. Rousseau*»⁶¹⁹. Подробности этого вечера мы найдем в письме А. И. Тургенева к А. Я. Булгакову: «...мы провели очаровательный вечер у австрийского посла: этот вечер напомнил мне самые интимные салоны Парижа. Составился кружок из Баранта, Пушкина, Вяземского, прусского министра <барона Либермана. — Н. М.> и вашего покорного слуги. Мы беседовали, что очень редко в настоящее время. Беседа была разнообразной, блестящей и очень интересной, так как Барант рассказывал нам пикантные вещи о Талейране и его мемуарах, первые части которых он прочел; Вяземский вносил свою часть, говоря свои острые словечки, достойные его оригинального ума. Пушкин рассказывал нам анекдоты, черты Петра I и Екатерины II, и на этот раз я тоже был на высоте этих корифеев литературных салонов...»⁶²⁰

Очевидно, что «Первая» и «Вторая» программы пушкинских записок являются замыслом эпопейного характера, восходящим к сожженным запискам Пушкина. В центре этого замысла, ориентированного на «политические откровения» (XI, 94), — столкновение двух религиозных и культурных миров: христианского и мусульманского, в контексте внешней дипломатической ситуации, хронологически очерченной началом русско-турецкой войны 1806 года и Адрианопольским миром 1829 года, осложненной острой дипломатической борьбой и ростом национально-освободительных движений. Следует отметить, что «конец наполеоновской эпохи и наступление после июльской революции 1830 года буржуазного века воспринимались разными общественными течениями как конец огромного исторического цикла»⁶²¹.

До самой смерти своей, по словам П. В. Аненкова, Пушкин не отступал «от намерения представить картину того мира, в котором жил и вращался, и потому сохранял тщательно все, даже незначительные, источники для будущего своего труда; но труд, разрушенный в самом начале, так сказать, при положе-

⁶¹⁸ Цит. по: Максимов М. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева // Прометей. М., 1975. Т. 10. С. 388.

⁶¹⁹ Там же. С. 387. «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо — (франц.).

⁶²⁰ Письма А. И. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 204; подлинник по-французски.

⁶²¹ Лотман Ю. М. Опыт реконструкции замысла об Иисусе. С. 25.

нии первых камней, уже не давался ему более в руки. Не трудно понять, какой памятник оставил бы после себя поэт наш, если бы успел извлечь из своего архива материалов полные, цельные записки своей жизни; но и в уничтожении той части их, которая была уже составлена им в 1825 году, русская литература понесла невознаградимую утрату. При гениальном способе Пушкина передавать выражение лиц и физиогномию событий немногими родовыми их чертами и проводить эти черты глубоким неизгладимым резцом — публика имела бы такую картину одной из замечательнейших эпох русской жизни, которая, может быть, помогла бы уразумению нашей домашней истории начала столетия лучше многих трактатов о ней»⁶²².

Однако то, что не смог написать Пушкин в прозе, он написал в стихах, где и представил концепцию своих исторических записок:

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лица день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменяли нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон:
Вращается весь мир вокруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

⁶²² Анненков П. В. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху: 1799—1826. СПб., 1874. С. 309—310.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын.
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда [пред ним] раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
[И над землей] сошлись новы тучи,
И ураган их...

(III, 431–433)

Пушкин читал эти стихи на встрече лицеистов, происходившей в 1836 году, но дочитать до конца не смог — он разрыдался.

ДВЕ МОЛДАВСКИЕ ПЕСНИ ИЗ АРХИВА И. П. ЛИПРАНДИ

В бытность Пушкина Кишинев славился своей пестрой и многоликой музыкальной культурой. Современники вспоминали, что домашние музыканты боярина Варфоломея, из цыган, были весьма популярны и приглашались на все вечера. «В промежутках между танцами, — рассказывает В. П. Горчаков, — они пели, аккомпанируя себе на скрипках, кобзах и тростянках, которые Пушкин, по справедливости, называл цевницами. И действительно, устройство этих тростянок походило на цевницы, какие мы привыкли встречать в живописи и ваянии... Пушкина занимала известная молдаванская песня *тю юбески питимансура*, и еще с большим вниманием прислушивался он к другой песне *адрема, фридема*, с которой породнил нас своим дивным подражанием в поэме „Цыганы“: *Жги меня, режь меня*. Его занимала *мититика* — пляска с пением, но в особенности так называемый *сербешти* (сербская пляска)¹. Пушкин попросил кого-то положить на ноты упомянутую цыганскую песню и впоследствии напечатал² эти ноты»³. И. П. Липранди запомнилась манера исполнения народных песен матерью Калипсо Полихрони, которая «пела... на восточный тон, в нос; это очень забавляло Пушкина, в особенности турецкие сладострастные, заунывные песни, с аккомпанементом глаз, а иногда жестов»⁴.

Чрезвычайной популярностью пользовались молдавские дойны, посвященные гибели вождей народного восстания. Тексты этих песен, несмотря на их широкую известность, не были воспроизведены в воспоминаниях о кишиневском периоде жизни поэта. И. П. Липранди в своих воспоминаниях о Пушкине писал: «...мне удивительно, что я не встретил в помянутом исчислении двух современных исторических песен, которые, как мне близко известно, в особенности занимали Александра Сергеевича. Первая, из Валахии, достигла Кишинева в августе 1821 года; вторая, в конце того же года. Куплеты из этих песен беспрерывно слышны были на всех улицах, а равно исполнялись и хорами цыганских музыкантов. Кто из бывших тогда в Бессарабии и особенно в Кишиневе не помнит беспрерывных повторений: „*Пом, пом, пом померани, пом*“ и „*фронзе верде шалала, Савва Бим-баша*“⁵? — Первая из них сложена аллегорически на предательское умерщвление главы пандурского восстания Тудора Владимиреску, по распоряжению князя Ипсиланти в окрестностях Тырговиште. Вторая — на такую же предательскую смерть известного и прежде, а во время этерии храбрейшего бим-баша Саввы, родом болгарина, подготовившего движение болгар, коим Ипсиланти не умел воспользоваться. Бим-баша Савва по истреблении

¹ См.: Воспоминания В. П. Горчакова. Московские ведомости. 1858. № 19.

² В «Московском телеграфе» 1825 г., № 21, где была помещена песня Земфиры. «Телеграф» заметил при этом: «Прилагаем ноты дикого напева сей песни, слышанного самим поэтом в Бессарабии».

³ *Бартенев П. И.* Пушкин в Южной России // Русский архив. 1866. Стлб. 1158.

⁴ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди... Стлб. 1246.

⁵ Бим-баша — полковник (*тюрк.*).

этеристов в Драгошанах с своими тысячью отборными арнаутами перешел после разгромления Ипсиланти, по приглашению, к туркам и присоединился к ним. Но турки, зная его влияние на болгар и не осмеливаясь открыто встретить его, прибегли к хитрости: паша заманил его к себе под тем предлогом, чтобы надеть на него присланный от султана почетный кафтан. Савва поддался и явился из митрополии, которую он занимал своим отрядом, только с шестьюдесятью всадниками во двор паши в Бухарест, в дом Белло. Войдя в залу с капитаном Генчу, он был внезапно встречен несколькими пистолетными выстрелами, и труп его немедленно выброшен за окно на улицу. Из конвойных его только трое спаслись и в 1829 году находились у меня в отряде; песня эта не столь аллегорическая, как первая, и рассказывает главные эпизоды убийства. — Александр Сергеевич имел перевод этих песен; он приносил их ко мне, с тем, чтобы проверить со слов моего Арнаута Георгия. Но в декабре 1823 года, бывши в Одессе, Пушкин сказал мне, что он не знает, куда девались у него эти песни, и просил, чтобы я доставил ему копию со своего перевода; в январе 1824 года, опять приехавши в Одессу, я ему их и передал. Не знаю, как после, но тогда он обходился очень небрежно с лоскутками бумаги, на которых имел обыкновение писать⁶. Так появилось мнение, что песни эти потеряны безвозвратно.

В свое время Н. Я. Эйдельман пытался разыскать в архиве Липранди две другие народные песни, также интересовавшие Пушкина: «Дука, молдавское предание XVII века» и «Дафна и Дабиджа» (молдавское предание 1663 года). О своих надеждах на результативность поиска исследователь писал так: «Среди бумаг Липранди, <...> немало материалов о Молдавии. Когда я начал их просматривать — появилось ощущение, что сейчас обязательно появится нечто о Пушкине: уж слишком знакомые мелькают имена и названия, встречающиеся не раз в пушкинских заметках, письмах, сочинениях: Кирджали, Ипсиланти, Иоргаки Олимпиот, битва при Скулянах... Пушкинские повести мне, разумеется, так и не попались...»⁷

Однако то обстоятельство, что песни не были обнаружены, не означает, что они бесследно исчезли. Н. Я. Эйдельман справедливо подметил, что «стремление обнародовать или сохранить одни материалы... сочеталось у Липранди с желанием многое скрыть»⁸. Тексты двух упомянутых выше песен были обнаружены в архиве Липранди. Ныне предоставляется возможность ознакомить с ними читателей.

Первая песня, как указывалось выше, в аллегорической форме повествует о гибели Тудора Владимиреску. Сказанное выше можно дополнить и уточнить, основываясь на работах Липранди.

Тудор Владимиреску во время войны 1806—1812 годов командовал отрядом пандур, которых поднял на восстание. Служил отлично, за что был награжден чином русского поручика и орденом. По заключении мира он жил в своем поместье в малой Валахии. Тудор был от природы одарен здравым рассудком, хитростью, смелостью и упрямством. Пользуясь влиянием среди пан-

⁶ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди... Стлб. 1407—1408.

⁷ Эйдельман Н. Я. «Где и что Липранди?..» // Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII—XIX веков. М., 1993. С. 439.

⁸ Там же. С. 460.

дур, он также состоял в тесных сношениях с боярами (Григорием Гикою, Барбою Вакареско и др.) и архиепископом Илларионом. В декабре 1820 года Тудор прибыл в Бухарест. Ипсиланти удалось привлечь его на свою сторону обещанием, что Россия поддержит их совместное восстание. Когда же Владимиреску понял, что обманут, то разорвал договор с Ипсиланти. После битвы под Драгошанами капитан Иордаки обвинил Владимиреску в сношениях с турками и австрийскими банкирами. Далее, согласно работам И. П. Липранди, события развивались следующим образом:

«Негодование к.<нзя> Ипсиланти против Владимиреску и слепая доверенность к Иордаки достаточны были, чтобы без точных доказательств всему поверить. Иордаки привез Тудора в Тырговиште, вместо того, чтобы сдать его в Диван, который, впрочем, почти и не существовал, он передал его к.<нзя> Ипсиланти, как преступника.— Тудор посажен был в темницу митрополии, а известному уже злодею Каравии поручено было снять с него допрос. Изверг сей, подвергнув Тудора всевозможным пыткам, единственно чтобы узнать, где скрыл он деньги, которых полагали у него в большом количестве, ибо подобное открытие всех интересовало более, чем все действия Тудора. Но Владимиреску выдержал все с необыкновенной твердостью (сведение сие подтверждено несколькими арнаутами, бывшими с Каравьей в сем случае) и отзываясь, что у него нет ничего, утверждал, что он пришел сюда с тем, „чтоб, соединившись с этеристами, сразиться вместе с турками“. Наконец после двух дней жесточайших мучений объявили Тудору, что его отсылают в Диван и, связав его, ночью выехали за город; подъехав к реке Дымбовице, Каравья застрелил его из пистолета, потом изрубили, отрезали голову, а туловище было брошено в реку. В куртке Каравия нашел более как на 6 т.<ысяч> червонцев золотом и каменьями».

Согласно народным преданиям, драгоценные каменья и золотые червонцы рассыпались по прибрежным камням, окрашенным кровью Владимиреску. Народ не иначе стал его называть, как «Тудор-Вода»⁹. «Убийство это,— пишет Липранди,— было поводом сложения народной, на валахском языке, песни, распространившейся не только что в обеих Валахиях, но и в Молдавии, откуда перешла и в Бессарабию. Она слышалась повсюду, и напев ее, столь же оригинальный, как и сложение, слышался по улицам и часто не только у простолудинов, но и более в высших чинах: „Пом, Пом, Пом ерам еу Пом“. Печальные слова раздавались со всех сторон»¹⁰. Текст этой песни, обнаруженный нами в архиве Липранди, публикуется в том виде, в каком он был записан:

Народные песни, составленные в 1821<г.>
по случаю восстания пандур под предводительством
Тудора Владимиреску и убийства его¹¹

На туземном языке

Помъ! Помъ померама помъ
Помераме ку фронзе верде
Ты вердяци миссоперде

Русский перевод

Дерево! дерево! я былъ когда-то деревомъ,
[Я] Деревомъ с зелеными листьями (1)
[Че] И зелень моя исчезаетъ.

⁹ Documente privind istoria României. Răscola din 1821. Vol. 5. 1962. С. 204, 171.

¹⁰ Там же. С. 204, прим.

¹¹ РГИА СПб., ф. 673, оп. 1, д. 309, л. 7 об.—8.

(3) ¹Кларедкай паче саставлямак ²В 1826
 на сургоно вазетаме паче дуря паче
 предвѣстие твоего мадуре В лидирумак
 и по сургононо

ки тугу земли мѣ. ~~хвалит~~

румынск. ~~румынск.~~

Помѣ! Помѣ помераме тоем (1)
 Помераме ку фронтѣ вѣдѣ.
 Мѣ вѣдѣдѣ мѣ померѣ
 Омѣ! Омѣ вѣдѣрамѣ омѣ
 Омѣ-рамѣ мѣмѣ на нѣмѣ
 мѣ де тѣрѣ мѣ ку мѣмѣ
 хай мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 хай мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ

- Дѣрѣво! Дѣрѣво! вѣдѣм кода мо
 вѣ дѣрѣво мѣ вѣдѣм мѣмѣмѣ (1)
 мѣ вѣдѣм мѣмѣ мѣмѣмѣ.
 мѣмѣмѣ! мѣмѣмѣ! мѣмѣмѣмѣ
 вѣ вѣмѣ мѣмѣмѣ мѣмѣмѣ
 мѣмѣмѣмѣ мѣмѣмѣмѣ мѣмѣмѣмѣ

Се сканамѣ де тугу ку мѣмѣ
 хай мѣмѣ мѣмѣ на вѣрѣ (2)
 Се сканамѣ де стрѣмѣмѣмѣ
 хай мѣмѣ мѣмѣ де мѣмѣ
 Се сканамѣ де мѣмѣ де мѣмѣ
 мѣмѣ, мѣмѣ, мѣмѣ мѣмѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣмѣ де сканамѣ (4)
 мѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ, мѣмѣ, мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣмѣ мѣмѣ мѣмѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣмѣ мѣмѣ мѣмѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ

ку мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 ку мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣмѣ мѣмѣ мѣмѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣмѣ мѣмѣ мѣмѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ
 мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ мѣмѣ

(1) (2) (3) (4) (5) ...

Первая страница молдавской песни из архива Липранди
 Пушкинский кабинет ИРЛИ

{ Омъ! Омъ омираме омъ { Омие-раме май на пите Ше де траба те куминте Хай нима хай! { Хай нима май наинте. { Се скапамъ де тре куците Хай нима <i>май ла вале</i> (2) Се скапамъ де стримбатаре Хай нима май ди парте Се скапам де часть де морте Нуй, нуй, нуй, надежде нуй! Нуй надежда де скапаре (4) Ке нямъ принсь ай курсу таре Фи, фи, фи нима фи Фе нима май коминте (5) Ну трафи аши фербинте. Нуй, нуй, нуй порунки нуй Нуй порунки императаски Се, се ше робаска (6) Апа, апа, апа! (7) Че витур бурата? Че ку Синже Меетиката?	Человекъ! Человекъ! Я былъ [преж<де>] когда-то человекомъ, Человекомъ [с рассудком] разумнымъ. Ну, сердце, ну! Ну, сердце, вперед! Чтобъ избавиться отъ трех ножей, Иди, сердце, далее [(2)], Чтобъ избавиться отъ несправедливости <?>, Пойдемъ, сердце, еще далее (3), Избавимся <от> смерти. Нетъ, нетъ, нетъ, надежды нетъ, Нетъ надежды ее избегнуть: Мы попались въ сети. Будь, будь, будь, сердце, будь, Будь, сердце, осмотрительнее, Не будь такъ порывисто. Нетъ, нетъ, нетъ приказа нетъ! Нетъ приказа императорского, Чтобъ быть и пленить, Вода, вода, вода! Зачемъ ты замутилась И смешалась съ кровью?
---	--

(1) Зеленый лист вставляется во все почти туземные народные песни.

(2) *Ла вале* сибетвето до *Вики* — употребляется в смысле «вперед», «далее» (*май* — «более, еще»). Это выражает время, когда народ искал движение из части нагорной Валахии в большую и (1 слово нрзб.).

(3) Разумеется (1 слово нрзб.) Букареста

(4) Избегнуть, избавиться от опасности.

(5) Более осторожный, более благоразумный, более осмотрительный.

(6) Дается понимать, что ни император русский, ни султан турецкий прямо (буквально) не разрешил действовать.

(7) Река Дымбовица, на берегу которой предательски [гетер<истами>] по приказанию Ипсиланти Владимир<еску> был изрублен и туловище брошено в воду. Прилагаются ноты оригинально-го напева этой песни¹².

Обращает на себя внимание тщательность перевода и детальность примечаний к тексту. И. П. Липранди отмечал, что в Кишиневе Пушкин часто встречался в его доме с сербскими воеводами Вучичем, Ненадовичем, Живковичем, двумя братьями Македонскими и пр. «От помянутых воевод он собирал песни и часто при мне спрашивал о значении тех или других слов для перевода»¹³ и хотя речь идет о сербских песнях, но данный метод был характерен для Пушкина и по отношению ко всем без исключения иностранным песням.

¹² Ноты, о которых говорит Липранди, в его архиве отсутствуют, а в печатных источниках пока не обнаружены.

¹³ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди// Русский архив. 1866. Стлб. 1266—1267.

Приведенный выше автограф был показан нами специалисту в области романской филологии Марии Михайловне Рыжовой, которая сделала письменный вариант песни на современном румынском языке и дала подстрочный перевод, сопроводив его примечаниями. М. М. Рыжова пишет: «Приводимый И. П. Липранди текст записан применявшейся тогда кириллицей, введение которой как нормативного алфавита было обосновано принятием христианства. Однако кириллица не соответствовала фонетическому строю румынского языка, восходящего к латинскому. Поэтому в 1860 году было принято решение о переходе на латиницу, как более соответствующий фонетике румынского языка алфавит. В связи с этим запись данного текста кириллицей является обоснованной. Однако эта запись имеет свои особенности. Очевидно, что И. П. Липранди записывал текст песни на слух, не вдаваясь в детальное изучение румынского языка, так как в тексте часто встречается необоснованное слияние нескольких слов в одно или, напротив, разбивка одного слова на несколько. Помимо этого присутствуют неточности в области грамматики и орфографии, на которые указано в подстрочных примечаниях».

Pom! Pom eram ¹⁴ , pom.	Дерево! Деревом я был, деревом.
Pom eram eu cu frunză verde	Деревом я был с зеленой листвой.
Și verdeața mi se pierde ¹⁵	И зелень моя теряется.
{ Om! Om eram eu, om	Человек! Человеком я был, человеком.
{ Om eram eu mai înainte ¹⁶	Человеком я был раньше,
Și de treabă și cuminte	И работающим, и разумным.
{ Hai, inima, hai!	Ну, сердце, ну! (Давай, сердце, давай!)
{ Hai inima mai înainte	Ну, сердце, вперед,
Să scăpăm de trei cuțite	Спасемся от трех ножей!
Hai inima mai la vale,	Давай, сердце, дальше,
Să scăpăm de strămbătare	Избавимся от несправедливости.
Hai inima mai departe	Давай, сердце, еще дальше,
Să scăpăm de ceas de moarte	Спасемся от смертного часа.
Nu-i, nu-i, nu-i nădejďă nu-i	Нет, нет, нет надежды, нет,
Nu-i nădejďă de scăpare	Нет надежды на спасение,
Că ne-am prins <la ?> ¹⁷ cursu tare	Мы попали в бурное течение.
Fi, fi, fi, inima, fi,	Будь, будь, будь, сердце, будь!
Fi inima mai cuminte	Будь, сердце, более осмотрительным,
Nu prea fi ¹⁸ așa fierbinte	Не будь таким пылким.
Nu-i, nu-i, nu-i, porunca nu-i,	Нет, нет, нет приказа, нет,
Nu-i porunca împărătească	Нет приказа императорского,
Să, să te robească.	Чтоб, чтоб тебя пленить.

¹⁴ Возможно, это — «pom eram eu» («деревом я был»).

¹⁵ Слова «Миссо перде» воспроизводят, по всей вероятности, глагол «a se pierde» в 3-м лице единственного числа и сокращенную форму местоимения 1-го лица единственного числа в дательном падеже «îmi».

¹⁶ Слова «на инте» следует соединить в одно слово «înainte», или сокращенно «painte», что означает «прежде, когда-то».

¹⁷ В рукописи — «ai cursu tare», где «ai» может быть дистантной морфемой, но отсутствует существительное мужского рода множественного числа, к которому эта дистантная морфема могла бы относиться, по смыслу вместо слова «ai» подходил бы предлог «la» («в»), который вводит обстоятельство места.

¹⁸ «Ну тряфи», вероятно, «nu prea fi» (Не будь слишком...).

Ара, ара, ара!
 Ce vii tulberată¹⁹ (reg. *Turburată*)
 Ce cu singe amestecată.

Вода, вода, вода!
 Почему ты течешь мутная,
 Почему смешана с кровью?

Вторая песня о гибели бим-баши Саввы, обнаруженная вместе с первой, также нуждается в предварительном комментировании. Согласно воспоминаниям Липранди, бим-баша Савва после разгрома восстания Ипсиланти пошел на сотрудничество с турками, несмотря на то что ближайшие его сподвижники советовали ему перейти австрийскую границу. Он не доверял их советам, его храбрость граничила с безрассудством. Любимым его выражением было: «Все вы — бабы». 6 августа 1821 года бим-баша Савва вступил в Бухарест с отрядом своим численностью в 180 человек и подъехал к дому паши Кехая-бея. Паша принял ласково его и капитанов Иванча и Генчу и велел наутро приехать для получения халата от султана. На другой день Савва велел шестерым воинам сопровождать его к паше. Выйдя на крыльцо, он приказал оседлать лучшего жеребца, но когда взял его под уздцы, жеребец встал на дыбы. Окружающие расценили это как дурное предзнаменование, но Савва и на этот раз не внял предостережениям. Сев на коня капитана Иванчи, он отправился к Кехаю-бею. О дальнейших событиях И. П. Липранди сообщает с точностью протоколиста:

«...Савва, приехав к Кехая-бею, оставил трех человек при лошадях, а с другими тремя вошел в большой коридор лестницы дома Белло. Турки, наполняемые оной, увидев Савву, начали ему, по обыкновению своему, кланяться и приветствовать, и когда он дошел до середины, как вдруг несколько человек схватились за пистолеты и почти в упор выстрелили в бим-башу Савву и людей за ним идущих. Савва раненный, успел еще выстрелить из обеих своих пистолетов и схватился за саблю, но довершен был кинжалами. Голова его отнесена была тотчас Кехая-бею, а туловище, полуобнаженное, тут же было выброшено в окно на улицу. Трое бывших с ним арнаута защищались также и сверх одного дели-баши, убитого Саввою, еще четверо пали от кинжалов, коими арнауты вооружились. Один из трех, бывших при лошадях (Дмитрий Пантеа — служил в отряде волонтеров правого берега Дуная в 1829 году), успел спастись в конюшню паши, где пролежал под сеном до ночи. Так погиб вероломно бим-баша Савва в день своего рождения, 7 августа 1821 года, имея от роду 42 года.— Выброшенное туловище было сигналом всеобщего нападения на арнаут. Из них 40 человек заперлись в доме Саввы и защищались до того, что турки, видя потерю, которую им наносят, должны были на другой день зажечь окружные дома, и вместе с сими и дом Саввы со всеми людьми на третий день исчез от пламени. <...> Упорная защита арнаут и большая потеря, потерпенная турками, ожесточила сих последних до невероятной степени. В городе сделана была публикация, что если кто спрячет хоть одного арнаута, то не только тот дом, но и три других в каждую сторону от одного лежащих, будут с жителями истреблены до основания.— В продолжении восьми дней Букарест представлял из себя ужаснейшую картину. Остервенелые и разъяренные турки, обогранные кровью, бегали по городу и резали всех, кого только встречали; в день убийства Саввы более трехсот голов принесено было в залу Кехая-бея, который спрашивал у всех, чтоб ему показали голову капитана Иванчи, за которую обещал 200 червонцев.— Но почти все головы сии были простых валахов и других, коих янычары резали и сносили к паше, чтоб показать усердие свое. Ежедневно более ста голов сносимо было к воротам его. На всех почти

¹⁹ В строчке «Че витурь бурата» слово «vii» «идешь, двигаешься» присоединено к следующему «tulberată», или просторечному «turburată», которое в свою очередь разбито на два слова.

улицах, преимущественно в окрестностях дома Белло, разбросаны были головы, руки, ноги и туловища убитых янычарами. Наконец, после 8 дней порядок только мог восстановиться. — Что же касается до капитана Иванчи, то он, спрятавшись в доме одного своего знакомого, в ночь сбросил свое платье и взяв одну молдавскую рубашку, бежал в болото, где в камышах просидел три дня без всякой пищи; наконец, решившись выйти, он успел прокрасться в дом австрийской агенции сквозь турецкую стражу, стоявшую у ворот оного. Но так как все почти турки знали, то и пало подозрение, что он скрывается в консульате сем. Кехая-бей потребовал от г. Удрицкого и просил разрешения обыскать дом; тогда сей предложил Иванче, если он даст ему 1200 левов, то он отправит его в Кронштадт, что тот сейчас и выплатил. Тогда Удрицкий одел его в австрийского курьера платье, с бумагами, на почтовых отправил в Кронштадт»²⁰. Этим трагическим событиям посвящена вторая песня.

Народная песня, преимущественно между арнаутами, на убийство бим-баши Саввы

Фронзе верде шагала	Лист зеленый гияцинта (1)
Савва бим-баша	Савва бимъ-баша
Ти кьяма паша	Тебя зовет паша,
Касазъ дай ту саша	Чтоб ты дал ответ
Савва кауза	Савва едва услышав это
Ла саиз порунча	Приказал Саизу (2)
Армасаруй се гата	Приготовить жеребца.
Лас каре калвь трята	Подвели коня к крыльцу.
Савва-кынъ калики	Савва садится [верхом] на него
Савва с Генчу (3)	Савва с Генчем
Савва бим-баша	Савва бимъ-баша
Савва семъ се фаче	Представилось худое предвещание
Савва де самъ нубаче	Савва не обращал внимания
Калу сен се путехня	Конь норовился
Да Генча причепе	Генча понял (4)
Савве ке диче	Савве сказал
«Ай нуй се фуджим!»	«Ой Савва, бежим!
Ке нуй не прондиу»	Чтоб не пропасть нам»
Савва най скульта	Савва не послушал
На ичте мерта	Поехал вперед
Ла паша и жунта	К паше приближался
Паша кель виде	Паша как увидел
Барба знитезе	Начал поправлять бороду
Пе перта ке интра	Увидел их, въезжавших во двор
Савва бим-баша	Савва бим-баша
Лась каре тряжа	Подошел к лестнице
Сусъ поскаре сусуя	И пошел в верхъ
Паша кель видя	Паша увидев его
Пескауна кельпуна	Посадил [его] на стул
Чубук че кофе ида	Чубук и кофей дал
Ше мило онъ триба	И дружески расспрашивал [его]

²⁰ Documente privind istoria României... С. 243—244.

Савва о том бажа [Ну праи аша фвербинте] [Нуй, нуй] ²¹ Унде ци уости?	Савву бим-башу Где ваше войско?
Уости ми Лади (5) Во чинстречи ми Тот чалбнжи Войниче денти	Войско в Видине До 15/т. человек Все матросы(6) Первые молодцы!

(1) Одинаково, как в вышеприведенной песне, просто «лист» употребляется почти всегда в заунывных песнях.

(2) Конюший, конюх.

(3) *Гензу*, капитан бим-баши Саввы, разделивший с ним несчастную долю.

(3) Албанцы и некоторые смежные с ними племена сильно верят сему.

(4) *Их в Зимнице бился* <?> как видно было выше и относительно которых князь Ипсиланти так необдуманно поступил.

(5) Матросов вообще турки называют «*голицнжи*» от слова «*гелицн*». Они почитаются лучшим воском на Дунае. В прочем ответ Саввы мог относиться численности намекать на... (?)²²

Как и в предыдущем случае, запись текста на современном языке и подстрочный к нему перевод сделан Марией Михайловной Рыжовой, которая комментирует его следующим образом: «Текст этой песни записан на слух, перевод (представленный справа в рукописи) в некоторых местах, хотя и отражает смысл, но не является точным. Судя по исправлениям, сделанным в конце песни (зачеркнута строчка и первые два слова следующей строки: „Ну тряфи аша фвербинте — нуй, нуй...“, которые относятся к предыдущей песне, можно предположить, что текст был переписан, то есть не является первичной записью. Следует отметить, что в тексте почти отсутствуют знаки препинания, не всегда точно графически отражено звучание слов. Мы попытались перевести его на современный язык, однако материал требует доработки: встретились слова, которые не указаны в словарях, поэтому их трудно понять и объяснить». Учтывая эти трудности, можно дать следующий вариант текста:

Frunză verde, șagala, ²³ Savva — bim-bașa Te cheamă pașa Ca să-ți ²⁴ dai tu seama Savva că auzea La saiz poruncea	Лист зеленый, шагала, Савва бим-баша, Тебя зовет паша, Чтобы ты отдал отчет. Как только Савва услышал, Приказывал Саизу ²⁵
--	--

²¹ Зачеркнутые строки из предыдущей песни, очевидно при переписке произошел сбой.

²² РГИА СПб., ф. 673, оп. 1, д. 309, л. 8—8 об.

²³ Слово «шагала», или «șagala», не приводится в словарях, в рукописи оно переводится как «гиацинт», но слово «гиацинт» на румынском языке передается словами: *zambilă* (цветок) и *hăciint* (драгоценный камень). Схожее по звучанию слово «șagă» обозначает «шутку», что не подходит по смыслу. Возможно, это — рефрен «ша-ла-ла».

²⁴ В рукописи «ca să-ți...» написано в одно слово «касаць».

²⁵ Слово «саиз» в комментарии к переводу рукописи дается как «конюший, конюх», однако в словарях нет данного значения. Вероятно, «Саиз» — имя собственное (в переводе оно написано с большой буквы).

Armasarul²⁶ ce gata
 Lase²⁷ la cale...²⁸
 Savva că încălecă³⁰
 Savva cu³¹ Ghenciu
 Savva bim-başa
 Savva semn se face³²
 Savva de stai cu pace
 Calul, semn, se potecni³³
 Da Ghencea pricepe
 (lui) Savva că zice³⁴
 Ai, noi³⁵ să fugim!
 Că noi ne prăpădim
 Savva n-a ascultat
 La urma merge
 La paşa ajunge
 Paşa că-l vede
 Barba <şi-o> netezeşte³⁶
 Pe poartă că intră
 Savva bim-başa
 La scare trăgea³⁷
 Sus pe scare suia³⁸
 Paşa că-l vedea
 Pe scaun că-l punea
 Ciubuc, şi cafea dădea

Жеребца, который готов,
 Подвести к дороге (оставить на пути)²⁹.
 Савва садится на коня,
 Савва с Генчу,
 Савва бим-баша.
 Савва, знак представлялся,
 Савва, стой спокойно,
 Конь споткнулся (это — знак),
 Да, Генча понимает,
 Савве говорит:
 «Ай, давай мы убежим,
 Ведь мы погибнем!»
 Савва не послушал,
 Вперед идет,
 К паше приходит,
 Паша, как видит его,
 Бороду <себе> поглаживает.
 (Как) в ворота вошел
 Савва бим-баша,
 К лестнице направлялся,
 Вверх по лестнице поднимался.
 Паша, как его увидал,
 На стул сажал,
 Трубку и кофе давал

²⁶ В рукописи «армасарул», с конечным «й», в современном языке следует употреблять «armasarul» с постпозитивным определенным артиклем единственного числа мужского рода в именительном и винительном падежах.

²⁷ Вероятно, здесь отсутствует частица «să», участвующая в образовании грамматической формы конъюнктива, который имеет здесь значение императива.

²⁸ Слово разобрать не удалось, в переводе рукописи употреблено слово «крыльцо», которое в румынском языке обозначается словами «pridvor» и «cerdac».

²⁹ Мы можем предположить, что в этой строчке употреблен глагол «a încăleca» — «садиться//сесть верхом», что соответствует переводу.

³⁰ В рукописи дается «Савва-кын калики», употребление подчеркнутых букв остается неясным, возможно, это междометие «сă».

³¹ В тексте написано «съ Генчу», хотя предлог «с» в румынском языке — «cu» [ku].

³² Слово «semn» может обозначать слово «semn», т. е. «знак, примета, предзнаменование», и таким образом, полностью строка может быть записана на румынском языке «Savva, (un) semn se face», т. е. дословно: «Савва, предзнаменование представилось», однако слово «худое» (предзнаменование), данное в переводе рукописи, в оригинале отсутствует.

³³ Слово «путехни» вероятно глагол «a se potecni» [rotecni] — «спотыкаться».

³⁴ Возможно, здесь пропущен показатель дательного падежа «lui».

³⁵ Как и в следующей строке, «нуй» может обозначать ударное местоимение «noi» [noi] — «мы».

³⁶ Строка «барба знитезе», в которой слово «barba» — «борода», а второе слово напоминает румынский глагол «a netezi», может на современном языке, учитывая стихотворную форму (необычный порядок слов для румынского языка), выглядеть следующим образом: «Barba <şi-o> netezeşte» — «Бороду <себе> поглаживает».

³⁷ Слова в строке «Лась каре тряжа» можно перекомпоновать следующим образом: «La scare trăgea» [la skare traʒa] («К лестнице направлялся...»).

³⁸ В слове «сусуя», возможно, лишним является первый слог «су» и можно предположить, что это глагол «a sui» — «подниматься, взбираться».

Și mila ³⁹ întreba	И благожелательно спрашивал:
Savva bim-bașa	«Савва бим-баша,
Unde îți oastea	Где твое войско?»
Oastea — mi la Di ⁴⁰ ...	«Войско мое в Видине...
Vreo cincisprezece mii ⁴¹	Около 15 тысяч человек,
Toți galiongi	Все матросы,
Voinicii dintîi	Первые храбрецы!»

Квалифицированные примечания М. М. Рыжовой наглядно демонстрируют особенности данных песен. Интересны они прежде всего тем, что находились в поле зрения Пушкина. Автограф свидетельствует, что ход работы над записью текстов типологически совпадает с описанным Липранди эпизодом совместного путешествия с Пушкиным в Измаил, когда Пушкин сообщил ему, «что свояченица хозяина продиктовала ему какую-то славянскую песню; но беда в том, что в ней есть слова иллирийского наречия, которых не понимает, а она, кроме своего родного и итальянского языка, других не знает, но что завтра ко-го-то найдут и растолкуют»⁴².

Ни непрофессиональный перевод молдавских песен, ни тот факт, что на определенном этапе Пушкин потерял к ним явный интерес, не может уменьшить их значение для исследователей пушкинского наследия.

³⁹ Вероятно, здесь пропущен предлог «cu» — русский предлог «с», т. е. «Si cu milă întreba» — дословно «И благожелательно спрашивал».

⁴⁰ «Di» — это сокращение от архаической формы «Diu» топонима «Vidinul».

⁴¹ В строчке «Во чинстречи ми» слышится следующее: «Во» — это, вероятно, «vreo» — «около, примерно»; «чинстречи» — «cincisprezece», т. е. «пятнадцать».

⁴² Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди // Русский архив. М., 1866. № 8/9. Стлб. 1279.

«РОМАН НА КАВКАЗСКИХ ВОДАХ» А. С. ПУШКИНА

(Опыт реконструкции замысла)

Я думал уж о форме плана
И как героя назову.

Пушкин

Среди неосуществленных замыслов Пушкина небольшой прозаический фрагмент и несколько планов возможного повествования, опубликованные после смерти автора под редакторским заглавием «Роман на Кавказских водах»¹, представляют значительный интерес в аспекте исследования как пушкинской прозы², так и в плане изучения психологии творчества. Б. С. Мейлах писал, что исследователь вправе «рассматривать планы Пушкина не только как наброски построения произведения», но и «как существеннейшую фазу художественного мышления»³, дискретной единицей которого является жизненный факт.

Воплощение реального жизненного события или биографии реального человека в художественной структуре произведения происходит одновременно и с сохранением его наиболее характерных особенностей, и с абстрагированием от них. Е. Добин назвал этот процесс «законом концентрации» жизненного противоречия, который проявляется не только в строении сюжета в целом, но и «в отдельных звеньях сюжета, в эпизодах и деталях»⁴.

В этом процессе важнейшее значение имеют представления автора о реальной действительности и ориентация его в художественных моделях ее воплощения уже бытующих в мировой литературе, иными словами — концептуальное мышление автора, которое четко фиксируется в планах его произведения. Неслучайно Пушкин уделял планам столько внимания, причем планам не только прозаическим, но и поэтическим произведениям. Он писал, что величайшим достоинством Шекспира, Данте, Гёте является «смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслью», а «единый план Ада есть уже плод высокого гения» (XI, 42).

Планы «Романа на Кавказских водах», согласно текстологическим данным, датируются сентябрем 1831 года. Однако предыстория замысла началась значительно раньше. Она берет свое начало в полемике 1824 года, которая возникла после издания «Кавказского пленника», поэмы, в которой, по оценке автора,

¹ Прозаический фрагмент начала романа опубликован П. И. Бартеневым (Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 446—468).

² Ю. Г. Оксман проанализировал планы «Капитанской дочки» и показал, как настойчиво выдвигаются в них мотивы «крестьянского бунта» героической и драматической эпохи (Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой» // Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Исследования и материалы. Саратов. 1953. С. 13).

³ Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962. С. 196—197.

⁴ Добин Е. Жизненный материал и художественный сюжет. Л., 1956. С. 120.

«простота плана близко подходит к бедности изобретения» (XIII, 371). Если обратиться к первоначальному плану поэмы, то мы увидим, что в нем Пушкин наметил лишь основные сюжетные сцены. Б. С. Мейлах отмечал, что этот план пока «мало раскрывает мотивы и причины поведения героев: сами их характеры даны схематично, акцент сделан на лирическом самовыражении»⁵. Окончательный вариант плана поэмы «Кавказский пленник» таков:

«Аул — Пленник.— Дева.— Любовь.— Бешту — Черкесы.— Пиры — Песни — Воспоминанья — Тайна — Набег — Ночь.— Побег»⁶.

По наблюдениям Б. С. Мейлаха, этот план полностью реализован в структуре поэмы. Пушкин не наделяет главного героя своей поэмы именем или фамилией, видимо, потому, что в основе художественного образа ему представляется не конкретный человек, а абстрактный тип современника. Эта расплывчатость художественного образа была замечена одним из самых благожелательных критиков поэмы — П. А. Вяземским и отмечена в его рецензии следующим образом: «...характер пленника нов в поэзии нашей, но сознаться должно, что он не всегда выдержан, и так сказать не твердою рукою дорисован <...> он только означен; мы почти должны угадывать намерения автора и мысленно пополнять недоконченное в его творении»⁷.

Пушкин в письме к Н. И. Гнедичу от 29 апреля 1822 года согласился с замечаниями Вяземского и предложил новые пути усложнения сюжета⁸. В дальнейшем, размышляя над возможными прототипами кавказского пленника, он среди современников наметил возможного прототипа своего героя. В письме к А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 года он спрашивал, «кто писал о горцах в *Пгеле*?⁹ Не Якубович ли, герой моего воображения? Когда я вру с женщинами,

⁵ Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962. С. 191.

⁶ Сохранился план начала поэмы: «Черкес.— Ждет <?> — Бой — Бег — Аул — Плен — Хата — Дева — <нрзб.>» (IV, 285) и набросок плана 2-й части поэмы: «Буря — Бешту — Песни — Игры — Черкес — Дева — Воспоминанье! — [Проща<нье>] [Портрет] Нападение — война — [Прощанье] Побег» (IV, 285). Д. Д. Благой проанализировал планы «Полтавы» и практически полное соответствие их с текстом поэмы (*Благой Д. Д. Мастерство Пушкина*. М., 1955. С. 87).

⁷ Вяземский П. А. «О Кавказском пленнике»// Сын отечества. 1822. Ч. 22. № 49. С. 120—122.

⁸ «Характер главного лица [лучше сказать единственного лица] (а [действ. лиц] всего-то их двое) приличен более роману, нежели поэме,— да и что за характер? Кого займет изображение молодого человека, [истощившего] потерявшего [всю] чувствительность сердца в каких-то-то несчастиях, неизвестных читателю; его бездействие, его равнодушие к дикой жестокости горцев и к [юным] прелестям кавказской девы могут быть очень естественны — но что тут трогательного — легко было бы оживить рассказ происшествиями, кот.<орые> сам.<и> соб.<ственно> истекали из предметов. Черкес, пленивший моего Русского, мог быть любовником [моей] [юной] молод<ой> Черкешенки избавительницы м.<оего> героя — [вот вам и сцены ревности и отчаяния прерванных свиданий опасностей и проч.]. Мать, отец и брат ее могли бы иметь каждый свою роль свой характер — [все] всем этим я пренебрег, во-первых, от лени, во-вторых, что разумные эти размышления пришли мне на ум тогда, как обе части м.<его> Пл.<енника> были уже [написаны] кончены — а съязнова начать не имел я духа» (XIII, 371, 372).

⁹ Речь идет о статье «Отрывки о Кавказе. (Из походных Записок). (Письмо к издателям „Сев.<ерной> п.<челы>“), подписанное инициалами „А. Я.“ (Северная пчела. 1825. № 138, 17 ноября). Подробнее см.: Азадовский М. К. О литературной деятельности

я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, простреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc. — в нем много, в самом деле, романтизма. Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде — поэма моя была бы лучше» (XIII, 244).

В этом фрагменте уже намечены дискретные единицы сюжета; *разбой* на Кавказе — *дуэль* из-за любовного соперничества — *похороны* близкого человека и душевная драма героя — его *успех у женщин*. Все это организуется по двум составляющим: фактам биографии реального человека¹⁰ и сюжетной модели романа, в котором главный персонаж — личность, одинаково связанная с гражданским обществом, охраняемым законами, и врагами этого общества, «отверженными». «Схема, — как отмечал Б. В. Томашевский, — не новая, но характерная и близкая творчеству Пушкина»¹¹.

Обретение литературным героем прототипа всегда значимо, так как вместе с ним литературный герой причисляется к конкретному социальному типу. Последнее, по мнению Ю. М. Лотмана, чрезвычайно важно, «так как поэтика сюжета в романе — это в значительной мере поэтика героя, поскольку определенный тип героя связан с определенными же сюжетами <...> каждое лицо и имя, т. е. все, что сопряжено в культурном сознании с определенным значением, таит в себе в свернутом виде спектр возможных сюжетных ходов. На пересечении этих... возможностей возникает исключительное богатство трансформаций... сюжетных структур, определяемых традициями жанра с их взаимодействиями с «сюжетами жизни»»¹². На «сюжетах жизни» следует остановиться детальнее.

Дуэль, о которой упоминает Пушкин в письме к А. Бестужеву, в свое время наделала в Петербурге много шума. Она состоялась 13 ноября 1817 года между штабс-ротмистром Кавалергардского полка В. В. Шереметевым (1794—1817) и камер-юнкером графом А. П. Завадовским (1794—1856) из-за балерины А. Истоминой. Якубович, являясь секундантом Шереметева, вместо примирения настойчиво побуждал противников к поединку, по окончании которого поклялся лично отомстить Завадовскому¹³ и его секунданту А. С. Грибоедову¹⁴.

А. И. Якубовича // *Азадовский М. К.* Страницы истории декабризма. Иркутск. 1991. Т. 1. С. 358—372.

¹⁰ Приблизительно в это же время К. Рылеев намеревался писать поэму о кавказском военном быте, в которой основным прототипом главного героя также был Якубович, при этом сюжет поэмы разрабатывался Рылеевым в полемическом ключе по отношению к поэмам Пушкина «Кавказский пленник» и «Цыганы». Это отразилось прежде всего в зеркальном построении сюжета: освобождение пленника черкешенкой в «Кавказском пленнике», возвращение пленницы козаком в планах поэмы Рылеева и в биографии Якубовича. (*Виноградов В. С.* Из истории декабристской поэмы (неосуществленный замысел К. Ф. Рылеева) // Проблемы теории и истории литературы. М., 1971. С. 112—119).

¹¹ *Томашевский Б. В.* «Три рисунка Пушкина» // *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 433.

¹² *Лотман Ю. М.* Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи в 3 томах. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 93.

¹³ Вопрос об этом намерении был задан Якубовичу членами следственной комиссии по делу декабристов, на что он ответил: «Быв в отпуску на 28 дней в 1822-м году в Малороссии, я виделся с тем Завадовским, убийцей моего друга, виновником моих бедствий, который не только пред властями, но и у отца моего умел меня очернить, я и с ним примирился, простил все прошедшее» // *Восстание декабристов.* М.; Л., 1926. Т. 2. С. 286.

¹⁴ Дуэль Якубовича и Грибоедова состоялась 23 октября 1818 г. около Татарской могилы близ селения Куки, Якубович прострелил Грибоедову кисть левой руки (см.: *Воспомина-*

События, послужившие причиной дуэли, кратко можно изложить так: А. Истомина, состоявшая около двух лет на содержании В. В. Шереметева, 3 ноября 1817 года решила оставить его «по беспокойному характеру и жестоким с нею поступкам»¹⁵. 5 ноября она вместе с А. С. Грибоедовым оказалась вечером в доме графа Завадовского, у которого Грибоедов в то время проживал. Но побудительные причины, владевшие каждым из участников этой драмы, были противоречивы, и потому во время официального следствия по делу сложились три противоречащие друг другу версии: Истоминой¹⁶, Грибоедова¹⁷ и Завадовского¹⁸.

Между тем по Петербургу поползли слухи, будто истинной виновницей происшедшего является сама Истомина, которая просила Грибоедова ждать ее с санями у Гостиного двора, куда приехала в театральной карете. И эту версию, очевидно, можно считать наиболее вероятной, так как по своему характеру Грибоедов хотя и снискал себе известность любовными похождениями, но сводником никогда не был. Завадовский же по ошибке мог принять визит Истоминой на свой счет. После неудавшегося объяснения Грибоедова и Истоминой у нее произошло объяснение и с Шереметевым, который, то угрожая ей пистолетом, то целясь в себя, выяснил подробности случившегося и решил драться на дуэли. Якубович, помогавший Шереметеву выслеживать Истому в тот злополучный вечер, предложил ему вызвать Грибоедова, а сам намеревался стреляться с Завадовским. Грибоедов, напротив, предложил Шереметеву стреляться с Завадовским, а сам сделал вызов Якубовичу.

События развивались как в романе. 9 ноября в 16 часов вечера Якубович и Шереметев приехали к Завадовскому и предложили «тот час же драться на смерть». Завадовский попросил два часа, чтобы пообедать. Решено было перенести дуэль на 10 ноября. На следующее утро Якубович и Шереметев вновь были у Завадовского с вызовом («картелем»), причем Шереметев, как и накануне, говорил, что «ничем не обижен», но что поединок должен быть смертельным, потому что он «клятву дал». Сошлись во мнении драться 12 ноября

ния Н. Н. Муравьева// А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980); Гордин Я. Русская дуэль. СПб., 1993. С. 46–48.

¹⁵ В искренности этого заявления некоторые представители высшего света сомневались и считали, что Шереметев «по юным летам своим, вероятно, ничем другим пред нею не провинился, как тем, что обмелел его карман».

¹⁶ Истомина на следствии показала, что инициатором поездки был Грибоедов, с которым она по прежним дружеским отношениям согласилась поехать к кн. Шаховскому, а оказалась на его квартире, где вскоре оказался и Завадовский, который по прошествии некоторого времени заговорил с ней о любви, но в шутку или всерьез, того она не знает, не добившись согласия, по прошествии некоторого времени она была отвезена Грибоедовым на свою квартиру.

¹⁷ Грибоедов показал, что пригласил Истому единственно для того, чтоб узнать подробнее, как и за что она поссорилась с Шереметевым, а так как он жил на квартире графа Завадовского, то и завез на оную, куда вскоре приехал и Завадовский, но говорил ли тот ей о любви, не помнит, но после отвез ее в квартиру.

¹⁸ Завадовский сначала утверждал, что и ранее склонял Истому оставить Шереметева и, увидев ее в своей квартире, «в шутках говорил и делал разные предложения», но на очной ставке с Грибоедовым он взял назад свои показания и заявил, что он ошибся, приняв визит Истоминой на свой счет.

на Волковом поле с 18 шагов. Шереметев выстрелил первый, выведенный медлительностью Завадовского. Пуля оторвала край воротника на сюртуке противника. Шереметев сказал Завадовскому, что если тот откажется от выстрела, то он выстрелит вновь. Завадовский, будучи отличным стрелком, целился очень долго, сделал «два раза вспышку на полке» и один раз осечку и только после этого выстрелил в Шереметева¹⁹. Пуля попала в бок, а по другим сведениям, прошла через живот и засела в левом боку. Шереметев упал, но потом поднялся и стоял до тех пор, пока ему не сделали перевязку²⁰. Однако рана оказалась смертельной. На следующий день Шереметев умер. Отец Шереметева просил императора не подвергать Завадовского наказанию, и тот, проведя расследование, признал, что убийство Шереметева было совершено «в необходимости законной обороны».

И все-таки последствия этой дуэли сказались на судьбах всех ее участников: Завадовский был отправлен за границу, Грибоедова в составе дипломатической миссии послали в Персию, Якубовича за неприличный гвардии офицеру поступок перевели тем же чином (т. е. прапорщиком) из гвардии в армию, в Нижегородский драгунский полк, с тем, чтобы генерал А. П. Ермолов установил за ним строгий присмотр²¹. Это был сильный удар по самолюбию Якубовича. Однако вскоре он оправился и «так сроднился с обычаями горцев и образом войны их, что походил на черкеса гораздо более, чем многие кабардинцы»²².

¹⁹ Эта ситуация впоследствии нашла свое отражение в повести Пушкина «Выстрел». Жизненные обстоятельства казались настолько литературными, что их использовал и Якубович, когда во время ссылки рассказывал историю своей дуэли с Грибоедовым. При этом он, разумеется, избрал для себя линию Завадовского — Сильвио (*Власова З. И. Декабристы в неизданных мемуарах А. И. Штукенберга // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 365—366.*)

²⁰ Подробнее см.: Русская старина. 1874. Т. 2. С. 161—163; 1883. Т. 3. С. 384—386; 1900. Т. 2. С. 119. Русский архив. 1886. Т. 2. С. 331. *Пангулидзе С.* Сборник биографий кавалергардов. 1801—1826. СПб., 1906. С. 241, 243.

²¹ При этом великий князь Константин Павлович, занимаясь официальным разбирательством этого дела, потребовал отставки Якубовича, и только заступничество командира корпуса князя Л. Васильчикова перед императором Александром I смягчило решение его судьбы, определенной Высочайшим повелением от 20 января 1818 г. (*Бобровский П. О.* История лейб-гвардии Уланского... полка. Т. 1. С. 304—305).

²² *Потто В.* История 44-го драгунского Нижегородского полка. СПб., 1892. Т. 2. С. 165. В другой книге, описывая пребывание Якубовича на Кавказе, В. Потто отметил, что, командуя своими резервами «на Малке, Баксане и Чегеме, Якубович имел вполне самостоятельный круг действий и подчинялся непосредственно только начальнику войск в Кабарде». Главным предметом его действий было не допускать хищников на линию, ограждать кабардинцев, выселившихся с гор, делать беспрепятственные разъезды, ходить в горы и т. п. Таким образом, он всегда был в авангарде <...> Слава о нем разнеслась по целому Кавказу, как между русскими, так и между горцами. Самые отважные наездники искали его дружбы, считая его безукоризненным джигитом <...> Отчаяннейшие враги России были кунаками Якубовича, ценя его великодушные поступки, верность данному слову и зная, что жены и дети знатнейших из них, если бы по жребию войны и достались в его руки, будут возвращены с почетом и без выкупа. Одну красавицу княгиню, попавшую в плен, он сам оберегал, стоя по ночам на страже у ее шалаша; а когда отряд его возвратился домой, сам же доставил ее в горы к мужу. Признательный князь отпустил тогда с Якубовичем также без выкупа шесть

Во время своего первого посещения Кавказа Пушкин не встретился с Якубовичем, но много слышал о нем и основные характерологические особенности его личности планировал воплотить в образе главного героя своего предполагаемого романа, действие которого разворачивалось на Кавказских минеральных водах.

Место действия предполагаемого романа было выбрано Пушкиным не случайно. В. Скотт романом «Сен-Ронанские воды» (1823)²³ — создал литературный прецедент. Шотландскому романисту по справедливости приписывается слава создателя нового европейского исторического романа. Он сумел оказать воздействие на развитие европейских литератур, в том числе и на развитие русской литературы²⁴. Преодолеть влияние В. Скотта в области исторического романа было чрезвычайно трудно²⁵. Но в области психологического раскрытия личности героя романы В. Скотта были «совсем не так историчны, как в изображении обстановки, нравов, быта, общественной среды. Принцип развития предстояло еще применить к изображению внутреннего мира человека, его характера, и притом в причинной связи с общественной средой, также изменяющейся и развивающейся по своим, не зависимым от сознания людей законам»²⁶.

В. Скотт прекрасно это понимал и в предисловии к «Сен-Ронанским водам», излагая свое видение построения сюжета нового социального романа, отметил, что прежде всего: «...ставит своей целью дать представление о неустойчивых нравах... времени и описывает сцены, подсказанные событиями, которые разыгрываются вокруг нас ежедневно, так что читатель с первого же взгляда может сверить копии с подлинниками. <...> Местом действия своей маленькой драмы, — писал далее В. Скотт, — я избрал целебный источник. <...> На воды тянется всякий, кто переезжает с места на место в тщетных попытках избавиться от надоевшего ему спутника — самого себя; туда же являются дамы и джентльмены, движимые противоположным стремлением — поскорее зажить вдвоем. На таких водах — что вполне естественно — общество придер-

русских пленных, стал вернейшим кунаком, переписывался с ним и не раз извещал его о сборищах закубанцев. <...> Влияние Якубовича было в горах огромно; одного имени его, предположения присутствия его, слуха о нем — иногда достаточно было, чтобы удержать горцев от нападения на Кабардинскую линию» (*Помто В.* Кавказская война в отдельных эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1913. Т. 2. С. 428—430).

²³ Французский перевод романа вышел в 1824 г. См.: *Якубович Д. П.* Роль Франции в знакомстве России с романами Вальтер Скотта// *Язык и литература.* Л., 1930. Т. 5. С. 137—184. Русский перевод романа, сделанный М. Воскресенским, вышел в 1828 г. (цензурное разрешение — 11 июля 1827 г.).

²⁴ Подробнее см.: *Левин Ю. Д.* Прижизненная слава Вальтер Скотта в России// *Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы.* Л., 1975. С. 5—67. *Алексеев М. П.* Вальтер Скотт и его русские знакомства// *Литературное наследство.* М., 1982. Т. 91. С. 247—393; *Альтшулер М. Г.* Эпоха Вальтер Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб., 1996.

²⁵ П. А. Вяземский писал: «Кажется, в нашем веке невозможно поэту не отозваться Байроном, как романисту не отозваться В. Скоттом, как ни будь велико и даже оригинально его дарование» (*Московский телеграф.* 1827. Ч. XIV. № 7, отд. 1. С. 195).

²⁶ *Петров С. М.* Исторический роман// *История русского романа.* М.; Л., 1962. Т. 1. С. 207.

живается гораздо более снисходительных правил, чем те, которыми руководится модный свет или замкнутые аристократические круги столицы. <...> К тому же среди завсегдатаев минеральных вод часто встречаются не только смешные, но также опасные и отвратительные характеры, лишенные нравственных устоев игроки, бессердечные авантюристы и вообще те, кто выискивает себе средства к существованию, потакая порокам и безрассудствам людей богатых и беспутных, те, кто хитростями и кознями умеют довести слабость до преступления, а опрометчивость — до губительного безумства. — Все они непременно оказываются там, где обычно собираются их жертвы: так стервятники слетаются на поле кровавой битвы. Это чрезвычайно облегчает задачу романиста, особенно когда его рассказ доходит до мрачных и печальных эпизодов»²⁷.

Структура романа, предложенная В. Скоттом, была нова. От классического романа, в котором действие разворачивалось на проезжей дороге («История Тома Джонса» Г. Филдинга), или на необитаемом острове («Робинзон Крузо» Д. Дефо), или в незнакомой стране, где герой, куда бы ни пошел, ощущал себя чужаком (здесь диапазон простирался от путешествий Гуливера Дж. Свифта до ранних романов самого В. Скотта), романист перешел к такой романной структуре, которая на первый план выдвигала не столько динамику событий, сколько динамику психологического конфликта, где само место пребывания персонажей предопределяло драматизм их поступков и действий.

Это нововведение современники восприняли с энтузиазмом. Описывая морские купания в Нейбате (близ Риги), А. Бестужев 21 августа 1824 года писал сестрам: «...общество точно на водах св. Ронана, а может быть, и романы тут начинаются»²⁸. Пушкин пробовал воплотить в незавершенном фрагменте «Участь моя решена...» воспоминания о реальной поездке на пироскафе, состоявшейся весной 1818 года, на которой, помимо него, присутствовали П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, А. Оленина, Дж. Кэмпбелл с супругой и др.²⁹ В незавершенном «Романе в письмах» (1827) А. С. Пушкина его героиня — Лиза — сетует на современные романы, в которых «происшествие занимательно, положение хорошо запутано», но главные персонажи малоинтересны. А решение, казалось бы, совсем простое: «умный человек мог бы взять готовый план, готовые характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный, оригинальный роман»³⁰ (VIII, 50). Таким образом, вопрос о знании характеров и биографий предполагаемых прототипов романа приобретал для Пушкина первостепенное значение.

Главным действующим лицом «Романа на Кавказских водах» Пушкин наметил Александра Ивановича Якубовича (1792—1845), который современ-

²⁷ Скотт В. Собр. соч.: В 20 т. М., 1964. Т. 16. С. 7—9 (пер. Н. А. Лопыревой и Н. Я. Рыковой).

²⁸ Памяти декабристов. Л., Вып. I. 1926. С. 45.

²⁹ См.: Аринштейн Л. М. Знакомство Пушкина с «сестрой игрока des eaux de Ronan» // Временник Пушкинской комиссии. 1979. Л., 1982. С. 109—120.

³⁰ И здесь же героиня дает совет некоему «неблагодарному Р*», которому «полно... тратить ум в разговорах с англ<ичанками>! Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых так хорошо знает» (VIII, 50).

никам представлялся фигурой демонической. Но определяющей линией характера Якубовича был не демонизм, а ущемленное самолюбие. Будучи натурой незаурядной, он тем не менее довольно медленно продвигался по служебной лестнице³¹, в то время как остальные весьма в этом преуспевали. Анна Григорьевна Хомутова вспоминала о почестях и блестящих наградах, которыми были осыпаны участники заграничного похода 1814 года по возвращении в Россию: «Первый, возвратившийся из Парижа, был Сергей Волконский, обвешанный крестами и звездами <...> он был во всем блеске. Волконский первый раз приехал в театр и, скромно закутываясь в плащ, смеясь говорил нам: солнце прячет в облака свои лучи. Князь Гагарин <Павел Гаврилович, генерал-адъютант императора Павла.— Н. М.> во время оно, такой же блестящий, был подавлен великими событиями, в которых не мог принимать участие. Он вспоминал Итальянские войны, вспоминал, как Суворов прислал его со знаменами Нови и часто говорил с горечью: „...чтоб увенчать такую блестящую карьеру, я бы должен был быть посланником Монмартрским, победы и взятия „Парижа“. Вслед за кн. Волконским возвратились многие военные и рассказывали чудеса о Париже и об энтузиазме, возбуждаемом нашим Государем»³².

Этого блеска и этой славы Якубович был лишен: по возвращении в Россию 20 декабря 1816 года (24 лет от роду) он получил всего лишь звание корнета³³. Но Якубович нашел путь психологической компенсации в приобретении репутации хладнокровного бретера. Позже, на следствии по делу декабристов, он объяснил побудительные мотивы своего поведения так: «...я с моими страстями не мог быть последним, если не в поступках, то в словах»³⁴. И приобретенная им репутация была настолько прочной, что о ней сочли необходимым впоследствии упомянуть даже в истории полка³⁵.

³¹ В его формулярном списке за 1815 г. сообщается, что он отправился в армию в 1813 г., а в 1814 г. он, переправясь через Рейн во Францию, 22 июня явился в полк, стоявший в г. Гогенау, и с этим полком 12 октября 1814 г. вернулся в Россию, пройдя владения: Баденское, Вюрцбургское, Рудольфштадтское, Веймарское, Саксония, Варшавское герцогство, Пруссию, посетив столичные города Берлин и Потсдам. Был он в то время портупей-юнкером. В 1815 г. он вместе с полком дошел до г. Вильны и вернулся обратно в Петербург (длится поход с 5 июня по 19 октября и связан был с возвращением Наполеона во Францию). (Следственное дело А. И. Якубовича// Восстание декабристов. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 279).

³² Хомутова А. Г. Из записок// Русский архив. М., 1867. Стлб. 1057—1058.

³³ А. С. Пушкин в письме к брату 21 июня 1822 г. писал, что если избирать для себя военную карьеру, то «в русской службе должно непременно быть в 26 лет полковником» (XIII, 42). Были и более блестящие продвижения по службе, например М. Ф. Орлов (род. 1788) в 26 лет был генерал-майором и флигель-адъютантом императора, который к нему благоволил. Поэтому понятно, почему Якубович воспринимал свое медленное продвижение по службе столь болезненно.

³⁴ Восстание декабристов. Т. 2. С. 294.

³⁵ «Корнету Якубовичу, за шум, произведенный в театре за сценою 13-го августа 1817 г. и за ношение неформенной одежды в Петербурге, кроме недельного ареста на гауптвахте, был допущен въезд из Стрельны в столицу на неопределенное время. Но такое наказание не достигло цели»// Бобровский П. О. История лейб-гвардии Уланского ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны полка. СПб., 1903. Т. I. С. 312.

Служба Якубовича на Кавказе принесла ему широкую известность. Ранение в голову, полученное в конце июня—начале июля 1823 года в ходе боевых действий, еще более укрепило ореол его воинской славы: рана считалась смертельной, но «железная натура Якубовича все превозмогла, и через сутки, бледный, с повязанной головой, он уже ехал верхом перед своими линейцами. Горцы стали считать его заколдованным»³⁶. После ранения Якубович некоторое время находился в отряде, а затем был отправлен на лечение на Кавказские минеральные воды³⁷, после чего в Малороссию.

В ноябре 1824 года Якубович продлил отпуск для лечения и некоторое время провел в Москве, а чуть позже появился в Петербурге. Он близко сошелся с К. Ф. Рылеевым, у которого завоевал доверие своими уверениями в необходимости царевубийства³⁸. Однако когда 13 декабря 1825 года был поставлен конкретный вопрос о том, кто будет непосредственным исполнителем данного предприятия, то Якубович сначала предложил метнуть жребий, а затем, увидев, что все молчат, сказал: «Впрочем, господа, я вам признаюсь, что этого взять на себя не в состоянии, я сделать этого не могу потому, что я имею доброе сердце. Я хотел сделать это против кого я дышал мщением <то есть против Александра I.— Н. М.>, но я не могу быть хладнокровным убийцей потому, что я имею доброе сердце»³⁹.

Это колебание Якубович испытывал и на Сенатской площади⁴⁰. Но Николай I был не так-то прост: приняв Якубовича с показным радушием, он не-

³⁶ Там же. С. 166.

³⁷ Летом 1824 г. на Кавказских минеральных водах его встретил С. Г. Волконский (*Волконский С. Г. Записки*. СПб., 1902. С. 414—415; *Восстание декабристов*. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 299).

³⁸ В своих показаниях Следственной комиссии Рылеев писал: «Задолго до приезда в Петербург Якубовича я уже слышал о нем. Тогда в публике много говорили о его подвигах против горцев и его решительном характере. По приезде его сюда мы скоро сошлись, и я с первого свидания возымел намерение принять его в члены общества, почему при первом удобном случае и открылся ему. Он сказал мне: „Господа! Признаюсь, я не люблю никаких тайных обществ. По моему мнению, один решительный человек полезнее всех карбонариев и масонов. Я знаю, с кем я говорю, и поэтому не буду таиться. Я жестоко оскорблен царем. Вы, может, слышали.— Тут, вынув из бокового кармана полуистлевший приказ по гвардии и подавая его мне, он продолжал все с большим и большим жаром.— Вот пилюля, которую я восемь лет ношу у ретивого, восемь лет жажду мщения“.— Сорвавши повязку с головы, так что показалась кровь, он сказал: „Эту рану можно было залечить на Кавказе без ваших Арендтов и Буяльских, но я этого не захотел и обрадовался случаю, хоть с гнилым черепом добраться до оскорбителя. И, наконец, я здесь, и уверен, что ему не ускользнуть от меня. Тогда пользуйтесь случаем, делайте, что хотите!“» (*Восстание декабристов*. Материалы. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 181.)

³⁹ *Восстание декабристов*. М., 1980. Т. XVII. С. 98. Рылеев по этому пункту отвечал следующее: «Если бы положено было уничтожить императорскую фамилию или кого-либо из оной, то общество верно бы приняло предложение Якубовича кинуть жребий, кому на сие покуситься, но предложение его было отвергнуто единодушно» (Там же).

⁴⁰ «В сие время,— пишет Николай I,— заметил я слева против себя офицера Нижегородского драгунского полка, которого черным обвязанная голова, огромные черные глаза и усы и вся наружность имели что-то особенно отвратительное. Подозвав его к себе, узнал я, что он Якубовский, но, не зная, с какой целью он тут был, спросил его, чего он желает. На сие он мне дерзко сказал: „Я был с ними, но, услышав, что они за Константина, бросил

сколько раз посылал его «образумить бунтовщиков и убедить их, чтобы они покорились». И тут же вслед за ним посылал некоего «Z», который слышал, что «Якубович вместо убеждения говорил: „Ребята, держитесь, наша берет, трусят, ура! Константин!“» <...> Якубович возвращался и докладывал: «Извольте слышать, они с ума сошли, хотели в меня стрелять»⁴¹. Наглая смелость Якубовича поначалу сбила Николая с толку и даже во время первого допроса оставила в нем уверенность в его непричастности. Поэтому Якубович «был освобожден, хотя вскоре новые улики заставили его вновь и окончательно арестовать»⁴².

Императору не пришлось доискиваться причин, объясняющих поведение Якубовича. Уже 28 декабря 1825 года Якубович сам изложил их ему в письме⁴³ из каземата Петропавловской крепости. В основе его оппозиционности Николай I увидел не стремление свергнуть существующий строй, а лишь личную обиду офицера на Александра I. Это и было зафиксировано в окончательном⁴⁴ решении Верховного уголовного суда⁴⁵.

Размышляя над сущностью художественного образа, М. В. Нечкина отметила, что его существенной особенностью является не наличие всех признаков общественного явления или реального прототипа, а лишь существенных его черт. Причем стоит художественному образу «попытаться вместить в себя „все“ признаки жизненного явления, им отраженного, как <...> он теряет легкость полета, лишается силы, рушится»⁴⁶. И это происходит потому, что прототип всего лишь «модель, от которой автор берет только то, что ему нужно и пригодно для его целей. Попала ли та или иная черта модели в число отобранных художником и в какой степени — это может сказать только сам художественный образ»⁴⁷.

и явился к вам”. — Я взял его за руку и сказал: „Спасибо, вы ваш долг знаете”» // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.: Л., 1926. С. 24.

⁴¹ Очерки, рассказы и воспоминания Э... // Русская старина. 1878. № 12. С. 641.

⁴² Междуцарствие 1825 года... С. 30.

⁴³ В этом обращении к императору «наиболее горячий сторонник цареубийства» писал: «Государь! Не наглая дерзость или язык лести будет излагать мои мысли и замечания, нет, одну строгую истину представлю пред глаза Вашего Величества. Не имея теперь ничего общего с человеками, в каземате, когда меч правосудия висит над моей головой, хочу хотя истиной служить Отечеству и как награды за сей поступок, прошу, Государь, доверенности к моим словам, она приведет к счастью миллионы граждан и даст Вам прочную славу в благодарности подданных и любви потомства» (Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. Под ред. А. К. Бороздина. СПб., 1906. С. 73).

⁴⁴ В предварительном решении Верховного уголовного суда, вынесенном на утреннем заседании 2 июля 1826 года, записано следующее: «Нижегородского драгунского полка о капитане Александре Якубовиче. 31 чл[ен] полагают: по лишении чинов и дворянства казнить его смертью; 29 чл[енов]: четвертовать; 1 член: расстрелять; 1 член: лишив чинов и дворянства и положи голову на плаху, сослать в каторжную работу» (Восстание декабристов. Т. 17. С. 157).

⁴⁵ Там, в частности, указывалось, что «несчастная страсть казаться необыкновенным побудила его составить роман об отмщении за перевод его из гвардии в армию» (Восстание декабристов. Л., 1925. Т. 8. С. 216).

⁴⁶ Нечкина М. В. Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982. С. 10.

⁴⁷ Скафтымов А. Л. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмот-

Планы «Романа на Кавказских водах» свидетельствуют о том, что Пушкин прекрасно знал характер «героя своего воображения», но отбирал для своего персонажа лишь необходимые ему черты. Например, в плане ПД 271 важным сюжетным звеном является значительный карточный выигрыш Якубовича и намек на связь с шулерами. В следственном деле декабриста Якубовича есть данные, что тот действительно был слишком удачливый карточный игрок⁴⁸. В пушкинских планах отец героя предстает как разбитый параличом старик. В этом образе соединились черты двух прототипов — отца Якубовича и парализованного брата Ивана⁴⁹. В пушкинских планах подчеркивается особое отношение Якубовича к отцу. И в реальной жизни эти отношения были крайне важны для Якубовича. Именно отцу — Ивану Александровичу, помещику Черниговской губернии⁵⁰, А. И. Якубович послал из Петропавловской крепости проникновенное письмо. Позже оно вместе с письмами казенных декабристов распространилось по России в бесчисленных списках⁵¹.

Характер и биография прототипа позволяют наметить систему авторского отбора деталей, волевою и мотивирующую тенденцию автора, по мысли которого Якубович — натура двойственная, противоречивая. Он «принадлежит двум мирам и страшен своей мимикрией: куда бы он ни пошел, он не отличим от „других“. В нем естественно уживаются два образа: днем — светский человек, ночью — разбойник»⁵².

рения в истории литературы // Уч. Зап. Саратовского гос. Ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1923. С. 58.

⁴⁸ «Играя в разных домах в малые игры, — писал Якубович, — я все время в выигрыше 4000 р. <ублей>, также выиграл у Преображенского полка г. поручика Шереметева вексель на графа Сен-При в 15 000 р. <ублей>, который теперь находится у г. коменданта Петропавловской крепости» (Восстание декабристов. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 286).

⁴⁹ Следственные материалы выявили довольно теплое отношение А. И. Якубовича к братьям — Петру (отставному поручику), Ивану — калеке, сестре Анне (в замужестве Новицкой) и дяде Петру Максимовичу Сахно-Устимовичу.

⁵⁰ В 1832 г. он был избран уездным предводителем дворянства.

⁵¹ Письмо было опубликовано с ошибками (Курский сборник. 1907. Вып. 4. С. 370—371; Русская старина 1890, август. С. 384), поэтому, сверив его с архивными источниками, приведем текст полностью: «Батюшка! В последний раз мне суждено говорить с вами, и я как откровенный солдат обнажу душу мою. Вы бы могли требовать это, как отец от сына; но я признан недостойным носить это имя, вспорхнувши при переломе шпаги над полуразрушенной головой моей, опалила крылья на огне, где горел знак, купленный презрением к жизни, и я достоин этой участи. Ах! Для чего убийственный свинец на горах Кавказских не пресек моего бытия? Для чего я искал спасения в вострие моей сабли? Позор ужаснее смерти, я был не столько в душе преступник, сколько желал оным сделаться. Самолюбие подстрекало меня, и сей порок ужаснейший был причиной моей гибели. Батюшка! У вас остался еще сын, предостерегите его моим несчастным примером; бедственная жизнь моя усладится мыслью, что я своим трупом загородил пропасть ужасную для неопытных. Еще одно желание: позабудьте навек, что у вас несчастный сын. Да не исполнится доброе сердце ваше горестью, я справедливо наказан. Братьев, незабвенную сестру и почтеннейшего Петра Максимовича мысленно привожу на память. — О чудо! Слеза оросила иссохшее лицо мое!.. Простите навсегда, любезные сердцу моему, я счастлив воспоминанием об вас и нелицеприятно справедливостью Государя. Якубович. (ПД. ф. 265, оп. 2. № 322).

⁵² Лотман Ю. М. Сюжетное пространство... С. 98.

*
* * *

В 1833 году Пушкин, беседуя с Далем, сказал: «Я на вашем месте сейчас бы написал роман, сейчас; вы не поверите, как мне хочется написать роман, но нет, не могу: у меня начато их три,— начну прекрасно, а там не достает терпения, не слажу»⁵³.

Литературоведческое осмысление пушкинского замысла «Романа на Кавказских водах» осуществлялось в русле изучения динамики развития и формирования пушкинской прозы. На шести пушкинских автографах (в виде отдельных листков разного размера и формы) Н. В. Измайлов в 1928 году выделил семь планов, которые разделил на основные и вспомогательные, и опубликовал их в следующей последовательности: I основной план (ПД 273), II основной план (ПД 271 б), III основной (ПД 269), дополнительные планы — ПД 272, ПД 270, ПД 274, ПД 271а⁵⁴. При этом, хотя исследователь и отмечал, что анализ планов проводится с большой долей условности, детальное комментирование текстов позволило определить необходимый вектор исследования. Однако помимо сложности самого предмета исследования, с текстологической точки зрения, большую трудность в осмыслении материала создавал теоретический вакуум: незавершенные прозаические фрагменты Пушкина в то время еще не привлекали внимания литературоведов. Вскоре выяснилось, что не все планы были учтены исследователем: Д. П. Якубович опубликовал еще один автограф с планом (ПД 268)⁵⁵. Затем С. М. Бонди были высказаны критические замечания⁵⁶ по текстологической части работы Н. В. Измайлова: «при публикации подобной серии планов <...> Н. В. Измайлов, давший прекрасный и обстоятельный комментарий к ним, не приложил <...> достаточного старания для хронологического расположения семи листков с планами и не учел того, что каждый следующий план отменяет их все. <...> Пытаясь расшифровать смысл этих лаконичных записей,— продолжал далее С. М. Бонди,— комментатор дает вместо их истории сводку, соединив вместе детали разновременных замыслов, т. е. дает документ, не соответствующий замыслам автора, нечто аналогичное статической транскрипции черновика»⁵⁷.

⁵³ Русский вестник. 1890. № 10. С. 7.

⁵⁴ Измайлов Н. В. «Роман на Кавказских водах». Невыполненный замысел Пушкина // Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37. С. 68—99.

⁵⁵ Якубович Д. П. Работа Пушкина над художественной прозой // Работа классиков над прозой. Л., 1929. С. 18. Включен в число планов «Романа на Кавказских водах» С. М. Бонди в полн. собр. соч. Пушкина (изд. ГИХЛ. 1932. Т. 4. С. 706).

Н. В. Измайлов подробно изложил историю этого автографа и причины, по которым он публиковался отдельно от всего корпуса планов, в своей работе (см.: Измайлов Н. В. «Роман на Кавказских водах». Неосуществленный замысел Пушкина // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 176).

⁵⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. изд. ГИХЛ. 1932. Т. 4. С. 706.

⁵⁷ Бонди С. М. О чтении рукописей Пушкина // Бонди С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930—1970 гг. М., 1978. С. 182. Впервые опубликовано: Изв. АН СССР ООИ. 1937, № 2—3. С. 599.

Замечания С. М. Бонди были весьма значимы для Н. В. Измайлова и потребовали возвращения к уже опубликованному материалу. Вторая редакция статьи увидела свет спустя тридцатилетие. В ней исследователь лишь частично согласился с замечаниями, высказанными С. М. Бонди. Он категорически отклонил предположение о том, что каждый последующий пушкинский план отменяет предыдущий, так как «в каждом новом плане (не говоря, разумеется, о частных, дополнительных планах, раскрывающих отдельные эпизоды) есть элементы, вошедшие (т. е. молчаливо сохраненные) от предшествующего или предшествующих; последующий же план дает общий синтез предшествующей работы, не повторяя всех тех положений, которые в сознании автора установились и не нуждаются в напоминаниях»⁵⁸.

Второе замечание С. М. Бонди (относительно механического соединения в одно целое разнородных замыслов) Н. В. Измайлов расценил как «в полной мере справедливое» и в новой редакции статьи дал иную последовательность планов⁵⁹. В качестве основных были выведены следующие принципы: 1) переход от французского языка, преобладающего в ранних планах, к русскому — преобладающему в поздних планах; 2) переход от обозначения «семьи» героини — сначала к ее отцу (безымянному) — а затем к ее матери, московской барыне, получающей фамилию «Корсаковой»; 3) смена имен героини — от первоначального «Мария» или даже безымянности — к «Алине» (Александре, Александрине)⁶⁰.

Однако механическое следование данным установкам, на наш взгляд, привело к необоснованным текстологическим решениям, например автограф ПД 271 был разделен Н. В. Измайловым на два отстоящих друг от друга во времени варианта плана на том основании, что верхняя часть листа написана на французском языке и зачеркнута, а нижняя часть листа написана преимущественно на русском языке. Такое решение требует дополнительных текстологических обоснований, которые в тексте статьи отсутствуют. Нет также ответа на вопрос, почему работа Пушкина над образом героини шла в противоположной последовательности, чем работа над образом главного героя, а именно от неясного образа Марии к конкретному образу Александры Корсаковой и, напротив, от конкретной личности декабриста и каторжника А. И. Якубовича к образу Кубовича (при этом смена имен «Якубович — Кубович» в пушкинских планах проведена непоследовательно).

Б. С. Мейлах в свое время отмечал, что Пушкин, называя в своих планах героев именами реальных лиц, при окончательной обработке произведения не стал бы изображать современников: «они поименованы как прототипы, черты которых были в бы в той или иной степени обобщены в образах романа»⁶¹. Так «Корса-

⁵⁸ Измайлов Н. В. «Роман на Кавказских водах». Неосуществленный замысел Пушкина // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 178.

⁵⁹ Три основных плана: первый — ПД 270, второй — ПД 271, в трех вариантах — третий: «А» ПД 273, «Б» ПД 269, «В» ПД 272; при этом ПД 268 является дополнением к первому основному плану ПД 270, а ПД 274 и ПД 271 — дополнением к ПД 273 и ПД 269 (то есть к вариантам «А» и «Б» третьего основного плана) (Измайлов Н. В. Очерки... С. 174—212).

⁶⁰ Измайлов Н. В. Очерки... С. 178—179.

⁶¹ Мейлах Б. С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962. С. 197.

кова» из планов «Романа на Кавказских водах» стала в написанном прозаическом фрагменте начала романа «Томской». Поэтому с утверждением Н. В. Измайлова относительно хода работы над образом пушкинской героини трудно согласиться. Думается, что последовательность работы была все-таки иной.

Прототип своей героини Пушкин нашел в семье камергера Александра Яковлевича Римского-Корсакова⁶² и его жены Марьи Ивановны (1766—1833; рожд. Наумовой)⁶³. Первые сведения об этом семействе Пушкин получил весной 1823 года, когда в письме к П. А. Вяземскому обратился с просьбой: «...сделай милость, отвечай: где Марья Ивановна Корсакова, что живет или жила против какого — монастыря (Страстного, что ли) жива ли она, где она; если умерла, чего боже упаси, то где ее дочери, замужем ли, и за кем, девствуют ли, или вдовствуют и проч. — Мне до них дела нет, но я обещался обо всем узнать подробно» (XIII, 61). Пушкинское письмо написано из Кишинева. Упомянутая в письме Марья Ивановна Корсакова поэту пока незнакома, но личность она была не заурядная, и современники оставили о ней весьма любопытные воспоминания⁶⁴.

П. А. Вяземский писал о Марии Ивановне Римской-Корсаковой, что она «должна иметь почетное место в преданиях хлебосольной и гостеприимной Москвы. Она жила, что называется, открытым домом, давала часто обеды, ве-

⁶² Род Корсаковых ведет свое начало от Сигизмунда Корсака, родом чеха, подданного Римского императора, пришедшего в Литву при Витове: сын его Вячеслав (Венцеслав) Сигизмундович прибыл из Польши в Россию 9 января 1390 г. в числе сопровождавших великую княжну Софью Витовтовну — невесту великого князя Московского Василия Дмитриевича. Потомки его показали в своей родословной, что род их ведет начало из пределов Римских, вследствие чего 15 мая 1677 г. им было дозволено с ближайшими родственниками именоваться Римскими-Корсаковыми (см. рукописный «Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых с краткими биографическими сведениями — БАН).

О А. Я. Римском-Корсакове известно немного: в 1774 г. он был произведен из вахмистров в корнеты в лейб-гвардии конном полку, в 1777 — в подпоручики, в 1779 — в секунд-майоры, затем в камергеры. Умер он в 1814 или 1815 г. в селе Боровки Ранненбургского уезда Рязанской губернии.

⁶³ Всего в семье Корсаковых было 8 детей, но к 1831 г. у шестерых уже сложились собственные судьбы и семьи: старший сын Павел, кавалергард, пал 26 августа 1812 г. при Бородине; Варвара (род. 1784), вдова флигель-адъютанта А. А. Ржевского, умерла 30 июня 1813 г.; Софья с 1804 г. была замужем за Московским полицмейстером А. А. Волковым; Наталья (род. ок. 1892) с 1819 г. была замужем за полковником Ф. В. Окинфиевым; Григорий (род. 1792) с 1822 года был отставным полковником; Сергей (род. 1794) — 22 апреля 1828 г. женился на Софье Алексеевне Грибоедовой (кузине А. С. Грибоедова); Екатерина (род. 1803) в 1827 г. вышла замуж за А. П. Офросимова; Александра (род. 1803) вышла замуж только в феврале 1832 г. за князя А. Н. Вяземского. По совпадению дат рождения можно предположить, что у Марьи Ивановны родились двойни, так, в 1792 г. родились Григорий и Наталья, а в 1803 г. — Екатерина и Александра.

⁶⁴ Елизавета Петровна Янькова отмечала, что в молодые годы Марья Ивановна «была хороша собой, умна, ласкова, приветлива и великая мастерица устраивать пиры и праздники. Была она пребогомольная, каждый день бывала в Страстном монастыре у обедни и утрани, и когда возвратится с бала, не снимая платья, отправится в церковь вся разряженная. В перьях и бриллиантах отстоит утреню и тогда возвращается домой отдыхать» (Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 140).

чера, балы, маскарады, разные увеселения, зимою санные катания за городом, импровизированные завтраки, на которых сенатор Башилов, друг дома, в качестве ресторатора, с коллаком на голове и фартуком, угощал по карте, блюдами, им самим приготовленными, и должно отдать справедливость памяти его, с большим кухонным искусством. Красавицы дочери ее, и особенно одна из них, намеками воспетая Пушкиным в *Онегине*⁶⁵, были душою и прелестью этих собраний. Сама Мария Ивановна была тип Московской барыни в хорошем и лучшем значении этого слова. В ней отзывались и русские предания Екатерининских времен и выражались понятия и обычаи нового общежития. В старых, очень старых воспоминаниях Москвы долго хранилась молва о мастерской игре ее в роли Еремеевны в комедии Фонвизина, которую любители играли где-то на домашнем театре. Позднее мама Митрофанушки любовалась в Париже игрою m-elle Mars. Все эти разнородные впечатления, старый век и новый век, сливались в ней в разнообразные стройности и придавали личности ее особенное и привлекательное значение»⁶⁶. Имея солидный доход, Марья Ивановна жила все-таки не по средствам «и потому была всегда в долгу и имела свои приемы, чтобы не платить кредиторам»⁶⁷. Но в отличие от П. А. Вяземского не все москвичи одобряли ее образ жизни⁶⁸.

Однако среди житейских талантов Марьи Ивановны более всего удивляло современников ее умение находить женихов для своих дочерей. Е. П. Янькова вспоминала, что Марья Ивановна «с молодыми людьми, которых она прочила своим дочерям в женихи... была мастерица обращаться: так очарует, заколдует, что они и не почувствуют, как предложение сделают. То зовет на вечер, то приглашает к себе в ложу, к обеду, а летом куда-нибудь за город соберется на катание большим обществом...»⁶⁹. В 1818 году Марья Ивановна стала вывозить в свет двух своих младших дочерей Екатерину и Александру⁷⁰. И тут, в своем стремлении найти дочерям выгодные партии, она неоднократно переходила грань светских приличий и подавала повод для сплетней и анекдотов⁷¹.

⁶⁵ Вяземский имеет в виду 52-ю строфу седьмой главы «Евгения Онегина», в которой Пушкин воспел Александру Корсакову.

⁶⁶ *Вяземский П. А. Заметки из воспоминаний*// Русский архив. М., 1867. Стлб. 1070.

⁶⁷ Елизавета Петровна Янькова по этому поводу писала: «Вот, придет время расплаты, явится к ней каретник, она так его примет, усадит с собой чай пить, обласкает, заговорит, у того и язык не шевельнется, не то что попросить платы, напомнить повеститься. Так ни с чем от нее и отправится, хотя и без денег, но довольный приемом» (Там же. С. 325).

⁶⁸ А. Я. Булгаков 9 января 1822 г. писал брату: «Поступок Корсаковой с Погенинполем меня не удивляет. Римские дамы эдак не поступали, но наша Римская все себе позволяет. Здесь должна целому городу, никому не платит, а балы дает, да дает. Мало у этой женщины доброжелателей. Жаль детей, кои она разоряет совсем» (Из писем Александра Яковлевича Булгакова к брату. 1822 год// Русский архив. 1901. Кн. I. С. 401).

⁶⁹ Рассказы бабушки... С. 325.

⁷⁰ 16 ноября 1818 г. В. Л. Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Хомутовы давали на этих днях маленький бал, на котором явились две новые красавицы, меньшие дочери Марьи Ивановны Корсаковой. Они ростом выше своей матери, и груди у них не хуже грудей вашей приезжей француженки» (*Михайлова Н. И. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому*// Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI. С. 224).

⁷¹ 11 мая 1822 г. А. Я. Булгаков изложил брату анекдотическую ситуацию, в которой оказался накануне: «<Муравьев> вчера, отведя меня и жену к стороне, сказал на ухо: «Мад.

В драматических отношениях, возникших между ее дочерью Александрой и красавцем графом Николаем Александровичем Самойловым (род. ок. 1800—1842), Марья Александровна сыграла весьма непривлекательную роль «чувствительной сводни».

Граф Николай Александрович Самойлов был вторым сыном екатерининского генерал-прокурора, он начал службу у А. П. Ермолова и скоро сделался его адъютантом. Красавец и кутила, наследник богатого состояния, получивший прозвище «Алкивиада нашего времени», он обладал мягким характером и легко поддавался чужим влияниям. 17 августа 1821 года он прибыл в Москву для получения должности императорского флигель-адъютанта. В Москве он сблизился с семейством Корсаковых и чуть ли не сделал предложение Александре. Дело осложнялось тем, что мать Н. А. Самойлова (по происхождению Трубецкая), женщина энергичная и волевая, подыскала сыну другую невесту — Юлию Павловну фон Паллен (род. 1803). Это обстоятельство Марью Ивановну Корсакову несколько смущало, однако, провожая Н. А. Самойлова в Петербург 24 февраля 1822 года, она добилась от него обещания сделать все возможное и невозможное, вплоть до личного обращения к государю и А. П. Ермолову, с тем, чтобы те оказали давление на родственников князя относительно вопроса о выборе невесты. Мягкосердечный нрав Н. А. Самойлова помешал ему отстаивать свои интересы в споре с родней⁷². Эта скандальная история пагубно сказалась на репутации и здоровье Александры Корсаковой⁷³. Со своей стороны и Самойлов чувствовал раскаянье⁷⁴.

Марья Ивановна, по всей видимости, не оставила своих усилий: в 1823 году она вместе с сыном Сергеем (которому в то время было 29 лет) посетила Кавказские минеральные воды, иными словами, она неожиданно приехала к месту службы Н. А. Самойлова. Возможно, предполагалась дуэль между возлюбленным и братом девушки. Тем не менее встретиться С. Корсакову с Н. Самойловым благодаря стараниям родственников последнего в это время не случилось. Наконец, в 1825 году состоялась свадьба Н. А. Самойлова и Ю. Паллен⁷⁵. Брак их, освященный императорской четой, тем не менее оказался несчастливым,

Afrossimoff, qui part pour Pétersb., vient me dire qu'une des filles de mad. Korsakoff a été enlevée hier.— Par qui? — Je ne sais pas laquelle.— И это не знаю; вероятно, некоторая, ибо мы обеих видели сегодня у Волкова.— Се que je vous dis est sûr: ежели не увезли, то увезут, и сама мать на это настроила. Славная пулька. Кто наперед станет объявлять, что такую-то с согласия матери увезет? Но Корсакова столько делает сплетней сама, что не худо другим с нею поквитаться» (Из писем Александра Яковлевича Булгакова... С. 406.— Пер. с франц.: «Мадам Афросимова, которая уезжает в Петербург, только что сказала мне, что одна из дочерей мадам Корсаковой была похищена.— Кем? — Не знаю, которая. То, что я вам говорю, верно»).

⁷² Подробнее см.: Гершензон М. Грибоедовская Москва. П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. С. 92—97.

⁷³ Спустя семь месяцев, 6 октября 1822 г., А. А. Муханов писал князю М. А. Урусову: «Александрина Корсакова была отчаянно больна нервическою горячкою, но теперь выздоравливает» (Щукинский сборник. М., 1907. Вып. 6. С. 299).

⁷⁴ Не случайно он обратился к посредничеству Пушкина в наведении справок о жизни Корсаковых.

⁷⁵ Гершензон М. Грибоедовская Москва... С. 97.

и спустя год супруги разъехались⁷⁶. Современники были в курсе не только обстоятельств этого разрыва, но и его деталей⁷⁷. Пушкин был также хорошо осведомлен относительно семейных неурядиц Самойлова, но, переживая в это время трагическое увлечение С. Ф. Пушкиной, послал 1 декабря 1826 года в письме к В. П. Зубкову лишь ироническое поздравление графу (XIII, 311, 562).

Посетителем дома Корсаковых Пушкин стал осенью 1826 года. Анна Григорьевна Хомутова вспоминала о первой встрече с поэтом в доме Корсаковых следующее: «26 октября 1826. По утру получаю записку от Корсаковой: „Приезжайте непременно, нынче вечером у меня будет Пушкин“, — Пушкин, возвращенный из ссылки императором Николаем, Пушкин, коего дозволенные стихи приводили нас в восторг, а недозволенные имели такую всеобщую завлекательность. В 8 часов я в гостиной у Корсаковой: там собралось уже множество гостей. Дамы разоделись и рассчитывали привлечь внимание Пушкина, так что когда он вошел, все они устремились к нему и окружили его. Каждой хотелось, чтобы он сказал ей хоть слово <...> я неприметно для других, издали наблюдала это африканское лицо, на котором отпечатлелось его происхождение, это лицо, по которому так и сверкает ум»⁷⁸.

В мае 1827 года, когда Марья Ивановна с Екатериной, Александрой и Сергеем второй раз отправилась на Кавказские минеральные воды, Пушкин отправил с ними письмо брату Льву, служившему тогда в Грузии в Нижегородском полку⁷⁹. В это же время Кавказ покидает Н. А. Самойлов, получив 21 июня 1827 года отставку в чине полковника.

На Кавказских водах семейство Корсаковых пробыло два лечебных сезона и провело промежуточную зиму в Ставрополе, пережило много романтических приключений. По их возвращении в конце октября 1828 года Москва и Петер-

⁷⁶ П. А. Вяземский в письме А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому от 20 ноября 1826 г. писал: «Весь Петербург и вся Москва наполнены разрывом Самойловых. Он нашел у жены переписку ее с молодым Лафероне: отослал жену к Литте, — они ее не приняли; теперь везет он ее отцу ее Палену, и живут они в Москве в том же трактире, выдаются и разыгрывают роли Adolph et Clara; но, говорят, развязки той не будет и муж твердо решил развестись с нею» (*Пушкин*. Письма. Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 217. Там же приведены все свидетельства о разрыве Самойловых. Адольф и Клара — герои романа Бенжамена Констана «Адольф»).

⁷⁷ 12 ноября 1826 г. А. Я. Булгаков писал из Москвы брату: «Странная здесь встреча: Самойлов и жена его остановились неумышленно в одном трактире, не зная того ни тот, ни другой. Он идет по лестнице вверх, видит, что дама идущая вниз поскользнулась; он поддержал, не узнавши со слеза жену и поднимает ее. Иные говорят, что только и было; а другие, что она ему сказала: je vous remercie, и будто он ей отвечал: allons donc, c'est moi qui doit vous remercier tant que je vivrai. Верно вздор, но встреча странная. Она еще здесь, писала к отцу, от коего ожидает ответа. Сказывала, что будет формально разведена с мужем, но тогда развод будет в пользу его, а не ее; но ей вбили, что, вступая в католическую веру, она может выйти замуж. Самойлов был у больного Строганова, где сам рассказывал свою историю довольно хладнокровно. Собирается в армию» (Письма А. Я. Булгакова // Русский архив. М., 1901. Кн. 2. С. 420. — Пер. с франц.: «*Ну что вы, это я буду благодарить вас столько, сколько буду жить*»; Строганов Валентин Григорьевич — двоюродный брат Н. А. Самойлова).

⁷⁸ Хомутова А. Г. Воспоминания о Пушкине // Русский архив. М., 1867. Стлб. 1067.

⁷⁹ «Письмо мое доставит тебе М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Приезжай на Кавказ и познакомься с нею — да прошу не влюбиться в дочь» (XIII, 329).

бург наполнились слухами⁸⁰ о приключениях, постигших семью на Кавказе, и даже о похищении одной из дочерей черкесским князем⁸¹. По-видимому, речь шла об обстоятельствах своеобразного сватовства генерала русской службы Шамхала Тарковского-Мехти (1797—1833) к Александре Корсаковой. Исследователи пушкинского замысла отмечали, что именно эта история послужила Пушкину фоном для сюжетного звена о похищении героини черкесами в планах «Романа на Кавказских водах».

Итак, все прототипы задуманного Пушкиным романа в своей реальной жизни так или иначе были связаны с Кавказом и даже были знакомы между собой. А. И. Якубович был знаком с Н. А. Самойловым и по службе в Отдельном Кавказском корпусе, и по пребыванию в Петербурге в 1825 году⁸². Н. А. Самойлов мог послужить прототипом «возлюбленного» героини пушкинского романа, позже обозначенного в текстах фамилией Гранев.

Если обратиться к планам пушкинского романа, то очевидно, что одним из самых ранних вариантов является план ПД 270 (написанный на обороте записки от Е. М. Хитрово)⁸³.

[Кавказ. [Кавказ<ие> воды⁸⁴] Семья русская — Якуб.<ович> приезжает] — *Якуб<ович> хочет жениться*⁸⁵ — Якуб.<ович> — *impatronisé*. Arrivée du [véritable amant] [frère]⁸⁶ véritable amant [tout le monde] Les femmes enchantées de lui. [On] Soirées [dans] в Калмыцкой кибитке — [jeux] — встреча — изъяснение — поединок — Якуб.<ович> [ранен] не дерется — условие. Он скрывается — толки, забавы, гуляния.— [Кунак Enlèvement] Нападение⁸⁷ Черк.<есов> enlèvement⁸⁸ — [Москва.] [Приезд Якуб.<ович> в Москву.]

⁸⁰ А. Я. Булгаков писал брату, что у Корсаковой «ни минуты без авантюров»: «где-то на нее напали горцы и ограбили до рубашки; потом какой-то мирной князь, уже немолодой (Тарковский Шамхал), пытался увезти Сашу и, не успев, стал свататься к ней, предлагая тотчас 300 тыс. руб. задатка в счет калыма». Подробнее см.: Письма А. Я. Булгакова брату (Русский архив. 1901. Кн. 3. С. 173, а также см.: С. 129, 175, 190, 359); *Измайлов Н. В.* Очерки... С. 198—200.

⁸¹ Дочь Н. В. Карамзина — Е. Н. Мещерская задолго до возвращения Корсаковых с Кавказа 12 июля 1828 года писала П. А. Вяземскому: «...Слыхали ли вы о похищении г-жи Корсаковой каким-то черкесским князем? Об этом здесь рассказывают, но не думаю, чтобы этот слух стоил доверия. Вы об этом должны знать больше, находясь ближе к Кавказу.— Если бы это была правда, какой прекрасный сюжет для Пушкина как поэта и как поклонника...» (Пушкин в неизданной переписке современников// Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 81; подлинник по-французски).

⁸² Восстание декабристов. Т. 8. С. 172.

⁸³ Н. В. Измайлов рассматривает его вторым, начиная свой анализ с ПД 271.

⁸⁴ Переделано из «Кавказ»; «воды» — вписано над строкой.

⁸⁵ Пункт «*Якубович хочет жениться*» — написан наверху левой страницы. Очевидно, что он написан уже после правки плана. Поэтому у исследователей возникали разногласия о месте помещения этого сюжетного звена в текст: либо в конец, как это сделал С. М. Бонди (VIII. 965), либо в начало плана, как это сделал Н. В. Измайлов в окончательном варианте своей статьи (См.: *Измайлов Н. В.* Очерки... С. 179). Думается, что прав был Н. В. Измайлов.

⁸⁶ Сначала «*du véritable amant*» было вычеркнуто и заменено вписанным над строкой «*du frère*», затем все восстановлено.

⁸⁷ Слово вписано над строкой.

⁸⁸ Пер. с франц.: «Становится своим человеком. Приезд настоящего любовника, все общество от него в восторге. Вечера в... игры... [Похищение]... похищение...»

В этом незавершенном плане обдумываются два варианта сюжетного развития. Первый — спокойствие русской семьи, проживавшей на Кавказе, нарушается приездом Якубовича, конфликтная ситуация разрешается дуэлью, после которой Якубович, получив ранение, скрывается, оставляя за собой право ответного выстрела, героиня похищается черкесами. Затем план подвергается переработке и вместо варианта с возлюбленным обдумывается вариант с братом. Отбрасываются сцены в Москве и на Кавказе, это позволяет предположить, что внимание автора переключается на развитие фабулы романа. Однако сюжетный узел — *вегера в калмыцкой кибитке* — ориентирован на литературную традицию, восходящую к повествованию с устными рассказчиками⁸⁹, что находит свое объяснение и в характерологических свойствах прототипа главного героя⁹⁰, и в личных воспоминаниях автора⁹¹. Следующий этап работы — очевидное, план ПД 268.

*Рас.*⁹² брат едет из П.<етер>б.<упра> il laisse son escorte [a] [un] [pauvre] au paral.<ytigue>⁹³ — est attaqué par les tch<erkes> — il en tue un — les autres fuient [ils blessent] [Як.<убович>] Як.<убович> n'y est pas⁹⁴. — спрашивает у сестры [в кого она вл.<юблена>] влюбл.<ена ли> она в Як.<убовича>. Смеется над ним.

Як.<убович>. fait des frais pour lui — et lui demande sa sœur en mariage.

*Duel.*⁹⁵

⁸⁹ См.: *Бестужев-Марлинский* А. А. «Вечер на бивуаке» (1823), «Второй вечер на бивуаке» (1823), «Вечер на Кавказских водах» (1830); *Гоголь* Н. В. «Вечера на хуторе близ Диканьки» (часть 1-я, сентябрь 1831, часть 2-я — начало 1832); «Вечера Вальтер Скотта» («Soirées de Walter Scott à Paris» (1829—1830) *Жакоба Библиофила* (псевдоним Поля Лакруа; 1807 — после 1872).

⁹⁰ П. А. Каратыгин вспоминал, что А. И. Якубович был мастером устного рассказа «о Кавказкой жизни и молодецкой былой удале»: «Эти рассказы были любимым его коньком; запас их у него был неистощим. Он вполне мог назваться Демосфеном военного красноречия. Действительно дар слова у него был необыкновенный; речь его лилась, как быстрый поток, безостановочно: можно было подумать, что он свои рассказы прежде приготавливал и выучивал их наизусть: каждое слово было на своем месте и ни в одном он никогда не запинался» (*Каратыгин* П. А. Записки. СПб., 1880. С. 138).

⁹¹ В материалах П. И. Бартенева есть сведения, что во время путешествия Пушкина по Кавказу с семьей генерала Раевского «они всем обществом уезжали на гору Бештау пить железные, тогда еще малоизвестные, воды и жили там в калмыцких кибитках за недостатком другого помещения. Эти оригинальные поездки, эта жизнь вольная, заманчивая и совсем непохожая на прежнюю... и кругом причудливые картины гор, новые нравы, невиданные племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность черкесов, а в нескольких часах пути упорная, жестокая война, с громким именем Ермолова, — все это должно было чрезвычайно нравиться молодому Пушкину» (*Бартенева* П. А. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992. С. 140—141).

⁹² Н. В. Измайлов предложил читать это сокращение как «*Рас. слабленный*» <?> — С. М. Бонди не давал расшифровки.

⁹³ «il laisse son escorte [a] [un] [pauvre] au paral.<ytigue>» — вторая по счету вставка в текст, записана под горизонтальной чертой внизу листа.

⁹⁴ est attaqué par les tch<erkes> — il en tue un — les autres fuient [ils blessent] [Як.<убович>] Як.<убович> n'y est pas — первая по счету вставка в текст, записана под горизонтальной чертой с четким обозначением места включения ее в текст.

⁹⁵ Пер. с франц.: «Он оставляет свой конвой одному бедному парал.<итику>, на него нападают ч.<еркесы> — он убивает одного из них — остальные убегают [они ранят]. <Як.<убовича.> там нет?> ...старается для него — и просит у него руки его сестры. Дуэль.

Par. Supr. ^{est} ^{il}. 5. — ^{en} ^{particulier}
^{et} ^{un} ^{point} ^{de} ^{vue} ^{sur} ^{les} ^{traces} ^{de} ^{son} ^{passé}
n'est pas

Il a fait des plans pour lui — & lui
il demande sa venue en mariage

Duel

Il est allé avec ses témoins. ^{on} ^{dit} ^{que}
un — les autres furent ^{établis}
quelques. Les. & y est allé.

Il a vu son mort & en
faisait au duel.

A. D. G.

В рукописи ясно прослеживаются две стадии работы — сначала делается набросок плана, затем последовательно два дополнения к нему: первое (с точно обозначенным местом вставки в текст) касается обстоятельств нападения черкесов и участия в нем Якубовича, второе — касается обстоятельств предоставления конвоя паралитику. Следовательно, обдумываются варианты усложнения сюжетной линии. В плане ощущаются совпадения с сюжетом романа «Сен-Ронанские воды» В. Скотта, в котором брат героини Джон Мовбрей вовлекается в сети карточной игры лордом Этерингтоном, развращенным и корыстолюбивым соперником любимого героиней Френка Тирреля.

В ПД 272 вновь возникают раздумья автора над усложнением сюжета.

Кунак, друг Якуб.<овича>, плен<ите>ль⁹⁶ оф<ице>ра. Брат казачки.

<p>Последн.<ая> станц.<ия>. Парал.<итик> разг.<оваривает> (с) Ник.(?) и Корс.<аковой>⁹⁷. Приезд пар<алитика>. Смерть его в Конст.<антиногорской>⁹⁸. Приезд сына с каз.<аками> (?) Похороны. Все — кокетство.</p>	}	<p>Встреча Пле.<нника> с Якуб.<овичем>[у] Корс.<аковых> <?>. объ-ясн<ение>.</p>
--	---	---

Приезд Кор<саков>ой ~~~⁹⁹
Общество на водах ~~~
Кавк.<азский> пл.<енник>, дочь с ним
кокетн<ичает> — она¹⁰⁰ влюбляется.
[Он ей друг.]
Приезд парал.<итика>.

Фрагмент «Последн.<ая> станц.<ия>.~ Все — кокетство» был охвачен справа фигурной скобкой, которую затем поэт аннулировал, для чего сделал рисунок скобки с резкой тенью и штриховкой. Аннулирование произошло, вероятно, тогда, когда весь текст был уже написан. Справа зафиксирован сюжетный узел, который должен объединять две параллельные сюжетные линии, пока еще несвязанные друг с другом. Вставку же «в Конст.<антиногорской>» Пушкин очевидно сделал уже после того, как нарисовал скобку.

Под горизонтальной чертой дана экспозиция романа. В начале этого фрагмента стоит знак переноса его в начало предыдущего отрывка (перед словами «Последн. станц.»¹⁰¹), из чего следует, что план следует давать в реконструкции:

ПД 272 (реконструкция)

Приезд Кор<саков>ой ~~~
Общество на водах ~~
Кавк.<азский> пл.<енник>, дочь с ним кокетн<ичает> — она влюбляется.

⁹⁶ Окончание «ль», как отметил Н. В. Измайлов, вписано над строкой, что указывает на чтение «пленитель», а не «пленник».

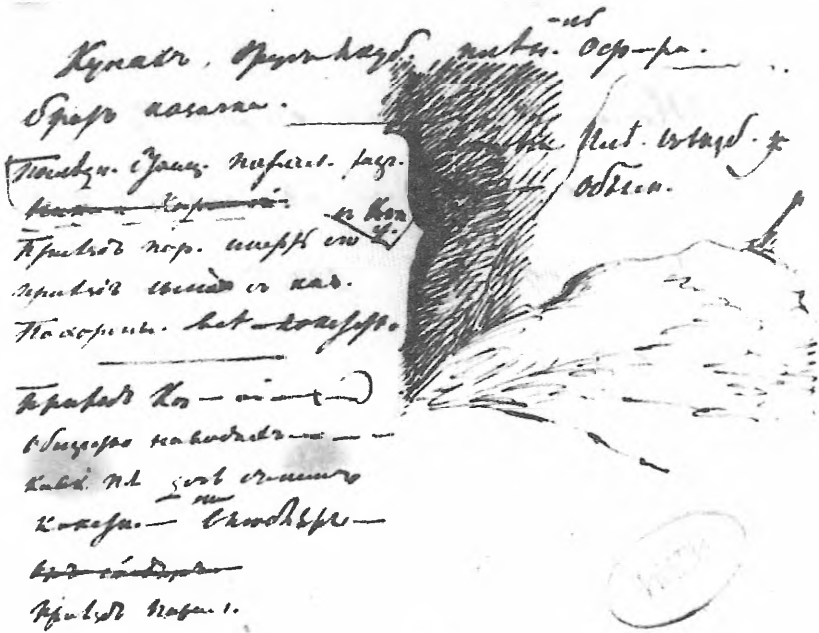
⁹⁷ Три слова зачеркнуты и восстановлены.

⁹⁸ Слово и предлог вписаны над строкой.

⁹⁹ Ряд росчерков свидетельствует о том, что эти сюжетные узлы уже разработаны в других планах и сюда лишь переносятся.

¹⁰⁰ Слово вписано над строкой.

¹⁰¹ Это отметил и Н. В. Измайлов в «Очерках...» (С. 184, прим.).

План «Романа на Кавказских водах» ПД 272

[Он ей друг.]

Приезд парал.<итика>.

Последн.<я> станц.<ия>. Парал.<итик> разг.<ова- ривает> (с) Ник.(?) и Корс.<аковой>¹⁰².

Приезд пар<алитика>. Смерть его в Конст.<антино- горской>¹⁰³.

Приезд сына с каз.<аками> (?).

Похороны. Все — кокетство.

}	Кунак, друг Якуб.<овича>, плен.<ите>ль оф.<ице>ра.
	Брат казачки.
	Встреча Пле.<нника> с Якуб.<овичем> [у]
	Корс.<аковых> <?> — объ- ясн.<ение>.

В этом плане впервые происходит четкая привязка к местности — упомяну- тая крепость Константиногорская, как и Кисловодск, была назначена местом пребывания и штаб-квартирою Тенгинского полка¹⁰⁴.

¹⁰² Три слова зачеркнуты и восстановлены.

¹⁰³ Слово и предлог написаны над строкой.

¹⁰⁴ Первую экспедицию на Кавказе две роты Тенгинского полка совершили с 7 по 14 марта 1820 г. под начальством полковника Грекова I-го, экспедиция была в Чечню. В 1822—1825 гг. полк принимал участие в экспедициях в Кабарду к вершинам Баксанских гор под начальством А. П. Ермолова, за реку Кубань в земли абадзехов — под начальством майора Вельяминова. В 1827—1829 гг. полк принимал участие в русско-персидской и русско-турецкой войнах и возвратился на Кубань только в 1830 г. (Тенгинский полк на Кав- казе 1819—1846. Сост. поручик Ракович под ред. ген.-майора Потто. Тифлис. 1900. С. XVI—XVII).

Следующий этап работы — план ПД 269, в котором пленяют не героя, а героиню, при этом любовная пара обретает имена — Алина, Александра (Корсакова) и ее возлюбленный Гранев.

ПД 269

ПД 269 «А»: [Александр.<a>]¹⁰⁵ Алина Корс.<акова> увезена Кубович.<ем> в аул и спасена [вл.<юбленным>офицером] [ее женихом] — Гранев.

В ПД 269 «Б» следует изложение всего сюжета, начиная с завязки.

Приезд на станцию старухи К.<орсаковой> и старика Куб.<овича>. Кор.<сакова> едет далее, а он плетется назад. — [Они атакованы].

Гранев, Курилов и Хохленко сидят у кислосерного источника — Курил.<ов> рассказывает черке.<сский> набег — Едет Корс.<акова> — Шмидт предупреждает Хохл.<енко> [Хохл.<енко> ходит] Приезж.<ает> в пара.<личе> разб.<итый> ст.<арик>. Хохл.<енко> ходит за ним.

Алина кокетничает с офиц.<ером>, котор.<ый> в нее влюбляется — Вечера Кавказские — Приезд Куб.<овича> смерть его отца — Театральное погребение — Алина начинает с ним кокетничать.

Куб.<ович> введен в круг Корс.<аковых> — Им она восхищаются — Гранев его начинает ненавидеть — Якуб.<ович> предлагает свою руку, она не соглашается — влюбленная в ~~~¹⁰⁶ [[он ее увозит с бала] [Она] [Гран.<ев>] Гранев едет освобождать ее и на дуэли убивает Куб.<овича>]

Он передает его черкесам ¹⁰⁷—

Он освобожден (Казачкою Черкешенкою) и является на воды — дуэль — Якуб.<ович> убит.¹⁰⁸

Следует отметить, что Пушкин акцентирует момент заигрывания героини с Кубовичем («Алина начинает с ним кокетничать»). Н. В. Измайлов считал, «кокетство Алины, на которое настойчиво указывают планы Кавказской повести, вовсе не характерно для А. А. Корсаковой»¹⁰⁹. Нам мало известно об Александре Корсаковой, кроме того, что она была не только красавицей, но и натурой самобытной. Однако благодаря воспоминаниям Е. П. Яньковой мы имеем ряд весьма характерных зарисовок ее поведения с князем А. Н. Вяземским, за которого она в 1832 году вышла замуж. Сосланный на Кавказ за причастность к декабристскому движению, князь А. Н. Вяземский был младше Александры, но нравился ей; перед расставанием она подарила ему золотой медальон, в котором была миниатюра — два глаза, выглядывающие из облаков. Она имела прекрасные очень выразительные и привлекательные глаза и, должно быть, знала это. Даря ему этот медальон, она ему сказала: «Вот вам, князь, на память; пусть это будет для вас талисманом, который сохранит вас на

¹⁰⁵ Возможно чтение «Александрина», как именовалась Корсакова в переписке современников.

¹⁰⁶ Волнистый росчерк указывает на включение готового сюжетного звена: «влюбленная в Гранева».

¹⁰⁷ Предложение вписано над зачеркнутой строкой.

¹⁰⁸ Предложение записано ниже перечеркнутого первого финала.

¹⁰⁹ *Измайлов Н. В. Очерки...* С. 201.

~~Роман~~
~~План~~
 План урочных Кудомы по уроч и
 мамина ~~в урочных~~ — Франко
 Франко та станицю станицы К. и др
 Франко Куд. Кор — Кудр уроч, а она
 Кудр уроч Кудр — ~~Кудр уроч~~

52.

Франко, Кудр уроч и станицю
 станицю и Кудр уроч станицю — Франко
 Франко уроч Кудр уроч — Кудр
 Кудр — Франко станицю станицю
~~Кудр~~ ~~Кудр~~ Кудр уроч в Кудр
 Франко ст. Кудр уроч станицю
 Франко станицю станицю,
 Франко станицю станицю —
 Франко станицю станицю — Франко
 Франко — станицю станицю — Франко
 Франко станицю станицю — Франко
 Франко станицю станицю станицю

Кавк. Миссия на Кавказе в 1817 - 1818
 под руководством Трубецкого
 Миссия не удалась - Кавк.
 предводителем Миссии был, она не могла
 выполнить, ввиду отсутствия средств
~~Миссия - была в 1817 году в Кавказе~~
 она была в 1817 году в Кавказе
 ее и на дядю звали
 Кавк. Стрелково-артиллерийский полк
 Черкесии) и в 1817 году
 Миссия - была в 1817 году в Кавказе

9
8
6
4
 7
5
4
 6
5
4
 8
7
6
5
4
 9
8
7
6
5
4
 6
5
4
 8
7
6
5
4

План «Романа на Кавказских водах» ПД 269 (оборот)
Пушкинский кабинет ИРЛИ

войне: помните, что эти глаза повсюду будут следовать за вами»¹¹⁰. Что это, если не кокетство? Пушкин был в курсе их отношений: 8 декабря 1831 года он в письме к жене из Москвы упомянул о предстоящей свадьбе Корсаковой и Вяземского (XIV, 246).

Возвращаясь к планам романа, отметим, что, очевидно, финал с похищением героини не устраивал автора, поскольку сам факт похищения и то, что оно явилось причиной дуэли, — достаточные аргументы для гибели репутации девушки в глазах света (см. сходные сюжетные параллели в повести Н. Павлова «Ятаган»). Поэтому Пушкин выводит героиню из-под удара, и финал романа решается без ее участия, приобретая звучание справедливого возмездия.

В планах ПД 269 «А» — «Б» автором вводится широкий исторический фон, при этом Пушкин большей частью опирается на свои личные впечатления¹¹¹, в 1829 году в Пятигорске он, по свидетельству М. И. Пущина, знал «всё, как свои пальцы»¹¹². При этом основную информацию о местном укладе поэт получил во время своего первого посещения Кавказа с семьей генерала Н. Н. Раевского. Прозаический набросок начала романа, впервые опубликованный П. И. Бартеневым¹¹³, начинается словами: «В одно из первых числ апреля 181... г. в доме Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха...» Это позволяет предположить, что повествование в тексте идет о первом десятилетии XIX столетия, при этом местные реалии помогают нам еще более конкретизировать время действия в романе.

Упомянутый в плане Курилов также имеет прототипа — это командир третьего батальона Тенгинского полка Иван Алексеевич Курило I-й (в пушкин-

¹¹⁰ Рассказы бабушки... С. 306. Став княгиней Вяземской и напуганная последствиями холеры 1830 г., Александра завела у себя в доме особые порядки: «Она не иначе шла к своей постели и туалетному столу, как по белым простыням. На тот стул, на котором она сядет, опять накинута простыня, и, когда она садится чесать голову, ее покрывают простыней. Девушка должна надеть бумажные белые перчатки и так, в перчатках, ее и чеши, что, конечно, неловко, но до этого ей нет дела, не зацепи ни волоска. Потом начинается бесконечное умыванье и тоже с прихотями в этом роде, и при этом она раз двадцать побранит несчастную горничную: „Ах, как ты глупа, да ты, кажется, с ума сошла; ты ничего делать не умеешь; что с тобой сегодня, ты совсем поглупела?..“ И эта история повторялась каждый день. Одевалась она часа два, три. Потом подадут ей чай: человек будь в перчатках, ну это так и надо, но мало того: неси поднос так, чтобы не дотронуться до него рукой в перчатке, а держи салфеткой... И опять пойдет ссора: „Не трогай рукой, ты хочешь, чтобы я ничего не ела, — я не стану после этого пить, это просто противно. Как ты подаешь?“ <...> В особенности в дороге мучила она своих детей и девушек; идти к карете — надень девушка галоши, но в карету входя — дай человеку снять в ту самую минуту, как входишь; сиди девушка — не шевельнись, не кашляни, не дотронься до ее ноги; да и пересказать всего нельзя до чего доходили ее брезгливость и требовательность. Ведь и все мы тоже любим чистоту и опрятство, но не в тягость себе и не на муку другим» (Там же. С. 334—335).

¹¹¹ Пушкин посещал Кавказские минеральные воды трижды: первый раз — в 1820 г. с семьей генерала Н. Н. Раевского, пробыв там с начала июня по 5 августа, второй раз — в 1829 г., задержавшись на один день по пути в Тифлис и Арзрум, третий раз — на обратном пути из Арзрума, пробыв там почти месяц (с 12 или 13 августа по 8 сентября).

¹¹² Пущин М. И. Встреча с Пушкиным за Кавказом // Пущин М. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 426.

¹¹³ Русский архив. 1881. Кн. III. С. 466—468 (и прим. на с. 1059). — «Москва, сцена об отъезде» (ПД, № 1005).

ских планах обозначенный как «начальник казачьего отряда» майор Курисов или Курилов). Он с 20 августа 1819 года был кордонным начальником I-го участка Кавказской линии и смотрителем «кислых минеральных вод», а также почтмейстером, то есть контролировал получение денежной корреспонденции и отправление ее дважды в неделю в полковую канцелярию. Помимо этого в его обязанности входило назначение солдат для конвоирования в пути и охраны во время лечения больных при переезде их из Кисловодска в Железноводск¹¹⁴. Он был талантливым боевым офицером и «умел изворачиваться в трудных обстоятельствах и предусмотреть неожиданности»¹¹⁵. Особенно он отличился во время похода в Кабарду в 1821 году, а 9 апреля 1824 года он по болезни уволился со службы подполковником с мундиром¹¹⁶, и в 1829 году Пушкин его в Пятигорске уже застать не мог. Тенгинский полк появился на Кавказе в 1818 году, следовательно, время действия предполагаемого романа должно было разворачиваться на Кавказе в 1818—1819 годах.

План ПД 273, по всей видимости, является следующим этапом работы над сюжетом: в него в экспозиции вносится историческая перспектива, предпринимается попытка противопоставить две исторические эпохи, разделенные десятилетием.

ПД 273

Теперешнее состояние Кавказа, и прежде¹¹⁷ —

Кто были [посетители и] жители?

Приезд Моск.<овской> барыни, (ее дочь, комп.<аньонка>, две девки, куч.<ер>, пов.<ар>, дв.<ое> сл.<уг>).

Вслед за нею отец Як.<убовича> [с Ив.<аном>]¹¹⁸. Ген.<ерал> Мер.<лини> с женой атаков<аны> черк.<есами>¹¹⁹

¹¹⁴ Тенгинский полк на Кавказе 1819—1846. С. 39, 61 (приложения).

¹¹⁵ Историк военных действий отмечает, что Курило «был отважный партизан, чрезвычайно хорошо применившийся к способу ведения войны с горцами. Врасплох застать его было нельзя, он всегда был наготове встретить неприятеля и, в свою очередь, очень удачно и неожиданно для горцев с небольшой командой проникал за Кубань, быстро и скрыто пробирался к аулам и производил там ужас наводящий погром. Действительно именем Курило горцы пугали детей, а солдаты, наблюдая с постов за столбами дыма в горах, играли словами: «Ну! Наш Курило закурил!» (Там же. С. 46).

¹¹⁶ Там же. Приложение. С. 61.

¹¹⁷ Ср. в «Путешествии в Арзрум»: «Из Георгиевска я заехал на Горячие воды. Здесь нашел я большую перемену. В мое время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большую часть в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки... Признаюсь, Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего, дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и не огороженных пропастей, над которыми бывало я карабкался. С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск» (VIII, 447).

¹¹⁸ Фраза «отец Як.<убовича> с Ив.<аном>» сначала зачеркнута, затем слова «отец Як.<убовича>» — восстановлены.

¹¹⁹ От «Ген.<ерал>» до «черк.<есами>» — вписано в строку позже.

Минеральные источники Кавказа, а именно —
 како Гибрал? ~~и другие?~~ ←
 Мерица (Мерица Бортиса), из слов, колл. 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000

56.

Москва, сцена отъезда или об отъезде —
 общество на водах два лекаря, Курил, ~~Бонди~~
 и ~~офиц.~~ ~~приехавш~~ ~~заранее~~

План «Романа на Кавказских водах» ПД 273

[Жит<ели>] Генерал¹²⁰ Мер.<лини> с женой¹²¹, Майор Кур.<илов> нач.<аль-
 ник> отр.<яда>, казач.<ий> отр.<яд>. Больной<,>¹²² [Обл.<?>] оф.<ицер>¹²³, два¹²⁴
 лекаря (враги по рем.<еслу>) кто скорей реком.<ендуется>

Здесь, очевидно, в работе наступила пауза, так как перо автора на листе на-
 чертило зеленеющий куст, затем сбоку — пирамидальный кипарис и только по-
 том появились пункты:

Москва, сцена отъезда или об отъезде —

Общество на водах два лекаря, Курил <ов>, больной и офиц.<ер> приехавш<ие>
 заранее

¹²⁰ Было начато: «Жит.<ели>».

¹²¹ «Генерал Мер.<лини> с женой» — зачеркнуто и восстановлено. Весь фрагмент, на-
 чина с этих слов до «скорей рекомендуется», является вставкой, перенесенной с окончания
 на место, указанное фигурной скобкой.

¹²² В автографе стоит запятая, что свидетельствует о различных персонажах: больном
 и офицере. Ни у С. М. Бонди, ни у Н. В. Измайлова этот знак не проставлен.

¹²³ Слово вписано над строкой.

¹²⁴ Слово вписано над строкой.

Так как нет четких указаний о месте в экспозиции пункта плана «Москва, сцена отъезда», то он мог быть введен в текст в виде самостоятельного сюжетного звена или реминисценции «или об отъезде».

Готовый прозаический фрагмент начала романа как нельзя более подходит к первому варианту, в котором уже заявлены последующие перипетии сюжета: 1) обоснование посещения Кавказских минеральных вод («Доктора объявили, что моей Маше нужны железные воды, а для моего здоровья необходимы горячие ванны» (VIII, 412)), 2) любовная история с похищением героини геркесами («...воротись у меня с Кавказа, румяная, здоровая, а бог даст — и замужня. <...> ...Да за кого выдти ей на Кавказе? Разве за Черкесского князя?.. <...> сохрани ее бог! <...> женихи не уйдут. Слава богу, Маша еще молода, приданное есть. А добрый человек полюбит, так и без приданного возьмет» (VIII, 412—413)). В этой экспозиции предсказано дальнейшее развитие действий, нет элемента случая или неожиданности. Может быть, поэтому оно было отложено автором.

План ПД 273 намного неожиданнее готового прозаического фрагмента начала романа. В нем в качестве местной достопримечательности (наряду с Куриловым) выступает семья генерала Станислава Демьяновича Мерлини (1775—1833), из польских дворян, служившего на Кавказе с 1809 года и в августе 1816 года получившего звание генерал-майора¹²⁵. Это был человек с замашками екатерининского вельможи, соединявший в своем характере, как и Якубович, противоположные черты: А. П. Ермолов характеризовал его то как «дрянное существо»¹²⁶, то говорил о наличии у него «добродушия с примесью некоторой глупости»¹²⁷. Весьма оригинальна жена его — Екатерина Ивановна, дом которой в Горячеводске уже в 1823 году был вторым по величине¹²⁸ после дома промышленника и шелководы Реброва. Несклько позже один из современников М. Ю. Лермонтова, Н. П. Раевский, описывая жизнь на водах, отметил участие

¹²⁵ В 1821 г. Мерлини — командир 2-й бригады 22-й пехотной дивизии, а в следующем году — командир 2-й бригады 21-й пехотной дивизии; позже — командующий войсками и управляющий гражданской частью Нахичеванского ханства, в этом качестве он 1 мая 1829 г. при переправе через Аракс встречал гроб с телом Грибоедова (Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 696—697).

¹²⁶ А. П. Ермолов по этому поводу 19 февраля 1817 г. писал А. А. Закревскому: «Мерлини дрянное существо, ни на что для службы не надобное, имеет до тысячи штук скота и лошадей. Теперь, сдавая полк, вдруг пополняет всех недостающих лошадей, в один казачий полк продал он 70 и под экипажем его выходит на Кавказскую линию слишком 40 лошадей. Вот как командовал он полком! но кончились эти счастливые времена. Теперь, если будут какие небольшие выгоды, будут и расходы в пользу полков. Я делаю представление, коим Мерлини лишается бригады. Что за снисхождение к дрянни! Ее так много, что нельзя опасаться всю перевести, а надобно когда-нибудь начать. Если не справедливо от каждого требовать чрезвычайных талантов, то, по крайней мере, не надобно давать быстрого хода совершенно неспособным и то еще будет мера весьма человеколюбивая» (Сборник Императорского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73. С. 213).

¹²⁷ Спустя полтора года, 1 июня 1819 г., Ермолов вынужден был заступиться за опального генерала: «Сжальтесь над Мерлини, ему нечего есть, он как медведь сосет уже лапу. Худое командование полком происходило от добродушия с примесью некоторой глупости, но отнюдь от недостатка усердия к службе. Не шутя прошу тебя сыскать ему место, где бы не умер он с голоду. Он честен и можно поручить ему интересные дела, где надобна верность» (Там же. С. 331—332).

¹²⁸ В этом же доме находился ее магазин, превосходящий все прочие.

Е. И. Мерлини в защите Кисловодска от черкесского набега, «случившегося в отсутствие ее мужа, коменданта Кисловодской крепости. Ей пришлось самой распорядиться действиями крепостной артиллерии¹²⁹, и она сумела повести дело так, что горцы рассеялись прежде, чем прибыла казачья помощь. За этот подвиг государь Николай Павлович прислал ей бриллиантовые браслеты и фермуар с георгиевскими крестами»¹³⁰. Екатерина Ивановна, как сообщает Н. П. Раевский, часто устраивала кавалькады и «ездит верхом по-мужски, как и подобает георгиевскому кавалеру». Вечерами в ее доме собирались любители виста и преферанса¹³¹. Пушкин мог встречать ее как в 1820, так и в 1829 году.

Далее работа над планами, очевидно, сосредотачивается на противопоставлении двух лекарей — врагов по ремеслу.

План ПД 274

Хлапенко¹³², малор.<осс> лекарь; поэт, игрок, воин, musard¹³³ любопытный — Гуляет с Казачьим офицером, который ему рассказывает — Едет коляска с дамой Моск.<овской> или с большим откупщ.<иком> О<десским>¹³⁴, — Хлап.<енко> опазды<вает> — Немец берет его место — Куда вы Адам Адам.<ович>.

П. И. Мерлини. 2/11/29
Хлапенко, малор. осс. лекарь; поэт, игрок, воин
музард, любопытный — Гуляет с Казачьим
офицером, который ему рассказывает
Едет коляска с дамой Моск. о. или с
большим откупщ. иком О. — Хлап. енко —
опаздывает — Немец берет его место —
Куда вы Адам Адам. ович.

План «Романа на Кавказских водах» ПД 274

¹²⁹ Г. И. Филипсон писал, что она обратилась к офицеру гарнизонной артиллерии старику Федорову со следующей речью: «Старая крыса, стреляй гранатами вперед неприятеля, а когда разрыв снарядов остановит толпу в ущелье, ваяля каргачью». На что последовал ответ: «Слушаюсь, матушка. Ваше превосходительство» (Русский архив. 1883. Кн. III. С. 173).

¹³⁰ Нива. 1885. № 7. С. 167.

¹³¹ Дроздов И. И. Записки Кавказца // Русский архив. 1896. Кн. III. С. 222.

¹³² Исправлено из «Флобенко» (Измайлов Н. В. Очерки... С. 184).

¹³³ Пер. с франц.: «любитель пустяков, ротозей».

¹³⁴ «Или с большим откупщ.<иком> О.» — вписано сбоку слева на полях. Точное место вставки не указано и может относиться к фразе «Гуляет с казачьим офицером» — см.: Измайлов Н. В. Очерки... С. 184, прим.

Следующим этапом работы, очевидно, является план ПД 271¹³⁵. Вариант «А» возвращает нас к незавершенному плану ПД 270, в котором неясны обстоятельства похищения героини, теперь же разрабатываются варианты похищения и освобождения героини возлюбленным или кунаком.

План ПД 271 «А»

Якуб<ович> enlève Marie qui a fait avec lui la coquette —
 [Son amant l'enlève du milieu des tcherkes —]
 [Kounak — un jeune garçon [amoureux de] [d'elle] attaché à elle¹³⁶, l'enlève et la [donne
 <?>] rend¹³⁷ à sa famille¹³⁸ —]

Этот план несколькими росчерками перечеркнут крест-накрест. Затем резким горизонтальным росчерком Пушкин обозначает начало работы над следующим планом, в финале которого реализуются сюжетные наброски плана «А» — героиню спасает возлюбленный с кунаком.

План ПД 271 «Б»

Les eaux — une saison¹³⁹, весна, кто живет на Кавказе — один расслабленный, [конвойный] майор¹⁴⁰ Курисов — Генерал-баба¹⁴¹ генеральша Мерлина — два лекаря¹⁴² Семейства съезжаются — семейство N. из Москвы — Отец и [две]¹⁴³ дочери¹⁴⁴. Отец составляет вист¹⁴⁵: рассл.<абленный><,>¹⁴⁶ лек.<арь> и Кур.<исов> — Дочь¹⁴⁷ дружится

¹³⁵ Н. В. Измайлов относит его к самому началу работы над замыслом (с. 179), однако тогда нужно дополнительное обоснование, почему вслед за первым наброском плана Пушкин внизу листа набросал более разработанный вариант, предварительно обратившись к планам ПД 270 и ПД 268. Очевидно, пока лист не был заполнен, другой листок Пушкиным не начинался, хотя все здесь, конечно, условно.

¹³⁶ Пер. с франц.: Было: amoureux [de] d'elle — «влюбленный в нее».

¹³⁷ Пер. с франц.: Было: la donne — «отдает ее».

¹³⁸ Пер. с франц.: «...похищает Марию, которая с ним кокетничала.— [Ее любовник похищает ее у черкесов.] [Кунак — юноша, привязанный к ней, похищает ее и возвращает ее в ее семью»].

¹³⁹ Пер. с франц.: «Воды — сезон».

¹⁴⁰ Слово вписано над строкой.

¹⁴¹ Слово вписано над строкой. Н. В. Измайлов считал, что так Пушкин именовал генерала Мерлини, «таким он мог, конечно, казаться рядом со своею мужественною супругою» (Измайлов Н. В. Очерки... С. 194).

¹⁴² Два слова вписаны над строкой.

¹⁴³ Слово «две» вписано над строкой и зачеркнуто.

¹⁴⁴ Переделано из «дочь» и после отказа от множественного числа не исправлено в тексте на единственное число.

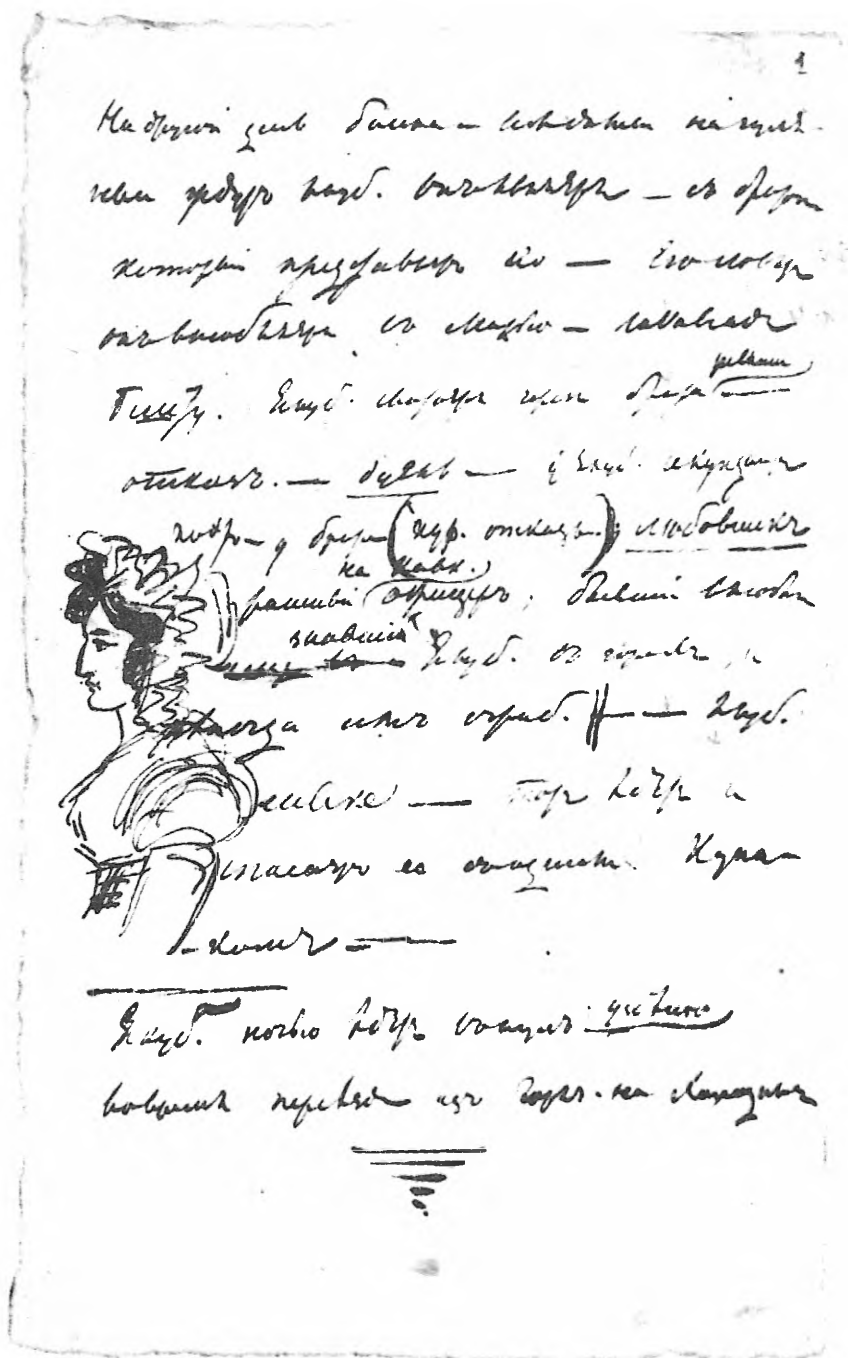
¹⁴⁵ Вист — карточная игра английского происхождения: 52 карты, четверо игроков, два партнера, два корнтрпартнера. Вист — первоначальная форма винта. (Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. 7-е изд., М., 1938. Т. 10. С. 307).

¹⁴⁶ Эта запятая нечетко проставлена Пушкиным, и не указана у Н. В. Измайлова (Очерки... С. 181), таким образом, получается, что в вист играют три человека, что противоречит правилам.

¹⁴⁷ «Дочь» исправлено из «дочери», так как далее следует «дружится», то исправление на «дочь» было сделано сразу, когда было зачеркнуто начатое после «дочери». В этот же момент зачеркивается выше «две».

~~24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 844. 845. 846. 847. 848. 849. 850. 851. 852. 853. 854. 855. 856. 857. 858. 859. 860. 861. 862. 863. 864. 865. 866. 867. 868. 869. 870. 871. 872. 873. 874. 875. 876. 877. 878. 879. 880. 881. 882. 883. 884. 885. 886. 887. 888. 889. 890. 891. 892. 893. 894. 895. 896. 897. 898. 899. 900. 901. 902. 903. 904. 905. 906. 907. 908. 909. 910. 911. 912. 913. 914. 915. 916. 917. 918. 919. 920. 921. 922. 923. 924. 925. 926. 927. 928. 929. 930. 931. 932. 933. 934. 935. 936. 937. 938. 939. 940. 941. 942. 943. 944. 945. 946. 947. 948. 949. 950. 951. 952. 953. 954. 955. 956. 957. 958. 959. 960. 961. 962. 963. 964. 965. 966. 967. 968. 969. 970. 971. 972. 973. 974. 975. 976. 977. 978. 979. 980. 981. 982. 983. 984. 985. 986. 987. 988. 989. 990. 991. 992. 993. 994. 995. 996. 997. 998. 999. 1000.~~

План «Романа на Кавказских водах» ПД 271
Пушкинский кабинет ИРЛИ

с воспитанницей Генер.<альши> — воспит.<анница> чувств.<ительная> сводня.— [Приезд Якуб.<овича>~~~]¹⁴⁸ [Приезд брата и любовника]

Поэт, брат, любовник, Якуб.<ович> зрелые <?> невесты, банкометы (согр.<удники>) Якубо<вич>

На другой день банка¹⁴⁹ — все дамы на гуляньи ждут Якуб.<овича>. Он является — с братом, который представляет его.— Его ловят. Он влюбляется в Марию — *Sa valcade*¹⁵⁰ Бешту. Якуб.<ович> сватается через брата

Pelham¹⁵¹ — отказ — *дуэль* — у Якуб.<овича> секундант поэт — у брата (Кур.<исов> отказ<ывается>) *любовник* раненный на Кавк.<азе>¹⁵² офицер; бывший влюблен<ный> [еще в] знавший¹⁵³ Якуб.<овича> в горах и некогда им ограб.<ленный>¹⁵⁴

Якуб. <ович> ночью едет в аул: <к> *уздению* во время переезда из Горяч.<их> вод на Холодные

Якуб<ович> *enlève*¹⁵⁵ — тот едет и спасает ее с одним Кунаком ~~

¹⁴⁸ Волнистая черта показывает место переноса готового сюжетного узла.

¹⁴⁹ Слово «банка» впервые правильно прочитано С. М. Бонди (*Бонди С. М.* Черновики Пушкина. С. 166).

Пушкин и сам был азартным игроком, как отмечал П. И. Бартечев, «всякая быстрая перемена, всякая отвага были ему по душе; он пристрастился к азартным играм и во всю жизнь потом не мог отстать от этой страсти. Она разжигалась в нем надеждою и вероятностью внезапного большого выигрыша, а денежные дела его были, особенно очень плохи» (Русский архив. 1866. Стлб. 1160—1161).

Страсть к банку! Ни любовь свободы,
Ни Феб, ни дружба, ни пиры,
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры.
Задумчивый, всю ночь до света,
Бывал готов я в эти лета,
Допрашивать судьбы завет,
На лево ль выпадет валет.
Уже раздался звон обеден:
Среди разбросанных колод
Дремал усталый банкомет,
А я все тот же, бодр и бледен,
Надежды полн, закрыв глаза,
Гнул угол третьего туза.

«Играли обыкновенно в штос, в экарте, но чаще всего в банк» — писал П. И. Бартечев. (Русский архив. 1866. Стлб. 1161).

¹⁵⁰ Пер. с франц.: «прогулка верхом» (*уст.*).

¹⁵¹ «Пелам» — слово вписано над строкой. Роман Бульвера Литтона (Bulwer, sir Edward-Lytton-Earle; 1805—1873) «Пелам, или Приключения джентльмена» вышел в Лондоне 1827 г., но Пушкин, очевидно, познакомился с ним по французскому переводу 1831 г. В библиотеке Пушкина творчество романиста представлено семью романами: *Pelham, or the adventures of a Gentleman*. Paris. 1832; *Devereux, a Tale*. 1832; *The Disowned*. Paris. 1833; *L'Angleterre et les Anglais*. Bruxelles. 1833; *Les derniers jours de Pompéi*. Paris. 1834; *Reinzi, le dernier de Tribuns*. Bruxelles. 1836; *The Student*. Paris. 1835 (Библиотека А. С. Пушкина. Описание Б. Л. Модзалевского. СПб., 1910. С. 151, 180, 187).

¹⁵² «На Кавк.» вписано над строкой.

¹⁵³ Слово вписано над строкой.

¹⁵⁴ Здесь Пушкиным отмечено место вставки обстоятельств похищения («Якуб.<ович> ночью едет ~ на Холодные»), которые записаны внизу листа, под горизонтальной чертой.

¹⁵⁵ Пер. с франц.: «похищает».

На листе с записью этого плана дан профильный портрет девушки, очевидно, героини романа. В центре рассматриваемого сюжета ПД 271 «Б» — дуэль Якубовича с братом героини из-за ее отказа выйти за него замуж. Автором подчеркнут момент Проведения (*Курисов отказывается*) и свершения Божьего промысла (некогда ограбленный Кубовичем на Кавказе офицер оказывается его противником на дуэли), так вершится Божий суд — «аз воздам».

Весьма показательно упоминание в пушкинском плане романа Бульвера Литтона «Пелам, или Приключения джентльмена». А. П. Керн в письме к П. В. Анненкову сообщала, что Пушкин «очень любил Бульвера, цитировал некоторые фразы из „Пельгама“ в то время, когда его читал»¹⁵⁶. Н. В. Измайлов в свою очередь заметил, что «хотя герой английского романа и брат пушкинской героини имеют некоторое сходство по той роли, которая отведена им сюжетом (Пелам — свидетель и активный участник борьбы между Реджинальдом Гленвилем и Джоном Тиррелем — соответствует в некоторой степени брату героини кавказского романа — свидетелю и участнику борьбы за любимую девушку между „любовником“ и „похитителем“ Якубовичем), тем не менее слово „Pelham“ указывает и на тот повествовательный жанр, в котором Пушкин думал развернуть свою тему и изобразить характеры действующих лиц и столкновения между ними»¹⁵⁷. Действительно, ощущается стремление Пушкина преодолеть влияние В. Скотта и выйти на иные горизонты: он дает новый состав семьи героини: вместо матери, она приезжает на воды с отцом¹⁵⁸, черты матери Корсаковой — «чувствительной сводни» — передает воспитаннице генеральши Мерлиной, которая не была упомянута ни в одном предыдущем плане. Таким образом, анализ характеров прототипов в пушкинских планах задуманного романа чрезвычайно продуктивен для осмысления эволюции художественной прозы Пушкина, в его процессе еще раз подтверждается «прелестная быль о Пигмалионе, обнимающем холодный мрамор» (XIII, 372).

¹⁵⁶ Керн А. П. О Пушкине и о себе: Воспоминания. Дневники. Переписка. Тула. 1993. С. 88.

¹⁵⁷ Измайлов Н. В. Очерки... С. 202, 203.

¹⁵⁸ Рассматривался вариант с отцом и с сестрой, но затем он был отвергнут.

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ НЕСОБРАННОГО ЭПИГРАММАТИЧЕСКОГО ЦИКЛА

*(Особенности эпиграмматического жанра
в творчестве А. С. Пушкина 1820—1830-х годов)¹*

Пушкинские эпиграммы всегда находились на острие читательского внимания. Однако, несмотря на то, что исследователями прокомментирован историко-литературный и биографический контекст значительной части пушкинских эпиграмм², — обобщающая работа о развитии эпиграмматического жанра в творчестве Пушкина до сих пор отсутствует. Е. Г. Эткинд в статье «Пушкин-эпиграмматист» вывел шесть жанровых признаков пушкинской эпиграммы³. Но ими не объяснялось художественное своеобразие эпиграмматического жанра в творчестве поэта. Поэтому А. А. Асоян был прав, когда, относя эпиграмматику Пушкина к темам, забытым пушкинистами, писал: «Здесь, как и везде, где продолжается разговор о Пушкине, учтена почти каждая строка, учтена, но не изучена: нет работ ни о поэтике пушкинских стихотворений, ни о развитии эпиграмматики поэта»⁴.

Действительно, пока не представляется возможным дать исчерпывающее изложение динамики развития эпиграмматического жанра в творчестве Пушкина. Причиной этого является специфика предмета исследования, а именно принадлежность его к малым поэтическим формам, которые по своим художественным

¹ Основные положения этой статьи в форме доклада были изложены мною 30 мая 1999 г. на юбилейной конференции «Пушкин и пушкинистика на пороге XXI века» в Санкт-Петербургском университете.

² Перечислим лишь основные работы по этой теме: *Томашевский Б. В.* Эпиграммы Пушкина на Карамзина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. I. С. 208—215; *Цявловский М. А.* Политические эпиграммы // *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 28—65; *Его же:* Пушкин и Каченовский // Там же. С. 359—364; *Ильинский Л. К.* Из мелочей Пушкинского комментария. Эпиграмма «В Академии наук...» // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Л., 1930. Вып. XXXVIII—XXXIX. С. 202—212; *Цявловская Т. Г.* «Муза пламенной сатиры» // Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева. Кишинев, 1961. Т. 2. С. 147—198; *Вацуро В. Э.* Из разысканий о Пушкине. К истории пушкинского экспромта // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 106—108; *Его же:* Эпиграмма Пушкина на Н. А. Муравьева // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1989. Т. XIII. С. 222—242; *Его же:* Заметки комментатора. СПб., 1994. С. 75—81.

³ Перечислим их: 1) краткость, как следствие «смысловой сгущенности», 2) внезапность концовки («пуанты»), 3) сатирическая содержательность, 4) предельная отточенность поэтической формы, которая призвана быть конструкцией, максимально насыщенной смыслом, 5) «перебой местоимений», 6) независимость художественных достоинств эпиграммы от конкретного историко-биографического комментария (*Эткинд Е. Г.* Пушкин-эпиграмматист // Пушкинский сборник. Псков. 1973. С. 24—41).

⁴ *Асоян А. А.* Сатирические эпиграммы Пушкина // Болдинские чтения. Горький. 1982. С. 126.

достоинствам в сознании читателя должны подняться до уровня больших поэтических форм, — именно так относился к малым поэтическим формам сам Пушкин. Полемика его с Кюхельбекером по поводу примечания последнего к статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» позволяет сделать подобный вывод.

В примечании к статье Кюхельбекер писал: «Вольтер сказал, что все роды сочинений хороши, кроме скучного, — он не сказал, что все равно хороши. Но Буало, верховный, непреложный, законодатель в глазах русских и французских Сен-Моров и Ожеров, объявил: „Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme!“ („Один безупречный сонет лучше длинной поэмы“)⁵. Есть, однако же, варвары, в глазах коих одна отважность предпринять создание эпопеи взвешивает уже всевозможные сонеты, триолеты, шарады и, — может быть, баллады»⁶.

На это примечание Пушкин ответил одной из заметок цикла «Материалы к „Отрывкам из писем, мыслей и замечаний“»: «Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедии... что это значит? Можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды?» (XI, 54).

Свои контраргументы Пушкин изложил в набросках незавершенной работы «Возражение на статьи Кюхельбекера в „Мнемозине“»: «Что такое *сила* в поэзии? Сила в изобретении, в расположении плана, в слоге ли? *Свобода*? В слоге, в расположении — но какая же свобода в слоге Ломоносова и какого плана требовать в торж.<ественной> оде? *Вдохновение*? Есть расположение души к живейшему приятию впечатлений, следст.<венно> к быстрому соображению понятий, что способствует объяснению оных... <...> Критик смешивает вдохновение с восторгом. <...> Восторг не предполагает силы ума, располагающей части в их отношении к целому. Восторг непродолжителен, непостоянен, следст.<венно> не в силе произвести истинно великое совершенство — (без которого нет лирич.<еской> поэзии). *Гомер* неизмеримо выше *Пиндара* — ода, не говоря уже об элегии, стоит на низших степенях поэм, трагедия, комедия, сатира все более ее требуют творчества (*fantaisie*), воображения — гениального знания природы. Но [плана нет в оде] и не может быть — единый план Ада есть уже плод высокого гения» (XI, 41—42)⁷.

Основное раздражение Пушкина в концепции Кюхельбекера вызывало, по-видимому, то обстоятельство, что Кюхельбекер придавал исключительное значение только жанру оды, а малые поэтические формы, для создания которых, по мнению Пушкина, нужен постоянный творческий процесс, «без которого нет лирической поэзии», и сатирические произведения, которые «по продуманности плана и воображению автора» должны быть приравнены к большим

⁵ Подробнее см.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 109.

⁶ Мнемозина. М., 1824. Ч. 2. С. 32

⁷ Позже Пушкин с афористической точностью завершит свою мысль, записав: «Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлет творческою мыслию, — такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a, Гёте в Фаусте, Молиера в Тартюфе» (XI, 61).

поэтическим формам (поэме, трагедии, комедии), низводились критиком в разряд литературных безделок.

Поэтому для исследователя эпиграмматического наследия поэта основную трудность при теоретическом осмыслении материала составляет наличие в каждом тексте непосредственной связи с действительностью, превратившейся с годами в историю, которую необходимо реконструировать. В задачу данной работы входит как уточнение жанровых критериев эпиграмматики Пушкина 20-х годов, так и определение некоторых особенностей психологии творчества эпиграммиста⁸.

Жанровые особенности эпиграммы были определены в «Поэтическом искусстве» Никола Буало Депрею⁹:

«L'Épigramme, plus libre en son tour plus borne,
N'est souvent qu'un bon mot de deux rimes orne»¹⁰.

(«Вот Эпиграмма — та, доступней, хоть тесней;
Острота с парой рифм — вот все, что надо в ней».)¹¹

Под данное определение эпиграмматической формы подпадает двустипише с пуантой из одного слова (напоминающее «вилере»), бытовавшее как во французской, так и в русской литературе конца XVIII века¹².

Сравним.

А. Котельницкий. «Уж сочиняете и вы?
— Увы!»¹³

А. П. Сумароков. «Что сделал он ему?
— Пора.
— Ага!»¹⁴

⁸ Пушкин использовал термин «эпиграммист» (см. письмо его к Н. Гнедичу от 4 декабря 1820 г.: «Согласен с мнением неизвестного эпиграммиста — критика его для меня ужасно как тяжка» (XIII, 21).

⁹ Тема «Пушкин и Буало» рассмотрена в книге Б. В. Томашевского «Пушкин и Франция» (М., 1960. С. 98–102, 106–111, 161, 225, 253–255). А. М. Песков дополнил приведенный материал следующим уточнением: «И в историко-литературных заметках Пушкина, и в его стихах проступает тот же образ законодателя, трезвого и здравомыслящего критика, который существовал до него в русской традиции восприятия Буало. Но у Пушкина на первый план выдвигается Буало — „завоеватель“, Буало — „покоритель французской словесности“. И если Вяземский указывал на „деспотизм“ Буало, наложившего „ярмо“ и „цепи“ на поэзию, то есть на следствия, произведенные его поэтикой, то Пушкин обращал внимание на сам его приход к литературной власти: „Буало обнародовал свой коран — и французская словесность ему покорилась“» (Песков А. М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989. С. 100).

¹⁰ Œuvres complètes de Boileau Despreaux, précédées d'une notice sur sa vie par M. Dau-pou. Paris, 1832. Vol. 1. P. 233.

¹¹ Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 430 (перев. с франц. С. С. Нестеровой и Г. С. Пиларова).

¹² Томашевская Р. Р. К вопросу о французской традиции в русской эпиграмме // Поэтика: Сб. статей. Л., 1926. Вып. I. С. 105 и след.

¹³ Приятное и полезное препровождение времени. 1796. Ч. 12. С. 224.

¹⁴ Иртыш, превращающийся в Ипокрену. 1791. № 8. С. 53.

В. Л. Пушкин. «На постановку трагедии „Альзира“»:
Гусмана видел я, Альзиру и Замора.
Умора!¹⁵

Буало. «Sur l'Agésilas De Mr Corneille» (1666):
J'ai vu l'Agésilas.
Hellas!

«Sur l'Attila du meme auteur» (1667):
Après l'Agésilas,
Helas!
— Mais après l'Attila,
Hola!¹⁶.

В неоконченной статье о творчестве Е. А. Баратынского Пушкин описал все слабые стороны данной эпиграмматической формы: «Эпиграмма, определенная законодателем фр.<анцузской> пиитики *Un bon mot de deux rimes orne* скоро стареет и живая действуя в первую минуту, как и всякое острое слово, теряет всю свою силу при повторении» (XI, 186; курсив мой.— Н. М.).

В «Материалах к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“» Пушкин конкретизировал свою мысль: «Повторенное острое слово становится глупостью. Как можно переводить эпиграммы? Разумею не антологические¹⁷, в которых развертывается поэтическая прелесть, не Маротическую¹⁸, в которой сжимается живой рассказ, но ту, которую Буало определяет словами: *Un bon mot de deux rimes orne*» (XI, 61). Противоположность данной эпиграмматической форме Пушкин находит «в эпиграмме Баратынского, менее тесной», где «сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драматический и развивается свободнее, сильнее. Улыбнувшись ей, как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее, как произведение искусства» (XI, 186).

Эпиграмма Пушкина на Николая Андреевича Цертелева (1790—1869) инте-

¹⁵ Арзамас: Сб.: В 2 кн. М., 1994. Т. 2. С. 180.

¹⁶ «На „Агезилая“ месье Корнеля» (1666): «Я видел Агезилая.— Увы!»; «На „Аттилу“ того же автора» (1667): «После Агезилая,— Увы! После Аттилы,— Ура!» (пер. М. В. Арсеньевой). *Oeuvres complètes de Boileau Despreaux...* Т. 2. Р. 34. Каламбур второй эпиграммы заключается в столкновении противоположных реакций на пьесы Пьера Корнеля и историческую значимость личности Агезилая (царя Спарты с 398 по 358 г. до н. э.), пользовавшегося всеобщей народной любовью (см.: *Любкер Фр.* Реальный словарь классической древности. СПб.; М., 1888. С. 40), и Аттилы по прозвищу Бич Божий (царя гуннов с 433 по 453 г. н. э.), с изощренной жестокостью опустошившего Галлию. Эпиграммы Буало не привлекали пристального внимания исследователей — только недавно были опубликованы некоторые переводы из них на русский язык, см.: Спор о древних и новых. М., 1985. С. 265—314.

¹⁷ Антологические (анфологические) — в духе античной поэзии (Словарь языка Пушкина. М., 1956. Т. 1. С. 42). См.: *Кибальник С. А.* Антологические эпиграммы Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 152—174; *Грехнев В. А.* Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород. 1994. С. 82—118, 279—296.

¹⁸ Маротическая эпиграмма, то есть эпиграмма, написанная в стиле Клемента Маро (Clement Marot; 1497—1544), поэзия которого отличалась легкостью, изяществом и остроумием. Маро с большим успехом разрабатывал малые поэтические жанры: послания, песни, басни, сатиры, эпиграммы.

ресна тем, что наглядно иллюстрирует, как раздвигались границы эпиграмматического жанра, установленные «диктатом» Буало.

Как брань тебе не надоела?
 Расчет короток мой с тобой:
 Ну так! я празден, я без дела,
 А ты бездельник деловой.

(1820; II, 154)

Н. А. Цертелев, ощущая поддержку правительственных кругов¹⁹, считал себя способным возглавить развитие русской литературы. В печати Цертелев появлялся не только под своим именем, но и под псевдонимом «Житель Васильевского острова», а с 1822 года и «Житель Выборгской стороны». В этих публикациях он выступал против «новой школы» словесности, все чаще задевая Жуковского и поэтов пушкинского круга, однако напрямую не затрагивая самого поэта. На выпады Цертелева отвечал Вяземский, опубликовав (без подписи) предисловие к «Бахчисарайскому фонтану» под заглавием «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или Васильевского острова». В письме к И. И. Тургеневу от 10 сентября 1823 года Вяземский привел свою эпиграмму на Цертелева, сопроводив ее пояснением: «Какой-то шут, Цертелев или Сомов, лаетя на меня в „Благонамеренном“ под именем Жителя Васильевского острова или Выборгской стороны. Вот моя откличка. Отдай ее в „Сын отечества“, под названием „К островитянину“ или под названием „К жителю****»

Жужжащий враль, едва заметный слуху,
 Ты хочешь выслужить удар моей руки?
 Но знай! На ястребов охотятся стрелки;
 А сам скажи: как целить в муху?²⁰

Вторая пушкинская эпиграмма, направленная против Цертелева, построена в форме диалога, в котором присутствуют ложный аргумент и контраргумент:

«Хоть впрочем он поэт изрядный,
 Эмилий человек *пустой*».
 — «Да ты чем полон, шут нарядный?
 А, понимаю: сам собой;
 Ты *полон* дряни, милый мой!»

(1821; II, 177)²¹.

¹⁹ Начав свой путь в литературе с изучения фольклора, он в 1819 г. издал «Опыт собрания малорусских песен»; 26 февраля 1820 г. был избран в действительные члены Вольного общества любителей российской словесности, наук и художеств; за рассуждение «О русском народном стихотворстве» (1820) получил медаль Академии наук; за поднесенную им императрице Елизавете Алексеевне книгу «Опыты общих правил стихотворства» (1820) получил бриллиантовый перстень и был избран почетным членом императорского Московского общества испытателей (Бухе А. А. Князя Цертелевы. Историко-генеалогические материалы. М., 1913. С. 10).

²⁰ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 346.

²¹ Более удачно эта тема была реализована П. А. Вяземским в эпиграмме 1862 г.:

Природы странною игрой
 В нем двух начал раздор открытый;
 Как может быть он человек пустой
 И вместе с тем дурак набитый?

В 1825 году Цертелев в статье «Дело от безделья, или Краткие замечания на современные журналы» обрушился на «беснующихся романтиков», подчеркнув, что период в словесности, начиная с Жуковского²² был самым несчастным для русской поэзии²³. Уже в самом названии статьи Цертелев использовал антитезу, которая, по всей видимости, употреблялась им и ранее, когда в 1820 году Пушкин и Баратынский положили его в основу своих эпиграмм на Цертелева²⁴. Сравните с пушкинской эпиграммой эпиграмму Е. А. Баратынского на Цертелева:

Так он ленивец, он негодник,
Он только что поэт, он человек пустой;
А ты, ты ябедник, шпион, торгаш и сводник.
О человек ты деловой²⁵.

Поэтическая форма данных эпиграмм близка²⁶. В отличие от упомянутых эпиграмм, в пушкинской эпиграмме присутствует свойственная остроте краткость, эпиграмматическая пуанта и выразительная метафора, тем не менее становится очевидным, что краткость еще не исчерпывает всего достоинства остроты, хотя Пушкин в письме к Вяземскому 25 января 1825 года отметил, что «краткость одно из достоинств сказки эпиграмматической» (XIII, 135).

В приведенном пушкинском определении эпиграммы Баратынского указаны способы преодоления «тесноты» эпиграмматической формы при сохранении краткости как жанрового признака эпиграммы. И тем не менее вопрос о том, какая именно краткость, по мнению Пушкина, является достоинством «сказки эпиграмматической», остается актуальным. Приблизиться к ответу поможет статья З. Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905)²⁷. Используя некоторые положения этой работы, можно сделать вывод о том, что эпиграмме необходима только та краткость, которая является результатом особого процесса, оставляющего в тексте так называемое «замести-

²² В начале декабря 1826 г. Пушкин писал В. К. Кюхельбекеру: «Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Ж<уковского>. Это простительно Цертелеву, а не тебе» (XIII, 248).

²³ Благонамеренный. 1825. Ч. 29. № 7. С. 243; ценз. разр. 15 декабря 1824 г.

²⁴ Книга О. Ш. Гвинчидзе «Николай Андреевич Цертелев» (Тбилиси, 1980) приукрашивает отношение Пушкина к Цертелеву.

²⁵ *Баратынский Е. А.* Полн. собр. соч. Л., 1936. С. 286. (Б-ка поэта). Атрибуция текста И. Н. Медведевой была принята Б. В. Томашевским — см. комментарий в кн.: *Пушкин А. С.* Стихотворения. Л., 1955. Т. 3. С. 770, 729. (Б-ка поэта) — и закреплена в Большом академическом собр. соч. Пушкина (Т. XVII. М., 1959. С. 444).

²⁶ Эпиграмма, построенная на антитезе встречается среди эпиграмм В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, мы приведем лишь одну из эпиграмм Д. Давыдова. Цит. по: *Русская эпиграмма.* С. 195.

К ПОРТРЕТУ NN

Говорит хоть очень тупо,
Но в нем это мудрено,
Что он умничает глупо,
А дурачится умно.

(1811)

²⁷ *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб., 1998. Фрейд разработал свою концепцию на материале еврейских анекдотов.

тельное образование». Иными словами, острота в эпиграмме возникает на стыке ассоциативного сопряжения культурных пластов, хорошо известных и автору и читателю. В качестве примера рассмотрим пушкинскую эпиграмму:

Лечись — иль быть тебе Панглосом,
Ты жертва вредной красоты —
И то-то братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.

(1821; II, 206)

Не выявленный биографический контекст и адресат эпиграммы не мешают ее восприятию, так как для ее художественной формы являются определяющими широкая известность сюжета философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759). В эпиграмме обыгрывается эпизод с философом-оптималистом Панглосом, когда он предстал перед своим учеником Кандидом в весьма жалком виде, «покрытый гнойными язвами, с безжизненными глазами, с кривым ртом, изъязвленным носом, с черными зубами, с глухим голосом... жестоким кашлем, от которого он каждый раз выплевывал по зубу»²⁸. Причиной столь жалкого вида был сифилис. При этом Панглос, проповедовавший идею о том, что все к лучшему в этом лучшем из миров, был убежден, что венерическая болезнь — необходимая обратная сторона любви. По настоятельной просьбе Кандида анабаптист Яков излечил Панглоса, в результате исцеления тот потерял только глаз и ухо.

Вторым смысловым стержнем эпиграммы является игра устойчивыми выражениями «будешь с носом» и «будешь без носа» в том соотношении, при котором они приобретают свое первоначальное значение. З. Фрейд подчеркивал, что «работа остроумия пользуется двумя уклонениями от нормального мышления, *сгущением* и *бессмыслицей* как техническими приемами для создания остроумного выражения»²⁹. Под «сгущением» Фрейд понимал гиперсемантизацию, при которой значения слова не равноправны, а последовательно заменяемы одно другим, что порождает сначала «бессмыслицу». Так, прямое значение словосочетания «будешь с носом» переосмысливается как метафорическое значение фразеологизма «остаться с носом», и только после того, как использован прием «сгущения» — в данном случае акцентирование последующего вещественного значения словосочетания «без носа будешь ты», — «бессмыслица» обретает смысл.

Прием «сгущения» может проявляться и в виде объединения контрастных понятий, сфер и представлений в тождество, как, например, в эпиграмме:

Когда б писать ты начал дуру,
Тогда б наверно ты пролез
Сквозь нашу тесную цензуру,
Как внидешь в царствие небес.

(1820; II, 152)

Параллелизм употребленных Пушкиным коррелятивных сфер состоит в том, что преодолеть строгости цензурного устава столь же сложно, сколь по-

²⁸ Вольтер. Кандид; Простодушный. М., 1965. С. 25.

²⁹ Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. С. 72. Далее ссылки даются по этому изданию, с указанием в тексте номера страницы.

пасть в Царство Божие, чему в Евангелии есть множество примеров: в нем неоднократно указывается, что «многими скорбями надлежит войти в Царствие Божие»³⁰, что «трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! <...> Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие»³¹. Таким образом, в эпиграмме Пушкиным отождествляются два коррелятивных ряда — учение Нового Завета и требования цензурного устава.

При этом уже само отождествление этих коррелятивных сфер может привести к переосмыслению евангельского текста, стоит только представить бедного литератора перед всемогущим цензором и вложить в его уста слова Иисуса: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. <...> кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное»³². В словах Иисуса, обращенных к Никодиму, утверждается превосходство людей Духа (к которым можно отнести и литераторов), перед остальными: «...истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. <...> Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа. <...> Мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства Нашего не принимаете. Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, — как поверите, если буду говорить вам о небесном? Никто не восходил на небо, как только шедший с небес Сын Человеческий, суций на небесах»³³. Итак, в словах Иисуса указан путь спасения — быть приобщенным Духу, стать рожденным от Духа и воды.

В Евангелии тема восшествия в Царствие Небесное тесно связана с притчей о сеятеле: «...Иисус сел у моря. И собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел, а весь народ стоял на берегу. И поучал их много притчами, говоря: вот вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и вскоре взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит! И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им

³⁰ Деяния Апостолов, гл. 14, стих 22.

³¹ Евангелие от Луки, гл. 18, стихи 24–25.

³² Евангелие от Матфея, гл. 5, стихи 17, 19–20.

³³ Евангелие от Иоанна, гл. 3, стихи 3, 5–8, 11–13.

притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают; и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их. Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали. Вы же выслушайте *знамение* притчи о сеятеле»³⁴. И далее Иисус излагает два варианта притчи, когда «Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем» и когда «Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем». «Всё сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им, да сбудется реченное через пророка, который говорит: отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира»³⁵. Когда же ученики попросили Иисуса истолковать смысл его притчи о сеятеле, то он сказал им, что «сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого», а «всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое»³⁶. Так в самом Евангелии сомкнулись два коррелятивных ряда — Царствие Небесное и книжники, то есть литераторы, и был указан путь спасения: «Входите тесными вратами, потому что широкі врата и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»³⁷. Очевидно, Пушкин не случайно меняет в эпиграмме эпитет, вместо «узкой цензуры» (II, 634) ставит «тесную цензуру».

Сравним в «Страннике» Пушкина:

...держишь сего ты света;
Пусть будет он тебе [единственная] мета,
Пока ты тесных врат [спасенья] не достиг...
(1835; III, 393)

Таким образом, в сознании читателя в эпиграмме возникают «новые неожиданные единства, новые отношения представлений друг к другу и определение одного понятия другим» (С. 80), но в авторском сознании просто воспроизведены два коррелятивных ряда (Царствие Небесное и книжники), которые уже сосуществуют в Евангелии. Все это еще раз возникнет в 1823 году в творческом сознании автора (но в иной поэтической форме и по иному поводу) в стихотворении, которому будет предшествовать эпиграф из Евангелия от Луки (гл. 8, стих 5)³⁸.

³⁴ Евангелие от Матфея, гл. 13, стихи 1–18.

³⁵ Евангелие от Матфея, гл. 13, стихи 24, 31, 34–35.

³⁶ Евангелие от Матфея, гл. 13, стихи 37–38, 52.

³⁷ Евангелие от Матфея, гл. 7, стихи 13–14. Ср. в Евангелии от Луки, гл. 13, стихи 23–24: «Некто сказал Ему: Господи! Неужели мало спасающихся? Он же сказал им: подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти и не смогут».

³⁸ Обоснование источника см.: *Старк В. П.* Притча о сеятеле и тема поэта-пророка в лирике Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. XIV. С. 51.

Изыде сеятель сеяти семена своя

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

(III, 302)

Это стихотворение, обращенное к В. Ф. Раевскому, является отдельной темой исследования³⁹, поэтому для анализа рассматриваемой эпиграммы отметим в нем лишь необходимые нам (и незамеченные ранее) элементы.

Приведенный выше материал не позволяет согласиться с положением, что только в 1823 году в стихотворении «Свободы сеятель пустынный...» Пушкин «впервые в своем творчестве обращается к евангельскому источнику — к „притче притчей” о сеятеле»⁴⁰. «Притча притчей» находилась в поле зрения поэта уже с 1820 года (а может быть, и ранее), и интерес к ней, вероятно, возник именно в связи с личностью В. Ф. Раевского, который начал свои «Записки» афоризмом: «*Читай Евангелие со вниманием, если хочешь сделаться добрым человеком*»⁴¹. В этом плане весьма интересно наблюдение И. Н. Медведевой о том, что IV строфа второй главы «Евгения Онегина», в которой описываются преобразования экономического уклада в деревне, учиненные главным героем, в черновике читалась несколько иначе. Шестая строка звучала так: «*Свободы сеятель пустынный*», — но в окончательном варианте в нее были внесены изменения:

*В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.*

И. Н. Медведева отмечает, что именно эта строка послужила начальным импульсом для написания на следующем листе рабочей тетради «подражания басни умеренного демократа И.<исуса> Х.<риста>» — «Свободы сеятель пустынный...». На данном этапе работа Пушкина над текстом остановилась на стихе «Благие мысли и труды»⁴².

³⁹ По данной теме существует большая литература, начиная с работ П. Е. Щеголева (Владимир Раевский и его время // Вестник Европы. 1903. № 4. С. 509–561), М. А. Цявловского (Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 41–50) и заканчивая работой В. В. Пугачева О полемике вокруг пушкинского послания В. Ф. Раевскому. (К спорам о пушкинском понимании нравственной сущности человека) // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли. Саратов, 1998. С. 169–172 (Межвуз. науч. сб.; Вып. 5). Мы не останавливаемся на детальном освещении литературы вопроса, так как это выходит за рамки данной статьи.

⁴⁰ Старк В. П. Притча о сеятеле... С. 51.

⁴¹ Азадовский М. К. Воспоминания В. Ф. Раевского // Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 243.

⁴² Медведева И. Н. Пушкинская элегия 1820-х годов и «Демон» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. Вып. 6. С. 64–65.

Известно, что отношение В. Ф. Раевского к религии было двойственным. Несмотря на почитание Евангелия, свидетели, привлеченные к дознанию, утверждали, что он выказывал неуважительное отношение к религиозным обрядам и к церковной службе. Священник Луцкевич отмечал, что тот не бывал на исповеди. Другие говорили, что «Раевский прихаживал в церковь в шлафроке, туфлях, с трубкою и нередко заглушал обедню криком песенников, собранных у него в квартире»⁴³. Таким образом, контаминация религиозности и атеизма, которое свойственно пушкинской эпиграмме, было присуще мировосприятию В. Ф. Раевского.

К тому же литературные пристрастия Пушкина и В. Ф. Раевского были настолько противоположны, что служили поводом для постоянных споров. И. П. Липранди дважды упомянул об этих столкновениях в своих мемуарах, отметив в первый раз непосредственную причину возникшего спора: «Помню очень хорошо между Пушкиным и Раевским горячий спор (как между ними другого и быть не могло) по поводу „режь меня, жги меня“; но не могу положительно сказать, кто из них утверждал, что — „жги“ принадлежит русской песни и что вместо „режь“, слово „говори“ имеет в „пытке“ то же значение, и что спор этот порешил отставной фееерверкер Ларин... <...> Не понимая, о чем дело и уже довольно попробовавший за ужином полынного, потянул он эту песню — „ой жги, говори, рукавички барановые“! Эти последние слова превратили спор в хотот и обыкновенные с Лариным проказы»⁴⁴.

В другой записи И. П. Липранди отразил реакцию Пушкина на замечания В. Ф. Раевского: «Пушкин, как вспыхнув ни был, но часто выслушивал от Раевского, под веселую руку обоих, довольно резкие выражения и далеко не обижался, а напротив, казалось, искал выслушивать бойкую речь Раевского. В одном, сколько я помню, — писал далее Липранди, — Пушкин не соглашался с Раевским, когда этот утверждал, что в русской поэзии не должно приводить имена ни из мифологии, ни исторических лиц древней Греции и Рима, что у нас и то и другое есть — свое и т. п. Так как предмет этот меня вовсе не занимал, то я и не обращал никакого внимания на эти диспуты, неоднократно возобновлявшиеся. Остроты с обеих сторон сыпались»⁴⁵.

Сам В. Ф. Раевский в небольшом эссе «Вечер в Кишиневе», сюжетом для которого послужил критический разбор им стихотворения Пушкина «Наполеон на Эльбе», продемонстрировал и накал полемики, и свое решительное неприятие «чуждой ему художественной системы»⁴⁶ (как раннего пушкинского романтизма, так и французской эпиграмматики XVIII века⁴⁷).

⁴³ Раевский В. Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1980. Т. 1. С. 184–185.

⁴⁴ Из дневника и воспоминаний Липранди// Русский архив. 1866. Стлб. 1407.

⁴⁵ Из дневника и воспоминаний Липранди... Стлб. 1256.

⁴⁶ Вечер в Кишиневе (Из бумаг «первого декабриста» В. Ф. Раевского)/ Публикация Ю. Г. Оксмана// Литературное наследство. М.; Л., 1934. Т. 16–18. С. 660.

⁴⁷ «Маиор. В учебных книгах пишут вздор. — Я вчера читал „Новую всеобщую географию“, где между прочими нелепостями сказано, что река Диль-Ельва величайшая в Швеции — это все равно, что река ривьера Сена протекает в Париже. <...> ...что Аккерман стоит на берегу Черного моря...»

Е. Не сердись, маиор. Я поправлю твой гитеуг прекрасным произведением.

В. П. Горчаков отмечал, что капитан Раевский был «большим юристом — грамматиком и географом»: «Этот капитан, владея сам стихом и поэтическими способностями, никогда не мог подарить Пушкину ни одного ошибочного слова, хотя бы то наскоро сказанного, или почти неуловимого неправильного ударения в слове. <...> Простое обращение капитана Раевского с первой минуты как-то сблизило нас... <...> Но это сближение тут же не помешало нам о чем-то поспорить; да и вообще при каждом разговоре спор между нами был неизбежен; особенно если Пушкин, вопреки мнению Раевского, был одного мнения со мною. В подобных случаях для каждого капитан Раевский показался бы несносным, но мы, как кажется, взаимно тешили очередным воспламенением спора, который, продолжаясь иногда по несколько часов, ничем не оканчивался, и мы расходились по-прежнему добрыми приятелями, до новой встречи и неизбежного спора»⁴⁸.

На основании приведенных фактов можно выдвинуть предположение, что адресатом пушкинской эпиграммы «Когда б писать ты начал сдуру» является именно В. Ф. Раевский. Однако говорить об этом с абсолютной уверенностью мешают текстологические и хронологические данные. Пока нет ответа на вопрос, когда именно была написана эпиграмма, ее белой автограф находится на одном листе с эпиграммами «Хаврониос, ругатель закоснелый...» и «Как брань тебе не надоела?»⁴⁹, и дата написания эпиграммы определяется лишь предположительно — «июль — сентябрь 1820 года» (II, 1083). К тому же неизвестна и точная дата знакомства Пушкина с В. Ф. Раевским: до начала августа 1821 года В. Ф. Раевский проживал в Аккермане, а с августа 1821 года

Майор. Верно, опять г-жа Дирто или Bon mot <острота.— Н. М.> камердинера Людовика XV? — Я терпеть не могу тех анекдотов, которые давно забыты в кофейнях в Париже.

Е. Оставь анекдоты.— Это оригинальные стихи одного из наших молодых певцов! <...>

Майор. Ну, что это за стихи?

Е. «Наполеон на Эльбе» <...>

Уже на западе седой одетый мглою
С равниной синих волн сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон!

<...>

Майор. Ну, любезный, высоко ж взмостился Наполеон! На скале сидеть можно, но над скалою... Слишком странная фигура!

Е. Ты несносен... (читает)

Он новую в мечтах Европе цель ковал
И, к дальним берегам возведши взор угрюмый,
Свирепю прошептал:
Вокруг меня все смертным сном погило,
Легла в туман пучина бурных волн...

Майор. Ночью смотреть на другой берег! Шептать свирепю! Ложится в туман пучина волн. Это хаос букв! А грамматики вовсе нет! В настоящем времени и настоящее действие не говорится в прошедшем. *Погило* тут весьма неудачно! (В. Ф. Раевский. Вечер в Кишиневе// Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1. С. 360).

⁴⁸ Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине// Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 1. С. 262.

⁴⁹ Виленский П. П. «Из рукописей Пушкина»// Русский архив. 1865. № 12. Стлб. 1529.

по 6 февраля 1822 года — в Кишиневе. Но это вовсе не значит, что В. Ф. Раевский проживал в Аккермане безвыездно, так как В. П. Горчаков указывает, что «Раевский, по назначению генерала, должен был постоянно находиться в Кишиневе при дивизионной квартире», но не уточняет времени приказа генерала»⁵⁰.

Только уточнение всех фактов позволит ответить на вопрос, действительно ли эпиграмма адресована В. Ф. Раевскому. Пока наше предположение высказывается лишь в виде гипотезы.

*
* * *

Вернемся, однако, к эпиграмматическому жанру и попытаемся определить характер соединения двух коррелятивных семантических рядов в пушкинской эпиграмме 1820-х годов. Для этого сопоставим два пушкинских текста, первый — из письма к Вигелю 1824 года:

Скучной ролью Телемака
Я наскучил, о друзья,
О Москва, Москва-Итака!...
(II, 498)

Второй — эпиграмматический:

[Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний.
И хладный между тем зоил,
Ей Каченовский застудил
Тегенье месяжных изданий].
(II, 417)⁵¹

И в том и в другом тексте сосуществуют два коррелятивных ряда, но с той существенной разницей, что в первом тексте они идут параллельно друг другу, а во втором — последовательно, второй коррелятивный ряд подключается только в пуанте эпиграммы и замещает первый. Так в эпиграмме проводится «процесс унификации». Объясняя его специфику, З. Фрейд писал, что «чем более чуждым являются друг другу оба круга представлений, приведенные в связь тождественным словом, чем дальше они лежат друг от друга, тем больше... удается экономия мысленного пути благодаря техническому приему остроумия»⁵². Следовательно, чем короче путь, пройденный читателем для понимания мысли

⁵⁰ Горчаков В. П. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине. С. 262.

⁵¹ Эта эпиграмма существует в рукописях Пушкина в виде чернового наброска. Она молниеносно мелькнула в сознании поэта, была им зафиксирована, были проанализированы некоторые варианты, и затем она была зачеркнута так, что последующее ее прочтение пушкинистами вызывает восхищение. Поэтому в некоторых изданиях первая строка эпиграммы дается иначе: «Припадками болезни женской/ Словесность русская больна...». Такое решение противоречит структуре пушкинской эпиграммы, так как нивелирует прием «короткого замыкания», который присущ пуанте.

⁵² Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. С. 150.

автора, тем больше удовольствия он получит. Этот процесс переключения одной сферы повествования в другую образно можно назвать «*коротким замыканием*».

В пушкинской эпиграмматике основой эпиграммы является *острота*, рожденная внезапно пришедшей в голову мыслью (идеей), то есть еще за секунду человек не знал, что скажет, но испытывал волнение, не поддающееся определению. Это можно, вероятно, сравнить с внезапным разрядом интеллектуального напряжения, после которого сразу оказывается созданной острота, в большинстве случаев созданная одновременно с оболочкой. В пушкинской эпиграмматике 1830-х годов преобладающей сферой становится *техника остроумия*. В воспоминаниях В. А. Соллогуба есть любопытный эпизод, повествующий о посещении им совместно с Пушкиным книжной лавки Смирдина. Пока Пушкин находился в лавке и писал записку Кукольникову, Соллогуб у дверей импровизировал:

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь.

Пуанта в эпиграмме у Соллогуба не получалась. Он прочитал эти четыре строки вышедшему из лавки Пушкину, и тот «с необыкновенной живостью заключил:

Иль в Булгарина наступишь⁵³.

Соллогуб запечатлел в этом эпизоде рождение эпиграммы, и хотя традиционно эпиграмма целиком приписывается Пушкину (III, 489), но не верить Соллогубу нет оснований. Тем более, что пушкинской эпиграмму делает только пуанта.

Следует отметить, что при данном построении эпиграммы должно соблюдаться одно неперемное условие: две сферы, неожиданно сопряженные вместе в финале эпиграммы, должны быть одинаково хорошо известны и автору, и читателю. В противном случае смысл эпиграммы будет затемнен так, как это произошло с эпиграммой «Собрание насекомых»⁵⁴:

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.
Крылов

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья;
За ними где не рылся я?
Зато какая сортировка!

⁵³ Соллогуб В. А. Из воспоминаний// Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 334–335.

⁵⁴ Для Пушкина эпиграмма была весьма значимой: впервые опубликованная в альманахе «Подснежник на 1830 г.» (с. 18–19), она была перепечатана Пушкиным в «Литературной газете» (1830, № 43 от 30 июля, с. 56 в отделе «Смесь»), затем с заглавием и примечанием вошла во все издания «Стихотворений А. С. Пушкина», включая и цензурную рукопись 1836. (рукописный отдел ПД, ф. 244, д. 851, л. 69).

Вот **⁵⁵ — божия коровка⁵⁶,
 Вот ****⁵⁷ — злой паук,
 Вот и ***⁵⁸ — российский жук,
 Вот **⁵⁹ — черная мурашка,
 Вот **⁶⁰ — мелкая букашка.
 Куда их много набралось!
 Опрятно за стеклом и в рамках
 Они, пронзенные насквозь,
 Рядком торчат на эпиграммах.
 1828

Прим. автора: «Сие стихотворение, напечатанное в Альманахе *Подснежник*, нынешнего года, обратило на себя общее внимание. Все журналы отозвались о нем, и большею частью неблагоприятно. Оно удостоилось двух пародий, помещенных в *Вестнике Европы* и в *Московском Телеграфе*. Пародия *Вестника* отличается легким остроумием; пародия *Телеграфа* — полнотою смысла и строгою грамматической и логической точности.— Здесь мы помещаем сие важное стихотворение, исправленное Сочинителем. В непродолжительном времени выйдет оно особою книгой, с предисловием, примечаниями и биографическими объяснениями, с присовокуплением всех критик, коим оно подало повод, и с опровержением оных. Издание сие украшено будет искусно литохромированным изображением насекомых. Цена с пересылкою 25 руб.» (XI, 131).

По своей поэтической форме пушкинская эпиграмма была настолько неожиданна для современников, что, напечатанная в альманахе «Подснежник на 1830 г.», сразу же вызвала резкую реакцию читающей публики. Угроза эпи-

⁵⁵ Число звездочек обозначает число слогов в фамилии, здесь подразумевался Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт, публицист, человек глубоко верующий, он переложил в элегическом стиле библейские псалмы (*Глинка Ф. Опыты священной поэзии*. СПб., ценз. разр. 12 окт. 1826 г.).

⁵⁶ Ср. с эпиграммой П. А. Вяземского «На Ф. Глинку» (1826):

Друзья, не станем слишком строго
 Творенья Глинковы судить.
 Стихи он пишет ради бога,
 Его безбожно не хвалить.

⁵⁷ Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — журналист, критик, издатель «Вестника Европы» (1811—1813; 1815—1830). Подробнее см. сноску 120 (с. 238).

⁵⁸ Свињин Павел Петрович (1787—1839) — писатель, историк, издатель журнала «Отечественные записки» (1818—1830), Пушкин разделял ироническое отношение к Свињину, сложившееся в литературных кругах, за его склонность к сенсационным вымыслам и черты сервильизма (ср. в эпиграмме Вяземского: «Что пользы — говорит расчетливый Свињин», 1818).

⁵⁹ Раич (наст. фамилия Амфитеатров) Семен Егорович (1792—1855) — поэт-переводчик, журналист, издатель альманаха «Новые Аониды» (1823), «Северная лира» (совместно с Д. П. Ознобишиным) (1827), журнала «Галатея» (1829—1830), в последнем в 1829—1830 гг. он напечатал отрицательные отзывы о «Евгении Онегине». Пушкин невысоко ценил Раича и как поэта и как критика и весьма откровенно отзывался о нем и в своих письмах и рецензиях (см. «Опровержения на критики»).

⁶⁰ Олин Валериан Николаевич (1788—1841) — писатель, журналист, переводчик, издатель, в частности в 1829—1830 гг. он издал «Карманную книжку для любителей русской старины и словесности», отношение Пушкина к его творчеству см. в статье «О трагедии Олина „Жорсар“» (1828).

граммиста была ясна⁶¹, но отождествление адресатов эпиграммы с насекомыми было столь неожиданно, что усилия читателей сфокусировались на том, чтобы разгадать имена, зашифрованные в эпиграмме звездочками.

М. П. Погодин в письме от 23 марта 1830 года излагал С. П. Шевыреву содержание пушкинской эпиграммы следующим образом: «...у меня есть собрание насекомых. Вот Гл.<инка> божия коровка, вот Кач.<еновский> злой паук, вот и Св.<иньин> российский жук... Вот Р.<аич> гадкая козявка — смотрите, все они под стеклами у меня торчат на острых эпиграммах. Каков последний стих!»⁶² Екатерина Николаевна Ушакова в июне 1830 года писала брату И. Н. Ушакову из Москвы: «Эти стихи написаны на Глинку, Каченовского, Свинына, Раича, последнего позабыла — но как дело идет о насекомых, то ботаники и энтомологи велят загадочные стихи читать следующим образом:

*Полтава — божия коровка,
Кавказский пленник — злой паук,
Вот Годунов — российский жук,
Онегин — тощая пиявка,
Граф Нулин — мелкая козявка»⁶³.*

Приведенная эпиграмма принадлежит М. Т. Каченовскому. Она была опубликована им в № 8 «Вестника Европы» за 1830 год в статье, посвященной разбору «Подснежника», и упомянута Пушкиным в «Примечании». Эпиграмматический выпад Каченовского вызвал сочувственную реакцию у Ек. Н. Ушаковой: «Каков Каченовский — отдал самодержавного поэта, который вздумал завести натуральный кабинет — да и завел на свою голову; его, моего батюшку, без звездочек поместили с гадами. Он очень сердит; говорит, что очень глупо, что не понимают никаких критик — но, бывши у нас (то есть спровадя свою невесту в деревню), сказал, что *сам съел*»⁶⁴.

Пушкинская эпиграмма «Собрание насекомых» — шедевр эпиграмматического искусства, но она осталась непонятой современниками. Это был вынужден признать и ее автор. В заметке «Опровержение на критики» Пушкин писал: «*Сам съешь*»⁶⁵. Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более уचितое, но столь же затейливое выражение: *обратите это на*

⁶¹ По смыслу данная эпиграмма аналогична эпиграмме «Приятелям»:

*Враги мои, покамест я ни слова,
И кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу, когда-нибудь, любого;
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный:
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.*

⁶² Русский архив. 1881. № 6. С. 161.

⁶³ Пушкин в неизданной переписке современников // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 96.

⁶⁴ Там же. С. 97.

⁶⁵ Пушкин съел нужным дать здесь примечание: «Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь» (XI, 151).

себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников. Сам съешь есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики. <...> Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек*. — Сам ты *букашка*, закричали бойкие журналы, и стихи-то твои *букашки*, и друзья-то твои *букашки*. Сам съешь» (XI, 151). Однако в угоду публике Пушкин не стал переделывать эпиграмму.

Эпиграмма «Московского телеграфа», упомянутая Пушкиным в «Примечании», использовала в пародийном ключе пушкинский метафорический подход, наполнив его критикой в стиле Каченовского и Цертелева, направленной против писателей пушкинского круга.

ЭПИГРАММА

(На голос: *Мое собрание насекомых*)

На ниве бедной и бесплодной
 Российской прозы и стихов,
 Я — сын Поэзии холодной,
 Вам набрал травок и цветов;
 В тиски хохочущей сатиры
 Я их когтями положил
 И резким звуком смелой лиры
 Их описал и иссушил.
 Вот *Чайль-Гарольдия* смешная;
 Вот *Дон-Жуания* моя;
 Вот *Дидеротия* блажная;
 Вот *Русской белены* семья;
Пырей Ливонии удалой,
 И *Финский* наш *гертополох*,
 И *мак Германии* завялой,
 И древних *Эллинов* горох,
 Все, все рядком в моих листочках
 Разложено, положено,
 И эпиграммы в легких строчках
 На смех другим обречено!

Обезьянин ⁶⁶

Эпиграмма была опубликована под рубрикой «Отрывки из нового альманаха: Литературное зеркало», автором ее считается Н. Надеждин. Выпады эпиграммиста против Е. А. Баратынского, А. Дельвига, В. А. Жуковского не укры-

⁶⁶ Московский телеграф. 1830. Ч. 32, приложение: «Новый живописец общества и литературы». № 8, апрель. С. 135. Сама идея подобной пародии не нова. Еще в 1819 г. она проходит в переписке В. Л. Пушкина и П. А. Вяземского, выраженная более тонко. После публикации эпиграммы Вяземского против М. Т. Каченовского «Репейник» (Сын отечества. 1821. № 50) В. Л. Пушкин писал ему 10 апреля 1819 г.: «Мысль твоя издать *Московскую флору* прелестна и, точно, золотая. Каченовский *репейник* в 6-й книжке „Вестника Европы“ еще более остервенился на Николая Михайловича <Карамзина. — Н. М.>. <...> я писал тебе о пресловутой Беседе. Я почти намерен вовсе от нее отказаться; гадко быть с этими уродами. Об Антоновском я скажу однако, что он не одобряет ни Каченовского, ни Мерзлякова, но *репейник* и *польнь* дают кашку, а луга литературы нашей чрезвычайно ими изобильны» (Михайлова Н. М. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI. С. 226).

лись от внимания Пушкина, тем более что, помимо названной, в рубрику входили эпиграммы, посвященные каждому из упомянутых писателей индивидуально⁶⁷.

Сосредоточив свое внимание на осмыслении художественной формы пушкинской эпиграммы, современники не заметили, что ее поэтика восходит к борьбе Вольтера со своими литературными и политическими противниками. Одним из них — Эли-Катрин Фрерона (Fregon; 1719—1777) — реакционного критика и публициста, издателя «Литературного года» первый биограф Вольтера Кондорсе назвал «экс-иезуитом». Фрерон, вслед Дефонтену, преуспел в ремесле «периодическими сатирами льстить зависти врагов истины, разума и талантов. <...> Вольтер, уже давно переносивший его оскорбления, разделался с ним и отомстил за своих друзей. В свою комедию *L'Écossaise* <„Шотландка“.— Н. М.> он ввел журналиста, злого, клеветника и продажного; партер узнал в нем Фрерона, и, преданный публичному презрению в пьесе... он вынужден был носить имя смешное и опозоренное»⁶⁸. Вольтер под именем Фрелона⁶⁹ вывел его в 18-й песне «Орлеанской девственницы».

В России в начале XIX века имя Вольтера можно было упоминать в печати только с негативными характеристиками⁷⁰. В 1820-е годы Каченовский на известие о предполагаемой публикации писем Вольтера к Эли Бертрону откликнулся пассажем: «Фернейский мудрец балагурит по своему обычаю о *терпимости*; шутит, кошунствует, и ничего более. Несмотря на то, французский журналист восклицает с торжествующим видом: „Какое счастье для друзей, для учеников, для изумленных почитателей того мужа, который доставил (?) Франции нео-

⁶⁷ Последняя в цикле Надеждина эпиграмма «Зимний вечер» была направлена против Пушкина, Баратынского и Дельвига, стиль последнего пародировался в сопоставлении русской народной песни «Не шуми, мати, зеленая дубравушка» и надеждинского текста под заглавием «Та же песня, только в душегрейке новейшего уныния» за подписью *Феокрытов*. Пушкин в «Опровержении на критики» писал: «Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности, говоря о Дельвиге, употребил сие изысканное выражение: Древняя Муза его покрывается иногда душегрейкою новейшего уныния. Выражение, конечно, смешное. Зачем не сказать было просто: В стихах Д.<ельвига> отзывается иногда уныние новейшей поэзии? — Журналисты наши, о которых г. Киреевский отзывался довольно непочтительно, — обрадовались, подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою публику. Положим, все та же шутка каждый раз им и удается; но какая им от того прибыль? Публике почти дела нет до литературы, а малое число любителей верит наконец не шутке, беспрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно пробивающимся мнениям здоровой критики и беспристрастия» (XI, 151).

⁶⁸ Кондорсе. Жизнь Вольтера. СПб., 1882. С. 92. Пушкин знал эту книгу еще с Лицея.

⁶⁹ Непереводимая игра слов: «frelon» — шершень, «крупное перепончатое жалящее насекомое семейства ос», в переносном значении «литературный вор, плагиатор, автор, который обирает других, как шершни обирают мед у пчел» (*Larousse Pierre. Grand Dictionnaire universel du XIX-e siècle. Paris. V. 8. P. 811*). Выражаю искреннюю признательность Н. Л. Дмитриевой, которая подсказала мне мысль о возможной ориентации художественной структуры данной эпиграммы на обстоятельство борьбы Вольтера с Фрероном и оказала содействие в составлении данного примечания.

⁷⁰ Подробнее см.: *Заборов П. П. А. Вяземский и Вольтер// Россия и Запад: Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 189—207. Его же. Пушкин и Вольтер// Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1974. Т. VII. С. 86—99.*

споримую славу рождения в мир гения обширнейшего, философа полезнейшего, создания высочайше разумного из всех, приносящих честь роду человеческому!" Между тем, — негодовал Каченовский, — ничто не может быть глупее похвал, подлым пристрастием провозглашаемых. Ослепленный читатель своего божка в самых дурачествах его видит совершенство, нелепости выдает за образцы подражания, обыкновенные слова его почитает премудрейшими изречениями. Сему трудно бы поверить, если б современные примеры не удостоверяли нас в возможности таких чудес на свете»⁷¹.

П. А. Вяземский не оставил без внимания выпад Каченовского и в письме Воейкову от 19 июля 1818 года заметил, что Каченовский «и так уже соврал какой-то вопросительный знак в этой самой книжке о появлении писем Вольтера. Вот утонченность невежества: иные добиваются целыми книгами, чтобы попасть в ряды дурачества; ему настезь растворились двери при одном знаке препинания»⁷². Позиция цензуры относительно Вольтера была проста, разрешалось говорить только о вреде, который нанес Вольтер религиозным устоям и нравственности. Поэтому авторы, усвоившие это нехитрое правило, имели возможность писать: «Нет ничего забавнее вольтеровой переписки; но также ничего не может более возбудить презрения, самого даже негодования, какое рождает она в душах людей истинно честных и благомыслящих. Если Вольтер, как сочинитель, показывается всегда в письмах своих человеком удивительным; если слог его отличается всеми красотами: гибкостью, легкостью, непринужденностью, блеском; то с другой стороны, в них обнаруживается человек мелочный, слабый, помраченный уничижительными страстями, суетный, запальчивый, лжец, фанатик»⁷³.

За полемикой вокруг Вольтера внимательно следили и в Москве, и в Петербурге. А. И. Тургенев 6 мая 1819 года писал И. И. Дмитриеву: «...жалею, что „Сын Отечества“ не мог еще порадовать вас прозой Вяземского. Цензура, т. е. грозный Яценко вооружился против Вольтера, которого не бранит Вяземский за терпимость, похваливая русское правительство за сию коренную добродетель его. Дело пошло на рассмотрение высшего начальства. Не знаю еще, чем кончится, и одержит ли победу здравый рассудок над мнением цензора. Будем надеяться»⁷⁴. На это И. И. Дмитриев в письме от 19 мая 1819 года отвечал: «Нетерпеливо желаю узнать последнее произведение оригинального и истинного поэта Вяземского, которого, конечно, не затмит и молодой Пушкин, хотя бы талант его и достиг до полной зрелости. Между тем буду очень сожалеть, если предшествовавшее останется под спудом; сожалеть не об нем, конечно, и не об Вольтере. Я могу соглашаться с Нотоном, и в то же время, отдавать справедли-

⁷¹ Вестник Европы. 1818. Ч. ХСІХ, № 12. С. 325—326.

⁷² Русская старина. 1892. Т. 73. № 2. С. 656. Этот вопросительный знак настолько глупо возмутил Вяземского, что спустя полгода, в декабре, после публикации писем Вольтера в письме к А. И. Тургеневу он заметил: «У меня теперь рука чешется написать о появившихся новых письмах Вольтера по поводу калмыков, то есть Каченовского и известного вопросительного знака в 12-ой книжке» (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 1. С. 163).

⁷³ Труды Вольного общества любителей Российской словесности. 1821. Ч. XIII. Кн. 2. С. 195.

⁷⁴ Письма А. И. Тургенева к И. И. Дмитриеву // Русский архив. М., 1867. Стлб. 646—647.

вость Гению в том, что произведено им прекрасного и полезного»⁷⁵. 2 июля 1819 года И. И. Дмитриев вновь вернулся в переписке с А. И. Тургеневым к этой теме: «Пускай Вяземский пишет, что хочет, буду читать все с удовольствием. Нельзя ли по крайней мере прислать с попутчиком запрещенную его пьесу? Удивительно, если запрещена только за то, что хвалила талант Вольтера»⁷⁶. И тут же имя гонимого Вольтера связывалось с необоснованными гонениями М. Т. Каченовского на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина: «Через две недели, — пишет далее И. И. Дмитриев, — будет годичный акт в Университете. Каченовский, как я слышал, будет очередным оратором. Трикратный Антон⁷⁷ приезжал сам звать меня. Я обещал, только с условием, что, есть ли Каченовский и с кафедры изрыгнет анафему на Карамзина, тогда я возвращу им диплом и навсегда с ними расстанусь»⁷⁸.

Итак, становится очевидным, что защита Вольтера и Карамзина была прерогативой И. И. Дмитриева, А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, молодого Пушкина в расчет не брали. Но очень скоро ситуация стала меняться, талант Пушкина стремительно возрастал. И вот уже в письме к П. А. Вяземскому от 21 июня 1820 года В. Л. Пушкин, горячий поклонник Вольтера, связал воедино имена Каченовского и Фрерона, противопоставив им имена Вольтера и Александра Пушкина: «Каченовский в последнем номере своего журнала грянул на моего племянника, но критика московского Фрерона не умалит дарований нашего молодого поэта»⁷⁹.

Племяннику Василия Львовича были хорошо известны обстоятельства ссоры Вольтера с Фрероном⁸⁰. Рассуждая в письме к Вяземскому (от 21 апреля 1820 года) о прославленном веке философии, Пушкин писал: «Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала всю Европу» (XIII, 15). Имя Фрерона в русском обществе было нарицательным, как имя завистника Зоила. Е. А. Баратынский 7 января 1825 года писал И. И. Козлову из Гельсингфорса о критических отзывах на статью Кюхельбекера в «Мнемозине»: «Наши Фрероны отвечали на нее неуместно и с недоверием»⁸¹. Одним из российских Фреронов был упомянутый в «Собрании насекомых» Ф. Н. Глинка, который в очерке «Знакомая незнакомка»⁸² поставил Сократа и Руссо выше Вольтера.

Борьба в русском обществе «рго et contra» Вольтера продолжалась на протяжении длительного времени и напоминала тлеющий костер, готовый вспыхнуть при малейшей искре. Когда П. А. Вяземский в статье «О сонетах Мицкевича» отнес Вольтера и Руссо, как антагонистов, к числу людей «запечатленных

⁷⁵ Письма 1806–1823 годов Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837) к Александру Ивановичу Тургеневу (1784–1845)// Русский архив. 1867. Стлб. 1108.

⁷⁶ Там же. Стлб. 1110.

⁷⁷ Антон Антонович Прокопович-Антонский — директор Московского университета.

⁷⁸ Письма 1806–1823 годов Ивана Ивановича Дмитриева... Стлб. 1110.

⁷⁹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 119.

⁸⁰ Об отношении Пушкина к Вольтеру см.: *Заборов П. Р.* Пушкин и Вольтер// Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1974. Т. 7. С. 86–99.

⁸¹ *Баратынский Е. А.* Стихотворения; Письма; Воспоминания современников. М., 1987. С. 147.

⁸² Сын Отечества. 1821. Ч. 67. № 3. С. 259. Подробнее см.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 307.

вниманием потомства», то Каченовский резко отреагировал на это в «Вестнике Европы»: «Потомство скорее наложит на них печать отвержения, нежели запечатлеет имена их своим вниманием. Они никогда не были прорицателями понятий отвлеченных и не выступали в высшую сферу оных, в область всеобщего видения»⁸³. В 30-е годы XIX века для русского общества литературная борьба Вольтера и Фрерона была все еще актуальна. Только она приобрела иные формы, воплотившись в борьбу Вяземского и Пушкина за просветителей, как Вольтера, так и Карамзина. Эпиграмма Н. Надеждина⁸⁴, опубликованная в «Московском Телеграфе», свидетельствует о накале этой борьбы.

По всей видимости, именно спор о Вольтере послужил импульсом для создания эпиграммы «Собрание насекомых». Ей предшествует эпиграф из басни И. А. Крылова «Любопытный», который сводит смысл эпиграммы к тому, что мелкие «насекомые от литературы» позволяют себе роскошь не замечать гигантское значение творчества таких писателей, как Вольтер⁸⁵ или Карамзин.

⁸³ Вестник Европы. 1827. Ч. CLIII, № 12. С. 285.

⁸⁴ Московский телеграф. 1830. Ч. 32, приложение: «Новый живописец общества и литературы», № 8, апрель. С. 133–135.

ИГОЛКИ

Портных у нас в столице много,
Шьют равной, кажется, иглой...
Кн. Вяземский

Клим вздумал на мои стихи
Рецензии встопорщить колки;
Но под веселые грехи
Ему не подточить иголки.
Как на иголках ходит он,
Пером своим скрипя без толку;
Хоть журналист. Да видно он —
Ума не проглотил Иголку.
Ума шалливого пример,
Иголкой смеха и сатиры
Фернейский плут, старик Вольтер,
Ронял тяжелые кумиры;
Под дудку шута-старика,
Хоть не хотелось, все плясали;
Не то — иголкою тычка
Он даст, и — поминай, как звали!
У всякого своя игла,
И всякий шьет своим манером:
Охота Клима забрала —
Прослыть в поэзии Вольтером.
Но едкой критики иглой
Его истыкали без счета,
Он поперхнулся остротой —
А все острить берет охота!

В передних знати, на иглах
Торчит бывало Фирс шомленный,
Как в недоумочных статьях
Торчит студент недоученный.
Теперь с иголок Фирс сошел,
Хотя не прибыло в нем толку:
Наш Фирс чиновны стал осел
И — проглотил ума иголку.
Что Клим? Не русская игла,
В нем только русская обделка:
У Музы Климовой была
Заемная с Депрео сделка;
Вольтера страшно он щетил,
В чужое смело нарядился.
Теперь язык он прикусил —
Иголкой критик подавился.

Э п и л о г

Пусть поэтических глупцов
Веселая разбесит шутка:
Иголкой шутки проколов,
Я шью их ниткою рассудка.
Сатиру смелую иглой,
Не в бровь, а прямо в глаз им мечу,
И — пред смеющейся толпой
Я их иголкою увечу.

Шольё Андреевич

⁸⁵ В биографии Вольтера, прочитанной Пушкиным еще в Лицее, о Вольтере было сказано следующее: «Ни один человек, пожалуй, не обнимал столько идей за один раз,

Подразумеваемые в пушкинской эпиграмме литераторы по своему дарованию не шли ни в какое сравнение ни с тем, ни с другим, но считали допустимым негативно оценивать достижения этих именитых авторов. Пушкинское «Примечание» к эпиграмме свидетельствует о том, что он, пообещав в отдельном издании дать биографические справки и раскрыть зашифрованные имена, не просто погрозил пальцем в сторону своих литературных противников⁸⁶, но, прежде всего, подсказал читателю верный путь для понимания смысла своей эпиграммы. Вослед Вольтеру, Пушкин выступил в эпиграмме против тех литераторов, которые пытались увести литературный процесс в сторону от просветительского направления.

П. А. Вяземский⁸⁷ считал, что писатели подобного рода являются сообщниками «обширного и существующего искони заговора посредственности против превосходства», они «держатся крепко за руки, минуя пространство веков и отдаления. <...> В каждом из них, кроме полного запаса всех наличных предрассудков настоящего, хранится неистлевший пепел всех предрассудков и предубеждений будущего. В политике, науках, искусствах, словесности вы всегда найдете их поперек дороги истины... Троньте одного из них, и они все отзовутся в обширном и неразрывном круге своем. Переставьте одного в другое столетие, в другой край земли: язык его, оружие, образ нападения изменится, но он не изменит никогда клятве древней вражды своей, и последствия будут одинаковы. На лице иного <...> можно прочесть, что смотря по времени и месту был он Зоилом Гомера, Дефонтемом Вольтера, щепетильным придирищиком Карамзина»⁸⁸.

Вполне понятно желание Пушкина расправиться с поденщиками от литературы доступными только ему «вольтеровскими» методами. Создание эпиграммы упраздняет препятствие, присутствующее в реальной жизни, и устраняет существующую социально-психологическую преграду. Пушкин это осознавал. 1 сентября 1822 года он писал Вяземскому из Кишинева: «Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии; я не согласен. *Куда не достигает мег законов, туда достигает биг сатиры. Сам Вольтер это чувствовал*» (XIII, 43; курсив мой. — Н. М.). Очевидно, Пушкин имел в виду письмо Вольтера к Д'Аламберу, в котором говорится следующее: «Кажется, что все, кто писал против философов, понесли в этом мире кару. Иезуиты изгнаны; Авраам Шоле сбежал в Москву; Бертье умер от яда, Фрерон опозорен во всех театрах, а Верне неминуемо будет пригвожден к позорному столбу. Поистине, вам следовало бы наказать всех этих мошенников с помощью одной из тех полусерьезных, полушуточных книг, которые вы так хорошо умеете писать. Насмешкой можно сделать все. Это самое сильное оружие, и никто не умеет им пользоваться»

с такой пронизательностью не проникал в то, что можно схватить в одно мгновение, и не выказал большей глубины во всем, что не требует долгого анализа или сильного мышления. Его <...> взгляд не раз удивлял людей с идеями более глубокими, комбинациями более широкими и точными» (*Кондорсе. Жизнь Вольтера*. СПб., 1882. С. 142).

⁸⁶ Ср. с мнением Е. Г. Эткинда, который писал, что этим Пушкин «просто хотел напасть своих противников» (*Эткинд Е. Г. Пушкин-эпиграмматист*. С. 34).

⁸⁷ Об отношении Вяземского к Вольтеру см.: *Заборов П. Р. П. А. Вяземский и Вольтер// Россия и Запад: Из истории литературных отношений*. Л., 1972. С. 189–207.

⁸⁸ *Вяземский П. А. Полн. собр. соч.* СПб., 1878. Т. 1. С. 67

ся лучше, чем вы. Великое удовольствие мстить, смеясь. Если вы не раздавите гад.<ину>, считайте, что вы не нашли своего призвания»⁸⁹.

Находчивость эпиграммиста, как известно, состоит в стремительности перехода от обороны к нападению, в переадресовке остроты противнику, в отплате тою же монетой, следовательно, в создании неожиданного единства между атакой и контратакой. Пушкинский «Совет» является прекрасной иллюстрацией изложенных позиций.

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

(1825; II, 384)

Возвращаясь к вопросу, почему все-таки имена Пушкина и Вольтера не соединились в сознании читателя, следует напомнить ситуацию, сложившуюся при публикации «Истории Пугачевского бунта», когда, упомянув в предисловии имя Вольтера, Пушкин 12 августа 1834 года получил от М. Л. Яковлева, курировавшего издание, короткую записку: «Нельзя ли без Вольтера?». На что поэт немедленно откликнулся: «А почему ж? Вольтер человек очень порядочный, и его сношения с Екатериною суть исторические». Но, поразмыслив, в следующей записке согласился: «Из предисловия (ты прав, любимец муз!) должно будет выкинуть имя Вольтера, хоть я и очень люблю его» (XV, 185—186).

Подводя итоги, можно сделать предположение о том, что новаторство пушкинской эпиграммы не было по достоинству оценено современниками именно потому, что в их сознании не возникло то «заместительное образование», которое необходимо для восприятия остроты. В эпиграмме отсутствовал феномен «короткого замыкания», позволяющего перевести один метафорический ряд в регистр другого, коррелятивного ему. Поэтому вся полемика по поводу пушкинской эпиграммы скользила по поверхности, не затрагивая ее глубинные семантические пласты.

⁸⁹ Вольтер. Бог и люди. М., 1961. Т. 2. С. 316. Оригинал на франц.: «Il me semble que tous ceux qui ont écrit contre les philosophes, sont punis dans ce monde. Les jésuites ont été chassés, Abraham Chaumeix s'est enfui à Moscou. Berthier est mort d'un poison froid; Freron a été honni sur tous les théâtres, et Vernet sera pilorie infailliblement. Vous devriez, en vérité, punir tous ces marauds — là par quelq'un de ces livres moitié sérieux, moitié plaisans, que vous savez si bien faire. Le ridicule vient à bout de tout, c'est la plus forte des armes, et personne ne la manie mieux que vous. C'est un grand plaisir de rire en se vengeant. Si vous ne crasez pas *finf...*, vous avez manqué votre vocation. Je ne peux plus rien faire. J'ai peu de temps à vivre, je mourrai, si je puis, en riant, mais, à coup sûr, en vous aimant» (Œuvres complètes de Voltaire, nouvelle édition, correspondance avec d'Alembert. Paris, 1818. V. 41. P. 325. Книга сохранилась в библиотеке Пушкина: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. № 1491. С. 361).

Процесс «унификации» свойствен не только эпиграмме, но и эпистолярной прозе Пушкина. В конечном счете, он, очевидно, является психологической особенностью его мышления⁹⁰. Сравним в письме Пушкина к И. И. Дмитриеву от 26 апреля 1835 года: «Вы спрашиваете, кто секретарь у нас в академии? Кажется, еще не решено. Улисс Лобанов и Аякс Федоров спорят об оружии Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мере, издателю Нестора). Вы пророк в отечестве своем» (XVI, 21).

Спор между Улиссом (Одиссеем) и Аяксом о доспехах павшего Ахилла — один из популярных сюжетов древнегреческого изобразительного искусства и послегомеровского эпоса. Иронически сравнивая борьбу М. Е. Лобанова и Б. М. Федорова за освободившееся после смерти П. И. Соколова место постоянного секретаря Российской академии со спором древнегреческих героев, Пушкин создает два коррелятивных ряда понятий, в реальной жизни весьма далеких друг от друга, но тем не менее имеющих сходство. Пушкину этот сюжет был известен по «Метаморфозам» Овидия (гл. XIII)⁹¹.

Только в определенном пародийном ключе можно усмотреть некую ассоциативную связь между Соколовым и Ахиллесом, павшим от парисовой стрелы, по воле Аполлона угодившей Ахиллесу в пятку⁹². Впрочем, такая же ассоциативная связь⁹³ прослеживается и между второстепенным литератором Борисом

⁹⁰ В «Дневнике» братьев Гонкуров отмечалось, что «смех — это физиономия ума» (*Эдмон и Жюль де Гонкур*. Дневники: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 85).

⁹¹ Цит. по: *Овидий Публий Назон*. Собрание сочинений в 2 т. СПб., 1994. Т. 2. С. 275–276.

Аянт (Аякс):А когда об исходе той схватки
Спросите,— знайте, что я одолеть себя Гектору не дал.
Все троянцы стремят и огонь, и железо, и громы
Прямо на греческий флот: где снова Улисс златоустый?
Тысячу ваших судов отстоял я, доподлинно, грудью,—
В них же возврата залог. За суда наградите доспехом!
Да и, по правде сказать, доспехам-то большая почесть,
Нежели мне самому, и наша сливается слава;
Нужен доспехам Аянт, доспехи не нужны Аянту.

Улисс: Если бы просьбы мои исполнялись и ваши, пелсеги,
Незачем был бы наш спор, не сомнителен был бы наследник.
Ты бы оружием своим, мы — тобою б, Ахилл, обладали.
Ныне же, поскольку и мне и вам отказали в нем судьбы
Несправедливые (он вытирал на очах своих будто
Слезы), о кто же бы мог наследовать лучше Ахиллу,
Нежели тот, чрез кого получили данайцы Ахилла?
Впрок ли Аянту, что весь он таков, как виден снаружи?
Мне же во вред мой находчивый ум,— постоянно, ахейцы,
Бывший вам впрок. Моему красноречью,— коль им обладаю,—
Коим сейчас за себя, как, бывало, за вас, состязуюсь,
Пусть не завидуют. Пусть, что хорошего в ком, то и будет.

⁹² «Ахиллесова пята», как известно, была единственным уязвимым местом героя, так как только ее не коснулись священные воды Стикса.

⁹³ Указывая в предыдущем письме к Дмитриеву от 14 февраля 1835 г., что непременный секретарь Российской академии с 19 апреля 1802 г. П. И. Соколов умер «на щите, то

Михайловичем Федоровым⁹⁴ (1798—1875) и Аяксом,— после Ахиллеса самым сильным и отважным героем Троянской войны⁹⁵. Литератор Михаил Евстафьевич Лобанов (1787—1846) сравнивается Пушкиным с хитроумным Улиссом (Одиссеем), но в отличие от древнегреческого героя ему не удастся с помощью хитроумных софизмов получить доспехи Ахиллеса: они в пушкинской интерпретации достаются Нестору. С введением имени Нестора достигается эффект *унификации*, приводящий в итоге к *бессмыслице*, основанной на совпадении имен различных исторических лиц: Нестора — старейшего среди греческих героев, осаждавших Трою, снискавшего «себе славу красноречием и мудростью, черпаемой из долгого, богатого жизненного опыта»⁹⁶, и Нестора-летописца. О последнем Дмитрий Иванович Языков перевел на русский язык книгу Шлецера «Нестор. Русские летописи...» (тт. I—III. СПб., 1809—1819), именно Языков и был в финале избран непререкаемым секретарем Российской академии. Завершая этот эпизод, Пушкин перефразирует евангельское изречение «не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем»⁹⁷ и создает еще один коррелятивный ряд — И. И. Дмитриев и Иисус Христос⁹⁸.

Общий эволюционный процесс развития литератур сводится к тому, что «для всех культур, в которых складывается художественная словесность с последующим ее теоретическим осмыслением, исходным является противопоставление поэзии и прозы»⁹⁹. Итоговый вывод работы Б. М. Эйхенбаума «Путь

есть на последнем корректурном листе своего словаря» (XVI, 11), Пушкин подчеркивает, что двухтомный «Общий церковно-славянско-российский словарь, или Собрание речений, как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и российском наречиях употребляемых» (СПб., 1834, извещение о выходе в «Северной пчеле» № 226, 6 октября 1834 г.) оказался ахиллесовой пятой его автора. Это явный прием «сгущения», так как реально Соколов умер в ночь с 9 на 10 января, спустя 3 месяца после выхода словаря в свет. (Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969. С. 256). Словарь сохранился в библиотеке Пушкина (№ 363 по описанию Модзалевского).

⁹⁴ Федорову обращена эпиграмма Пушкина: «Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи, / Не усыпляй меня, иль позже, не буди» (II, 122).

⁹⁵ «Аякс отбил у троянцев труп Ахилла, но был побежден Одиссеем в споре за его доспехи. Из-за этого Аякс впал в неистовство и истребил стадо овец, приняв их за врагов. Когда рассудок вернулся к нему, Аякс пронзил себя мечом» (Словарь античности. М., 1989. С. 68).

⁹⁶ Словарь античности. С. 379.

⁹⁷ Евангелие от Матфея, гл. 13, стих 57.

⁹⁸ В этом письме гиперсемантизация доведена до наивысшего предела, так же, как и в пушкинском каламбуре, приведенном в письме к В. Кюхельбекеру от 1—6 декабря 1825 г.: «Получив твою комедию, я надеялся найти в ней письмо. Я тряс, тряс ее и ждал, не выпадет ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно: ничего не выдрочил и со злости духом прочел [оба действия] Духов (Calembour! Réconnais-tu le sang?) сперва про себя, а потом и вслух» (XIII, 247). Б. В. Томашевский блестяще проанализировал французское примечание Пушкина «Каламбур! Узнаешь кровь?» — во французском языке омофоном слова sang (кровь) является слово sens (смысл), кроме того, фраза взята из трагедии Крепильона «Атрей» (1707): эти слова Атрей произносит, поднося своему брату Фиесту на обед чашу с кровью и плотью его сыновей Танталя и Плифена (подробнее миф об Атрее см.: *Любкер Фр. Реальный словарь...* С. 148). Одной фразой Пушкин поднимает в сознании Кюхельбекера «ассоциативный комплекс тем, восходящий к их предшествующим спорам о литературе». (Подробнее см.: *Томашевский Б. В. Пушкин и Франция*. С. 116).

⁹⁹ *Гаспаров М. Л. Поэзия и проза — поэтика и риторика // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания*. М., 1994. С. 126. См. *Гаспаров М. Л. Оп-*

Пушкина к прозе» гласит: «Проза Пушкина явилась как *переход* от стиха и что поэтому она должна отличаться особыми признаками, которые, с одной стороны, резко отделяют ее от специфических свойств стихотворной речи, а с другой — находятся в связи с той ее деформацией, которая наблюдается в „Графе Нулине“, „Евгении Онегине“, „Домике в Коломне“»¹⁰⁰. С эпиграмматической краткостью этот путь проиллюстрировал сам Пушкин в пародии на стихотворение Жуковского «Тленность» (1816):

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что если это проза,
Да и дурная?..

(1818; II, 464)¹⁰¹

Б. М. Эйхенбаум отметил, что «первые 25 лет XIX века — период состязания прозы и стиха; для Карамзина стихи были упражнением — этюдами к образованию прозы, для Батюшкова — наоборот»¹⁰². В отличие от названных, пушкинский путь включал в себя обе эти разновидности: он был *амбивалентным*¹⁰³: не только от поэзии — к прозе, как у Карамзина, но и от прозы — к поэзии, как у Батюшкова¹⁰⁴.

Сравним письмо Пушкина к брату Льву Сергеевичу 1822 года: «То, что могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия» (XIII, 524, 49 — оригинал на франц.) и начало IV главы «Евгения Онегина»: «Чем меньше женщину мы любим, / Тем легче нравимся мы ей, / И тем ее вернее губим / Средь обольстительных сетей. / <...> / Но эта важная забава / Достойна старых обезьян / Хваленых дедовских времян» (VI, 75)¹⁰⁵. Эпистолярная проза оказывается подгото-

позиция «стих — проза» и становление русского литературного стиха // *Semiotyka i struktura tekstu*. Wrocław. 1973. S. 325–335.

¹⁰⁰ Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии: Сб. статей. Л., 1986. С. 44.

¹⁰¹ У Жуковского встречаем следующий текст (Цит. по: Жуковский В. А. Собрание сочинений. СПб., 1869. Т. 1. С. 423):

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что если то же случится
И с нашей хижинкой?.. Как страшно там!

По воспоминаниям современников, «В. А. Жуковский от души смеялся над пародией молодого человека, но предрекал ему время, когда он переменит мнение свое о белом стихе» (Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1873. С. 42).

¹⁰² Эйхенбаум Б. М. О прозе... С. 31.

¹⁰³ То, что К. Н. Батюшков говорил о В. Л. Пушкине, как нельзя более точно характеризует его племянника: «Пушкин есть живая антитеза» (Батюшков К. Н. Сочинения в 3 т. СПб., 1886. Т. 3. С. 132).

¹⁰⁴ Еще в 1811 г. Батюшков писал Н. И. Гнедичу: «...я уже готов был писать поэму в прозе, трагедию в прозе, мадригалы в прозе, эпиграммы в прозе, в прозе поэтической. Не читай Шатобриана» (Батюшков К. Н. Соч. Т. 3. С. 135).

¹⁰⁵ Это совпадение было отмечено еще П. И. Бартеневым в его работе «Пушкин в Южной России».

вительным материалом для поэзии, той плодотворной почвой, на которой при наличии определенных условий рождается и эпиграмма. На примере эпиграммы, написанной Пушкиным в середине 1820-х годов, рассмотрим процесс ее возникновения в сознании поэта.

К Б***

Стих каждый повести твоей
Звучит и блещет, как червонец,
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой Зоил — прямой чухонец.
(III, 11)

Адресат эпиграммы хорошо известен — это Е. А. Баратынский, творчество которого было близко Пушкину, особенно после публикации элегии «Признание». А. Дельвиг, близкий Баратынскому, держал Пушкина в курсе творческих замыслов поэта. 10 сентября 1824 года он писал Пушкину в Михайловское: «Баратынский недавно познакомился с французскими романтиками, а правила французской школы всосал с материнским молоком. Но уже он начинает отставать от них, на днях пишет, что у него готово полторы песни какой-то романтической поэмы. С первой почтой обещает мне прислать, а я тебе доставлю с нею и прочие пьесы его, которые теперь в цензуре» (XIII, 108)¹⁰⁶. Но, по всей видимости, сюжет поэмы Баратынского Пушкин узнал от брата Льва Сергеевича, именно в письмах к нему возникает настойчивая просьба прислать текст поэмы¹⁰⁷. Поэтому художественная структура пушкинской эпиграммы получила свое оформление уже в эпистолярной прозе Пушкина¹⁰⁸. Рукописью поэмы в это время Пушкин не располагал, но в периодической печати в течение 1825 года появлялись фрагменты поэмы, которые могли дать представление о ее художественной структуре¹⁰⁹. Публикация фрагментов вызвала различные критические отзывы. В письме к Пушкину от 9 марта 1825 года А. А. Бестужев

¹⁰⁶ Посылая П. Плетневу первую главу «Онегина», Пушкин писал: «Созови мой Ареопаг, ты, Ж.<уковский>, Гнед.<ич> и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покорн<остью> при<му> его решение. Жалею, что нет между ва<ми> Бара<тынского>, говорят он пишет» (XIII, 113).

¹⁰⁷ См. в письме к Л. С. Пушкину от первой половины ноября 1824 г.: «Что ж чухонка Баратынского? Я жду». Ему же в 20-е числа ноября: «Торопи Дельвига, присылай мне чухонку Баратынского, не то проклянута тебя». 4 декабря 1824 г.: «Пришли мне Эду Баратынскую. Ах он чухонец! Да если она милее моей Черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду» (XIII, 121, 123, 127).

¹⁰⁸ См. предыдущую сноску, а также письмо к А. Г. Родзянке от 8 декабря 1824 г.: «Поговорим о поэзии... <...> Что твоя романтическая поэма Чуп? <...> Кстати: Баратынский написал поэму (не прогнавайся, про Чухонку), и эта Чухонка говорят чудо как мила. — А я про Цыганку: каков? Давай же нам скорее свою Чупку — ай да Парнас! Ай да героини! Ай да честная компания! Воображаю, Аполлон, смотря на них, закричит: зачем ведете мне не ту? А какую же тебе надобно, проклятый Феб? гречанку? италянку? чем их хуже чухонка или цыганка» (XIII, 128—129).

¹⁰⁹ См.: «Мнемозина». М., 1824. Ч. 4. С. 216—220; «Московский телеграф». 1825. Т. 6. № 22. С. 157; «Полярная звезда на 1825 г.» и цензурные материалы к «Звездочке» («Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым). М.; Л., 1960. С. 715, 769—770.

писал: «Что же касается до Баратынского — я перестал веровать в его талант. Он исфранцузился вовсе. Его *Эда* есть отпечаток ничтожности, и по предмету и по исполнению...» (XIII, 149–150). В защиту Баратынского выступил П. Плетнев, который в «Письме к графине С. И. С. о русских поэтах» писал о Баратынском: «В элегическом роде он идет новою своею дорогою. Соединяя в стихах своих истину чувств с удивительною точностию мыслей, он показал опыты прямо классической поэзии. Состав его стихотворений, правильность и прелесть языка, ход мыслей и сила движений сердца выше всякой критики. Он ясен, жив и глубок. Во всем отчет составляет отличительность его стихов. Нет слова, нет оборота, нет картины, где бы вы не чувствовали ума и вдохновения. Разбирайте каждый его стих, следуйте за ним внимательно до донца стихотворения: и вы признаетесь, что он извлек все лучшее из своего предмета, отбросил все лишнее и не забыл ничего необходимого»¹¹⁰. Несколько завышенная оценка¹¹¹ Плетневым Баратынского вызвала резкую реакцию критиков¹¹². Пушкин вынужден был признать, что «Плетнев неосторожным усердием повредил Баратынскому»¹¹³, но *Эда* все поправит» (XIII, 143). Вера Пушкина в Баратынского поражает тем более, что, как следует из переписки¹¹⁴, полным текстом поэмы Пушкин не располагал вплоть до февраля 1826 года, лишь 20 февраля в письме к Дельвигу он напишет: «...что за прелесть эта *Эда*! Оригинальности рассказа наши критики не поймут. Но какое разнообразие! Гусар, *Эда* и сам поэт, всякой говорит по-своему. А описание лифляндской природы! а утро после первой ночи! а сцена с отцом! — чудо!» (XIII, 262).

Итак, образный строй пушкинской эпиграммы формировался на протяжении полутора лет в его дружеской эпистолярной прозе в форме игры, где нали-

¹¹⁰ Северные цветы на 1825 год. С. 65–67.

¹¹¹ Сам Баратынский не был вполне удовлетворен результатами своего труда, в письме к И. И. Козлову от 7 января 1825 г. из Гельсингфорса он писал: «Мне совестно говорить об „*Эде*“ <...> мне кажется, что я увлекся немного тщеславием; мне не хотелось идти избитой дорогой, я не хотел подражать ни Байрону, ни Пушкину; вот почему я и вдался в разные прозаические подробности, усиливаясь их излагать стихами, и вышла у меня лишь рифмованная проза. Я желал быть оригинальным, я оказался только странным» (*Баратынский Е. А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников*. М., 1987. С. 147).

¹¹² П. Плетнев сам обратил внимание Пушкина на свою статью в письме от 22 января 1825 г.: «Прочитай во 2-м № Сына Отечества брань на мое Письмо о русских поэтах. Бранятся за Баратынского, как будто он в своей раме не совершенство, какого только можно желать» (XIII, 133).

¹¹³ Пушкин высказал свои замечания в письме к Плетневу, который отвечал ему 7 февраля 1825 г.: «Мне Дельвиг часто повторяет русскую пословицу: если трое скажут тебе, что ты пьян, то ложись спать. После твоего письма о моем несчастном Письме к графине пришлось мне лечь спать. Его обляяли в Сыне Отечества; Баратынский им недоволен, ты тоже. Я тебе очень благодарен, милый Пушкин, за все твои замечания. Теперь я буду верить всему, что ты ни скажешь мне. Этого только и добивался я от тебя <...> И в самом деле: что за радость писать, когда не узнаешь о себе правды от людей, которых любишь и мнением которых дорожишь?» (XIII, 139, 140). Далее в письме Дельвиг развернул свои контраргументы, по которым можно представить, какие именно критические замечания были высказаны ему Пушкиным.

¹¹⁴ В первой половине декабря 1825 г. Баратынский писал Пушкину из Москвы: «*Эду* для тебя не переписываю, потому что она на днях выйдет из печати. Дельвиг доставит тебе экземпляр и, пожалуй, два...» (XIII, 253).

чувствует дружеский круг адресатов, своеобразных alter ego автора, готовых пошутить по поводу удачной остроты, чтобы извлечь удовольствие из свободного применения слов и мыслей. Но для создания эпиграммы необходимо внешнее или внутреннее препятствие, тот дополнительный импульс, то чувство негодования, о котором поэт писал:

И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души.

(VI, 86)

В данном случае недостающим импульсом явилась заметка Ф. В. Булгарина, опубликованная 16 февраля 1826 года в № 20 «Северной пчелы», в которой рецензент писал: «В Повести Эда описание зимы, весны, гор и лесов Финляндии прекрасны. Но в целом повествовании нет той пиитической, возвышенной, пленительной простоты, которой мы удивляемся в Кавказском пленнике, Цыганах и Бахчисарайском фонтане А. С. Пушкина. Окончательный смысл большей части стихов, переносится в другую сторону; от этого рассказ делается прозаическим и вялым. Чувство любви представлено также не в возвышенном виде, и предмет Поэмы вовсе не пиитический. Гусар обманул несчастную девушку, и она умерла от отчаяния, без всяких особенных приключений. Нет ни одной сцены занимательной, ни одного положения поразительного. Даже в прозе Повесть сия не увлекла бы читателя заманчивостью, а нам кажется, что Поэзия должна избирать предметы, выходящие из обыкновенного круга повседневных приключений и случаев; иначе она превратится в *рифмоплетство*. Неужели Природа, История и человечество не имеют предметов возвышенных для воспаления юных талантов? Скучность предмета имела действие и на образ изложения: стихи, язык — в этой Поэме не отличные».

Первая же строка пушкинской эпиграммы вступает в полемику с финальным выводом заметки Булгарина: «Стих каждый повести твоей/ Звучит и блещет, как червонец...», а пуанта эпиграммы клеймит Булгарина как завистника и невежу («А твой Зоил — прямой Чухонец»).

О том, что Пушкин был знаком с заметкой Булгарина, свидетельствует один из набросков его статьи о Баратынском, в котором он пишет: «...появление Эды, произведения столь замечательного оригинальной своей простотою, прелестью рассказа, живостью красок и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных, появление Эды подало только повод к неприличной статейке в Сев.<ерной> Пчеле...» (XI, 74).

Таким образом, пушкинская эпиграмма, озаглавленная «К Б***», имеет не одного, а двух адресатов и соответственно не один, а два коррелятивных ряда — комплиментарный ряд обращен к Баратынскому, а полемический — к Булгарину. Такая двуплановость характерна для пушкинской эпиграммы. Возьмем, к примеру, эпиграмму «На трагедию гр. Хвостова, изданную с портретом Колосовой»:

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

(II, 455)

Пушкинский текст также содержит два коррелятивных ряда, комплиментарный обращен к Колосовой, полемический — к Хвостову, но в данном тексте полемический план использован более наглядно, чем в эпиграмме «К Б***», где он завуалирован.

Все сказанное об эпиграмме «К Б***» позволяет уточнить и ее датировку. Несмотря на то, что Пушкин в «Московском вестнике» ставит под эпиграммой «1825», эту дату можно считать лишь приблизительной, затемняющей для массового читателя полемическую направленность эпиграммы. В 1836 году поэт снимет заглавие и изменит первую строку, введя в нее предлог «в» («Стих каждый в повести твоей...»). Но такие, незначительные, на первый взгляд, изменения поэтической формы приведут почти к нивелированию полемической направленности эпиграммы. Сделано это было, очевидно, не потому, что Пушкин наконец согласился с мнением Булгарина, а потому, что после 1827 года Булгарин стал негласным агентом III отделения, Пушкин же считал неприличным упоминание его имени рядом с именем порядочного человека¹¹⁵.

Итак, временем написания эпиграммы следует считать конец февраля (после 20-го) 1826 года, несмотря на то что мотив «чухонки» появляется в эпистолярной прозе Пушкина с осени 1824 года, а сам Пушкин ставил под эпиграммой «1825» год.

*
* *
*

Итак, эпиграмма рождается из преодоления препятствий внешних (цензурных) или внутренних (этических). Чем более экономится автором мыслительная энергия, направленная на преодоление внешних или внутренних препятствий, тем большее удовлетворение получает он от создания эпиграммы. Удовлетворение автора увеличивается еще и оттого, что есть слушающий или читающий и, следовательно, возникает момент *узнавания*, который, со времен Аристотеля, является важным элементом фабулы, так как посредством узнавания совершается «переход от незнания к знанию»¹¹⁶, вследствие чего узнавание вызывает у зрителя и читателя различные чувства: страх, сострадание, удовольствие. При этом везде, где узнавание не слишком механизировано, оно вызывает удовольствие.

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольню в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;

¹¹⁵ Ср. в письмах к П. Плетневу от 5 мая 1830 г.: «...прилично ли мне, Ал.<ександру> Пушкину, являясь перед Россией с Борисом Годуновым, заговорить об Фаддее Булгарине? Кажется неприлично. Как ты думаешь? реши»: или в письме от 31 января 1831 г.: «И что общего между поэтом Дельвигом и <--->чистом полицейским Фаддеем?» (XIV, 89, 149).

¹¹⁶ Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957. С. 74.

Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: это я!

(VI, 131)¹¹⁷

Современники отмечали это качество поэта. В. А. Соллогуб позже вспоминал: «Пушкин говорил отрывисто и едко. Скажет, бывало, колкую эпиграмму и вдруг зальется звонким, добродушным, детским смехом, выказывая два ряда белых, арабских зубов»¹¹⁸. Однако «восторг непродолжителен, непостоянен» (XI, 41), вслед за Стерном Пушкин предвидел, «что живейшее из... наслаждений кончится содроганием почти болезненным» (XI, 52). Поэтому цель эпиграммы сводилась не только к удовлетворению амбиций. В статье «Разговор о критике» Пушкин отметил: «...сатира не критика — эпиграмма не опровержение. Я хлопочу о пользе словесности, не только о своем удовольствии» (XI, 91).

Несобранный эпиграмматический цикл А. С. Пушкина о М. Т. Каченовском

Тема «Пушкин и Каченовский», заявленная в названии настоящей статьи, не обойдена вниманием исследователей¹¹⁹. Однако три эпиграммы, которые станут предметом нашего рассмотрения, до сих пор не получили удовлетворительного истолкования. Причина этого, очевидно, кроется в кардинальном изменении направления развития эпиграмматического жанра в творчестве Пушкина в конце 1820-х годов. Если для эпиграмматики Пушкина начала 1820-х годов было характерным утверждение «...сатира не критика — эпиграмма не опровержение» (XI, 91), то к началу 1829 года особое значение приобретает именно социальная значимость эпиграммы. Три пушкинские эпиграммы, которые будут рассмотрены далее, написаны в разное время, но опубликованы в периодической печати в 1829 году. Это обстоятельство предопределяет включение в работу широкого историко-литературного контекста. Но прежде чем перейти к анализу пушкинских эпиграмм, остановимся на некоторых фактах биографии М. Т. Каченовского, чтобы понять, в чем истинная причина неприятия Пушкиным этого человека и какова цель эпиграмматических выпадов против него.

¹¹⁷ Ср. также в эпиграмме 1829 г.:

Как сатирой безымянной
Лик Зоила я пятнал,
Признаюсь, на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти служи?
Отвечал он? Точно ль так?
В получении оплеухи
Расписался мой дурак?

¹¹⁸ Из воспоминаний В. А. Соллогуба// Русский архив. 1865. С. 753.

¹¹⁹ *Альтман М. С., Томашевский Б. В.* К истории текста эпиграммы «Там, где древний Кочерговский»// Пушкин. Временник Пушкинской комиссии М.; Л., 1936. Т. 1. С. 215—218; *Вацуро В. Э.* К истории пушкинского экспромта// Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 106—108.

*
* * *

Во всех биографических справках о М. Т. Каченовском¹²⁰, как правило, подчеркивается, что своей удачно сложившейся карьерой он обязан природным способностям и трудолюбию. Но так ли это? В письме В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому от 27 марта 1819 года сообщается, что «Каченовский имеет *больших партизанов* (курсив мой.— Н. М.). Иван Иванович <Дмитриев.— Н. М.> чрезвычайно негодует, что мы не сражаемся с пакостным зойлом»¹²¹. Французское слово *partisan* — используется В. Л. Пушкиным в основном значении, как *приверженец, сторонник*. Поэтому на замечании В. Л. Пушкина остановимся детальнее и обратим наше внимание на некоторые обстоятельства биографии Каченовского, и прежде всего на причины его отставки из армии.

В воспоминаниях об отце Вл. М. Каченовский указывал, что конец его военной карьеры в Ярославском пехотном полку¹²², где он с 1798 года служил

¹²⁰ Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) родился в Харькове. Отец его Трофим Демьянович Качони был грек из крымского городка Балаклавы, приписавшийся в число мещан города Харькова и открывший там небольшую торговлю винами. По окончании «коллегиума» в 1788 г. (в возрасте 13 лет) М. Каченовский поступает урядником в Екатеринбургское казачье ополчение, в 1793 г. переходит на гражданскую службу в Харьковский уездный магистрат на должность канцеляриста. После смерти матери в 1795 г. он определяется сержантом в Таврический гренадерский полк, откуда переводится в Ярославский пехотный полк квартирмейстером. В 1801 г. ему удается поступить библиотекарем к графу Алексею Кирилловичу Разумовскому, с назначением которого попечителем Московского университета Каченовский занимает пост правителя его частной канцелярии. С этого момента начинается стремительный взлет его научной карьеры: в 1805 г. он получает степень магистра философии и место преподавателя риторики и русской словесности в академической гимназии, в 1806 г. — степень доктора философии и изящных наук и должность адъюнкта. В 1810 г. он получает звание экстраординарного профессора, в 1811 г. в звании ординарного профессора получает кафедру теории изящных искусств и археологии, в 1821 г. переходит на кафедру истории, статистики и географии Российского государства, в 1830 г. он становится директором педагогического института, в 1831 г. — деканом словесного факультета, а в 1833 г. — ученым секретарем совета университета и цензором Московского цензурного комитета; в течение 1830 и 1831 гг. он читает лекции по российской словесности, а с 1835 г. — и по всеобщей истории для студентов II и III курсов словесного факультета. После введения нового университетского устава в 1835 г. М. Каченовскому поручается кафедра истории и литературы славянских наречий, с 1837 по 1842 г. он избирается ректором Московского университета. Помимо этого Каченовский исполнял разнообразные поручения, «возлагаемые на него доверием начальства». В качестве «визитатора» он обозревал училища губерний: в 1810 г. — Калужской, в 1817 г. — Костромской и Ярославской, в 1818 г. — Владимирской и Рязанской, двукратно (с 1818 по 1820 г. и с 1821 по 1829 г.) избирался членом Училищного комитета, в 1815 г. он исправлял должность начальника типографии университета, с 1819 по 1825 г. был членом правления Университетского благородного пансиона, в 1832 г. Каченовский входит в состав комитета для испытания гражданских чиновников (*Каченовский Вл. М. Михаил Трофимович Каченовский // Библиографические записки. 1892. № 4. С. 261—262.*)

¹²¹ Михайлова Н. И. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. XI. С. 225.

¹²² Родонаачальником 117 пехотного Ярославского полка является Украинская Ландмилиция (нерегулярное войско, вроде казаков), образованная еще Петром Великим в 1713 г. из поселенцев южнорусской границы и части регулярных войск (*Козлов [Ф. Ф.] Бое-*

в должности квартирмейстера, «положила инспекция, установившая недостачу пороха». М. Т. Каченовский был арестован и посажен на гауптвахту. Следствие продолжалось несколько месяцев, но «не привело ни к чему, и невинный узник был освобожден»¹²³. Сидя на гауптвахте, арестант познакомился со своим конвоиром капитаном С. Н. Глинкою, который приносил ему учебники и пособия. Позже М. Т. Каченовский старался избегать воспоминаний об этом. С. Н. Глинка, напротив, детально изложил обстоятельства их знакомства в своих записках:

«Однажды по вступлении моем в караул на гауптвахту Ивана Великого,— писал С. Н. Глинка,— делал я перекличку по списку находившимся арестантам. Окончив весь распорядок по должности моей, сел обедать. От тогдашнего московского сибарита Федора Григорьевича Карино на каждый караул приносили мне и роскошные блюда и лучшие вина. Сидя в скромной своей шинели, арестант Каченовский пристально поглядывал на меня. Полагая, что его прельщает мой обед, я приглашал разделить его со мною; но он отвечал, что уже обедал. „На что вы так пристально смотрите?“ — спросил я. — „На ваши книги“, — отвечал он. Так началось мое знакомство с Михаилом Трофимовичем Каченовским. <...> Доводилась мне очередь в караул, я всегда запасался книгами; на этот раз были со мною две большие части примечаний Болтина на „Русскую историю“, сочиненную Леккерком. Услышав от Каченовского, что он охотник до чтения, я передал ему мои книги, оставил их у него и после смены моей. Приходя в караул на упомянутую гауптвахту, я нарочно брал с собою несколько книг и делился ими с печальным арестантом, что продолжал делать и при перемещении его на Воскресенскую гауптвахту»¹²⁴.

О причинах ареста Каченовского С. Н. Глинка с простодушием сообщил следующее:

«По распоряжениям к заграничной войне, Ярославский полк, стоявший в Москве, назначен был в корпус Корсакова, следовавший в Швейцарию, а Каченовскому поручено было продать в Москве ненужные полковые вещи, в числе которых был и порох¹²⁵. Увлекаясь страстью к учению, он замешкал продажей вещей. Наконец бывшие с ним рядовые пришли к нему с вестью, что для покупки вещей нашлись охотники, и пора их продать. „Я разбирал в это время,— сказал мне Каченовский,— с помощью словаря, VI песнь из Вольтеровой *Генриады* и, уносясь в небо, забыл землю. Признаюсь также, что по неопытности моей я не знал, что для продажи пороха нужно предварительное свидетельство от коменданта, а потому приказал рядовым продать все гуртом. Продажа была явная; комендант узнал о порохе, и я подвергнулся аресту“. Но Каченовский был счастлив. У начальника его, генерал-лейтенанта Дурасова, было сердце, всегда готовое

вая служба 117-го пехотного Ярославского полка со дня формирования (1763). Минск, 1910. С. 1.

¹²³ Библиографические записки. 1892. № 4. С. 261.

¹²⁴ Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С. 173—174. Глинка Сергей Николаевич (1776—1847) в 1806 г. вступил бригадным майором в земское Смоленское войско, с 1808 по 1824 г. издавал журнал «Русский вестник», что доставило ему между русскими писателями почетное имя «писателя-патриота», с 1827 г. — цензор Московского цензурного комитета. Подробнее см.: Федоров Б. Пятидесятилетие литературной жизни С. Н. Глинки. СПб., 1844.

¹²⁵ Трудно объяснить, как получилось, что в числе «ненужных вещей», которые должен продать отправляющийся на войну полк, оказался и порох, необходимый для ведения военных действий.

на добро. Осведомясь о беде своего аудитора, он препроводил на Высочайшее имя письмо следующего содержания: „В военных процессах Петра I сказано, что собственное признание паче свидетельства целого света. Признаюсь, Государь, что продавал порох и потому подвергаю себя суду”.

Генерал Дурасов¹²⁶ продолжал свой путь, а Каченовский был освобожден¹²⁷.

Вскоре после освобождения в 1801 году Каченовский устраивается на службу в дом графа Алексея Кирилловича Разумовского (1748—1822). Биограф Разумовского так оценивает его положение:

«В числе многочисленного домашнего штата графа Алексея Кирилловича находился библиотекарем молодой харьковский грек Михаил Качони. Несмотря на 25-летний возраст, Качони уже испробовал счастья на разных поприщах: служил Урядником в Екатеринославском ополчении, был канцеляристом, ротмистром, сержантом в Таврическом гренадерском полку¹²⁸. Наконец, он пристроился в доме Разумовского и там преобразовался в известного литератора, профессора и исторического критика Михаила Трофимовича Каченовского. Получив в 1805 году звание магистра, а в 1806 году степень доктора, уже не Качони, а Каченовский, после назначения Разумовского попечителем <2 ноября 1807 года¹²⁹.— Н. М.>, сделался его письмоводителем <в 1808 году — Н. М.> и вскоре ему поручено было управление всеми делами попечительской канцелярии...»¹³⁰

Этот стремительный взлет карьеры Каченовского удивлял современников. И. М. Снегирев, будучи тогда студентом, описал свои впечатления после первой встречи с молодым преподавателем «с угловатой походкой военного» в своих записках, где отметил, что Каченовский «с гауптвахты поступил к попечителю Московского университета графу Разумовскому правителем его канцелярии; *по его предложению, без экзамена, произведен сперва магистром, потом доктором словесных наук* (курсив мой.— Н. М.). По своей должности при попечителе, Каченовский в университете был влиятельным человеком; писанные им предложения от имени графа Разумовского производили в старых профессорах, привыкших к старому порядку, не совсем благоприятное впечатление»¹³¹.

Следовательно, начало карьеры М. Т. Каченовского было положено при покровительстве графа А. К. Разумовского. В дальнейшем карьере графа пре-

¹²⁶ И. М. Снегирев подтверждает это заступничество: «Генерал-лейтенант, впоследствии схимник в Симоновской обители, Михайло Зиновьевич Дурасов, взяв на себя ответственность за пропажу пороха, способствовал к освобождению подсудимого от суда и следствия. <...> Хотя Каченовский в пропаче пороха был невинен и оправдан, но в антикритиках не редко ему намекали на это, и они были для него, *это порох в глазу*» (Воспоминания И. М. Снегирева// Русский архив. 1866. С. 752).

¹²⁷ Записки Сергея Николаевича Глинки... С. 174—175.

¹²⁸ Как видим, службу Каченовского в Ярославском пехотном полку биограф Разумовского опустил, так как, пока Каченовский пребывал под арестом, в 1799 г. Ярославский полк принимал участие в походе в Швейцарию с корпусом генерала Римского-Корсакова и нес потери. 14 сентября в кровавом сражении под Цюрихом участвовали гренадерские роты полка. 15 сентября — весь полк. Половина полка погибла, прикрывая отступление прочих войск корпуса (Козлов [Ф. Ф.] Боевая служба 117-го пехотного Ярославского полка. С. 4).

¹²⁹ Шевырев С. История... С. 386—387.

¹³⁰ Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 50.

¹³¹ Воспоминания И. М. Снегирева// Русский архив. 1866. С. 752.

допределяла и судьбу его протеже: когда в начале 1810 года А. К. Разумовский получает пост министра народного просвещения и уезжает в Петербург, то вместе с ним едет и Каченовский. В Петербурге А. К. Разумовский как министр принимает деятельное участие в организации Царскосельского Лицея¹³². На известном экзамене в Лицее он присутствует вместе с Г. Р. Державиным¹³³. Каченовский, будучи управляющим его канцелярией, находится рядом с ним.

Такое покровительство было не в характере графа. Его биограф утверждает, что как человек граф А. К. Разумовский «был гордыни непомерной. <...> Гордый по отношению к посторонним... <он.— Н. М.> был суров в кругу своего семейства. <...> Граф хандрил, подозрительно относился к самым близким людям, вечно жаловался, вечно был недоволен»¹³⁴. Подозрительность графа находит свое объяснение в измене жены. 23 февраля 1774 года А. К. Разумовский женился на Варваре Петровне Шереметевой и прожил с ней 10 лет. В 1784 году после рождения второго сына Кирилла, которого он своим не считал, граф выгнал жену из дома, оставив при себе всех четырех детей и назначив жене ежегодные алименты в размере 10 тысяч рублей, не считая единовременных пособий, на их воспитание. Ей было запрещено видеться с детьми, и даже на венчании своих дочерей она не присутствовала: ее заменяла посаженная мать, что, разумеется, привело к определенным толкам в свете, но А. К. Разумовский никогда не считался с мнением света.

Достаточно сложно складывались отношения А. К. Разумовского с сыновьями. Его старший сын Петр — камергер, в 1801 году за карточные долги был исключен из полка и генеральского списка и переведен в Одессу, с ним граф не поддерживал никаких отношений более шести лет. Младший сын Кирилл — камергер с 1799 года, после пребывания в Англии спился, а, судя по описанию его дебошей, скорее всего, стал наркоманом, и 21 августа 1806 года за устроенные по дороге бесчинства был заключен в Шлиссельбургскую крепость, а затем переведен в больничный корпус Спасо-Ефимовской обители в Суздале, где провел в заточении в общей сложности 16 лет. Выйдя на свободу только после смерти графа в 1824 году, он сделался уже «полным идиотом» и, прожив в доме родной сестры 5 лет, скончался в Харькове в 1829 году.

Дочери Разумовского, напротив, сохранили с отцом близкие отношения и составили удачные партии: старшая, Варвара, в 1802 году стала женой князя Николая Григорьевича Репнина-Волконского, а младшая, Екатерина, в 1811 году вышла замуж за С. С. Уварова, будущего министра народного просвещения.

¹³² См.: Селезнев И. Я. Исторический очерк императорского, бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его десятилетие с 1811 по 1821 год. СПб., 1861. С. 30. А. А. Васильчиков писал, что «...основателем Царскосельского лицея, игравшего в начале своего существования такую важную роль в истории нашего образования, был граф Алексей Кириллович Разумовский. Он учредил и с любовью опекал то заведение, которое даровало России Пушкина...» 23 октября 1811 г. Разумовский был награжден Владимирской лентою за организацию Лицея (Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 2. С. 77, 90).

¹³³ См.: Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1985. С. 22.

¹³⁴ Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. Т. 2. С. 44.

Расставшись с женой, А. К. Разумовский приблизил к себе другую женщину — Марию Михайловну Соболевскую, которая прожила с ним вплоть до его смерти, то есть более 40 лет¹³⁵. После рождения очередного ребенка в 1796 году, граф, удостоверившись в верности своей новой супруги, решил узаконить социальное положение своих наследников. Предводителю дворянского собрания Новгородско-Северского наместничества были поданы документы, в которых М. М. Соболевская была названа вдовой поручика Алексея Перовского, с тем чтобы она и дети ее были занесены в родословную книгу данного наместничества. Но в это время на престоле воцарился Павел I и ходатайство Перовской было приостановлено. Только после воцарения на престоле Александра I «вдова» получила положительный ответ на свое прошение.

«По Указу Его Императорского Величества малороссийской губернии из дворянского собрания умершего поручика Алексея Перовского жене Марии Михайловой дочери и сыновьям ее Николаю, Алексею, Льву, Василию, Михаиле и Ивану Перовским

Выпись:

Означенная поручичья жена Марья Перовская просила выдачи из Малороссийского дворянского собрания для нее и поименованных выше ее сыновей выписи с учиненного об них в бывшей Новгородско-Северской дворянской комиссии определения. А по справке с поступившими сие собрание из помянутой комиссии делами оказалось, что прошедшего 1796 года состоялось тамо определение следующего содержания.

По Указу Его Императорского Величества Новгородско-Северского наместничества губернии предводитель и уездные дворянские депутаты рассматривали список с доказательстами о благородстве сержанта Николая и братьев его Алексея, Льва, Василия, Михаила и Ивана Перовских, с коих по списку значится Николай 18, Алексей 9, <Лев> лет 6, Василий 4, Михайло 3, а Иван 2 лет. Да при них жительствующая мать их вдова Марья Михайлова дочь Перовская, и сестры их Марья 5 и Елизавета 4 лет; имеют крестьян, заложенных Пожарского уезда в деревне Яковлевичах мужского пола 10, а женского — 11 душ, жительствуют в Петербурге, чин имеет Николай сержанта и находится в службе в малороссийском гренадерском полку, — а прочие без чинов и не в службе; о предках своих показали, что оные происходят издревле из польского шляхетства, с коих дед их Петр Перовский, вышедший из Польши, жительствовал в Малороссии и продолжал дворянскую службу, чему последуя и отец их Алексей Перовский служил военно в регулярных войсках поручиком и во время усмирения военных бунтов в прошедшем 1794-м годе умре под Варшавою. Оные дети его, оставшись в малолетстве в рассуждении, что он в отдаленности от них жизнь свою кончил не могли отослать имевшихся у него на тот чин видов в доказательство благородства своего представили 1-е выпись из Пожарского суда уездного 795 года декабря 24-го дня с них сержанту Николаю Перовскому данную с объяснением, что в имеющихся в оном суде дел, заведенных отцом его Перовского Алексеем Перовским с полковником Афанасием Лобисевичем значится, что оный Алексей Перовский имел чин поручика; 2-е свидетельство от двенадцати несомнительных дворян того же года октября <в подлиннике дата отсутствует — Н. М.> дня показателям Перовским данные с засвидетельствованием, что предки их Перовских происходят из знатного польского шляхетства, с коих дед их Петр по выходе из Польши в Малую Россию имел состояние шляхетское, а отец Алексей Перовский продолжал в регулярных российских войсках дворянскую службу поручиком и имел жизнь благородную и 3-е — закладную от господина полковника Афанасия Ки-

¹³⁵ После смерти графа она вышла замуж за генерала Денисьева.

рилловича Лобисевича того же года октября 25 дня им Перовским от него Лобисевича Пожарского уезда в деревне Яковлевичах крестьян, с их движимым и недвижимым имуществом мужского пола 10, а женского 11 душ.

По рассмотрении всего вышеписанного является, что предки их, Перовских, происходят издревле благородно, с коих отец показателей Перовских продолжал военно-дворянскую службу и имел чин воинский обер-офицерский, в Указе же Государя Императора Петра Первого 1721 года генваря 16 дня состоявшимся указано: все обер-офицеры, которые произошли и не из дворянства, оные их дети и их потомки суть дворяне, а в 78 статье Высочайше жалованной российскому дворянству грамоты повелено: такового военного дворянства роды вносить во вторую часть дворянской родословной книги, для того губернии предводитель и уездные дворянские депутаты, находя вышеписанные доказательства по силе 92 статьи 11 и 12 отделениям оной же Высочайшей грамоты на благородство их, Перовских, достаточными, приговорили: вносить их сержанта Николая, да Алексея, Льва, Василия, Михаила и Ивана¹³⁶ господ Перовских с матерью их и сестрами во вторую часть дворянской родословной книги сего наместничества, потом в согласие 85-й статьи выдать им за надлежащим подписанием и за печатью дворянского собрания грамоту. Оное подписали: губернский предводитель дворянства Петр Бороздна, депутаты от уездов: Новгородско-Северского — Степан Авсеинов, Пожарского — Иван Маньковский, Глуховского — Николай Шлиневич, Мглинского — Иван Короткевич, Сосницкого — Иосиф Сосновский, Коровского — Петр Луценко, Кролевецкого — Григорий Бутович, Стародубского — Владимир Скорчина, коллежский асессор секретарь дворянства Тимофей Сакович и по Указу Его Императорского Величества в Малороссийском дворянском собрании определено с вышеизъясненного бывшей Новгородско-Северской дворянской комиссии определения просительнице Перовской и ея сыновьям выдать выпись (и выдана сия) в Чернигове мая 28 дня 1801 года»¹³⁷.

На основании «выписи» задним числом была составлена дворянская грамота.

«От губернского предводителя дворянства и уездных дворянских депутатов, собранных для составления дворянской родословной книги, данная дворянам сержанту Николаю, Алексею, Льву, Василию, Михайле, да Ивану Алексеевым сынам Перовским.

Рассмотрев на основании Всемиловитейше пожалованной от Ея Императорского Величества в 1785 году апреля 21 дня дворянству Грамоты, предъявленные от них Перовских о Дворянском их достоинстве доказательства признали оные согласными с предписанными на то привилегиями, вследствие коих, по силе 78-й статьи объявленной Грамоты они и род их внесен в дворянскую родословную Новгородско-Северской губернии книгу во вторую ее часть. Во свидетельство чего мы, губернский предводитель дворянства, и депутаты, во исполнение Высочайшего Ея Императорского Величества соизволения дали им сию Грамоту за подписанием нашим, утвердив оную печатью дворянского Собрания Новгородско-Северской губернии 1796 года октября 15 числа»¹³⁸.

¹³⁶ О Михаиле и Иване Перовских какие-либо сведения отсутствуют. Были ли они рождены, или просто имена были вписаны, чтобы узаконить последующее потомство, так как А. К. Разумовский при оформлении дворянской грамоты надеялся на дальнейшее рождение мальчиков, и рождение трех дочерей не входило в расчеты графа, — пока неизвестно.

¹³⁷ РГИА СПб., ф. 1021, оп. 1, д. 5, л. 1—2 об. До обнаружения этого документа в литературоведении существовало утверждение, что Перовские получили свою фамилию от села Перово под Москвой.

¹³⁸ Там же, л. 4.

Аналогичная грамота была выписана на имя М. М. Перовской и дочерей ее Марьи и Елизаветы¹³⁹. Этим же решением за Перовскими был закреплен и дворянский герб¹⁴⁰.

Прежде всего следует обратить внимание на фальсификацию дат, отраженных в документе, — даты рождения сыновей сдвинуты: Разумовский не мог с точностью рассчитать, сколько еще детей будет у него и М. М. Соболевской-Перовской, и оставлял место для того, чтобы постфактум включить в грамоту впоследствии родившихся детей. Сколько у А. К. Разумовского детей было от союза с М. М. Соболевской-Перовской, сказать трудно: очевидно, некоторые дети умирали в младенчестве или отрочестве, так как в итоге сложились судьбы у 4 мальчиков и 5 девочек. Мальчики Перовские благоговейно относились к отцу — А. К. Разумовскому. Их последующая карьера была блистательна: они оставили заметный след в истории России.

Старший сын А. К. Разумовского — *Алексей Алексеевич* (1787—1836) в 1807 году окончил Московский университет, получил степень доктора философии и словесных наук, с 1808 года служил в VI департаменте Сената, затем секретарем министра финансов. В 1812 году поступил штаб-ротмистром в 3-й Украинский казачий полк, участвовал в сражениях под Дрезденом и при Кульме, в октябре 1813 года был старшим адъютантом при генерал-губернаторе Королевства Саксонского. С 1816 по 1822 год был чиновником особых поручений при департаменте духовных дел иностранных вероисповеданий, затем подал в отставку и занялся литературным творчеством, взяв псевдоним Антоний Погорельский. С 1825 по 1830 год он был попечителем Харьковского губернского округа, в 1829 году стал членом Российской академии наук. Умер в Варшаве 9 июля 1836 года.

Второй сын — *Лев Алексеевич* (1792—1856; граф с 1849 года) был любимцем отца. Окончив в 1811 году Московский университет, он 21 апреля был зачислен в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. 27 января 1812 года был произведен в прапорщики. 22 октября 1812 года за участие в сражениях под Вязьмой Всемиловейше пожалован кавалером ордена Святой Анны 4-й степени, 31 октября за сражение под Бородином Всемиловейше произведен в подпоручики, за сражение под Красным Всемиловейше пожалован кавалером ордена святого Владимира 4-й степени. Участвовал в сражениях при Бородино, Малоярославце и проч. После войны стал обер-квартирмейстером в Московском гвардейском отряде и в I резервном кавалерийском корпусе. В 1819—1821 годах был членом «Союза Благоденствия»,

¹³⁹ РГИА СПб., ф. 1021, оп. 1, д. 5, л. 5. Речь идет о Марье Алексеевне (в замужестве Крыжановской) и Елизавете Алексеевне (в замужестве Курбатовой). В родословную грамоту не включены 3 дочери А. К. Разумовского — Ольга Алексеевна (в замужестве Жемчужникова — мать известных писателей), Анна Алексеевна (в замужестве Толстая — мать поэта графа Алексея Константиновича Толстого) и Софья Алексеевна (в замужестве Львова).

¹⁴⁰ Описание герба Перовских: «В щите, имеющем красное поле, изображен единорог белый, лошади подобный, передними ногами в гору поднимающийся, как бы на бегу задержанный, на голове оного с правой стороны имеется рог острый, щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, на коем половина такого же единорога. Налет на щите голубой, подложенный палевым. Сей герб в гербовнике полным именуется Бончи» (РГИА СПб., ф. 1021, оп. 1, д. 5, л. 3).

но по настоянию отца вышел из этого общества. В 1823 году он перешел на гражданскую службу, занял пост вице-президента департамента уделов, а вскоре стал сенатором и товарищем министра департамента уделов. В 1841 году назначен министром внутренних дел с оставлением в должности товарища министра уделов, в 1852 году — министром уделов и управляющим Кабинетом Его Императорского Величества. В 1855 году Перовский Л. А. произведен в генералы от инфантерии.

Василий Алексеевич (1795—1857; граф с 1855 года) в 1812 году в Москве попал в плен к французам и дошел с ними до Парижа, где и был освобожден русскими войсками. Участвовал в русско-турецкой войне 1828 года. С 1833 по 1842 год был оренбургским военным губернатором (Пушкин посетил его во время своего пребывания на Урале, когда собирал материал для истории восстания Пугачева). В 1839 году Василий Алексеевич выступил инициатором экспедиции в Хивинское ханство, закончившейся неудачно. В 1851—1857 годах он стал генерал-губернатором Оренбургской и Самарской губерний и членом Адмиралтейств-совета.

Борис Алексеевич (1814—1881; граф с 1856 года) в 1831 году начал службу в гвардейском Кавалергардском полку. С 1839 по 1842 год служил на Кавказе адъютантом начальника Гвардейской кирасирской дивизии. Продолжил службу адъютантом великого князя Михаила Павловича. В 1849 году Перовский перевозил тело великого князя из Варшавы в Петербург, после этого он ушел в отставку. Вскоре снова вступил в службу начальником штаба войск в Эстляндии. В 1860—1862 годах был одним из воспитателей, а затем и попечителем великих князей Александра и Владимира Александровичей. «Чуждый искательства, сердечно приверженный к исполнению долга, граф Перовский до конца оставался отрадной являнием русского двора. <...> Доступный и благожелательный, он после князя П. А. Вяземского, являлся представителем за успехи Русского изящного слова и здравого просвещения». Б. А. Перовский оказался свидетелем покушения 1 марта 1881 года, и это роковое событие сокрушило его. Он заболел и 25 ноября 1881 года умер в Каннах «положительно с горя по государю»¹⁴¹.

Время обучения Алексея и Льва Разумовских в Московском университете совпало с реформами образования в России, проводимыми М. М. Сперанским. 11 декабря 1808 года Сперанский представил Александру I проект, в котором предложил награждать чином коллежского асессора, дававшего в то время право на потомственное дворянство¹⁴², только тех, кто получит образование или

¹⁴¹ Граф Б. А. Перовский (некролог) // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 476.

¹⁴² Пушкин был против подобного способа приобретения дворянского звания, писал об этом неоднократно, в незавершенном «Романе в письмах» встречаем: «Аристократия чин-овная» не заменит аристократии родовой. Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа. Но каковы семейственные воспоминания у детей коллежского асессора?» (VII, 53). В «Дневнике 1833—1835 годов» Пушкин в разговоре с великим князем выскажется еще более определенно: «Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя. Если в дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что все равно) все будет дворянством» (XII, 302).

выдержит экзамен в университете¹⁴³. Хотя самостоятельно этот проект принят не был, но он вошел в указ от 6 августа 1809 года, в котором аналогичные требования предъявлялись и для производства в чин статского советника¹⁴⁴. Для не обучавшихся в университете была установлена особая программа экзаменов. Этот указ был ненавистен русскому родовому дворянству, которое расценило его как последний удар по своим вольностям. А. К. Разумовский был не только близко знаком с М. М. Сперанским, но и покровительствовал ему: последний по его протекции получил пост министра народного просвещения, который предназначался Александром I для Н. М. Карамзина. Поэтому А. К. Разумовский осознавал, насколько необходимо для дальнейшего продвижения карьеры его сыновей получение университетского диплома.

Если сопоставить биографии Перовских и М. Т. Каченовского, то становится очевидным, что А. К. Разумовский сделал для Каченовского то же, что для своих незаконнорожденных сыновей Перовских: помог сменить фамилию с Качони на Каченовского и предоставил ему диплом Московского университета, освободив от экзамена. Разумовский нашел ему должность (сначала при себе, а затем и в университете), одним словом, граф А. К. Разумовский был покровителем Каченовского. Столь деятельное участие графа в судьбе безвестного человека можно объяснять либо тем, что Каченовский оказался услужливым чиновником вроде Молчалина, либо тем, что состоял в каком-то родстве с Разумовским¹⁴⁵. Учитывая характер графа, второе предположение вполне обосновано. Тут следует отметить и некоторые аналогии с биографией брата Алексея Кирилловича — Льва Кирилловича Разумовского, который жил гражданским браком с сестрой М. М. Соболевской — Прасковьей Михайловной и имел от нее детей, в частности Ипполита Ивановича Подчаского (1792—1879), впоследствии женившегося на Елизавете Петровне Потемкиной (рожд. Трубецкой)¹⁴⁶. Поэтому отношение к Каченовскому было как раз в традиции семьи Разумовских.

Следовательно, намекая в письме к Вяземскому на то, что Каченовский имеет «*больших партизанов*», В. Л. Пушкин имел в виду принадлежность Каченовского к клану Разумовских. Следовательно, любое публичное выступление против Каченовского следует расценивать как акт гражданского мужества. П. А. Вяземский первым начал с ним борьбу. В 1818 году он писал И. И. Дмитриеву из Варшавы: «...почта, которая ходит из России в Польшу и приносит мне письма от людей уважаемых и любимых мною, приносит мне и „Вестник Европы“! В первую минуту негодования готов я проклинать полезное постановление

¹⁴³ *Рождественский С.* Материалы для истории учебных реформ в России XVIII—XIX веков // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 1910. Ч. 96. Вып. 1. С. 374—379.

¹⁴⁴ *Семевский В. И.* Падение М. М. Сперанского // Война 1812 года и русское общество. 1812—1912. М., 1912. Т. 2. С. 221.

¹⁴⁵ А. К. Разумовский с женой провели лето 1774 г. в Малороссии в имении Батурино. В Петербург они вернулись только на следующий год: в июне 1775 г. граф был пожалован в камергеры. (Русский биографический словарь. СПб., 1910. Т. 15. С. 436—437.) В ноябре 1775 г. в Харькове родился Михаил Качони, имя его матери пока неизвестно.

¹⁴⁶ Подробнее см.: *Романюк С. К.* Московские реалии в шутке Пушкина // Пушкин и его современники. СПб., 2000. Вып. 2 (41). С. 200.

ние, связывающее меж собою отдаленные земли и только тогда прихожу в себя, когда вспоминаю, что законом природы всякая тварь имеет здесь свое определенное назначение: лягушка рождена квакать в болоте, а Каченовский <Оболенский> писать из Лужников площадную брань. Я и сам удивляюсь, что князь Андрей Петрович <Оболенский>¹⁴⁷. — Н. М. > дозволяет таким образом бесчестить и марать журнал, издаваемый университетом¹⁴⁸. О Мочалове, актере императорского театра, запрещается судить гласным образом; над Карамзиным, государственным историографом, представителем нашего просвещения в глазах ученой Европы, отличенным примерными знаками благоволения Государя, наградившего его за труды, позволяют насмехаться наглыми и бесстыдными шутками. <...> Свободы книгопечатанья у нас нет; неужели только тогда развязывать ей руки и выпускать ее на волю, когда она кидается на людей, озаменованных общим уважением и заслуживших признательность отечества, жаль, что нет Дашкова и Блудова! Мне не прилично сражаться за Карамзина, и к тому же надлежащее оружие не по моей силе. Каченовского эпиграммами не доедешь. Его надобно бить летописями (курсив мой. — Н. М.). Вижу отсюда, как горячится Василий Львович <Пушкин. — Н. М. >, но его опасно выпускать на драку. Каченовский имеет над ним какую-то тайную силу, против коей не может он обороняться»¹⁴⁹. На эти сетования Вяземского И. И. Дмитриев откликнулся в письме к И. И. Тургеневу: «...Вяземский пишет ко мне, что Каченовского надо бить не эпиграммами, а летописями. А я думаю, что можно бы одним письмецом укротить его»¹⁵⁰. В отношении полемики Каченовского против Н. М. Карамзина И. И. Дмитриев был солидарен с Вяземским. В письме к А. И. Тургеневу от 10 апреля 1819 года он писал: «И так не втуне Каченовский глумился и глумится над Историографом, как над малолетним и безграмотным школьником <...> А Р. <оссийская> Академия усыновила его как нарочно тотчас после оскорбительных и нелепых разборов его на счет Карамзина»¹⁵¹. Идея Вяземского о написании «литературных летописей» в 1829 году была реализована А. С. Пушкиным.

Поводом для этого послужило обращение Каченовского 18 декабря 1828 года в Московский цензурный комитет с жалобой на своего бывшего благодетеля, а ныне — цензора — С. Н. Глинку, пропустившего в печать статью Н. А. Полевой «Новости и перемены в русской журналистике на 1829 год»¹⁵². Н. Полевой откликнулся статьей «Литературные опасения кое за что» (помещенной в руб-

¹⁴⁷ Оболенский Андрей Петрович (1769–1852) — попечитель Московского университета, двоюродный дядя П. А. Вяземского.

¹⁴⁸ Шевырев С. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 379; Максимович М. Об участии Московского университета в просвещении России. М., 1830; Клейманова Р. Н. Издательская деятельность Московского университета в первой четверти XIX в. // Книга: Исследования и материалы. М., 1981. Вып. 43. С. 73–98.

¹⁴⁹ Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву // Русский архив. 1866. Стлб. 1692–1693.

¹⁵⁰ Русский архив. 1867. Стлб. 1097.

¹⁵¹ Письма 1806–1823 годов Ивана Ивановича Дмитриева (1760–1837) к Александру Ивановичу Тургеневу (1784–1845) // Русский архив. 1867. Стлб. 1106.

¹⁵² Московский телеграф. 1828. № 23. С. 478–494.

рике «Все на свете суета»), написанной в жанре полемического спора о правомерности литературных и нелитературных обвинений в периодической печати между г. Бенингной — автором статьи (Я), Желтяком и Тленским. Автор статьи считал, что имеет право спросить известных журналистов о том, почему они до сих пор молчали, предвидя «гибель русской литературы», и какой вклад внесли во спасение этой литературы. Желтяк считал, что подобный вопрос является «личностью», то есть оскорблением. Далее полемика развивалась в следующем ключе:

Я: Извините: личность совсем не то. Вот если бы я коснулся издателя «Вестника Европы» как гражданина, семьянина или чиновника. Но пусть подобное этому делает издатель «Вестника Европы»: я никогда не подумаю подражать ему! <...> В 1825 году, когда явился «Телеграф», издатель «Вестника Европы» не постыдился вместить в свой журнал, что «Телеграф» построен *над кабаком* («Вестник Европы». 1825. № 21. С. 74) и что издатель «Телеграфа» *литератор водогного завода Москвы белокаменной* («Вестник Европы». 1825, № 10. С. 152). Все это оттого, что издатель «Телеграфа» имеет в Москве водочный завод. Издатель «Вестника Европы» не постыдился даже напечатать в своем журнале, что, кто хочет, чтобы издатель «Телеграфа» был благосклонен к нему, тот должен покупать у издателя «Телеграфа» водку («Вестник Европы». 1825, № 25. С. 70–74), уверял, что издатель «Телеграфа» потому ничего не пишет о Батюшкове, что на имя его нельзя теперь сделать литературной спекуляции («Вестник Европы». 1825, № 6. С. 121). Издатель «Телеграфа» заплатил за все это презрением; но тем не менее такие выходы суть личности и унижают г-на издателя «Вестника Европы»; это я скажу ему в глаза, и заочно, печатно, письменно, где и как угодно! <...>

Желтяк: <...> Но разве не личность, если вы, предложивши свой вопрос, потом отрицаете права издателя «Вестника Европы», отвергаете ученую славу его, уверяете, что доньше он ничего не сделал в нашей литературе, когда он пользуется огромным авторитетом, когда он профессор, член Академии, университетов...

Я: Пусть будет он член хоть Пекинского Трибунала: я говорю об нем, как об литераторе, сужу его литературные дела, и если имею доказательство того, что говорю, никто не запретит мне представить эти доказательства, и — сказать правду профессору и академику, когда он расхвастался не кстати. <...> Мы имеем законное право судить печатно о сочинениях, издаваемых даже от имени казенных мест: прочти §§ 12 и 15 цензурного устава. Книга профессора так же подлежит критике, как и брошюрка генерала, и улика не оскорбляет тех почтенных сословий, к которым принадлежат сочинители <...> Титла, мой друг, ничего не значат, если они не оправданы делами¹⁵³.

Пушкин в «Отрывке из литературных летописей» (март 1829), с эпиграфом «*tantae ne animils scholasticis irae!*» («возможен ли такой гнев в душах ученых мужей!» — *лат.*)¹⁵⁴, дал ироническое освещение конфликта Каченовского и Н. Полевого: «В конце минувшего года редактор „Вестника Европы“, желая в следующем 1829 году потрудиться еще и в качестве *издателя*, объявил о том публике, все еще худо понимающей различие между сими двумя учеными званиями» (XI, 77). Кратко изложив аргументы Н. Полевого, автор иронично дополнил их своими «контраргументами»: «Если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав в течение 20 лет ни одной замечательной статьи, снискал однако же себе бессмертную славу,

¹⁵³ Московский телеграф. 1828. Ч. 24. № 23. С. 359–360.

¹⁵⁴ Строка из первой песни «Энеиды» Вергилия с заменой одного слова: *scholasticis* вместо *coelestibus*.

то чего же должно нам ожидать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку? Г-н Каченовский просидел 20 лет на одном месте, — согласен: но как могли юноши обогнать его, если он ни за чем и не гнался? Г-н Каченовский ошибочно судил о музыке Верстовского¹⁵⁵: но разве он музыкант? Г-н Каченовский перевел „Терезу и Фальдони“: что за беда?» (XI, 79—80).

Вплощая в жизнь идею Вяземского о «Литературных летописях», Пушкин имитирует беспристрастный стиль летописца, в котором, однако, сквозит явная ирония: «Доселе казалось нам, что г. Полевой неправ, ибо обнаруживается какое-то пристрастие в замечаниях, которые с первого взгляда являются довольно основательными¹⁵⁶. Мы ожидали от г. Каченовского возражений неоспоримых или благородного молчания, каковым некоторые известные писатели всегда ответствовали на неприличные и пристрастные выходки некоторых журналистов. Но сколь изумились мы, прочитав в 24 № „Вестника Европы“ ...примечание редактора... <...> Сие загадочное примечание привело нас в большое беспокойство. Какие меры к охранению своей лигности от игривого произвола г. Бенингны предпринял почтенный редактор? <...> К счастью, скоро все выяснилось. Оскорбленный как издатель „Вестника Европы“, г. Каченовский решился требовать защиты законов как ординарный профессор, статский советник и кавалер и явился в цензурный комитет с жалобой на цензора, пропустившего статью г-на Полевого» (XI, 79). Итак, подмеченное Пушкиным противоречие конфликта заключалось в том, что Каченовский, считая себя оскорбленным в оценке своей издательской деятельности, защищался репутацией благонадежного гражданина и профессорской должностью.

Однако Пушкин не принимает и сторону Н. Полевого. Так литературная «полемика» о достоинстве литератора свелась к простой перебранке внутри одного литературного лагеря. Каченовский был духовным наставником Н. Полевого. Значительно позже Кс. Полевой вспоминал, что «Вестник Европы» составлял обычное чтение в их доме, и все они так привыкли к нему, что «изда-

¹⁵⁵ Н. А. Полевой, упиваясь сарказмом, цитировал этот фрагмент из статьи Каченовского: «...появилась „Черная шаль“, кантата А. Н. Верстовского. Издатель „Вестника Европы“ напал и на нее. „Почему это Кантата? — говорил он, — что за Кантата? Такие ли Кантаты у Ж.-Б. Руссо? ...какой-то Молдаванин убил какую-то красавицу, которую соблазнил какой-то Армянин. Достоин ли это того, чтобы искусный композитор изыскивал средства потрясать сердца слушателей? Не значит ли это воздвигнуть огромный пьедестал для маленькой красивой куклы? И что такое Пушкин? Где у него те качества, которые, по словам Горация, составляют поэта? Где *mens divinior*, где *os magna sonatorum*? Мы дети, если ослепляемся блеском наружности, если, остановившись над тем, что называется у нас хороший слог, считаем уже за лишнее поверять все прочее на весах здравого вкуса и ученой критики» <«Вестник Европы». 1824. № 1. С. 70 и след.>» // Московский телеграф. 1828. Ч. 24. № 23. С. 373. *Mens divinior* — дух, причастный поэзии; *Os magna sonatorum* — уста, вещающие великое (лат.) (Гораций. Сатира I).

¹⁵⁶ Ср. с тем, что Вяземский 23 января 1831 г. писал М. А. Максимовичу: «Хорошо полицейским и кабацким литераторам (Булгарину и Полевому — разумеется, имею здесь в виду не торговлю Полевого, хотя бы он торговал и церковными свечами, но все по слогу, по наглости, по буйности своему, был бы он кабацким литератором), горланят против аристокрации, ибо они чувствуют, что людям благовоспитанным и порядочным нельзя знаться с ними...» (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1880. Т. 20. С. 156).

тель его, Каченовский, казался... чем-то близким родным»¹⁵⁷. Журналистская деятельность Н. Полевого началась также под эгидой Каченовского. Во время их первой встречи издатель «Вестника Европы» был чрезвычайно любезен и даже приветливо сказал Полевому, что «не думал найти в сочинителе полученных им статей такого молодого человека, и еще менее, не записного ученого, а купца»¹⁵⁸. Поэтому ирония Пушкина обращена против каждой из ссорящихся сторон.

Намерение Н. Полевого издавать журнал не всеми литераторами было встречено столь резко, как Каченовским. Н. И. Греч и Ф. В. Булгарин, которые в это время реорганизовывали свои издания («Сын Отечества» и «Северный Архив»)»¹⁵⁹, попытались перекупить его. Они скорее предпочли бы иметь в лице Н. Полевого деятельного сотрудника, чем опасного конкурента, поэтому обратились к нему с письмом, в котором Ф. В. Булгарин, со свойственной ему беспринципностью, писал: «Чего хотите вы? <...> Известности, деятельности? Мы предлагаем вам обширное поприще в наших изданиях. Денег? Напишите без обиняков, просто цифрами или прописью, сколько вы желаете за свои труды, и если только цифра будет не слишком велика, обещаю наперед согласие за себя и своего товарища»¹⁶⁰. Полевой отказался, и этот отказ не привел к жестокой литературной схватке.

С Каченовским все было иначе. Конфликт его с Полевым разрастался и, как отмечает Пушкин в «Отрывке из литературных летописей»¹⁶¹: «Новое лицо вы-

¹⁵⁷ «Многие умные и ученые статьи его, — писал Кс. Полевой, — внушили нам невольное уважение к нему, и уже с детства мы воображали его необыкновенным человеком, удивительным писателем, который знает все, потому что говорит обо всем, раздает хвалы и осуждения, и всегда остается на недосягаемой другими высоте. Впоследствии, когда мы уже могли давать себе отчет в том, что читали, мы, по привычке, невольно держали сторону Каченовского, тем больше, что противодействия ему почти не было» (*Полевой Кс. А. Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого*. СПб., 1860. Ч. 1. С. 71–72).

¹⁵⁸ *Полевой Кс. А. Записки...* Ч. 1. С. 73.

¹⁵⁹ См.: *Мясоедова Н. Е. Обман зрения в Персии: К истории «Литературной газеты» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина // Русская литература*. 2001. № 1. С. 82–102.

¹⁶⁰ *Полевой Кс. А. Записки...* Ч. 1. С. 117–118.

¹⁶¹ Статья «Отрывок из литературных летописей» предполагалась для «Невского альманаха на 1829 г.», ее цензурное рассмотрение началось 17 сентября 1829 г. цензором П. И. Гаевским и завершилось 8 октября 1829 г. запрещением статьи. См.: *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина*. М., 1999. Т. 3. С. 93.

В деле № 146856 Главного управления цензуры о статье «Отрывок из литературных летописей» сообщалось, что 3 декабря 1829 г. на заседании Министерства народного просвещения по представлению цензора Сербиновича обсуждалась представленная издателями «Северных цветов» статья А. Пушкина «Отрывок из литературных летописей», предназначенная ранее для «Невского альманаха», но запрещенная Главным управлением цензуры, «которое признало, что без особенного распоряжения правительства нельзя публиковать о том, что производится в местах присутственных и правительственных, о бумагах, какие чиновники сих мест подают по их заявлениям и должностям». Однако в представленном ныне варианте статьи автором было исключено все, что «упоминалось прежде о действиях цензуры, так что она приняла совершенно литературный вид». В связи с этим было решено направить статью на повторное рассмотрение в Главное управление цензуры (ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, д. 63). 24 декабря 1829 г. министр народного просвещения генерал от инфантерии князь Карл Ливен уведомил попечителя Санкт-Петербургского учебного округа о том, что Главное управление цензуры данную статью признало «одобренною к напечатанию»

ступило на сцену: цензор С. Н. Глинка явился ответчиком. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружилась в его речах, письмах и деловых записках»¹⁶² (XI, 79—80). В своих записках С. Н. Глинка дополняет уже известное рядом новых обстоятельств:

«Вот из чего загорелась сильная борьба. Я был цензором „Телеграфа“. В исходе 1828 года издатель „Вестника Европы“, М. Т. Каченовский, извещал, что без всякого содействия университета он будет полным хозяином издания своего. Это бы очень хорошо было. На беду свою, он провозгласил славяно-русским словом о каких-то *партиях*, которые будто бы водрузили знамена на какой-то *тужой земле*, и так далее. Издатель „Телеграфа“, возражая на это высокопарное уведомление, между прочим сказал, что „Вестник Европы“ выходит из стен университета на *скудельных ногах*. В подлинном смысле это даже относилось к чести М. Т. Каченовского, ибо он сам повешал, что, действуя без университета, собственною развязанною мыслию он улучшит свое издание. Но в свете глубокомысленно решили, что *скудельные ноги „Вестника Европы“* непосредственно относятся к *статскому советнику Каченовскому*, и г. статский советник подал прошение, в котором требовал в силу устава благочиния *имати под стражу майора и кавалера Сергея Глинку!* Чудные эти ученые люди! Они берутся нас просвещать, а того не знают, что надобно сперва *исследовать дело*, а потом сажать под стражу того, на кого доносят. Тщетно говорил я и профессорам цензорам, что цензурный комитет не суд уголовный; покойный Цветаев, профессор юриспруденции, и слышать об этом не хотел. С учеными людьми, да с нашими судами избавь, Боже, сблизиться! Профессора так мучили меня более трех месяцев, что в поездку мою в Петербург в апреле месяце я схватил в дороге сильную горячку»¹⁶³.

В свою очередь в «Отрывке из литературных летописей» Пушкин отметил, что цензурный комитет пришел к заключению, что «в статье г. Полевого личная честь г. Каченовского не была оскорблена. Говоря с неуважением о его занятиях литературных, издатель „Московского телеграфа“ не упомянул ни о его службе, ни о тайнах домашней жизни, ни о качествах его души. <...> Но что

(ИРЛИ, ф. 244, оп. 16, д. 51). Вопрос, почему автор не воспользовался полученным разрешением для публикации статьи, пока остается без ответа.

¹⁶² Пушкинская ирония очевидна: современники называли Глинку «беспорядочным энтузиастом». М. А. Дмитриев в своих воспоминаниях оставил любопытный эпизод о «беспристрастности и беспечности» Глинки: «На „Историю Русского народа“ Полевого М. П. <Михаил Погодин. — Н. М.> написал справедливую, но сильную рецензию для своего журнала. Зная короткое знакомство Глинки с Полевым и опасаясь, как цензора и простодушного человека, не любившего строгой критики, П. <огодин> вздумал позвать его обедать, угостить по-русски и потом, после шампанского, предложить ему чтение рецензии. Но каково было удивление хозяина, когда тотчас после обеда Глинка схватил шляпу и начал прощаться! П. <огодин> его удерживает. „Нельзя, — отвечает Глинка (ничего не знавший о приготовленной ему засаде) у Николая Алексеевича Полевого родился сын; он назвал его в честь меня Сергеем; и звал меня в крестные отцы!“ — „Как же это, Сергей Николаевич! А я хотел прочитать вам рецензию; думал, что вы выслушаете на досуге!“ — „Нельзя! Да что это за рецензия?“ — „На историю Полевого!“ Глинка призадумался — „Ну! — произнес он наконец, — хоть я и еду крестить у него сына, но надобно быть беспристрастным. Рецензии слушать некогда; но я вас знаю; думаю, что тут ничего нет невозможного! Давайте перо!“ Схватил перо и подписал не читавши: „Печатать позволяется: Цензор Глинка“ — а сам бегом из дому! Поразил Полевого и поехал крестить у него сына» (*Дмитриев М. А. Из запаса моей памяти*. М., 1869. С. 108—109).

¹⁶³ Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С. 352—353.

всего важнее, г. Полевой доказал, что Михаил Трофимович несколько раз дозволял себе личности в своих критических статейках, что он упрекал издателя „Телеграфа” — виновным его заводом (пятном ужасным, как известно всему нашему дворянству!), что он неоднократно с упреком повторял г. Полевому, что сей последний купец (другое, столь же ужасное обвинение!), и все сие в непристойных, оскорбительных выражениях. Тут уже мы приняли сторону г. Полевого. Никто, более нашего не уважает истинного, родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном; но в мирной республике наук какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессор, честный аудитор и странствующий купец равны перед законами критики» (XI, 79—80).

В результате разбирательства «решение главного управления цензуры водворило спокойствие в области словесности» и, отказав в иске Каченовскому, «прекратило распрю миром, равно выгодным для победителей и побежденных...» (XI, 81). Реальность была не столь безобидна. С. Н. Глинка вынужден был обратиться к министру народного просвещения, и накал страстей из сферы научной быстро перешел в сферу политическую. Об этой встрече Глинка писал следующее:

«До этого рокового дня мне никогда не случилось видеть светлейшего князя Ливена. Быстро отворилась дверь его кабинета: вижу, высокий мужчина в военном сюртуке идет на меня с поднятыми кулаками:

— Вы, сударь, бунтовщик! вы хотите печатать бунтовские бумаги!

Не хвалюсь храбростью, но я не струсил и спокойно отвечал: „У меня восемь человек детей, но на плечах нет осьми голов! А что я не бунтовщик, я сейчас представлю свидетельство, — и, вынув из кармана рескрипт, продолжал, — в то самое время, когда Москва 1812 года на шаг была от погребели, Александр Первый дал мне рескрипт, который честь имею представить вашей светлости”.

Взяв рескрипт и быстро прочитав его, министр сказал:

— Не князь Ливен, а Ливен будет говорить с Глинкою.

— Нельзя, — отвечал я, — никак не могу забыть, что вы — светлейший князь, а я — простой майор. Дело другое, если вы согласитесь говорить как христианин с христианином.

Князь изъявил на это согласие. Но зала была обширная, мы были только двое; голос у меня громкий, а в пустых стенах гремел еще сильнее. После нескольких объяснений министр воскликнул: — Да что вы, сударь, так громко говорите?

— Душа моя, ваша светлость, ничего не привыкла делать шепотом. Вот бумага, из которой усмотрите, что я ни на волос не отступал от устава <цензурного. — Н. М.>.

— Я, сударь, — вскричал министр, — я, сударь, устав!

— Неправда! — отвечал я, — не вы — устав; устав — государь! — и с этим словом стремительно отворил я дверь и почти выбежал из залы, и вижу перед собою директора канцелярии П. М. Новосильского. Я заметил, что он был очень смущен, но я не смутился. Спрашиваю, прав ли был министр? Его долг был сперва хладнокровно меня выслушать, сообразить показания мои с уставом и потом заключить, бунтовщик ли я, или нет. Хорошо, что Бог дал мне довольно твердый дух. С человеком в подобных случаях случается удар, что и бывало.

Взволнованный светлейшими кулаками министра, я по выходе от него на улицу кричал, что от самоуправления министров будут вспыхивать каждый день четырнадцатые декабри. Чем кто ближе в престолу, тем виновнее, если в человеке забывают человека. Не почести, не высокие степени возбуждают негодование, но гордыня самоуправ-

ства: она потрясает и опрокидывает общества человеческие, это — истина вековая! Но для многих ли существуют уроки истории?

Сближение мое с учеными головами убедило меня, что ученость не доставляет того нравственного просвещения, которое возвышает душу и дает ту твердость, которая не продает себя за все сокровища мира»¹⁶⁴.

*
* *
*

Весной 1829 года Пушкин в «Московском телеграфе» (ч. 26, № 7, с. 257; ценз. разр. 27 марта 1829 г.) опубликовал эпиграмму:

Журналами обиженный жестоко,
Зоил Пахом¹⁶⁵ печалился глубоко;
На Цензора вот подал он донос;
Но Цензор прав, нам смех, Зоилу нос.
Иная брань конечно неприличность,
Нельзя писать: *Такой-то-де старик,*
*Козел в огках, плюгавый клеветник*¹⁶⁶,
И зол и подл: все это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что Господин Парнасский старовер
(*В своих статьях*), бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат, и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор.

Поэтическая структура пушкинской эпиграммы строится на приеме унификации ключевых слов: «лицо» и «лигность», которые присутствуют в тексте, сохраняя оба свои значения, что создает особую игровую атмосферу эпиграммы. Например, слово «лигность» имеет два значения: 1) «отдельный человек в его своеобразии, отличии от других»; 2) «оскорбительный выпад против определенного лица»¹⁶⁷. Пушкинская фраза «*все это будет лигность*» — полисемантическая как по своей структуре, так и по контексту эпиграммы¹⁶⁸. Так же исполъ-

¹⁶⁴ Записки Сергея Николаевича Глинки. С. 355—356. «Оппозиционность» С. Н. Глинки опирается на влиятельных родственников: он был женат на дочери попечителя Московского университета и сенатора Павла Ивановича Голенищева-Кутузова и княгини Елены Ивановны Долгоруковой.

¹⁶⁵ В критической статье о пушкинской «Полтаве», напечатанной в «Вестнике Европы», в качестве справедливого критика был выведен Пахом Силыч Правдин. Автором статьи был Н. Надеждин, но М. Т. Каченовский как редактор журнала отвечал за публикацию.

¹⁶⁶ Это определение прочно закрепилось за Каченовским после эпиграммы И. И. Дмитриева (Цит. по: *Дмитриев И. И. Сочинения*. М., 1986. С. 252):

Нахальство, Аристарх, таланту не замена,
Я буду все поэт, тебе наперекор!
А ты — останешься все тот же крохобор,
Плюгавый выползок из гузна Дефонтена.

¹⁶⁷ Словарь языка Пушкина. Т. 2. С. 497.

¹⁶⁸ Ср. употребление слова «лигность» в одном значении (а именно, в значении «оскорбительные выпады») в заметке цикла «Опровержения на критики»: «В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен <...> На эту лигность я не отвечал...» (XI, 162).

зовано семантическое гнездо слова «лицо». Фраза: «*тут не лицо, а только литератор*» — реализует второе значение слова, а именно, «*человек вообще*». Однако наличие предшествующего портретного описания — «*старик, козел в отках, плюгавый клеветник*» — не позволяет вычеркнуть из читательского сознания и первое значение слова, то есть «лицо» как «*передняя часть головы человека*». При этом «лицо» и «*лицность*» совпадают в значении «*литератор*», последнем слове, завершающем эпиграмму. Таким образом, унификация происходит в пределах одного семантического гнезда. Эпиграммист играет не словами, а их значениями. В семантическую игру включаются и уничижительные характеристики, выраженные краткими прилагательными в значении «неполноты признака» («*скугноват*», «*тяжеловат*», «*глуповат*»). Им в эпиграмме предшествует наречие «*отменно*», воспринимаемое читателем в противоположном значении — «очень»¹⁶⁹ («*отменно вял, отменно скугноват, тяжеловат и даже глуповат*»), что влечет за собой прием бессмыслицы, постепенно обретающей смысл.

Поэтический строй пушкинской эпиграммы выступает против нелитературных обвинений и, на первый взгляд, совпадает с изложением ситуации Кс. Полевым, который писал: «...вооружились именно против лица, против самого журналиста, и знаете ли, поверите ли, если не знаете, вы, читатель, на что прежде всего начали нападать? На общественное звание обвиняемого!.. Начали повторять и язвительно намекать, что купец сделался журналистом!¹⁷⁰...Противникам Полевого хотелось — выходит так! — уверить публику, что надобно непременно быть чиновником, чтобы иметь ум и дарование; им казалось, может быть, что купец не может ничему выучиться, не может образовать себя, а тем меньше опередить других в образованности, как начал это доказывать своим примером Полевой»¹⁷¹. Каченовский «напечатал в своем „Вестнике“, что в Москве выкинут или поднят телеграф на храме Бахуса. В объяснение этого благородного намека надобно сказать, что в том же доме, где мы жили с братом, на заднем дворе, выходявшем на другую улицу, помещался водочный

¹⁶⁹ Ср. в «Графе Нулине»: «Роман классический, старинный, /*Отменно* длинный, длинный, длинный, / Нравоучительный и чинный» (VI, 57); ср. также сочетание наречий в VIII главе «Евгения Онегина»: «Старик, по-старому шутивший: /*Отменно* тонко и умно, /*Что* нынче несколько смешно» (VI, 176; курсив мой. — Н. М.).

¹⁷⁰ См. в «Певце на биваках у подножия Парнаса» А. Писарева (Цит. по: Эпиграмма и сатира... С. 215):

Хвала тебе, о Полевой,
Заводчик и издатель,
Прямым талантов враг прямой,
Ничтожных — почитатель!
Ты смело совестью кривил
По долгу журналиста,
И Грибоедова хвалил,
И разругал Капниста.
Друзья! В нем Жофруа воскрес.
Вот Телеграф — взгляните:
Хвала и брань, аршин и вес —
Что надо — то купите.

¹⁷¹ Полевой Кс. А. Записки... Ч. 1. С. 142.

завод, наследованный нами после отца. Вот до чего доходили противники „Московского Телеграфа"! Таким образом, выступив на защиту здравых мнений, новых понятий и вечных истин образованности, просвещения, литературы, Николай Алексеевич подвергся насмешкам, обвинениям, браням — как человек»¹⁷².

Согласно разысканиям Б. В. Томашевского, эпиграмма Пушкина по своей форме восходит к стихам французского поэта Экушара-Лебрена¹⁷³ о Лагарпе «Épître sur la bonne et mauvaise plaisanterie»¹⁷⁴. «В обоих случаях,— пишет Б. В. Томашевский,— игра построена на двух „редакциях” брани — „неприличной” и допустимой в литературном обиходе. Конечно, здесь не приходится говорить ни о влиянии, ни о заимствовании, но не исключена возможность, что именно знакомство с посланием Лебрена подсказало Пушкину сюжет его эпиграммы 1829 г.»¹⁷⁵ Но прежде всего эпиграмма восходит к журнальной полемике Н. Полевого и Каченовского. Вторая часть заключения Б. В. Томашевского свидетельствует о том, что поэтическая форма пушкинской эпиграммы — не столь уж зависима от послания Лебрена. Ее семантическим стержнем являются наставления цензора (на его месте можно представить С. Н. Глинку), простодушно трактующего положения цензурного

¹⁷² Полевой Кс. А. Записки... Ч. 1. С. 148—149.

¹⁷³ При жизни Экушар-Лебрен (Ponce-Denis-Ecouchard Le Brun; 1729—1807) пользовался преувеличенной славой, а после смерти был незаслуженно забыт.

¹⁷⁴

De Laharpe, a-t-on dit, l'impertinent visage
 Apelle le soufflet: ce mot n'est qu'un outrage.
 Je veux qu'un trait plus doux, léger, inattendu,
 Frappe l'orgueil d'un Fat plaisamment confondu,
 Dites: ce froid Rimeur se caresse lui-même:
 Au défaut de Publique il est juste qu'il s'aime;
 Il s'est signé grand Homme et se dit Immortel
 Au Mercure! Ces mots n'ont rien qui soit cruel.

(«Говорят, что нахальное лицо Лагарпа призывает оплеуху; это слово — просто оскорбление. Я бы хотел, чтобы замечание более мягкое неожиданно поразило фата, смутив его смешным образом. Скажите: этот холодный рифмач сам себя ласкает: при отсутствии публики справедливо, чтобы он сам себя любил; он подписался в качестве великого человека и называет себя бессмертным в Меркурии. В этих словах нет ничего жестокого». Цит. по: Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. С. 327.)

¹⁷⁵ Томашевский Б. В. Указ соч. С. 328. Однако, на наш взгляд, эпиграмме Лебрена можно найти аналог в эпиграмме на И. Н. Ланова.

Бранись, ворчи, болван болванов,
 Ты не дожدهшься, друг мой Ланов,
 Пощечин от руки моей.
 Твоя торжественная рожа
 На бабье гузно так похожа,
 Что только просит киселей.

(II, 239)

Данная пушкинская эпиграмма, в свою очередь, сближается со стилем кн. П. А. Вяземского, который 23 января 1831 г. писал М. А. Максимовичу: «„Обозрение литературы” у вас обозрение Булгарина. Дайте ему несколько киселей в ж — — и отпустите с Богом. У вас он проходит сквозь строй: это утомительно для зрителей» (Письма кн. П. А. Вяземского М. А. Максимовичу// Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1880. Т. 20. С. 157).

устава¹⁷⁶. Из этого проистекает жанровое противоречие, так как эпиграмма — разит, а басня — поучает («*fabula docet*»).

Однако назидательная басенная мораль в пушкинской эпиграмме становится «лженазидательной». О возможных последствиях подобной критической оценки предостерегал Кс. Полевой, который для примера предлагал: «...заметьте... плохому стихотворцу, что он не везде соблюдает правила версификации, не везде показывает истинное вдохновение; заметьте хвастливому компилятору, что он *не совсем* владеет языком (попросту: не знает грамоты русской), что он *не везде* верно представляет события, и что книга его мало похожа на образцовое произведение — он придет в неистовство, и, не смея выцарапать вам глаз, сделается навсегда вашим врагом, будет обвинять вас *публично* в пристрастии, в ненависти к дарованиям, в невежестве, в дерзости, в неблагонамеренности — а в *своем кругу* будет громко честить вас самыми позорными прозвищами и кричать, что вы негодяй, развратник, душегубец, давно достойный каторжной работы. При этом он расскажет сотню гнусных клевет на вас, будет уверять, что *все* называют и почитают вас извергом; не пощадит, если придется к слову, ни отца, ни матери, ни родных, ни друзей ваших, удивляясь только, как земля носит таких урожденных злодеев. Уверяю, что в этих словах нет преувеличения»¹⁷⁷.

Поэтическая структура пушкинской эпиграммы построена на отсутствии остроты — ее заменяет ирония: в эпиграмме практически нет пуанты¹⁷⁸. Пушкин использует новую — басенно-эпиграмматическую форму, при использовании которой удовольствие эпиграммиста и читателя проистекает из преодоления внешнего препятствия, созданного цензурой.

¹⁷⁶ В § 153 «Цензурного устава» предписывалось: «Статьи, под названием критик и антикритик, предполагаемые к напечатанию в повременных изданиях, или отдельно, должны быть основаны на беспристрастных суждениях, и в таком случае хотя бы содержали в себе неприятные, но справедливые выражения и нужные для пользы языка и словесности обличения в погрешностях, беспрепятственно одобряются к напечатанию. Причем, однако, наблюдается, чтобы в таковые статьи не вкрадывалось личное оскорбление, и чтобы они не обращались в бранную, совершенно бесполезную для читателей переписку». Эти же требования находим и в предложении министра народного просвещения Московскому цензурному комитету от 14 апреля и 22 декабря 1832 г.: «Не дозволяется никоим образом печатать статьи, оскорбляющие личную честь не только наименованием самого лица, но и означением оного другими намеками; равным образом, в периодических изданиях такие критические статьи, которые или оскорбляют колкими выражениями и грубыми насмешками личность автора, или которые общим приговором без всяких доказательств осуждают сочинения» (Сборник постановлений и распоряжений о цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 167, 221).

¹⁷⁷ Полевой Кс. А. Записки... Ч. 1. С. 150—151.

¹⁷⁸ Это наглядно видно при сравнении с известными эпиграммами на Булгарина, где первая («Не то беда, что ты поляк...») является классической эпиграммой с неожиданно сильной пуантой («Беда, что ты Видок Фиглярин», III, 215), а вторая эпиграмма («Не то беда, Авдей Флюгарин...») является новаторской с точки зрения формы, в ней строка, которая должна была бы стать пуантой («...в свете ты — Видок Фиглярин...»), оказывается в центре эпиграммы, а наиболее невинное обвинение («Беда, что скучен твой роман», III, 245) выдвинуто в качестве пуанты и переосмыслено как наиболее тяжкое.

*
* * *

Следующая эпиграмма была опубликована в альманахе «Подснежник» в феврале 1829 года. Относительно ее появления Андрей Иванович Подолинский (1806—1886) сообщил, что однажды у Дельвига, проходя через гостиную, он был остановлен словами Пушкина, подле которого сидел С. П. Шевырев: «Помогите нам состряпать эпиграмму...», но Подолинский спешил в соседнюю комнату и упустил, как он выразился, «честь сотрудничества с поэтом». Возвратясь к Пушкину, он нашел эпиграмму «В Элизии Василий Тредьяковский...» уже завершённой¹⁷⁹.

Участник этой сцены — С. П. Шевырев — дал иное освещение этих событий. В письме к М. Погодину от 25 февраля 1829 года он сообщил массу впечатлений, но умолчал об участии в создании данной эпиграммы. Он писал Погодину: «...Пушкин мне очень обрадовался. Он весьма ласков. Вчера мы провели с ним вместе вечер у Дельвига. Я видел кой-какую Литературную сволочь Петербургскую. Сколько уродства! <...> Видел я Подолинского: он все молчал. Это мальчик, вздутый здешними панегиристами и Полевым. Он либо еще ребенок, либо без цемента. Пушкин говорит: „Полевой от имени человечества благодарил Подол[инского] за *Дива и Пэри*, теперь не худо бы от имени вселенной побранить его за *Борского*»¹⁸⁰. Поэма «Див и Пери» (1827) — первое произведение Подолинского, поэма «Борский» (1829) — второе. По поводу выхода «Дива и Пери» Н. Полевой писал: «Скажем, что, перечитав поэму г-на Подолинского, мы провели несколько сладостных часов и благодарим его, как поэта и как человека, глубоко чувствующего и умеющего трогать вечные струны человеческого сердца»¹⁸¹.

Реакция Пушкина, зафиксированная Шевыревым, не вызывает сомнений, так как совпадает с пушкинской статьей о «Бале» Баратынского¹⁸². Вполне естественно предположить, что если бы Шевырев действительно участвовал в написании эпиграммы, то он непременно отметил бы этот факт в письме к Погодину. Но он этого не сделал прежде всего потому, что в действительности эпиграмма была написана в 1825 году.

А. И. Тургенев 28 мая 1825 года в письме А. Я. Булгакову сообщал, что Пушкин «послал через брата Вяземскому две эпиграммы с позволением напечатать, где угодно». И далее А. И. Тургенев в письме излагает содержание эпиграмм: «Кажется, в одной собрал он всех дурных литераторов и заставил издавать журнал для мертвых, и кончил так:

И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайла Каченовский!

¹⁷⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 135.

¹⁸⁰ Литературное наследство. М., 1934. Т. 16/18. С. 703.

¹⁸¹ Московский телеграф. 1827, ч. XVIII, № 21. С. 89.

¹⁸² Ср. пушкинскую статью «„Бал“ Баратынского» (1828): «Наши [поэты] не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики — напротив. Едва заметим в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оно, уже тотчас спешим приветствовать его титлом Гения, за гладкие стишки — нежно благодарим его в журналах от имени человечества, неверный перевод, бледное подражание сравниваем без церемонии с бессм.<ертными> произведениями Гёте и Байрона...» (XI, 74).

Я не читал ее, но Вяземский может вытребовать их от Льва Пушкина — все это более для него пишу...»¹⁸³

Трудно сказать, по каким причинам в 1825 году эпиграмма не была опубликована¹⁸⁴. Пока нет ответа на вопрос, что послужило непосредственным поводом для написания ее в 1825 году, поэтому чрезвычайно важен вопрос об обстоятельствах публикации эпиграммы в 1829 году. Однако прежде чем перейти к освещению обстоятельств публикации эпиграммы, приведем ее текст:

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ

В Элизии Василий Тредьяковский
 (Преострый муж, достойный много хвал)
 С усердием принялся за журнал.
 В сотрудники сам вызвался Поповский,
 Свои статьи Елагин обещал;
 Курганов сам над критикой хлопочет,
 Блеснуть умом Письмовник снова хочет;
 И, говорят, на днях они начнут,
 Благословясь, сей преполезный труд,
 И только ждет Василий Тредьяковский,
 Чтоб подоспел Михайло****¹⁸⁵.

(III, 153)

В альманахе «Подснежник» пушкинской эпиграмме сопутствовало примечание издателей («Чувствительно благодарим почтенного Александра Сергеевича за сие известие и нетерпеливо ждем первой книжки элизейского журнала»¹⁸⁶).

Вскоре эпиграмма была перепечатана в «Московском Телеграфе» (1829, № 8) в разделе «Современная библиография», где ей предшествовал комплиментарный отзыв¹⁸⁷: «А. С. Пушкин усладил нас своим двенадцатистишием

¹⁸³ Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837)// Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 48. Приношу благодарность С. В. Березкиной, обратившей мое внимание на этот факт.

¹⁸⁴ Возвращение к некогда написанному поэтическому тексту неслучайно для Пушкина. В. Ф. Ходасевич в своей книге «Поэтическое хозяйство Пушкина» продемонстрировал бережное отношение Пушкина к написанным им строкам: поэт никогда не забывал им созданного, и если невозможно было опубликовать данный текст или стихотворный оборот в настоящую минуту, то в последующем он, как правило, в том или ином виде, по тому или иному поводу, но был опубликован.

¹⁸⁵ Рифма предполагает фамилию «Каченовский». В печати фамилия Каченовского раскрыта Вяземским; впервые опубликована в первом издании Геннади (1859). Следует отметить, что в 1836 г. Пушкин снял не только фамилию, но и имя, заменив их по числу слогов звездочками: «Чтоб подоспел*** ****» — (ПД 851, л. 71).

¹⁸⁶ Подснежник. СПб., 1829. С. 188. В написании этого примечания можно предположить участие С. П. Шевырева.

¹⁸⁷ «Общее мнение признало *Северные Цветы* лучшим по содержанию русским альманахом. *Подснежник* идет к нему под пару, и его появление порадовало нас, потому что оно показывает богатство нашей поэзии». Столь лестный отзыв о «Северных цветах» и о «Подснежнике» неслучаен — оба альманаха были собраны в салоне барона А. А. Дельвига и их обсуждали там в присутствии Пушкина. В 1832 г. эпиграмма была опубликована в третьем томе «Стихотворений А. Пушкина» (отдел «Стихотворения 1829 г.», с. 32).

„Приметы” и утешил „Литературным известием”: пусть сам он повторит его нашим читателям»¹⁸⁸. Далее шел текст эпиграммы.

Вопросы, затрагивающие обстоятельства публикации эпиграммы, в частности: каким непосредственным событиям 1829 года была посвящена эпиграмма и почему недостаточно было одной ее публикации, — этим вопросам до сих пор не уделялось должного внимания пушкинистами. Вряд ли можно считать удовлетворительным комментарий, в котором сообщалось, что эта «эпиграмматическая шутка Пушкина высмеивала архаические пристрастия Каченовского, присоединяя его к забытым писателям XVIII века», что эпиграмма пародировала «рекламные объявления (в прозе) о новых журналах, которые печатались под рубрикой „Литературное известие”»¹⁸⁹. Все было значительно серьезней.

Совершенно очевидно, что непосредственным поводом для помещения эпиграммы в 1829 году в альманахе «Подснежник» оказалась публикация М. Т. Каченовским программы «Вестника Европы» на 1829 год, а вторичная публикация пушкинской эпиграммы связана с критическим разбором программы «Вестника Европы» Н. А. Полевым. В статье «Новости и перемены в русской журналистике на 1829 год» он писал:

«Недавно, „Московский Вестник” объявил, что у нас в литературе *междущарствие*. <...> (Московский Вестник № 21 и 22, стр. 190) и раздался голос Вестника Европы: <...> „Законы словесности молчат: надобно, чтобы голос их доходил до слуха любознательного, который не услаждается звуками кимвала бряцающего и меди звенящей! Время обратиться к правилам, самую мудростью извлеченной из бессмертных творений!”. И под звуками кимвалов бряцающих и меди звенящей, груз правил внезапно на журнальное поприще в лице Вестника Европы, чем, вероятно, и прекратится междущарствие, возмеченное „Московским Вестником”».

Далее Н. А. Полевой дал краткую историческую справку о литературных «заслугах» «Вестника Европы» и ожиданиях читателей («нынешний год в куньих мордках»¹⁹⁰ и ученических исследованиях об Истории Русской все думали слышать последний вздох „Вестника Европы»»), так как давно не появлялось в журнале «ни выходок на Романтизм, Философию и поэмы Пушкина, ни возгласов о былом, с Латинскими цитатками, и с тех пор, как всеобщий смех не дал „Вестнику Европы” докончить критику на „Черную шаль” и „Полярную звезду”, он замолк, довольствуясь литературными камешками, из-за угла кидаемыми. Но дух перемен грянул над „Вестником Европы”, и 16-я доля № 18-го на сей год занята объявлением», в котором Каченовский писал: «Желаю еще потрудиться, беру на свою ответственность составление и печатание, остаюсь в уверенности, что новые хлопоты вознаграждаются существующими удобствами». Подобное заявление в устах издателя журнала, продолжающегося 26 лет и постоянно теряющего свое влияние, по мнению Полевого, рождало чувство умиления у читателя, которое сменилось негодованием, когда Каченовский заявил,

¹⁸⁸ Московский телеграф. 1829. № 8. С. 482.

¹⁸⁹ Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века). Л., 1988. С. 598. (Б-ка поэта: Большая серия).

¹⁹⁰ Имеется в виду статья Каченовского «О белых лобках и куньих мордках», опубликованная в «Вестнике Европы» (1828, № 13).

что «в неизмеримой области Истории едва проложены тропинки <...> Сколько побуждений к деятельности! С другой стороны видим *беспомощное состояние литературы*, чудные распри не за правое дело, а за неверные выгоды первенства, усилия партий водрузить знамена свои *на земле, которая не была возделываема их трудами*. Законы Словесности молчат при звуках журнальной полемики. Надобно, чтобы голос их доходил до слуха любознательного, который не услаждается звуками кимвала бряцающего и меди звенящей». Вполне закономерно, что после такого пассажа Н. А. Полевой поднял вопрос о непосредственном вкладе самого Каченовского в развитие русской литературы:

«Но *кто* сделал до сих пор Издатель „Вестника Европы“? Где *его* права, и на какой возделанной *трусами* земле, он водрузил свои знамена: где, за каким океаном, эта обетованная земля? <...> С 1805 года нынешний Издатель „Вестника Европы“ начал свое дело, и — теперь только вздумал, что уже *время* трудиться *самому*. Оспаривая у других право литературного суда, он дает повод у него потребовать доказательств на его права: где они? Журнальные статейки, выходки на Карамзинных, Жуковских, Буле, Калайдовичей, полдюжины диссертаций из чужих материалов, переделка статей Баузе, перевод вздорного романа („Тереза и Фальдони“), перекроение с польского Хрестоматии Якобса; смешные споры, коими пестрился иногда „Вестник Европы“: вот все, чем устилал себе Издатель „Вестника Европы“ дорогу в храм литературного бессмертия в течение 25 лет! Ни одной книги достойной внимания, ни одной самобытной замечательной статьи в 25 лет и г-н Издатель говорит о кимвалах бряцающих и меди звенящей!»¹⁹¹

Той же теме, что и статья Н. А. Полевого, посвящена статья Пушкина «Общество Московских литераторов» (1829): «Несколько Московских литераторов, приносящих истинную честь нашему веку как своими произведениями, так и нравственностью, видя беспомощное состояние нашей словесности и наскуча звуками кимвала звенящего, решились составить общество для распространения правил здоровой критики Курганова и Третьяковского, и для удержания отступников и насмешников в границах повиновения и благопристойности» (XI, 85). Мы сокращаем цитацию, отсылая читателя к полному тексту пушкинской статьи, и возвращаемся к эпиграмме, чтобы отметить, что, несмотря на жанровые различия, в обоих пушкинских текстах действуют одни и те же «герои».

Однако художественная структура эпиграммы довольно сложна. Действие ее разворачивается во времена архаические. Место действия — Элизиум, легендарная страна подземного мира, где, согласно мифологии, живут герои, праведники и блаженные люди (Диомед, Ахилл, Кадм, Менелай), где царствует Кронос (один или вместе с Радамантом). Но в Элизиуме пушкинской эпиграммы вместо героев греческой мифологии обитают русские писатели. Это совмещение вводит в поэтическую структуру эпиграммы несколько временных регистров: *архаический* регистр, введенный словом «элизиум», регистр *XVIII века*, введенный именами литераторов, и третий — *современный автору регистр*, введенный в пуанте «Михайло <Каченовский>». К. Н. Батюшков, в свое время, отвергнув поэтическую формулу «*гелюсти времен*», предложил вместо нее использовать «*кладези времен*», так как «*можно предположить времена разлит-*

¹⁹¹ Московский телеграф. 1828. Ч. 23. № 20. С. 489—493; ценз. разр. 28 ноября 1828 г.

ные, то есть разлитные эпохи, следственно, и кладези, и времена во множественном». Думается, что Пушкин был хорошо знаком с этим письмом. Именно в нем Батюшков пишет: «Под небом Италии моей, именно моей. У Монти, у Петрарки я это живьем взял, quel benedetto моей! Вообще итальянцы, говоря об Италии, прибавляют моя. Они любят ее, как любовницу»¹⁹². Не отсюда ли пушкинское «Под небом Африки моей»¹⁹³? (VI, 26).

Если данных доказательств о знакомстве Пушкина с письмами Батюшкова недостаточно, будем говорить о типологическом сходстве использования нескольких временных регистров у Пушкина и Батюшкова, с той лишь разницей, что у Пушкина семантическая нагрузка временных пластов в эпиграмме усилена приемом «бессмыслицы», заложенным в семантике слова «блаженный».

Согласно «Словарю языка Пушкина», слово использовалось им в следующих значениях: 1) невозмутимо счастливый, 2) юродивый, почитаемый святым, 3) глупый, придурковатый¹⁹⁴. В определении «элизиума» как страны блаженных нет конкретизации, это может быть страна людей счастливых и благоденствующих, как в мифологии, и в то же время — страна людей с ощутимым сдвигом в сознании (т. е. сумасбродных, помешанных, юродивых).

Эта семантическая неопределенность заявлена и в перечне литераторов XVIII века, которые являются современниками Третьяковского. Первым назван Николай Никитич Поповский (ок. 1730—1760) — любимый ученик и соратник Ломоносова, за которого Ломоносов хлопотал и перед канцелярией Академии наук, и перед попечителем Московского университета графом И. И. Шуваловым¹⁹⁵,

¹⁹² Батюшков К. Н. Соч. Т. 3. С. 455—456; quel benedetto — это несносное (*итал., разг.; курсив мой.* — Н. М.)

¹⁹³ В первом издании главы Пушкин увел читателя в сторону, сопроводив этот фрагмент обширным автобиографическим комментарием: «Автор, со стороны матери, происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал на 8 году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь» (VI, 654—655). В издании 1833 г. Пушкин сократил это примечание до простой ссылки: «См. первое издание Евгения Онегина» (VI, 192).

По сути, Пушкин прокомментировал только казуальность упоминания Африки в автобиографическом контексте. Подобное комментирование строки стало традиционным (Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 173). Н. Л. Бродский дополнил пушкинское примечание реминисценцией из пушкинского письма к Н. Языкову от 20 сентября 1824 г.: «Он думал в охлажденьи Леты о дальней Африке своей» (Бродский Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1932. С. 52—53). В Набоков, приведя перечисленные выше объяснения, дополнил их реминисценцией из «Анчара», в котором строка «природа жаждущих степей» звучала вначале как «природа Африки моей» (Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 199).

Никто из комментаторов не обратил внимания на местоимение «моя» и на соотношение пушкинской строки с письмом Батюшкова. Соотношение это, думается, неслучайно: Бродский отметил в той же строфе «Евгения Онегина» в строке «Маню ветрила кораблей» присутствие реминисценции из стихотворения «На развалинах замка в Швеции» (1814) Батюшкова: «О, вей, попутный ветер, вей тихими устами/ В ветрила кораблей».

¹⁹⁴ Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 132. Согласно словарю В. Даля, производные от слова «блажь» распадаются на два противоположных разряда, а часто даже двусмысленны. (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1935. Т. 1. С. 97).

¹⁹⁵ Модзалевский Л. Б. Ломоносов и его ученик Поповский: (О литературной преемственности)// XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 111—169; Белявский М. Т. Ученик и соратник

и против которого так рьяно боролся Тредиаковский¹⁹⁶. Вторым назван противник Ломоносова — *Иван Перфильевич Елагин*¹⁹⁷ (1725—1794), стихотворение которого «Эпистола к г. Сумарокову» (известная в списках как «Сатира на петиметра и кокеток», 1753) вызвала серию резких сатир и эпиграмм, как со стороны Ломоносова, так и со стороны Тредиаковского. Далее назван *Николай*

Ломоносова Н. Н. Поповский // *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. С. 177—208. Тема получила детальное освещение в работах исследователей, поэтому мы приведем здесь лишь некоторые материалы для исторического колорита.

5 февраля 1753 г. Ломоносов в собственноручном рапорте в Канцелярию Академии наук о своем ученике писал следующее: «Николай Поповский, заданные ему от меня разные материи стихами сочинял и переводил весьма изрядно, и ныне имеет опыт своего искусства в переводе стихами, который уже по соизволению Канцелярии Академии наук к печатанью отдан. Того ради, по моему рассуждению, весьма достоин, чтоб его, Поповского, за его особливую в красноречии способность отличить от прочих студентов чином и жалованием и отделить квартиру от их общежития, чтобы он, с хорошими людьми обращаясь, привык к пристойному обхождению; ибо между студентами, которые пристойного воспитания не имели, и для своей давней фамильярности не без грубости поступают, учтивых поступков научиться нельзя» (Материалы для биографии Ломоносова, собранные экстраординарным академиком Билярским. СПб., 1865. С. 190).

5 августа 1753 г. Ломоносов писал в письме к И. И. Шувалову: «Получив от студента Поповского перевод первого письма Попиева „Опыта о человеке“, не могу пременить, чтобы не сообщить Вашему Превосходительству. В нем нет ни единого стиха, который бы мною был поправлен. Я весьма опасаясь, чтобы его в закоснении оставили. Он давно уже достоин произведения. Ныне есть место ректорское в гимназии, после ректора Ротгаккера, которое он весьма способно управлять может, зная латинский язык совершенно, и притом изрядно разумея греческий, французский и немецкий; а о искусстве в российском <языке.— Н. М.> сей пример об нем свидетельствует. Для того и профессор Фишер, который сам был долго ректором, весьма его к этой должности одобряет. Тредиаковский, хотя кажет вид, что то же хочет делать, однако отнюдь верить нельзя, и больше, чаю, противное сделать намерен» (Материалы... С. 215—216).

¹⁹⁶ 22 декабря 1753 г. Тредиаковский, в рецензии на студенческий диспут, относительно выступления студента Поповского писал: «...что до русских стихов ямбических гекзаметров студента Поповского; то, понеже стих. 4, 6, 9, 10, 12, 15, 20, 27, 32, 33, 35, 40, 41, 42, 47 неправильны в своем составе, и противны природе, того ради не могу сих токмо стихов одобрить, пока они в надлежащее им не приведутся падение; хотя с другой стороны и ведаю, что сей погрешности не студент Поповский есть причиною, но учивший его сложению стихов господин советник и профессор Ломоносов, у которого такой порок в гекзаметрах очень часто находится: да и взялся он быть тому учителем как в противность Академическому регламенту, так и мне в незаслуженное предосуждение, и толь в наипаче, что он уже тем славится дерзновенно, как то и учинил действительно в чрезвычайной профессорской конференции, бывшей октября 3 дня 1753 года, когда при многом <...> первенстве профессорства своего и пред всеми председательства кричал, что он один здесь отправляет давно должность профессора Красноречия и Стихотворства» (Материалы... С. 247).

¹⁹⁷ Елагин играл значительную роль в русском масонстве и активно поддерживал восшествие Екатерины II на престол. Впоследствии он, как и Храповицкий, стал соавтором императрицы по некоторым ее литературным произведениям и членом Российской академии с самого ее основания. Он считался одним из родоначальников раннего славянофильства. Фонвизин, будучи его секретарем с 1763 по 1769 г., вначале во многом ему подражал. В 1790 г. Елагин начал «Опыт повествования о России», доведенный им до 1389 г. и опубликованный уже после смерти автора в Москве в 1803 г. (*Дризен Н. В.* Иван Перфильевич Елагин // *Русская старина.* 1893. Т. 80. С. 117—143; *Лонгинов М. Н.* Иван Перфильевич Елагин // *Русская старина.* 1870. Т. 2. С. 197—200).

Гаврилович Курганов (1726–1796) — преподаватель математики и навигации в Морской академии (с 1746 г.), соратник Ломоносова по 50-м годам, воспринявший его филологические идеи автор «Российской универсальной грамматики» (1769) (в последующих изданиях названной «Письмовником»).

Генезис эпиграммы «Литературное известие» восходит к традициям литературного общества «Арзамас», в сатирических произведениях членов которого их литературные оппоненты — члены общества «Беседы любителей российского слова» — изображались в виде людей с явным сдвигом в сознании¹⁹⁸. В «Парнасском адрес-календаре, или Росписи чиновных особ, служащих при дворе Феба и в нижних земских судах Геликона, с краткими замечаниями об их жизни и заслугах, собранных из достоверных источников для употребления в благошляхетном Арзамасском обществе» (1816–1820) А. Ф. Воейкова о князе Шихматове сообщается, что он — «член противной стороны здравому рассудку, пишет неведомо что, неведомо для кого; сочинитель песен, которых никто не поет, и книг, которых никто не читает»¹⁹⁹. Для членов «Беседы» было традиционным вести свою генеалогию от Третьяковского, что неоднократно обыгрывалось в пародиях и сатирических произведениях карамзинистов²⁰⁰.

Следуя традициям арзамасцев, Пушкин использует классическую парную рифмовку²⁰¹, зарифмовывая последнюю и предпоследнюю строки:

И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайло <Каченовский>.

¹⁹⁸ Изображение безумия в творчестве Пушкина многообразно и является темой самостоятельного исследования (см., например, работу Я. Л. Левкович. Стихотворение Пушкина «Не дай мне бог сойти с ума» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. X. С. 176–192). Детальное рассмотрение этой темы уходит за рамки настоящей работы. Поэтому отметим лишь одно свидетельство Е. Баратынского, который рассказывал Елагиным, что стихотворение «Не дай мне бог сойти с ума» (III, 322) было напечатано не полностью, якобы существовали еще две строфы, где выражалась несвязность мыслей сумасшедшего. Издатели, не поняв этого, искали смысла в этих стихах и, как бессмысленные, откинули (Из рассказов о Пушкине, записанных со слов его друзей П. И. Бартеневым. С. 373).

¹⁹⁹ Эпиграмма и сатира в истории литературной борьбы XIX века / Составил В. Орлов. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 550. Атрибуция П. Бартенева (Русский архив. 1866. С. 761).

²⁰⁰ Например, в «Певце на биваках у подошвы Парнаса» (1825) А. Писарева (Цит. по: Эпиграмма и сатира... Т. 1. С. 212):

Но кто по воздуху жужжит	И Телемака охладить
Пчелой трудолюбивой?	Умел скорей Минервы;
Кто Ломоносова бранит?	Кто дюжинным набором од
Се тот певец спесивый,	Свой стыд увековечил
Кто рифму с смыслом различить	И чей двукратный перевод
Умел в России первый,	Роллена изувечил.

Шарль Роллен (Rollin; 1703–1768) — французский филолог и историк, автор «Древней истории» (12 т.) и «Истории Рима» (9 т.). См. также раздел статьи об эпиграмме «Там, где древний Кочерговский...»

²⁰¹ Точная рифма была использована в 1826 г. А. Писаревым (Цит. по: Эпиграмма и сатира... Т. 1. С. 216):

Тайком ползет под альманах
Бездушный Каченовский;
Во всех обруган он листах,
И все кричат: таковский.

Созвучно этой рифмовке вводится параллелизм по смыслу первой и последней строки эпиграммы:

В Элизии Василий Тредьяковский...
Чтоб подоспел Михайло <Ломоносов>

Так реализуется двойная рифмовка, так как рифма «Тредьяковский — Михайло****» по семантической инерции влечет за собой обе фамилии (и «Каченовский», и «Ломоносов»). Этот прием можно определить как умение «рифму с смыслом разлугать», благодаря чему в пушкинской эпиграмме Каченовский выведен в двух ипостасях: и как «Василий Тредьяковский», и как «Михайло****». Двойственность приводит к бессмыслице, которая, начинаясь с позитивной характеристики («преострый муж, достойный много хвал»), в финале приобретает смысл скандального разоблачения²⁰².

Отношение Пушкина к Ломоносову также было неоднозначным. В «Путешествии из Москвы в Петербург» он пишет: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции ничто иное, как исправный чиновник, а не поэт, вдохновенный свыше, не оратор, мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полу-славянская, полу-латинская, сделалась было необходимостью: к счастью, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова. В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. <...> Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности, вот следы, оставленные Ломоносовым» (XI, 249)²⁰³.

Объединение имен Ломоносова и Каченовского восходит к фактам биографии последнего. Среди критических работ Каченовского есть статья, которую, как образцовую, заучивали наизусть в университетах и гимназиях, — это «Рассуждение о похвальных словах Ломоносова». Ее научную ценность Н. А. Полевой определил, как ничтожную, отметив, что издатель «Вестника Европы» сумел лишь доказать, что «Ломоносов переводил целыми страницами из латин-

Последующие строки были еще более беспощадны:

Твой Вестник ценят все ни в грош;
Он дурен для Европы,
Но для России он хорош,
А именно для <...>.

²⁰² Ср. в «Борисе Годунове» тираду Шуйского:

Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...

(VII, 7)

²⁰³ См. также: *Иезуитов А. Н.* Пушкин и Ломоносов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. XIV. С. 214–219.

ских писателей»²⁰⁴. Действительно, из-за объемных цитат схоластическая риторика Каченовского²⁰⁵ слилась воедино с «полуславянской, полулатинской», риторикой Ломоносова.

В поэтической системе пушкинской эпиграммы объединение имен «Каченовского — Тредиаковского — Ломоносова» наглядно иллюстрирует пребывание Каченовского в нескольких ипостасях. Прием этот влечет за собой еще одну семантическую нагрузку, а именно вводит истинное отношение автора эпиграммы к «литературному известию», которому эпиграммист отказывает в социальной актуальности. Автоматически это переносится и на опубликованную программу «Вестника Европы» на 1829 год, послужившую непосредственным поводом для появления эпиграммы. Так пушкинская эпиграмма оценила Каченовского как издателя «Вестника Европы»²⁰⁶.

²⁰⁴ Московский телеграф. 1828. Ч. 24. № 23. С. 367.

²⁰⁵ Ср.: «Вознамерившись рассмотреть Похвальные слова Ломоносова, я должен был упомянуть о заслугах его в Российском языке; ибо читая прекрасную прозу его, пленяясь страстными и звучными периодами, удивляясь изяществу речений, непростительно было бы потерять из виду хотя одну минуту, что сам он был творцом своего красноречия». «Из примеров, которые переводил он для своей Риторике, из самых Похвальных Слов, о которых я говорить намерен, и вообще из всех его творений очевидно открывается, что он любил тех древних Писателей, по которым все новейшие образовали свои дарования, а отнюдь не прилеплялся к мелочной словесности чужестранной, хотя и в его уже время мода переписывала законы своим поклонникам, и заставляла их почитать мишуру за чистое золото. Воспомянув о славе Авторов, он говорит: „Счастливы Греки и Римляне перед всеми древними Европейскими народами. Ибо хотя их владения разрушились и языки их из общественного употребления вышли; однако из самых развалин сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен громкий голос писателей, проповедующих дела своих героев... Кто о Гекторе читает без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину? Возможно ли внимать Горациевой лире, не склоняясь духом к меценату, равно как бы он нынешним наукам был покровителем?“ Вот куда устремлял он свое внимание <...> он желал, чтобы и Российская словесность могла подобными же хвалиться, желал и повторил страшную, непреложную истину, что с падением природного языка не мало затмится слава всего народа» (Труды общества любителей российской словесности при императорском Московском университете. М., 1812. Ч. 3. С. 80—82).

²⁰⁶ Ср. с довольно лирической оценкой журнала А. Писаревым в «Певце на биваках у подошвы Парнаса» (1825) (Цит. по: Эпиграмма и сатира... Т. 1. С. 214):

Сей кубок Вестнику, друзья!
 Журнал, где мы впервые
 В печати видели себя
 В дни юности златые!
 Тогда он нас не вызывал
 На бой для злобной шутки;
 Он наши оды помещал
 И наши незабудки!
 <.....>
 В журнале сем повсюду взгляд
 Предметы видит милы;
 Там колыбели наших чад
 И наших чад могилы;
 Там мы к бессмертию ползли,
 Оно от нас бежало!
 Там всё, что мы в сей век прочли,
 И всё, что нас читало!

*
* * *

В № 8 «Московского телеграфа» (с. 408) (ценз. разр. 23 апреля 1829 года) опубликована еще одна пушкинская эпиграмма, адресатом которой также является Каченовский:

ЭПИГРАММА

Там, где древний Кочерговский
Под Ролленем опочил²⁰⁷,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил:
Дурень, к солнцу став спиною,
Под холодный Вестник свой
Прыскал мертвою водою,
Прыскал Ёжицу живой.

А. Пушкин

Прим. «Московского телеграфа», с. 510: «В стихах, на стр. 408-й, сего № в 3-й строке снизу, опечатка. Вместо: *Вестник*²⁰⁸, след. чит. *Веник*».

Значительно позже Кс. Полевой в своих «Записках» вспоминал реакцию Каченовского на пушкинские эпиграммы: «Каченовский страшно злобствовал на Пушкина, сначала за его сочинения, а окончательно за Курилку-журналиста, за Зоила, за *подкольный* Вестник и проч.»²⁰⁹.

Широкого резонанса эпиграмма среди читающей публики не получила. Споры о ее поэтической структуре разгорелись лишь в 30-е годы XX столетия. Разногласия между пушкинистами сводились к интерпретации 6-й строки («под холодный Вестник» или «подкольный Вестник»). М. С. Альтман предложил второй вариант, мотивируя это одновременным употреблением в эпиграмме глагола «прыскать» в переходной и непереходной формах, что, по его мнению, противоречит грамматике.

Б. В. Томашевский решительно выступил против вторжения в пушкинский текст, показав несостоятельность аргументов своего оппонента. Исследователь отметил семантическую значимость «мертвой и живой воды», подчеркнув, что она встречается в «Руслане и Людмиле» (второе издание вышло незадолго до написания эпиграммы). «Мертвая вода целила раны, живая воскрешала труп. Под свой Вестник-веник Каченовский прыскал для исцеления ран, нанесенных противниками; ижицу он воскрешал». Однако Б. В. Томашевский вынужден был признать, что «*смысл эпиграммы несколько темен*», и сделал предположение о том, что он разъяснится тогда, когда будет обращено внимание на значение глаголов «ворожил и колдовал» и учтено будет магическое значение дальнейшего действия²¹⁰.

Т. Г. Цявловская считала, что смысл эпиграммы сводится к тому, что «дурень», сказочный персонаж, делает все невпопад: к солнцу становится спиной

²⁰⁷ Слово «*опочил*» используется сразу в двух значениях: 1) «*уснул*»; 2) «*умер*».

²⁰⁸ То есть «Вестник Европы».

²⁰⁹ Исторический вестник. 1887, июнь. С. 555.

²¹⁰ Альтман М. С., Томашевский Б. В. К истории текста эпиграммы «Там, где древний Кочерговский...». С. 215–218.

(в данном случае: к истинному уму, знанию, науке), прыскает мертвой водой, которая, по сказочным представлениям, не может вернуть к жизни мертвое тело (то есть журнал Каченовского «Вестник Европы»). В то же время с помощью живой воды он оживляет давно вышедшую из употребления букву «ижица» (намек на архаическую реформу правописания «Вестника Европы»). Примечание, в котором противопоставляются «Вестник» и «Веник», дано для того, чтобы «отрезать Каченовскому пути к жалобе» в цензурный комитет²¹¹.

Однако понятие света является более широким. Подтверждение этому находим в Евангелии, которое гласит: «...свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны»²¹². В исследованиях А. Н. Афанасьева также указывалось, что, начиная с «первобытных племен, сложилось убеждение, что *мрак и холод*, враждебные божествам света и тепла, творятся другою могучею силою — *негистою, злою и разрушительною*». В то время как «самая стихия света есть божество, не терпящее ничего темного, нечистого...»²¹³ Такого рода представления не были чужды литераторам пушкинской эпохи²¹⁴.

Следующим аспектом изучения эпиграммы стало примечание, в котором унифицированы два предмета: «Вестник» и «веник». Обращение к этнографии и мифологии ничего не дало для понимания этого отождествления, потому что в этих сферах духовной жизни «утилитарная функция веника, как инструмента метения, сообщает ему противоположные свойства *густоты и негустоты*»²¹⁵. В качестве атрибута мифологических персонажей «веник-метла», может быть как орудием порчи и колдовства, так и средством защиты от них. Поэтому поиски объяснения семантики «веника» в пушкинской эпиграмме вышли в иную сферу.

В «Парнасском адрес-календаре» (1816—1820) А. Ф. Воейкова Каченовский характеризуется как «великий государственный архивариус, хранитель древней пыли, *обер-банщик торговых Гиппокренских бань*, бессменный член банного строения, церемониймейстер предбанников, ордена бани кавалер; *имеет грез плего веник на лыке*»²¹⁶. Метафорический смысл веника, как атрибута обер-банщика, прокомментировал П. А. Вяземский: «Каченовский печатал в „Вестни-

²¹¹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1959. Т. 2. С. 715—716.

²¹² Евангелие от Иоанна, гл. 3, стихи 19—21.

²¹³ Афанасьев А. Н. Живая вода и вещь слово. М., 1988. С. 123, 126.

²¹⁴ В обращении Каченовского к читателям в полемическом задоре издатель восклицает: «...как назвать статьи, наполненные единственно личностями, нахальством, наглым ругательством, статьи, внушаемые видом постыдного корыстолюбия? Какого ученого предмета, какого спорного мнения стали бы вы искать в нелепом пачканыи, где публичный атлет, или по собственному побуждению, или как орудие сугубой злонамеренности, навязывается с печатною бранью на людей, не принадлежащих к его приходу; где грубое барышничество гадерским кривляньем и криком скликает толпу к своему балагану; где всесветное невежество восхищается ничтожеством своим и в невежестве торжествует *мнимую победу тьмы над светом, безумия над здравым смыслом?*» (Вестник Европы. 1829. № 18, сентябрь. С. 142—143, курсив мой.— Н. М.).

²¹⁵ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 307—313.

²¹⁶ Эпиграмма и сатира... Т. 1. С. 548 (курсив мой.— Н. М.).

ке Европы” археологические статьи о банном строении²¹⁷. Дмитриев говорил, что он этими статьями прилипает к читателю, как банный лист»²¹⁸. В этом же контексте следует понимать и прозвище «Кочерговский» — так как наряду с венником (упомянутым Пушкиным в примечании к эпиграмме) кочерга также была неизменным атрибутом банщика.

Раскрыв семантику деталей, обратимся к идее, организующей художественную структуру эпиграммы. В первой строке Пушкин устанавливает масштаб историографической деятельности Кочерговского (Каченовского), связав его имя с именами В. Тредиаковского и Ш. Роллена. Привязанность Тредиаковского к Роллену известна²¹⁹. Тредиаковский перевел древнюю и римскую историю Роллена²²⁰. Тредиаковский воспринял многие положения трактата и изложил их в «Разговоре между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой, о всем, что принадлежит к сей материи»²²¹. Основная позиция в лингвистике Тредиаковского сводилась к установке на «двойное употребление» («двойственный диалект») литературного и разговорного языка, соотношение между которыми строилось на диглоссии²²². В 30-е годы XIX столетия лингвистические и исторические споры в России не затихали²²³ так же, как они не затихали во Франции, где с 1821 по 1827 год было издано два 30-томных собрания сочинений Роллена (первое под ред. Гизо, второе под ред. Летрона), в которые, помимо исторических работ, были включены его работы по орфографии и исторической грамматике.

²¹⁷ Статья Каченовского «О банном строении» была опубликована в «Вестнике Европы» (1812, № 17).

²¹⁸ Русский архив. 1866. С. 762, примеч. Поэтому трудно согласиться с исследователями, которые объясняют «исправление» опечатки («вестник» на «веник») стремлением автора предостеречь «возможную жалобу Каченовского на то, что в эпиграмме задета личность» (Русская эпиграмма... С. 599).

²¹⁹ Во время своего пребывания в Париже Тредиаковский слушал лекции Роллена по риторике во Французской королевской коллегии (1726–1728). Основные положения курса изложены Ролленом в «Трактате об образовании» («Traite des études»; 1726–1731) (*Кибальник С. А.* Об одном французском источнике эстетических взглядов Тредиаковского// XVIII век. Л., 1981. Сб. 13. С. 225).

²²⁰ Немецкое известие о русских писателях (1768). Сообщил М. Л. Михайлов. М., 1862. С. 27.

²²¹ *Винокур Г. О.* Орфографическая теория Тредиаковского// *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 468–489; *Алексеев А. А.* Эволюция языковой практики Тредиаковского// *Литературный язык XVIII века: Проблемы стилистики.* Л., 1982. С. 121 и след.

²²² *Успенский Б. А.* Тредиаковский и история русского литературного языка// *Венок Тредиаковскому.* Волгоград. 1976. С. 42; *Его же:* Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985.

²²³ *Тынянов Ю. Н.* Архаисты и Пушкин// *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968. С. 23–121; *Томашевский Б. В.* Вопросы языка в творчестве Пушкина// *Пушкин: Исследования и материалы.* М.; Л., 1956. Т. I. С. 126–184; перепечатано: *Томашевский Б. В.* Пушкин. Работы разных лет. М., 1990. С. 484–568; *Альтшулер М. Г.* «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» как политический документ (А. С. Шишков и Н. М. Карамзин)// *Russia and the West in the eighteenth century/ Newtonville (Mass).* 1983. С. 214–222.

Современная Пушкину поэзия уже сформировала устойчивую традицию изображения Третьяковского. У К. Батюшкова в «*Певце в Беседе славно россов. Эпико-лиро-комико-эпородитеском гимне*» Третьяковский упомянут как образец для подражания новоявленных литераторов и как последователь Роллена²²⁴. Пушкин расширяет эту традицию включением в парадигму третьего лица — М. Т. Каченовского, который пытался воскресить уже устаревшие исторические и филологические концепции Третьяковского.

В 1816 году Каченовский на собрании «Общества любителей русского слова при Московском университете» прочитал речь «О славянском языке вообще и в особенности о церковном»²²⁵, где пытался доказать, что старославянский язык деловой и светской письменности — разные, хотя и родственные, языки, что «древний, коренной славянский язык нам неизвестен... а нынешний церковный наш язык есть старинное сербское наречие»²²⁶. Как следствие своей лингвистической теории, он предлагал внести изменения в русскую орфографию²²⁷.

Вскоре А. Х. Востоков²²⁸ тактично и аргументированно оспорил²²⁹ утвержде-

²²⁴ Цит. по: Батюшков К. Н. Избранные соч. М., 1986. С. 204.

Но дух отцов воскрес в сынах!
Мы все для славы дышим;
Равно здесь в прозе и в стихах,
Как Третьяковский, пишем
<.....>
Се Третьяковский в парике
Намасленном с кудрями,
С «Телемахидою» в руке,
С Ролленом за плечами.
Почто на нас, о муж седой,
Вперил ты страшны очи?
Мы все клялись, клялись тобой
С утра до полуночи —
Писать, как ты, тебе служить,
Мы все с рассудком в споре,
Для славы будем жить и пить,
Нам по колени море!

²²⁵ Вестник Европы. 1816. № 17—18. С. 241—263.

²²⁶ Там же. С. 257.

²²⁷ Исторический взгляд на грамматику славянских наречий // Труды ОЛРС. 1817. Ч. 9. Кн. 13. С. 17—46.

²²⁸ Александр Христофорович Востоков (Osteneck; 1781—1864) — с 1815 г. — помощник хранителя рукописей Императорской публичной библиотеки, с 1828 г. — хранитель Императорской публичной библиотеки. Подробнее см.: Грег Н. И. Памяти Александра Христофоровича Востокова. СПб., 1864).

²²⁹ В начале 1820 г. Востоков писал Каченовскому: «Препровождая к вам, как к секретарю Общества любителей российской словесности *Рассуждение мое о славянском языке*, покорнейше прошу вас, Михаил Трофимович, представить от меня оное почтенному сему Обществу как слабый опыт соучаствования моего в упражнениях оного <...> я поторопился отправить к вам сии беспорядочно набросанные мысли и замечания. Чувствую, что они не привлекательны и исполнены скучных подробностей, но утешаюсь тем, что я писал для небольшого числа ученых, которые не отвращаются сухостью материи и из необработанной руды умеют извлекать золото. Может быть, сочинение сие в настоящем оного виде и неудобно для помещения в Труды Общества. В таком случае покорнейше прошу вас, милостивый государь, или того из господ членов, кому общество сие поручит, сделать нужные пере-

ния Каченовского. В работе «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим одного письменным памятникам»²³⁰, Востоков «определил народную основу старославянского языка как древнеболгарскую»²³¹. В своем «Рассуждении» Востоков «первый из русских лингвистов последовательно сопоставляет данные различных славянских языков и делает ряд открытий первостепенного значения. Так он определил звучание ряда древнеславянских букв, в частности юсов <...> существенные особенности старославянской фонетики, морфологии и отчасти синтаксиса»²³².

Каченовский же от теории перешел к практике и в «Вестнике Европы» в словах, заимствованных из греческого языка, стал употреблять своеобразную орфографию, с применением ижицы (Ϛ) и фиты (Ϙ), за что Батюшков в письме к Жуковскому в 1817 г. назвал его «**Ϙитолубцем**»²³³.

Но думается, что непосредственным поводом для написания пушкинской эпиграммы послужили не филологические труды Каченовского, а его критический разбор XII тома «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, где, говоря о Карамзине, Каченовский настойчиво проводил мысль, что талант критика более значим, чем талант историка. Оправдывая свою позицию, Каченовский писал: «Говорить неприятные истины о трудах живого автора без сомнения невыгодно по многим отношениям, но и ни сколько не зазорно, если суждения подкреплены доказательствами: отдать должное умершему, sine ira et studio»²³⁴, когда ни опасения, ни надежды не препятствуют действовать с благой свободой, есть приятнейшая обязанность для человека, привыкшего

мены в расположении сочинения, сократить или выкинуть, что признано будет лишним» (Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке в объяснительными примечаниями И. Срезневского // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности при Императорской академии наук. СПб., 1873. Т. 5. Вып. 2. С. XXXI—XXXII).

²³⁰ Труды Московского общества любителей российской словесности. М., 1820. Ч. 17. Кн. 25.

²³¹ Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX в. Л., 1980. С. 36.

²³² Цейтлин П. М. Значение А. Х. Востокова в славянской филологии // Studie z dejin svetovej slavistiky do polovice 19 Storocia. Bratislava, 1978. С. 321.

22 января 1820 г. М. Т. Каченовский писал А. Х. Востокову: «Сей час везу Председателю нашему превосходное Рассуждение ваше о славянском языке. Я прочел его с превеликом удовольствием, и нашел в нем много для себя поучительного. Мимоходом скажу вам, что я, написавши свое рассуждение, на которое вы ссылаетесь, имел о Сербском языке мнение самое ложное — какое имели и все до появления *грамматики* и потом *Словаря* Вука Стефановича. <...> Это самое заставляет меня рассуждение мое переделать и потом напечатать уже в другом виде» (Переписка А. Х. Востокова... С. XXXII—XXXIII. См. также: Колесов В. В. Поиски метода: Александр Христофорович Востоков // Русские языковеды. Тамбов, 1975. С. 88).

²³³ Батюшков К. Н. Соч. Т. 3. С. 447. Ср. в пушкинской эпиграмме на Ф. Глинку:

Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом.
Поэт *Фита*, не становись Фертом!
Дьячок *Фита*, ты *Ижица* в поэтах!
(II, 375; курсив мой. — Н. М.)

²³⁴ «Sine ira et studio, quorum causas procul habeo» — «Без гнева и пристрастия, причины которых я оставляю в стороне» — цитата из «Анналов» Тацита. В «Отрывке из литературных летописей» она использована Пушкиным как реминисценция из статьи Каченовского.

быть самим собою всегда, неизменно»²³⁵. В похвалах Карамзину сквозила явная издевка Каченовского над историографом, его сторонниками и читателями: «Немногие писатели, — провозглашал Каченовский, — столь самовластно господствовали над умами современников, как наш покойный Историограф, и немногие столь постоянно удерживали за собою право завидного повелительства в области литературы. Позволялось не иметь понятия о бессмертных образцах древней словесности, об источниках знаний и вкуса; но — не читать Карамзина значило бы не любить никакого чтения; не говорить о Карамзине было то же, что не пламенеть усердием к его славе; говорить об нем без восторга было то же, что обнаруживать (мнимое) зложелательство к его особе; находить погрешности в его писаниях — значило обрекать себя в жертву ядовитым ветреникам, или даже истугупленным гонителям»²³⁶. Пушкин, в противоположность Каченовскому, назвал Карамзина Колумбом²³⁷, открывшим для своих читателей Древнюю Русь, подобно тому, как знаменитый путешественник открыл европейцам Америку.

Значение «Истории государства Российского» Карамзина, по мнению Ю. М. Лотмана, заключается в том, что она стала «первой историей России. Открытие Колумба — событие мировой истории не только и не столько потому, что он обнаружил новые земли, а потому, что оно перевернуло все представление жителей старой Европы и изменило их способ мышления не меньше, чем идеи Коперника и Галилея. „История государства Российского“ Карамзина не просто сообщила читателям плоды многолетних изысканий историка — она перевернула сознание русского читающего общества. Нельзя уже было думать о настоящем вне связи с прошлым и без дум о будущем»²³⁸. Пушкин писал: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами хронике» (XI, 120). Пушкин четко провел грань веков и отдал Н. М. Карамзину первенство в историографии.

Согласиться с пушкинской позицией Каченовский не мог, так как сам претендовал на первенство в историографии и потому всеми способами старался принизить значение Н. М. Карамзина. Объясняя в 1819 году свое решение проанализировать одно лишь предисловие к «Истории государства Российского», он писал: «Мысль разбирать одно Предисловие, а не всю книгу, не так странна

²³⁵ Вестник Европы. 1829. № 17, сентябрь. С. 6.

²³⁶ Там же. С. 3—4.

²³⁷ Проблема «Пушкин и Карамзин» необъятна: по ней существует большая литература, мы перечислим лишь некоторые работы: Вацуро В. Э. Подвиг честного человека // Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1986. С. 359—361; Кожевников В. О «прелестях кнута» и «подвиге честного человека». Пушкин и Карамзин // Русский архив. 1990. № 1. С. 143—178; Вацуро В. Э. Встреча: (Из комментариев к мемуарам о Карамзине) // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 135—150; Эйдельман Н. Я. Карамзин и Пушкин: Из истории взаимоотношений // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 289—304; Томашевский Б. В. Эпиграммы Пушкина на Карамзина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. I. С. 208—209; Фесенко Ю. П. Эпиграмма на Карамзина: (Опыт атрибуции) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 293—296; Бекедин П. В. Несостоявшаяся атрибуция // Русская литература. 1981. № 1. С. 199.

²³⁸ Лотман Ю. М. Колумб русской истории // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 565.

в самом деле, как может она показаться с первого раза. Знаю, что многие совсем не заглядывают в предисловия; но кто? Невнимательные читатели»²³⁹. Реальная причина была намного прозаичнее: в то время Каченовский еще не располагал первым томом, под рукой были только «два французских перевода *Предисловия*: один Петербургский — полный; другой Парижский, с пропусками»²⁴⁰. А журналистская работа требовала учитывать временной фактор и конъюнктуру рынка. Реакция современников подчас сдерживала Каченовского. 12 июля 1820 года Каченовский писал Н. И. Гнедичу: «Не говорите Бога ради о критике на Историю. Досталось мне уже и за рецензию на одно лишь Предисловие: одни отворачивались от меня, другие не узнавали, третьи называли меня попеременно то сумасбродным, то опасным человеком, иные даже старались вредить мне по службе; Жуковский, выругавши меня добрым порядком в письме, прекратил со мной всякие сношения»²⁴¹.

В 1829 году Каченовский в критическом разборе XII тома «Истории государства Российского», сопоставляя «Историю Российскую» князя М. М. Щербатова²⁴² и «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, писал: «Несмотря на расстояние времени между окончанием одного труда и началом другого, несмотря на различие в средствах, в силах ума, в учености Карамзина

²³⁹ Вестник Европы. 1819. Ч. СIII. № 2. С. 117—118. П. Милюков видел обоснованность данного подхода в том, что Каченовский «воспользовался двумя французскими переводами предисловия, чтобы отметить, какие фразы русского текста переводчики сочли неудобным довести до сведения европейских читателей» (Милюков П. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. Т. 1. С. 254, прим.).

²⁴⁰ Там же. С. 118. Критика Каченовского, неодобрительно встреченная современниками, нашла признание у последующих историков, которые признали Каченовского как основателя «скептической школы» (Иконников В. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871. С. 15—25). «Вестник Европы», ведший с 1818 по 1830 г. незатухающую полемику с «Историей государства Российского», полемику, в которой приняли участие З. Ходаковский, Н. Арцыбашев, М. Погодин, Д. Зубарев и сам Каченовский, многие историки считают чрезвычайно плодотворным журналом. И. А. Кудрявцев отмечал, что хотя «не все их замечания в адрес Карамзина были правильны и не со всеми их решениями исторических вопросов можно согласиться, но даже это обстоятельство не лишает этих статей положительного значения, так как всем им было свойственно одно важное качество: они будили историческую мысль, содействовали развитию исторической науки. Из всех материалов о Карамзине, опубликованных в „Вестнике Европы“, наиболее видное место занимают статьи самого издателя журнала М. Каченовского» (Кудрявцев И. А. «Вестник Европы» М. Т. Каченовского об «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Труды Московского государственного историко-архивного института. М., 1965. Т. 22. С. 245—246).

²⁴¹ Русский архив. 1886. № 6. С. 972.

²⁴² Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790) — князь, автор «Истории Российской» (1-й и 2-й тома окончены в 1769 г., 3-й том — в 1772, 4-й том — в 1774). Цель истории он видел в лучшем знакомстве с современной ему Россией. В работе «О повреждении нравов в России» (1786—1787) он дал откровенные оценки восьми российским правителям от Петра I до Екатерины II. После его смерти Екатерина II потребовала от наследников предоставить ей весь архив Щербатова, однако ей была предоставлена лишь часть его, остальные бумаги были «сокрыты в недрах семейства» и опубликованы только в конце 1850-х гг. Ни декабристы, ни Пушкин, по всей видимости, ничего не знали о существовании щербатовских бумаг. Подробнее см.: Эйдельман Н. Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 27—28.

и князя Щербатова, оба писателя имеют много общего между собою: первый весьма часто следовал *системе* второго: имея в распоряжении своем пособия новейшие, пользовался источниками князя Щербатова...»²⁴³ Так, для иллюзии наукообразности Каченовский использовал ижицу (γ) в греческом слове «система», а закончил свой критический разбор XII тома следующим пассажем: «Оставим аллегорию, и просто пожелаем, чтобы у нас почаще выходили подобные книги, достойные Критики строгой и справедливой»²⁴⁴. Этим Каченовский оценил себя выше Н. М. Карамзина.

Пушкин не мог такого не заметить и в «Отрывке из литературных летописей» с явной иронией писал: «Приятно было нам приветствовать первые труды, первые успехи знаменитого редактора „Вестника Европы“. Его глубокие знания (думали мы), столь известные нам по слуху, дадут плод во время свое (в нынешнем 1829 году). Светильник исторической его критики озарит вышепомянутые тундры области бытописаний <...> Он не ограничит своих глубокомысленных исследований замечаниями о заглавном листе „Истории Государства Российского“ или даже рассуждениями о *кунных мордках*, но верным взором обнимет наконец творение Карамзина, оценит систему его разысканий, укажет источники новых соображений, дополнит недосказанное» (XI, 77). Деятельность Каченовского в перечисленных направлениях оказалась безрезультатной.

В первой же строке пушкинской эпиграммы обозначено истинное место Каченовского среди историков-ретроградов: Роллен — Третьяковский — Каченовский. Именно в этом порядке следует рассматривать заслуги Каченовского-историографа. Имя Карамзина не упомянуто в эпиграмме Пушкиным не столько потому, что в его защиту уже выступил Н. Полевой²⁴⁵, а скорее потому, что упоминать его вместе с именем Каченовского (как и с именем Булгарина) Пушкин считал неуместным. Однако несмотря на отсутствие имени Карамзина в тексте эпиграммы, оно негласно присутствует в ее художественной структуре, так же как имя Вольтера в художественной структуре «Собрания насекомых». Смысл пушкинской эпиграммы заключается не столько в том, что она направлена против Каченовского, сколько в том, что она выступает в защиту Карамзина²⁴⁶.

²⁴³ Вестник Европы. 1829. № 17. С. 10.

²⁴⁴ Вестник Европы. 1829. № 18. С. 121; *pia desideria* — благие пожелания, благие намерения (лат.).

²⁴⁵ «Но заметьте, как при слабости познаний и ограниченности обзора, издатель всегда был дерзок, и как в „Вестнике Европы“ всегда нападал он на все великое, новое и прекрасное. <...> Явилась История Государства Российского, соч. Карамзина. Никогда не отдавал ей издатель Вестника Европы никакой справедливости, называл других журналистов солдатами, которые отдают честь проезжающему генералу (Вестник Европы. 1818 г. XVIII, с. 125), точно так же, как назвал он Карамзина за его записку о достопамятностях Московских — плаксивою пташкою (Вестник Европы. 1818. № 13. С. 47). Потом принялся он разбирать предисловие к „Истории Государства Российского“, насмешил всех этим разбором, рассердился, замолчал и открыл убежище критикам на Карамзина; все печаталось у него в „Вестнике“, все и дошло до того, что в 1825 г. „История Государства Российского“ названа была перифразою „Истории“ Щербатова („Вестник Европы“. № 21. С. 21)» (Московский телеграф. 1828. Ч. 24. № 23. С. 372).

²⁴⁶ Этот же прием использован в эпиграмме «Стих каждый повести твоей...», направленной против Ф. Булгарина в защиту Е. Баратынского (См. выше).

Таким образом, три имени, упомянутые в пушкинской эпиграмме (Каченовский — Третьяковский — Роллен) связаны между собой историческими и лингвистическими параллелями. Лингвистические теории Каченовского и его выступление против XII тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина казуально обосновывают пуанту эпиграммы, в которой появляется ижица (Г).

*
* *
*

Эпиграмма Е. Баратынского, представленная вслед за пушкинской («Журналами обиженный жестоко...») в № 7 «Московского вестника» (с. 257—258) без подписи автора, наглядно иллюстрировала отстаиваемый Каченовским «двойственный диалект», а именно разделение языка на устный и письменный. Текст эпиграммы таков:

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИГРАММА»

Хвала, мастітый наш Зоіл!
Когда-то Дмитріев бесіл
Тебя счастлівымі струнамі;
Бесіл Жуковскій вслед за нім;
Вот бесіт Пушкін, как любім
Ты дальновідными Судьбами!
Трі поколенія певцов
Тебя, красой своїх венцов
В негодованье приводілі;
Пекись о здравіи своем,
Чтобы подобно первым трем
Другіе трі тебя бесілі.

Отметим, что Зоилом стали именовать Каченовского после его выступления против Карамзина. Таким образом, первая же строка эпиграммы выводит нас на полемику: Каченовский — Карамзин (без упоминания, как и у Пушкина, имени историографа) и на тему: «Каченовский — бездарный литератор».

Следующий объект уничижительной критики Каченовского, упомянутый в эпиграмме, — И. И. Дмитриев, издавший в 1805 году свои сочинения и переводы. Каченовский в «Вестнике Европы» выступил с их критическим разбором²⁴⁷. По этому поводу И. И. Дмитриев писал А. И. Тургеневу: «Вы дивитесь, что господин магистр Каченовский переменял ко мне свое высокоблаговоление. Чему дивитесь? Он узнал меня короче, узнал более мои недостатки и уверился, наконец, что в русской литературе два только светила: он со стороны вкуса, а Мерзляков в поэзии. Но тонкий вкус его не уважает даже и в Мерзлякове лирического таланта <...> к тому же он уверен, что мне защищать себя неприлично, а другие за меня не вступятся: всяк стоит за себя только. Правда, я не следовал сему правилу <...> Но, может быть, поступок мой отнесут более

²⁴⁷ Вестник Европы. 1806. Ч. 26. № 8. С. 278—300; Ч. 27. № 9. С. 42—54.

к моей простоте и неосторожности. <...> Вот какие чудеса может настроить один магистр!

Плюгавый выползок из... де Фонтеня!»²⁴⁸

И. И. Дмитриев в своих худших предположениях ошибался: в его защиту выступил Д. Н. Блудов, написав антикритику, которая в списках была известна современникам, но свет увидела только в 1869 году по автографу из архива князя П. А. Вяземского²⁴⁹.

В ней, в частности, говорилось:

«Г. Каченовский начинает свою критику утверждением, что хороший слог есть главное достоинство автора; „что один слог делает книги долговечными“. Истина неоспоримая, которую Вольтер любил повторять и которую прежде него доказали примером писатели века Людовика XIV... Но критик, сочиня похвалу хорошему слогу, или забывает поправить ошибки в своем, или думает, что следующие фразы: *степень вкуса, дело в том, как он рассказал... нигего от себя не выдумал, подражатель должен иметь столько или почти столько дарования, сколько; не имея редкого дарования писать слогом красивым, доброзвучным; заставит вас жалеть, для гего древний баснописец, и прочие, принадлежат к числу фраз красивых и доброзвучных. Смеем уверить его в противном... Мы уже сказали, что читатели худо верят тому, кто худо объясняется, а выписанные нами отрывки его критики довольно показывают, каков слог г-на рецензента. Но поставляет себе долгом заметить некоторые странности. На стр. 286-й слово *легко* с ударением на последнем слоге ему кажется ошибкою, а на странице 299-й он утверждает, что должно произносить не *состарился*, а *состарылся*. Трудно удержаться от смеха! Может быть, откровенный молодой человек, страстный любитель хороших стихов и страстный враг дурной прозы, читая рассуждения г-на Каченовского, имел бы нескромность сказать: „Г. Критик! Учитель писателей! Поучитесь сами писать“. Мы не будем так дерзки; но сия новая просодия, неслыханная между русскими, не дает ли нам права шепнуть ему на ухо: „Г. Критик! Поучитесь говорить“. Иностранцу простительно ошибаться в выговоре, но зачем же отдавать *свое произведение в пегать* и притом не спрося ни с кем? Поверьте, что такая предосторожность не лишняя; без нее мы подвергаемся опасности делать странные ошибки и называть иногда самую смешную комедию трагедией, а камень — Петром. (В № ... „Вестника Европы“ на стр. ... Мольерова комедия *Le Festin de Pierre* названа: *Петрово Пириество*, а в № ... на стр. ... издатель говорит о Лесажевой *трагедии Turcaret!!!*)»²⁵⁰*

Н. А. Полевой также отмечал у Каченовского слабое знание иностранных языков: «В 21 № сего года <...> без смеха нельзя читать, испещренной греческими, латинскими, французскими, немецкими цитатами, статьи о литературе. В греческом эпиграфе в 3-х строках пять ошибок. (Сам издатель „Вестника Европы“ знает по-гречески очень плохо: на это есть верные доказательства...)»²⁵¹ На замечания подобного рода Каченовский ответил в письме к Жуковскому от 24 сентября 1810 года: «Вы слишком уже хотите быть аккуратны в рассуждении латинского языка. Я учился языкам самоучкою так: читал грамматику

²⁴⁸ Письма 1806–1823 годов Ивана Ивановича Дмитриева к Александру Ивановичу Тургеневу // Русский архив. 1867. Стлб. 1072–1073. См. сноску 48.

²⁴⁹ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 117.

²⁵⁰ Там же. С. 268, 274–275; «Don Juan, ou Le Festin de Pierre» — «Дон Жуан, или Каменный гость».

²⁵¹ Московский телеграф. 1828. Ч. 23. № 20. С. 493.

и разбирал авторов, приискивая слова в лексиконе. Разве вы намерены сочинять на латинском языке?»²⁵² Как всегда, Каченовский ощущал себя талантливее любого своего оппонента. 25 октября 1810 года он писал Жуковскому: «Я теперь и наяву и во сне мечтаю о способах прославиться (!!!) и для того вознамерился поболее писать *своего собственного*. Не угодно ли поревновать мне? Решимся, любезный кум, оба добиваться прочной славы, во что бы то ни стало»²⁵³. После ухода Жуковского из «Вестника Европы» Каченовский продолжал нападки на него в своем журнале от имени Лужницкого старца и от лица жителя Бутырской слободы²⁵⁴.

Итак, три пушкинские эпиграммы, рассмотренные нами, образуют несобранный автором цикл. Вопрос о циклизации лирических и прозаических произведений имеет значение в теоретическом плане²⁵⁵. Помимо общего адресата между эпиграммами существует сюжетное единство. Каждая из эпиграмм рассматривает определенный аспект деятельности М. Т. Каченовского: как издателя «Вестника Европы» и общественного деятеля, как литератора и частного лица, как историка и лингвиста. Составной частью пушкинского цикла является и эпиграмма Баратынского, которая была опубликована без подписи автора и воспринята Каченовским как пушкинская. При публикации вне пушкинского контекста эпиграмма Баратынского теряет большую часть своей остроты и сепаративной нагрузки.

В создании эпиграмматического цикла по приведенным выше материалам ощущается участие князя П. А. Вяземского. Не только потому, что битва с Каченовским — его епархия, но и потому, что многое из задуманного им в 1819 году использовал Пушкин в 1829-м. К тому же Баратынский чувствовал себя с Вяземским свободнее, чем с Пушкиным. В марте — апреле 1829 года Баратынский писал князю: «Вы не можете себе представить, как Москва для меня без вас опустела! При вас я видался со многими людьми, с которыми теперь не вижу. Потому что уже не надеюсь встретить вас между ними. Вы были лентою, которая связывала нас в пук, а без вас он распался. Пушкин здесь, и я ему отдал ваш поклон. Он дожидается весны, чтобы ехать в Грузию. Я с ним часто вижу, но вы нам очень недостаёте. Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух математических линий. Необходима третья, чтобы составить какую-нибудь фигуру, и вы были ею»²⁵⁶.

²⁵² *Иезуитова Р. В.* Из неизданной переписки В. А. Жуковского // Ежегодник Рукоп. отд. Пушкин. Дома на 1979 г. Л., 1981. С. 91. Автограф — ПД, ф. 244, Онегинский архив, № 28075, л. 36 об.

²⁵³ Из неизданной переписки В. А. Жуковского... С. 102—103.

²⁵⁴ Вестник Европы. 1821. № 6. С. 119; 1821. Т. СХVII. С. 19—20.

²⁵⁵ Подробное освещение проблемы и литературу вопроса см.: *Ляпина Л. Е.* Литературная циклизация // Русская литература. 1998. № 1. С. 170—178.

²⁵⁶ Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 87—88. В этом же письме Баратынский пишет Вяземскому: «Я не отказываюсь от мысли что-нибудь выдать с вами: у меня набралось несколько стихотворных пьес, есть кое-что и в прозе. Пишите со своей стороны, а ежели, Бог даст, в мае увидимся, то и увидим, какое сделать употребление из наших материалов». Пушкин был в курсе данного предприятия, еще до приезда в Москву Вяземский писал ему: «Мы хотели также с Баратынским издать к маю нечто альманашное, периодическое. Ведь и ты пойдешь с нами...» (XIV, 39—40).

*
* * *

Подводя итоги, отметим, что в конце 1820-х годов поэтическая структура пушкинской эпиграммы значительно усложняется. В ней на первый план выходит техника эпиграмматического жанра. Пушкин вводит в оборот новые эпиграмматические формы, образованные на границе смежных жанров (например, басенно-эпиграмматическую). В эпиграмме он играет уже не словами, а значениями слов, что увеличивает семантическую нагрузку в несколько раз и усложняет восприятие эпиграммы читателем. Прием «вытеснения значения слова» заменяется прямо противоположным — «совмещением значений» и приемом «бессмыслицы, обретающей смысл». В систему литературных персонажей эпиграммы включаются не только упомянутые в тексте, но и подразумеваемые лица, в защиту которых эпиграмма создается. Так эпиграмматический текст выступает не только против какого-либо негативного явления, но в той же степени — в защиту позитивного явления, иными словами, он обретает амбивалентность. Удовольствие от создания эпиграммы, в финале получаемое эпиграммистом, проистекает не от использования удачной остроты, а от преодоления внешнего, как правило установленного цензурой, препятствия, мешающего ему открыто выступить в прессе. Позже о сходных обстоятельствах А. И. Герцен пишет: «Недомолвка всегда сильнее под своим покровом, всегда прозрачным для того, кто хочет понимать. Сжатая речь богаче смыслом, она острее; говорить так, чтобы мысль была ясна, но чтобы слова для нее находил сам читатель, — лучший способ убеждать. Скрытая мысль увеличивает силу речи, обнаженная — сдерживает воображение. Читатель, знающий, насколько писатель должен быть осторожен, читает внимательно; между ним и автором устанавливается тайная связь: один скрывает то, что он пишет, а другой — то, что понимает. Цензура — та же паутина: маленьких мух она ловит, а большие — ее прорывают. Намеки на личности, нападки умирают под *красными гернилами*: но живые мысли, подлинная поэзия с презрением проходят через эту переднюю, позволив самое большее, немного себя почистить»²⁵⁷.

²⁵⁷ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1975. Т. 3. С. 435

СОДЕРЖАНИЕ

Опыт реконструкции исторических записок А. С. Пушкина (На материале «Первой» и «Второй» программ)	3
Две молдавские песни из архива И. П. Липранди	160
«Роман на Кавказских водах» А. С. Пушкина (Опыт реконструкции замысла)	171
Опыт реконструкции несобранного эпиграмматического цикла (Особенности эпиграмматического жанра в творчестве А. С. Пушкина 1820–1830-х годов)	207

Мясоедова Н. Е.

М99 Пушкинские замыслы: Опыт реконструкции.— СПб.: СпецЛит, 2002.— 279 с.: ил.

ISBN 5-299-00154-1

Книга посвящена реконструкции неосуществленных замыслов Пушкина, среди которых исторические записки по праву занимают ведущее место, расширяя наше представление об осведомленности Пушкина в дипломатических вопросах эпохи и в тайной истории России. Реконструкция несобранного эпиграмматического цикла дается с публикацией новых архивных материалов о клане Перовских-Разумовских. Реконструкция неосуществленного романа на Кавказских водах дает новую версию последовательности работы Пушкина над прозаическим замыслом. Интересовавшие Пушкина в Кишиневе и считавшиеся утраченными, молдавские песни впервые публикуются по копиям из архива И. П. Липранди. Книга адресована филологам и историкам, а также всем, интересующимся отечественной историей и литературой.

Цитаты из произведений Пушкина даются по Полному собранию сочинений (т. I—XVI. Изд-во АН СССР, 1937—1949; «Справочный том», вышедший в 1959 г. обозначается как том XVII): римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

УДК 82.0 882.0

Научное издание

Наталья Евгеньевна Мясоедова

ПУШКИНСКИЕ ЗАМЫСЛЫ

Опыт реконструкции

Ответственный редактор *М. Ю. Чугорина*

Оформление обложки *С. В. Степанского*

Технический редактор *О. Е. Иванова*

Верстка *Е. В. Хомутовой*

Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3000 — книги и брошюры.

Лицензия ИД № 00072 от 10.09.99. Подписано в печать 20.01.2002.

Формат 70 × 100¹/₁₆. Гарнитура «Октава». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 22,6. Печ. л. 17,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 3018

Издательство «СпецЛит». 198005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-299-00154-1

9 785299 001549